ISSN 0130–2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

219

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 г.

Выпуск
219

Главный редактор
Н.А. МАКАРОВ

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Редакционная коллегия:
Л.И. АВИЛОВА (зам. главного редактора),
В.И. ЗАВЬЯЛОВ (ответственный секретарь),
Л.В. КОЛЬЦОВ, С.Н. КОРЕНЕВСКИЙ, В.Д. КУЗНЕЦОВ,
Н.В. ЛОПАТИН, Н.А. МАКАРОВ (главный редактор)

Рецензенты:
доктор исторических наук А.П. БУЖИЛОВА,
доктор исторических наук А.А. МЕДЫНЦЕВА

Краткие сообщения Института археологии / Ин-т археологии РАН. – М. : Наука, 1939. –. – ISSN 0130-2620.

Вып. 219 / гл. ред. Н.А. Макаров. – 2005. – 236 с. – ISBN 5-02-010344-6.

Выпуск посвящен итогам научной конференции "Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретация", прошедшей в ИА РАН в марте 2004 г. Публикуемые работы охватывают широкий круг проблем от археологии палеолита до изучения позднесредневековых материалов. Среди статей имеются как чисто публикационные, так и работы, рассматривающие методические аспекты полевых исследований, анализирующие отдельные выдающиеся находки и излагающие основные научные итоги выполнения многолетних полевых проектов. В разделе "Хроника" подводятся итоги работы Института археологии РАН в 2004 г. Основные положения публикуемых материалов содержатся в резюме на английском языке.

Для археологов, этнографов, историков.

По сети "Академкнига"

ISBN 5-02-010344-6

© Институт археологии РАН, 2005
© Коллектив авторов, 2005
© Российская академия наук и издательство "Наука", продолжающееся издание "Краткие сообщения Института археологии" (разработка, оформление), 1939 (год основания), 2005

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередной выпуск "Кратких сообщений Института археологии" подготовлен после кончины академика В.В. Седова – главного редактора этого издания и одного из инициаторов его возобновления в 2001 г. Редакторская работа В.В. Седова, опиравшаяся на более чем полувековую традицию этого издания, во многом определяла стиль и характер возобновленных КСИА. В.В. Седов рассматривал КСИА как одно из центральных археологических изданий, призванных оперативно публиковать результаты наиболее значительных исследований, выполняемых как в Институте археологии, так и в других археологических учреждениях России, и отдавал много сил и времени подбору материалов и статей. Многим авторам, приносившим свои работы в КСИА, знакома правка на страницах рукописей, сделанная аккуратным мелким почерком – легко узнаваемой рукой В.В. Седова. Весомость и научный уровень КСИА обеспечивался в том числе и присутствием собственных публикаций Валентина Васильевича – в этом издании им было помещено более 40 статей и заметок. Этот выпуск мы посвящаем светлой памяти Валентина Васильевича.

Дальнейшее существование КСИА как периодического издания предполагает сохранение сложившихся традиций и определенное обновление, учитывающее реалии и запросы современной археологии. Обилие и разнообразие сборников статей по археологической тематике, издающихся сейчас в России, предъявляет к материалам, отбираемым в КСИА, особые требования. Совершенствованию издания могло бы способствовать формирование тематических выпусков, издание в формате КСИА материалов наиболее важных конференций, более широкое привлечение авторов из регионов России, наконец, улучшение его полиграфического качества.

Основу 219-го выпуска КСИА составляют материалы научной конференции "Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации", состоявшейся в Институте археологии 4–5 марта 2004 г. Цели конференции заключались в представлении научных результатов крупных полевых работ, выполненных археологами Москвы за последние годы, в оценке новых материалов для осмысления историко-культурных явлений древности и средневековья, а также возможностей новых методов и приемов полевых исследований, обеспечивающих получение более полной информации об археологических объектах различных эпох. Организуя эту конференцию, мы исходили из того, что в условиях расширения объема полевых исследований в России, обозначившегося в последние годы, необходима не только оперативная публикация свежих материалов, но и специальные усилия по их осмыслению, широкое обсуждение наиболее заметных открытий,

ознакомление археологической аудитории с технологиями и приемами полевых работ, разработанными в различных экспедициях. Широкая аудитория, которую собрала конференция, показывает, что, несмотря на специализацию отдельных областей археологии, научные результаты крупных полевых проектов остаются в поле общего интереса. Поэтому проведение подобных конференций, посвященных итогам полевых работ, планируется сделать регулярным.

Статьи, подготовленные на основе докладов, различны по своему жанру. Среди них чисто публикационные материалы, работы, рассматривающие методические аспекты полевых исследований, публикации, сфокусированные на анализе отдельных выдающихся находок, наконец, работы, излагающие основные научные итоги многолетних полевых проектов. Представленные статьи показывают, что практически все области археологии в последние годы обогатились новыми материалами, существенно меняющими сложившееся ви́дение различных исторических эпох. Общей тенденцией, объединяющей исследования в разных областях, является неудовлетворенность ученых стандартами старой полевой документации (вполне добротной для своего времени), установка не столько на широкие масштабы раскопок и вскрытие значительных площадей, сколько на сбор более полной и разносторонней информации об отдельных эталонных объектах, раскрывающих характер древних и средневековых культур, стремление более широко использовать естественнонаучные методы для реконструкции палеосреды и хозяйства. Эти подходы в полной мере разделялись академиком В.В. Седовым, поддержавшим идею издания материалов конференции в специальном выпуске КСИА.

Директор Института археологии РАН,
член-корреспондент РАН
Н.А. Макаров

Н.Б. Леонова

КАМЕННАЯ БАЛКА II – СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СТРУКТУРЫ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

Современная археологическая наука, к счастью, обратилась к проблемам палеоэкологического моделирования первобытных систем природопользования и жизнеобеспечения, но находится пока в стадии накопления и переосмысления имеющегося материала и разработки методических приемов такого моделирования. Так как эта проблематика имеет значение для всех отделов археологии, хотелось бы вначале рассмотреть некоторые общие вопросы, касающиеся динамики формирования культурного слоя.

Если исходить из понимания культурного слоя любого памятника как сложной системы материальных остатков деятельности конкретной культурно-исторической общности, включенных в определенное геологическое образование и взаимодействующих с ним, то представляется необходимой разработка ряда методических приемов, направленных на изучение всех составляющих этой системы. Исследование должно быть направлено на выявление и определение меры влияния на динамику формирования слоя как антропогенных, так и природных факторов.

Антропогенные факторы отражают характер и интенсивность человеческой деятельности как системы адаптации к условиям окружающей среды, что проявляется в качественном и количественном составе культурных остатков и в значительной мере – в характере их размещения на дневной поверхности обитания, т.е. входят в область собственно археологических исследований. Антропогенные факторы отражают все разнообразие человеческой деятельности, зависящее от конкретных эколого-хозяйственных ситуаций, длительность использования того или иного участка, специфику хозяйственного освоения площади поселения (его планировку) и т.п.

Природные факторы связаны с различными условиями седиментации геологического/литологического слоя, вмещающего остатки человеческой деятельности, а также и последующих отложений, их взаимовлияния. Они необычайно разнообразны. Следует подчеркнуть, что время их действия не сопоставимо по протяженности со временем непосредственного отложения материальных остатков, т.е. временем существования поселения, и тем не менее они влияют на размещение (перемещение) последних и степень их сохранности. Поэтому необычайную важность при археологическом исследо-

вании приобретает по возможности максимальное различение тех или иных факторов формирования конкретного культурного слоя.

Представляется, что в "жизни" культурного слоя можно выделить три основных этапа, которые должны по-разному отражаться в его строении.

I этап – накопление антропогенного материала будущего культурного слоя, т.е. непосредственное отложение различных культурных остатков на древнюю поверхность обитания. При этом одновременно происходит и отложение различного по генезису природного материала, также в той или иной мере подвергающегося антропогенной переработке. Здесь существенны не только численность коллектива, живущего на стоянке, длительность обитания, набор хозяйственных процедур, которые находят свое отражение в специфике скоплений культурных остатков, но и то, в каких климатических условиях это происходило. Известно, что на поселениях выпадают во вмещающую породу, как правило, вещи отброшенные, утерянные, сломанные, за исключением особых участков, где закономерности формирования слоя иные (например, строительные конструкции, производственные участки и ритуальные комплексы). Естественно, что предметы, попадающие на влажный грунт, иначе взаимодействуют с ним, чем с плотной, сухой, промерзшей или потрескавшейся поверхностью и т.д. Остатки любых конструкций и следы работ по их сооружению по-разному отпечатываются в мерзлом, плотном или сыпучем грунте. Подобных особенностей может быть множество, поэтому крайне желательно знать как можно больше о климатической ситуации в период сложения культурного слоя. Кроме того, в этот "период жизни" слоя материальные остатки подвергаются множеству механических воздействий, возможность их разрушения очень велика. Но характер этих воздействий в основном связан с человеческой деятельностью. В этот же период формируются и наиболее существенные текстурные изменения во вмещающей породе, такие как обожженность почвы в очагах, уплотнение грунта на местах большего скопления людей, изменения, связанные с рытьем ям для различных целей, и т.п. Очевидно, что на этом этапе формирования и бытования культурного слоя роль "человеческого" фактора особенно велика.

II этап – время бытования оставленного людьми памятника до его полного погружения во вмещающую породу, т.е. до погребения под более молодыми геологическими отложениями. Это период, когда культурный слой подвергается достаточно быстрым разрушениям. В это время очень велика роль природных факторов, которые определяют скорость погружения остатков в консервирующую среду, что зависит от активности различных геологических агентов седиментации. В этом процессе большую роль играют условия водного и воздушного режима, характер почвообразования, зависящий в свою очередь от типа растительности, от разнообразия, количества и даже поведения животных и т.д. Следует подчеркнуть, что для всех природных процессов разрушения культурного слоя характерен один общий момент – это нарушение специальной отсортированности, которую всегда вносит в материал человеческая деятельность, и замена ее на отсортированность, обусловленную природными законами. Например, наиболее легкие

предметы при смывах уносятся на более далекие расстояния, чем тяжелые, и т.д.

III этап – время существования культурного слоя в погребенном состоянии. Этап этот, как нетрудно предположить, самый длительный. Практика показывает, что в этот период на сохранность слоя существенно влияют процессы почвообразования, химизм и динамика подземных вод, деятельность роющих животных и пр. Хорошим примером могут служить культурные слои стоянок каменного века, залегающие в песчаных дюнах, где совершенно не сохраняется органика. Примеров трансформации культурного материала или разрушения культурного слоя на этом этапе его существования можно привести множество – дело лишь в том, что для корректного проведения археологического исследования необходимо учитывать специфику ведущих природных факторов.

Можно, конечно, выделить еще и **IV этап** в существовании слоя – период его раскопок и гибели, – и именно в это время антропогенный фактор, т.е. качество исследований, имеет решающее значение. Многие из результатов природных процессов могут быть прослежены в составе структуры, или текстуре, слоя. Это касается как материальных остатков, так и вмещающей породы, но достижимо лишь при тщательном полевом исследовании и максимально полной фиксации залегания и соотношения культурных и естественных образований.

Изучение сложных процессов взаимодействия в системе "человек – окружающая среда" требует от современного исследователя комплексного системного подхода, который предполагает использование различных данных, соединенных во взаимодополняющую и взаимопроверяющую систему. Решение многих проблем не может быть найдено в рамках одной дисциплины. Для того чтобы решать вопросы, связанные с динамикой формирования и сохранностью культурного слоя, необходимы дополнительные исследования характера древнего рельефа, его растительного покрова, водного режима, а также подробный анализ всех последующих условий, в которых существовал консервирующийся и погребенный культурный слой. Без подобного анализа невозможна выработка объективных критериев для оценки целостности структуры слоя.

Применение такого подхода к изучению культурных слоев памятников каменнобалковской культуры привело к получению достаточно убедительных результатов, что и будет показано ниже на материалах основного культурного слоя стоянки Каменная Балка II.

Памятники балки Каменной, относящиеся к каменнобалковской верхнепалеолитической культуре, располагаются в нижнем течении Дона, близ его впадения в Азовское море. Они были открыты М.Д. Гвоздовер в 1957 г. и с тех пор постоянно исследуются экспедициями Московского государственного университета (рук. М.Д. Гвоздовер, Н.Б. Леонова), а начиная с 1990 г. – и экспедицией ГИМ (рук. Н.А. Хайкунова). Замечательно в памятниках Каменной Балки то, что здесь сгруппировано несколько однокультурных, но разновременных поселений, что позволяет изучать и развитие конкретной археологической культуры во времени, и динамику адаптации общества к

подвижным условиям окружающей среды в финале плейстоцена. Все памятники представлены хозяйственным типом базовых стоянок, т.е. таких поселений, на которых жила основная часть населения и происходила активная и разнообразная хозяйственно-бытовая деятельность (*Leonova*, 1994; *Леонова*, 1999).

В группу исследованных и исследуемых памятников Каменной Балки входят стоянки Каменная Балка I, II, III (Третий Мыс).

Каменная Балка I вскрыта полностью, площадь памятника – около 600 м^2. Дата по C^{14}, полученная по костному углю из одного из очагов наземного жилого объекта, 14 670 ± 105 (AA-4797). Это небольшое по площади поселение существовало относительно недолго, возможно 2–3 сезона, о чем свидетельствует общий характер культурного слоя и четкая структура стоянки, где все ее элементы прекрасно читаются.

Каменная Балка II – необычайно интересный трехслойный памятник, где на верхнем (первом) и среднем (втором) слоях раскопано более 1500 м^2 сплошной площадью. Нижний (третий) слой простирается на значительно меньшую площадь – пока известно около 150–200 м^2. Все слои разделены четкими стерильными прослоями мощностью 30–50 см.

Нижний (третий) культурный слой датируется по археологическому материалу и геологическим условиям залегания 20–21 тыс. лет до наших дней, данные спорово-пыльцевого анализа не противоречат такой датировке. Это самое древнее поселение каменнобалковской культуры. Слой здесь не слишком богат находками, но тем не менее позволяет говорить о наличии разнообразных трудовых операций, что характерно для базовых стоянок.

Второй (основной) слой стоянки представлен значительно большей площадью, две трети которой уже раскопано. Основной слой имеет около 15 радиоуглеродных дат (Радиоуглеродная хронология... 1997; *Леонова*, 2003). Современный комплекс данных позволяет весьма достоверно датировать его существование концом 15 – серединой 16 тысячелетия.

Культурный слой очень богат, количество находок на 1 м^2 достигает на некоторых участках 3000–4000 предметов (обычно это те участки производственных зон, где шло активное расщепление кремня), в среднем же плотность находок – несколько сотен предметов на 1 м^2.

Фаунистические остатки позволяют судить о том составе животных, который привлекал древних охотников. Судя по ним, можно сказать, что он был достаточно разнообразен.

На этом поселении прослежено несколько жилых комплексов, похожих по устройству на те, что были исследованы на Каменной Балке I. Некоторые из них были одновременны, что подтверждается данными ремонтажа и аппликации. Кроме жилых объектов, здесь существовали обширные производственные зоны, отделенные от жилых участков. "Жилые площадки" и производственные зоны отличаются друг от друга по составу и характеру находок. Некоторые производственные участки "обслуживали" несколько жилых объектов.

Поселение, остатками которого является второй (основной) слой Каменной Балки II, посещалось его создателями, судя по наличию микрогоризон-

тов в пачке слоя, три раза. Длительность обитания в период каждого посещения и длительность перерыва между ними – вопросы очень сложные, так как проблема определения длительности обитания – вообще одна из сложнейших для палеолитоведения. Судя по имеющимся данным определения сезона добычи промысловых животных, можно предположить, что жили на этом поселении по 8–10 месяцев постоянно.

Верхний (*первый*) *слой* датируется по данным естественнонаучных исследований и археологическому материалу приблизительно 13 тыс. лет назад.

Стоянка Третий Мыс – трехслойный памятник, средний слой которого имеет дату 13400 ± 80 л. Памятник исследован далеко не полностью, пока здесь раскопано около 350 м^2.

Область распространения памятников каменнобалковской культуры – дельта Дона и западное побережье Азовского моря. Длительность бытования культуры в этом регионе – не менее 5 тыс. лет (20 000–18 000–13 000), а скорее и еще больше. Феномен столь долгого обживания одного района одной культурной общностью несомненно очень интересен в рамках исследования палеоэкологии. Так как природные условия в течение позднего плейстоцена менялись довольно резко, то в задачи исследования входило изучение стратегии и тактики жизнеобеспечения древних коллективов на фоне меняющихся условий обитания.

За долгие годы постоянных исследований накоплен и осмыслен огромный фактический материал, разработаны принципиально новые методики полевой и камеральной обработки, получены новые решения для ряда традиционных вопросов археологии каменного века. На памятниках каменнобалковской культуры постоянно ведутся широкие комплексные палеоэкологические исследования, к работе привлечены ведущие специалисты различных областей естественнонаучных дисциплин. Геолого-геоморфологическими исследованиями, которые были начаты еще при участии таких известных ученых, как В.И. Громов, В.И. Муратов и Г.Н. Родзянко, руководит С.А. Несмеянов, палеопочвенные исследования проводит С.А. Сычева, палеоботанические – Е.А. Спиридонова, палеозоологические – Э.А. Вангенгейм, В.С. Байгушева, А.К. Агаджанян и А.Л. Чапалыга. Все они являются в прямом смысле соавторами предлагаемого текста.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (РИС. I, II; 1)

Геолого-геоморфологические исследования были посвящены изучению характера покровных отложений, строения рельефа окружающей стоянку местности, истории формирования долины и ее бортов, на которых жили люди верхнего палеолита. В результате существенно изменились представления о стратиграфии покровных отложений, возрасте их сложения, характере рельефа во время заселения района (рис. 2) (*Леонова и др.*, 2001). Мы с уверенностью можем говорить, что первые обитатели балки Каменной (КБ II, слой 3) жили в условиях гораздо более сглаженного рельефа, чем в

Стратиграфическая шкала Юга Русской равнины [Спиридонова, 1991]				Материалы по району группы стоянок Каменная Балка		
Абсолютный возраст	Ступени верхнего звена неоплейстоцена подразделения	Региональные стратигра-фические подразделения	Палеоклима-тические фазы	Литологические пачки	Палинозоны	Индексы палинозон
4500	голоценовый подразделения	Поздний		"сера"	Преобладают полыни, злаки	33
8000		Средний			Преобладают маревые, полыни	32
10000		Ранний			Преобладают травы, сосна, береза, ель и широколиственные породы	31
					Преобладает сосна, есть ель	30
	позднии валдай	Ранний дриас	Стадиал	"бурo-палевая"	Господствуют маревые и полыни	29
15000		Плюсский	II половина межстадиала		Господствуют сосна и береза при участии злаков и маревых	28
			I половина межстадиала		Господствует сосна при участии березы, маревых и полыней	27
15500		Крестецкий	Стадиал		Много спор зеленых мхов, злаков и маревых	26
					Преобладают злаки	25
16000		Мстинский	II половина межстадиала	"палевая"	Преобладают полыни, есть маревые	24
					Преобладают береза, сосна и разнотравье	23
			I половина межстадиала		Преобладает сосна при участии разнотравья	22
					Увеличение роли древесных пород при господстве злаков и разнотравья	21
					Преобладание полыни при участии маревых	20
17000		Вепсовский	Стадиал		Преобладание маревых, много полыней	19
21000	среднии валдай	Начало максимума оледенения	Начало стадиала	"бурая"	Преобладание трав	18
		Брянский (Дунаевский) межстадиал	I половина межстадиала		Господствуют сосна, береза при участии разнотравья	17
32500					Господствует сосна при участии ели, ольхи, березы, широколиственных пород	16
					Господствует ель при участии сосны, ольхи и широколиственных пород	15

	средний валдай		Брянский (Дунаевский) межстадиал	Похолодание	Оптимум межстадиала	"буран"	Преобладает разнотравье	14
34000						"красно-буран"	Доминируют сосна и ольха, максимальное участие широколиственных пород	13
							Преобладает сосна, постоянно присутствуют ольха, береза и широколиственные породы	12
					Начало оптимума межстадиала		Преобладают береза, ольха при высоком участии злаков и разнотравья	11
					I половина межстадиала		Преобладание сосны, березы и широколиственных пород	10
							Преобладание сосны и единичное присутствие широколиственных пород	9
					Переход к межстадиалу		Преобладание березы, сосны	8
37500			Поздняя стадия		Стадиал		Господство маревых	7
			Каминский межстадиал		II половина межстадиала		Преобладание сосны	6
							Преобладание сосны, березы, ольхи и широколиственных пород	5
40000			Ранняя стадия		Стадиал		Господство маревых, много полыней	4
			Гражданский межстадиал		Переход к стадиалу	"красно-буран"	Увеличение роли злаков, маревых, разнотравья при участии сосны	3
60000					Оптимум межстадиала		Преобладают сосна, ольха, береза и широколиственные	2
		ранний валдай?	Ранневаль-дайский комплекс		Стадиал	"зеленоцвет-ные"	Преобладание маревых, полыней, астровых	1

Рис. 1. Возрастная датировка разреза верхнеплейстоценовых отложений района стоянки Каменная Балка II по данным палинологического анализа

последующие этапы формирования русла балки (КБ II, слои 2 и 1), и тем более сейчас. При этом и слабо расчлененная равнина, на которой существовало первое небольшое поселение, и гораздо более выраженное в рельефе русло балки, на правом борту которой продолжали жить люди, были расположены значительно выше русла палео-Дона, чем теперь. В то время палео-Дон впадал непосредственно в Черное море, а на месте Азовского моря и современных низовьев Дона он имел достаточно глубокую долину.

Относительные высоты расположения стоянок над руслом палео-Дона были: для времени формирования культурного слоя 3 (22–20 тыс. лет назад) – 60–70 м, культурного слоя 2 (15–15,5 тыс. лет назад) – 50–60 м, а культурного слоя 1 (13 тыс. лет назад) – около 40–50 м; современная высота правого борта балки над Доном – 37 м. Все эти данные говорят о том, что жители стоянок, расположенных на значительной высоте по отношению к широкой долине палео-Дона, имели возможность широкого обзора прилегающих территорий, что, по-видимому, использовалось ими в практической, особенно охотничьей, деятельности.

Палеоботанические исследования, проведенные на обширном фактическом материале, позволили охарактеризовать климатические условия формирования всех культурных слоев. Данные спорово-пыльцевого анализа подтверждаются данными фитолитного и биоморфного анализов, палеопедологическими и геологическими исследованиями, что позволило разработать ряд палеоландшафтных реконструкций. Такие реконструкции позволяют говорить о значительной облесенности территории, весьма богатой травянистой растительности на открытых пространствах и достаточно благоприятных климатических условиях в периоды заселения стоянок.

Большое количество пыльцы водяных и влаголюбивых растений, а также спикул пресноводных губок во втором культурном слое позволяет предполагать существование в период его отложения множества некрупных водоемов типа прудов, луж, а также других водных источников: постоянных и временных водных потоков-ручьев или небольшой реки, текущей по дну палеобалки. Все это позволяет считать, что природные ресурсы обеспечивали стабильный объем кормовых ресурсов для животных, и, соответственно, для человека.

Кроме того, был разработан новый методический прием исследования споро-пыльцы не по вертикали, а по поверхности обитания культурного слоя, предоставивший новые данные о строении второго культурного слоя и возможности для определения длительности его накопления и величины интервалов между эпизодами обитания.

Палеопедологические исследования проведены не только на площади стоянок, но и на обширной окружающей территории. В результате были выделены три погребенные почвы, соотносящиеся с разными периодами накопления покровных отложений и обитания на стоянках. Данные педологического анализа подтвердились геологическим и палеоботаническим анализами, что позволило составить сводные корреляционные таблицы, дающие представление об изменениях палеоэкологической ситуации во времена су-

ществования каменнобалковской культуры вообще и большого поселения, оставившего второй культурный слой на КБ II, в частности.

Палеозоологические исследования проводятся на макро- и микроуровнях, кроме того, изучаются раковины моллюсков. При изучении фаунистических остатков, широко представленных в культурном слое, проводится их максимально полное палеонтологическое определение, учитывающее не только принадлежность к какому-то виду, но и пол, возраст особи, точное установление части скелета, ее право- или левосторонность, количество минимального числа особей того или иного вида. Все эти данные исследуются с помощью планиграфического анализа, что существенно обогащает наши представления о способах разделки и использования охотничьей добычи. Кроме того, нами используется новый в археологии способ определения возраста и времени гибели убитого животного, основанный на изучении зубного цемента. Этот метод, в сочетании с планиграфическим, весьма выразительно позволяет судить о сезонном обитании на том или ином участке и существенно помогает уточнить представление о длительности обитания на памятнике.

Изучение остатков микро- и малакофауны дает много данных для понимания климатических условий и их изменений в тот или иной период обитания и взаимно коррелируется с палеоботаническими и палеопедологическими исследованиями.

Остатки крупных животных, несмотря на очень плохую сохранность кости, довольно многочисленны. В настоящее время изучено около 1500 определимых костей, принадлежащих разным животным; наиболее широко представлены бизон и дикая лошадь, доля которых составляет 60–65% в общем объеме охотничьей добычи. Кроме того, присутствуют северный олень, бурый медведь, лось, заяц, козел/баран, рыбы (сиг). Судя по многочисленным обожженным костям сурков, найденным в очагах и поблизости от них, их довольно широко употребляли в пищу.

Все полученные данные хорошо согласуются с реконструкцией палеорастительности, так как видовой состав фауны характеризуется представителями как открытых, так и лесных пространств. Зубр, лось, бурый медведь могли обитать в достаточно широко распространенных лесах, в то время как бизон, дикая лошадь и северный олень предпочитают открытые пространства. Следует отметить, что дикая лошадь обычно предпочитает более низкие участки, так как они более влажны и богаты разнообразным и сочным травостоем. При определении и описании вида дикой лошади, обнаруженной на Каменной Балке, палеонтологи отмечали, что строение костей ее стопы обладает особенностями: эта лошадь "широкопалая", то есть ее стопа была приспособлена к хождению по очень влажной, продавливающейся поверхности (устное сообщение В.С. Байгушевой, за которое автор выражает ей глубокую благодарность; *Кузьмина*, 1989). Бизон – типичный обитатель плакоров – менее требователен в пищевых потребностях и хорошо приспосабливается к более остепненным и возвышенным участкам. Но при этом следует учитывать, что популяции бизонов могли принадлежать не степным, а лесным видам, о чем косвенно свидетельствует находка

фрагмента черепа зубра с рогом. Бизоны же, обитающие в степных, лесных и лесостепных областях, различаются как по количеству голов в стаде, так и по образу жизни и характеру миграций (*Баскин*, 1976). Следовательно, хотя этот вопрос до конца еще не разрешен, нельзя переносить очень популярную в специальной литературе модель охоты на степных бизонов американских Великих Равнин на территорию Северного Причерноморья в финале плейстоцена (*Миньков*, 1993).

Охотничья добыча, за исключением мелкой, разделывалась вне площади основных поселений, о чем говорит отсортированный набор фаунистических остатков, среди которых присутствуют только те части скелетов, которые соответствуют "мясным" частям туш (*Миньков*, 1993).

Вопросы транспортировки тяжестей при отсутствии одомашненных тягловых животных в верхнем палеолите давно занимают умы ученых. В настоящее время появилось несколько теорий, настаивающих на обязательном присутствии хотя бы собак в качестве таких животных, но все они пока могут считаться остро дискуссионными, так как не подкрепляются соответствующими фаунистическими материалами.

Исследования зубного цемента животных, попавших на стоянку в качестве охотничьей добычи, показывают, что в период существования основного (второго) слоя КБ II охота производилась во все сезоны, следовательно, поселение существовало достаточно долго – не менее 10 месяцев или одного года.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (РИС. 2–5)

Раскопки проводятся в соответствии с методиками, разработанными нами для детального изучения культурных слоев каменного века. Они предполагают обязательные раскопки широкими едиными площадями. Конечной целью исследований является вскрытие площади всего памятника, а не каких-то его фрагментов. Нам представляется, что только данные по всей площади поселения могут предоставить основания для проведения полноценного и корректного исследования, в то время как широко распространенные в специальной литературе реконструкции, построенные на выборочном и неполном материале, грешат крайним субъективизмом, несмотря на все современные приемы обработки материала.

Необходимым условием всех археологических исследований является тщательная и подробная полевая фиксация всего видимого визуально материала, позволяющая построить модель слоя/слоев при камеральной обработке. Промывка всей вмещающей породы на ситах с ячейкой в 1 мм позволяет получать многочисленный микродебитаж, образцы микрофауны и мелкие частицы угля. Картирование на плане стоянки материалов по распределению микродебитажа позволяет выделять места ретуширования и изготовления орудий, распространение угля позволяет проследить выносы из очагов, микрофауна, как уже говорилось выше, необходима для изучения палеоклимата (*Леонова*, 2000).

На основе всех полученных данных проводятся тщательные качественный и количественный планиграфический и микростратиграфический анализы. Все это вместе позволяет реконструировать хозяйственно-бытовую планировку памятника, изучать строение культурного слоя, выделять периоды обитания (*Виноградова, Леонова*, 2004).

В последние годы на основе всех материалов полевой фиксации нами создана компьютерная база данных (*Виноградова, Шейпак*, 1999), что позволило перейти к компьютерному моделированию структуры слоя.

Данные ремонтажа и аппликации позволяют выделять зоны и отдельные участки, связанные с производственной деятельностью и представляющиеся синхронными.

В результате всех проведенных археологических исследований второго культурного слоя Каменной Балки II можно говорить о сложной планировке поселения, где выделяются большие производственные зоны, жилые площадки или остатки легких наземных жилищ, весьма своеобразные периферийные зоны. Хозяйственная планировка памятника во многом была приурочена к древнему рельефу поверхности: ныне погребенная ложбина, проходившая по площади поселения, четко разделяла его на жилую и производственную зоны (рис. 2–5).

Подведем некоторые итоги. Создание модели жизнеобеспечения для поселения второго культурного слоя Каменной Балки II производилось на основе большого количества независимых данных. Комплексный подход гарантировал дополнительную надежность результатов, так как достоверными признавались только те связи, существование которых подтверждалось пересечением по нескольким параметрам.

Значительное разнообразие ландшафта, сочетающего в себе поверхности разных высотных уровней и разнообразные сочетания облесенных и открытых участков, позволяет предполагать широкое распространение собирательства. И хотя пока это не может быть продемонстрировано на археологических материалах, так как трасолого-функциональный анализ проводился в явно недостаточном объеме, наличие терочных плиток косвенно свидетельствует об использовании растительной пищи.

Наличие в ближайшем окружении поселений большого количества древесины, вероятно, находило отражение во всем облике материальной культуры, начиная с домостроительства и кончая использованием различных наборов орудий для работы по дереву. Такими орудиями могли быть широко распространенные массивные скребки, резцы, стамески и прочие чешуйчатые формы. Небольшие по объему трасологические исследования как будто подтверждают это предположение, однако окончательно ответить на этот вопрос будет возможно только после изучения большой серии изделий. Возможно, что широкое использование дерева для различных поделок объясняет малое количество костяных изделий, характерное для каменнобалковской культуры.

Вернемся к охотничьей деятельности человека. Судя по списку представленных на стоянке видов, мы не можем говорить о наличии жесткой специализации в выборе охотничьей добычи. Так как непосредственное место по-

Общая стратиграфическая схема					Местная стратиграфическая схема			
индекс	тыс. лет	климато-хронологические подразделения*			покровные отложения: пачки	покровные отложения: почвы	покровные отложения: культурные слои	террасовые и склоновые образования**
IV_3	2,5	Голоцен	Поздний голоцен Hl_4	Субатлантическая ф	луговая почва	(2,5)		русло
IV_2	4,5		Средний голоцен Hl_3	Суббореальная ф		(4,4)		пойма
	7,8			Атлантическая ф	погребенная почва	(6,2) (7,8)		I терраса
IV_1	9,5		Ранний голоцен Hl_3	Бореальная ф				II терраса
	10,2			Пребореальная ф				
III_4	11	Поздневалдайское ледниковье	Древний голоцен Hl_1	Сальпауселька ст	"буровато-палевая" $III_4^б$			поздневалдайский склон: эрозионный врез
	11,8			Аллеред итс				
	12,2			Невская ст				
	12,8			Беллинг итс				(12,6) (13,5)
	13,2		Лужская ст					
	14		Плюсский итс		"палевая" $III_4^а$	pd 1		русловые отложения
	16		Вепсовская ст	Крестецкая ф				
	17			Мстинский итс				
	20-23			Вепсовская ст				эрозионный врез
				Едровская ст				
				Увечская ст				
III_3		Средневалдайский мегаинтерстадиал	Svd_7 Конечная ст		"бурая" $III_3^б$			ранне-средневалдайский ? склон
	32,5		Svd_6 Дунаевский итс			pd 2		
	34		Svd_5 Поздняя ст					
	37,5		Svd_4 Кашинский итс					
	40		Svd_3 Ранняя СТ					
			Svd_2 Гражданский итс		"красно-бурая" $III_3^{а,}$	pd 3		
	60		Svd_1 Начальная ст					
III_2		Ранневалдайское ледниковье			"темно-зеленая" $III_2^{б,}$			
	70				"зелено-серая" $III_2^{а,}$			эрозионный врез
III_1		Микулинское межледниковье			карангатская ингрессия			

Примечания: * ст — стадия ледниковья, холодная; итс — интерстадиал, потепление; ф – фаза голоцена

** цифры в скобках — абсолютные даты в тыс. лет

Рис. 2. Местная стратиграфическая схема верхнего неоплейстоцена и голоцена в районе группы позднепалеолитических стоянок Каменная Балка

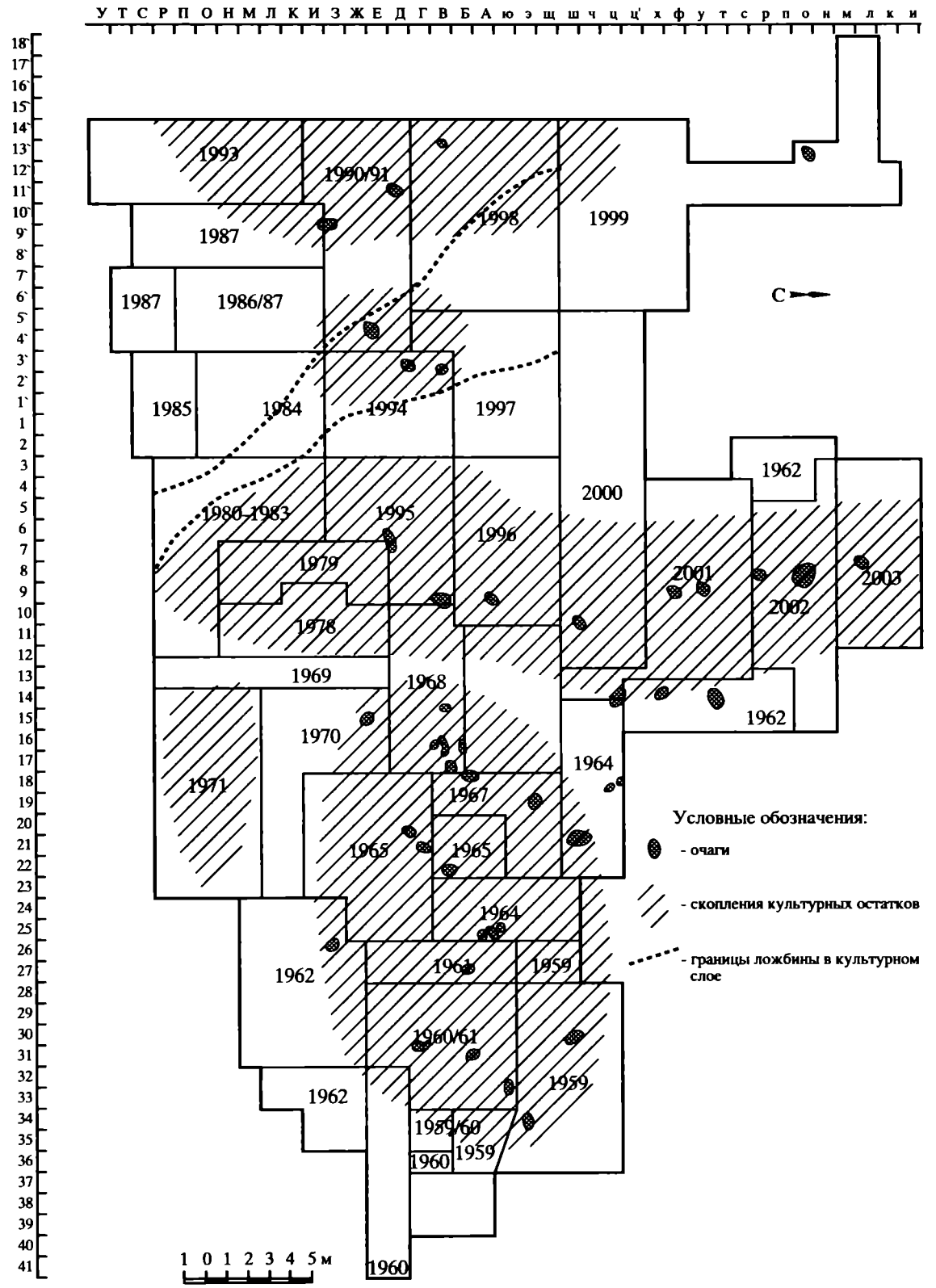


Рис. 3. Каменная Балка II. План расположения раскопов и основных скоплений культурных остатков

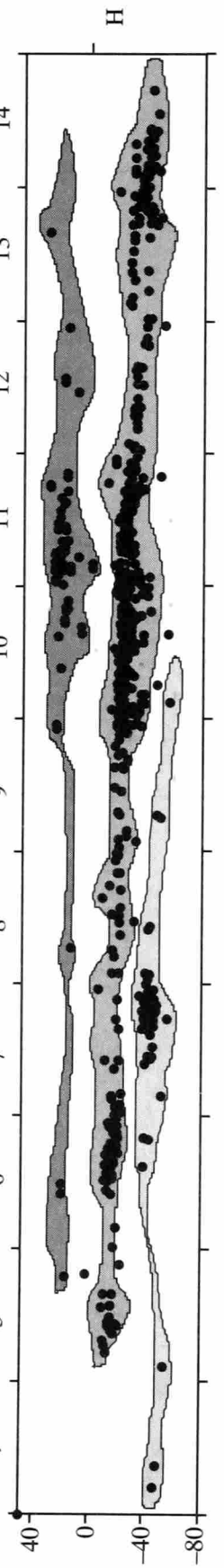


Рис. 4. Три культурных слоя стоянки Каменная Балка II

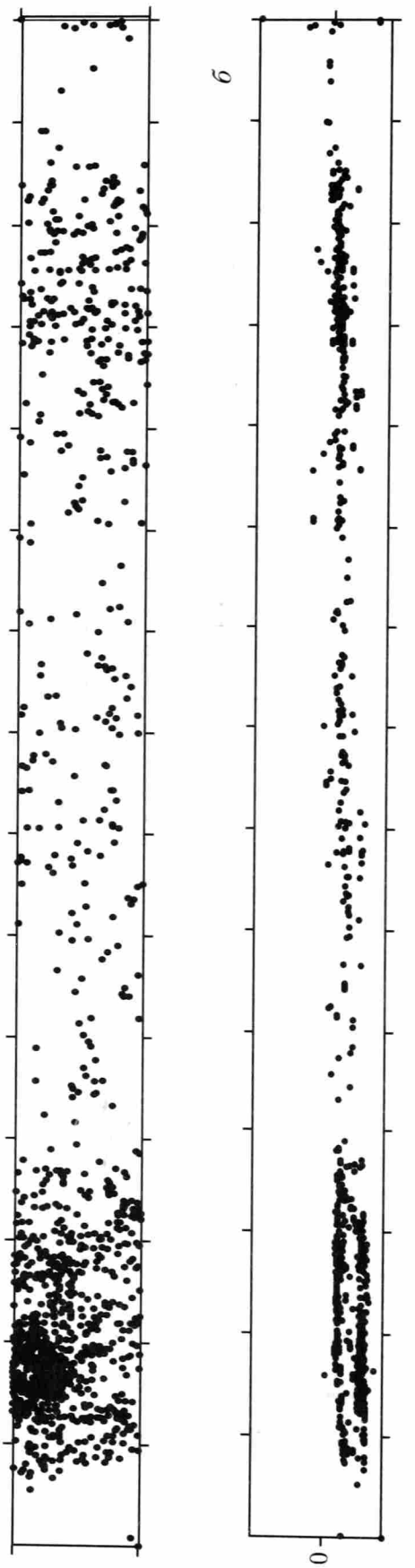


Рис. 5. План (*а*) и профиль (*б*) участка основного (второго) культурного слоя Каменной Балки II

селения располагалось достаточно высоко, то охота, по-видимому, должна была производиться на весьма обширной площади, которая может быть названа территорией регулярных посещений. Она представлена частью аллювиально-пойменной равнины палео-Дона и прилегающей к ней с севера пологой холмистой правобережной возвышенностью. Эта возвышенность объединяла древние водоразделы, ограничивающие бассейн балки Каменной, и расположенное между этими водоразделами широкое днище, в которое углублен узкий плейстоценовый врез среднего и верхнего течения современной балки. Эта территория могла иметь форму, в плане близкую треугольной; восточное ребро этого умозрительного треугольника было субмеридиональным, длиной 10–15 км, северо-западное – диагональным, протяженностью 15–20 км, а южное определялось расположением глубоких проток на пойме палео-Дона. Общая площадь такой территории могла быть равна 150–200 км^2, а возможно и немного превышала ее.

Различия в характере рельефа и растительного покрова этой территории позволяют предполагать применение разнообразных охотничьих приемов для добычи того или иного вида – от загона до скрадывания. По данным фаунистических коллекций очевидно, что массовые загонные охоты вряд ли имели место, так как на стоянку поступали исключительно "мясные части" туш, и в не очень большом количестве. Анализ объема охотничьей добычи позволяет говорить о том, что древние охотники не были "безрассудными истребителями" всего живого, напротив, они вели себя вполне "корректно", выбирая не более четверти–трети емкости той экологической ниши, в которой жили, что не подрывало экологического равновесия (*Миньков*, 1993).

Следовательно, добыча зверя и разделка туш происходили не на базовой стоянке, а где-то в другом месте. Это значит, что древним поселенцам приходилось решать и достаточно сложные вопросы, связанные с транспортировкой добычи и хранением запасов. Признание этого положения может означать, что параллельно с базовыми стоянками существовали многочисленные специализированные охотничьи лагеря. Это подтверждается тем, что и на самой балке Каменной, и в соседней долине речки Мокрый Чалтырь, которая входит в территорию регулярных посещений, открыто и исследовано несколько маленьких тонкослойных стоянок, относящихся к той же культуре (*Гвоздовер*, 1964; 1967; *Леонова*, 1999).

Археологические данные вполне соответствуют предлагаемой модели палеоландшафта и климата: на поселении, расположенном на достаточно высоком месте, существовало одновременно не менее (а скорее более) трех жилищ или жилых площадок, включавших в себя огражденные пространства. Представленный спектр производственной деятельности, обеспечивавшей все насущные потребности, – а именно изготовление орудий труда и охотничьего вооружения, приготовление и хранение пищи, выделка шкур, кож, шитье одежды, изготовление украшений, совершение каких-то необходимых для жизни ритуалов и т.п. – достаточно широк. Обилие расщепленного и обработанного каменного сырья, которое приносили издалека, также говорит о длительном обитании на этом месте.

В соответствии с существующими методами реконструкций, можно предположить, что на стоянке жило одновременно от 30 до 50 человек разного возраста, половину из которых составляли наиболее активные в отношении добычи средств жизнеобеспечения люди. Такими половозрастными группами обычно считаются молодые люди и люди среднего возраста. Этот подсчет минимален, так как, если в течение дальнейших исследований нам удастся доказать одновременность существования большего числа жилых объектов, то количество жителей стоянки в определенный момент обитания увеличится.

Судя по данным определения возраста и сезона забоя объектов охотничьей добычи, стоянка была заселена в течение всего календарного года, или, во всяком случае, большей части года. Это еще раз позволяет подвергнуть сомнению устойчивое мнение о высокой мобильности населения в этом регионе, который традиционно называют "степной зоной", но который в нашем случае так называться не может. Комплексные палеоэкологические исследования Каменной Балки ясно показывают, что эта "зона" не существовала как единое целое, а была разбита на множество отдельных локусов, характеризующихся разными климатическими условиями в разные периоды и соответствующими им способами ведения хозяйства и культурных адаптаций.

ЛИТЕРАТУРА

Баскин Л.М., 1976. Животные СССР. М. Т. 3.

Виноградова Е.А., Леонова Н.Б., 2004. Микростратиграфия культурного слоя: Проблемы интерпретации // Палеолит Русской равнины. М.

Виноградова Е.А., Шейпак О.А., 1999. Возможности изучения кремневых верхнепалеолитических материалов с использованием электронной базы данных // Stratum plus. Кишинев. № 1.

Гвоздовер М.Д., 1964. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. (САИ. Вып. А-1-5.)

Гвоздовер М.Д., 1967. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии. Вып. 27.

Кузьмина И.Е., 1989. Динамика состава териофауны Восточно-Европейской равнины в позднем плейстоцене и начале голоцена // Проблемы культурной адаптации в эпоху раннего палеолита (по материалам Восточной Европы и США). Л.

Леонова Н.Б., 1999. Каменная Балка – уникальный археологический район дельты Дона // Донская археология. № 3.

Леонова Н.Б., 2000. Методы диагностики хозяйственной деятельности на памятниках каменного века // Археологический альманах. Донецк. № 9.

Леонова Н.Б., 2002. Динамика изменений природного окружения и структур верхнепалеолитических памятников в Приазовье // Верхний палеолит – верхний плейстоцен. СПб.

Леонова Н.Б, 2003. Культурные адаптации эпохи позднего палеолита в Северном Причерноморье // Археологические записки. Ростов-на-Дону. Вып. 3: Каменный век.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Спиридонова Е.А., Сычева С.А., 2001. Стратиграфия покровных отложений и реконструкция условий обитания древнего человека на позднепалеолитической стоянке Каменная Балка 2 // Stratum plus. Кишинев. № 3.

Миньков Е.В., 1993. Система природопользования в позднем палеолите: Метод и достоверность реконструкций (по материалам степной зоны) // Палеоэкология древних обществ. М.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Америки: Проблемы и перспективы / Под ред. А.А. Синицына и Н.Д. Праслова. СПб., 1997.

Leonova N., 1994. Upper Paleolithic on the Russian Steppe Zone // Journal of World Prehistory. Vol. 8, № 2.

М.Г. Жилин

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК МНОГОСЛОЙНОГО ТОРФЯНИКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ СТАНОВОЕ 4*

Поселение Становое 4 находится в Комсомольском р-не Ивановской обл., в 1,8 км к северу от деревни при истоке р. Лахость из Подозерского торфяника. Лахость является правым притоком р. Которосль, которая впадает в Волгу в г. Ярославле. Подозерский торфяник образовался в обширной ледниковой котловине, центральная часть которой в древности была занята озером размерами около 5 × 3 км. Поселение занимает низкий мыс древней озерной террасы и прилегающий участок торфяника на правом берегу р. Лахость (рис. 1). Русло последней во время торфоразработок было углублено и спрямлено, высота мыса в настоящее время – до 5 м над меженным уровнем реки. В современном рельефе отчетливо прослеживается ложбина, соответствующая узкому озерному заливу, из которого вытекала Лахость в древности. Поверхность памятника задернована, поселение разрезано спрямленным руслом и мелиоративной канавой, перекрыто разровненным бульдозером выбросом мощностью до 1–1,5 м или отвалом мощностью до 3,5 м. Поселение открыто автором в 1992 г. В 1993–2002 гг. заложены 4 раскопа и несколько шурфов, вскрыто в общей сложности около 600 м^2 (*Жилин*, 1998. С. 25–31; 2001; 2002а. С. 5–25; 2002б. С. 112–122; 2002в. С. 107–116; *Аверин, Жилин*, 2001. С. 8–16; *Алешинская*, 2001. С. 10–16; *Зарецкая, Успенская, Жилин*, 2002. С. 117–122; *Zhilin*, 1998. P. 149–175; *Zhilin, Matiskainen*, 2003. P. 694–702).

Раскоп 1 площадью 16 м^2 заложен на краю мелиоративной канавы на площадке мыса (рис. 2). Стратиграфия его такова (рис. 2А): 1 – дерн мощностью до 6 см; 2 – выброс из канавы, до 80 см; 3 – торф бурый, до красно-коричневого, в верхней части со следами пожара, до 38 см; 4 – погребенная почва, которая подразделяется на два подгоризонта: 4а – суглинок темно-серый, до черного, оторфован, до 20 см; 4б – тот же суглинок, но светлее и плотнее, ожелезнен, до 18 см; 5 – суглинок серовато-коричневый – материк. В восточной части раскопа, ниже по склону, слои 4а и 4б выклиниваются, замещаясь слоем 7 – суглинком пестрым с разводами – перемытым слоем 4. Материковый суглинок здесь постепенно замещается слоем 6 – светлой серовато-желтой ожелезненной глиной. В раскопе прослежено два культурных слоя. Верхний (культурный слой I) залегает в нижней части слоя 3, в нем встречены единичные отщепы и кости животных, мелкие фрагменты льяловской и сетчатой керамики эпохи бронзы. Нижний слой (культурный слой III, по общей нумерации культурных слоев) связан со слоем 4, причем наибольшее количество находок отмечено в нижней части слоя 4а. Здесь представлены кости зверей, птиц и рыб, от-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Этнокультурное взаимодействие в Евразии", проект 1.4.

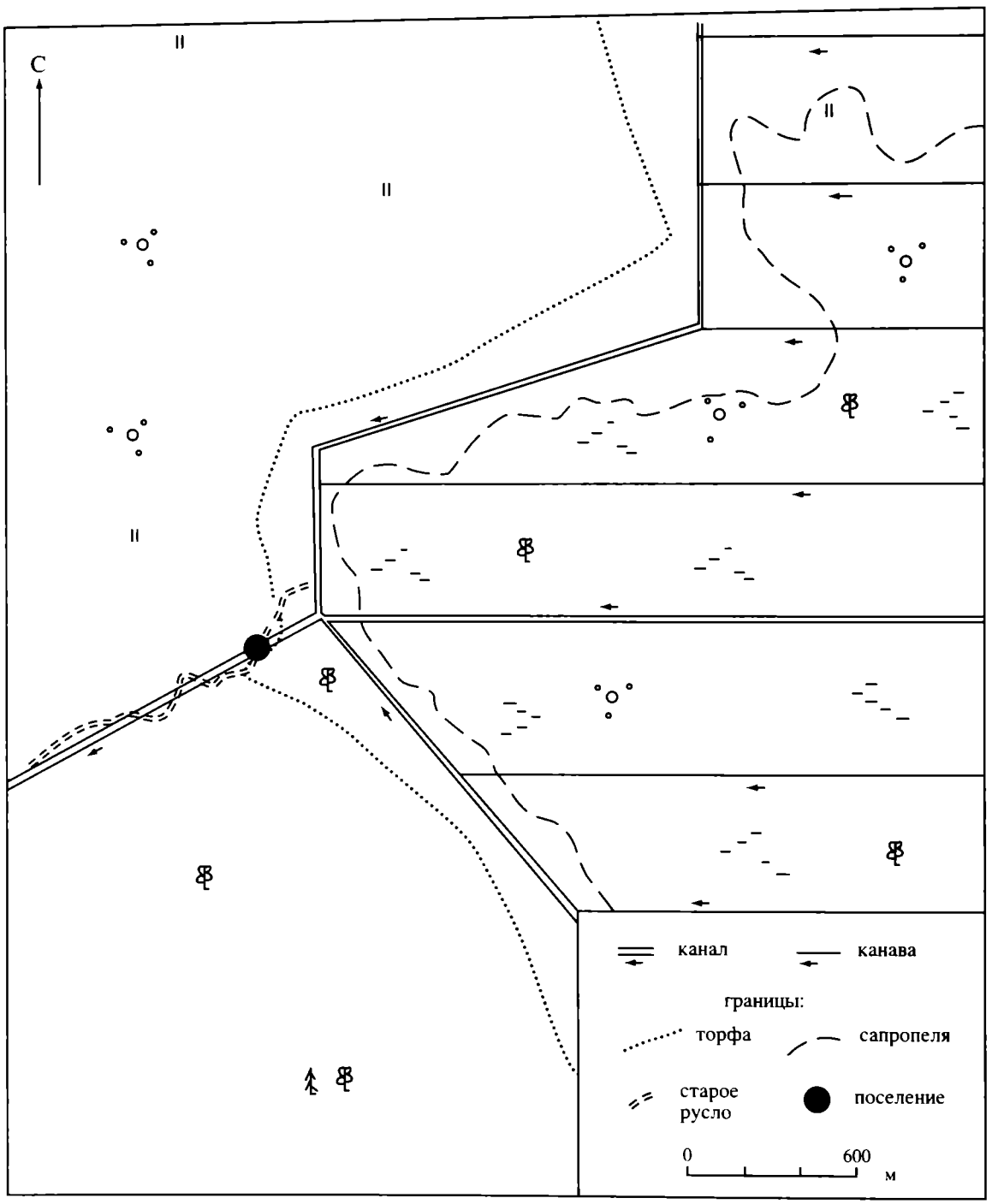
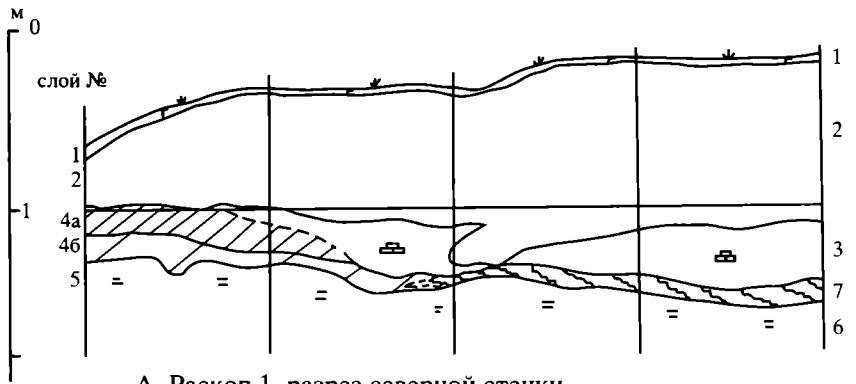
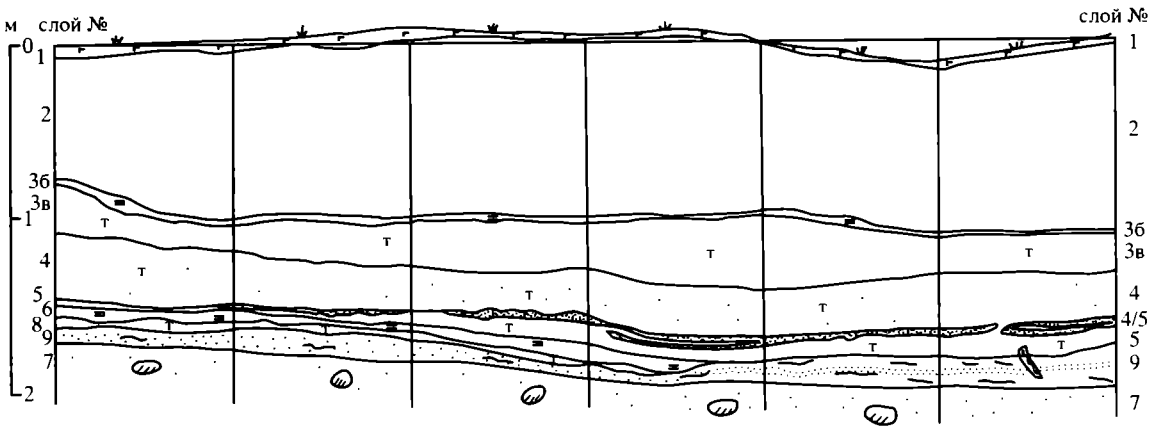


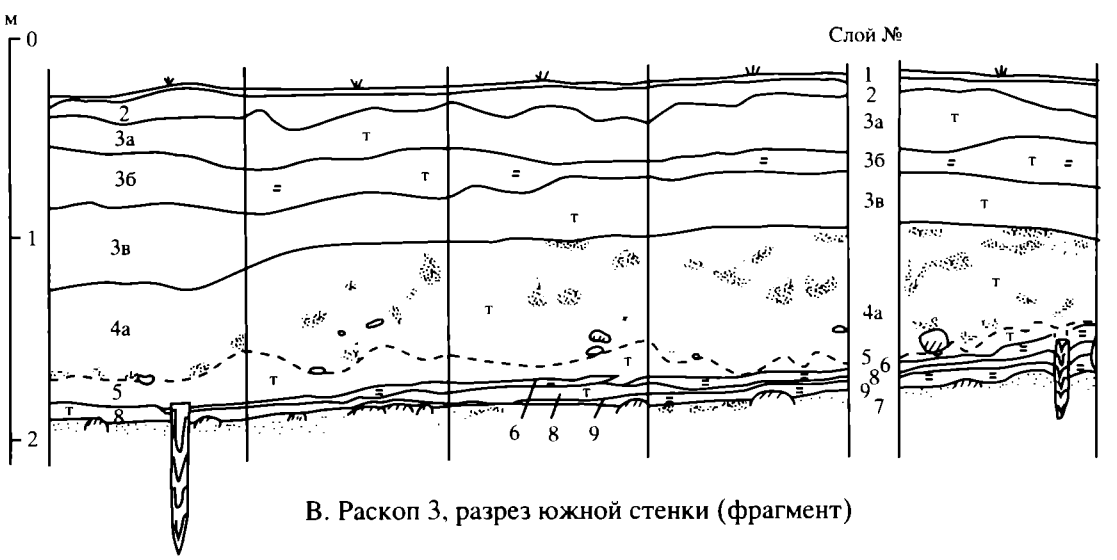
Рис. 1. Ситуационный план поселения Становое 4



А. Раскоп 1, разрез северной стенки



Б. Раскоп 2, разрез северной стенки (фрагмент)

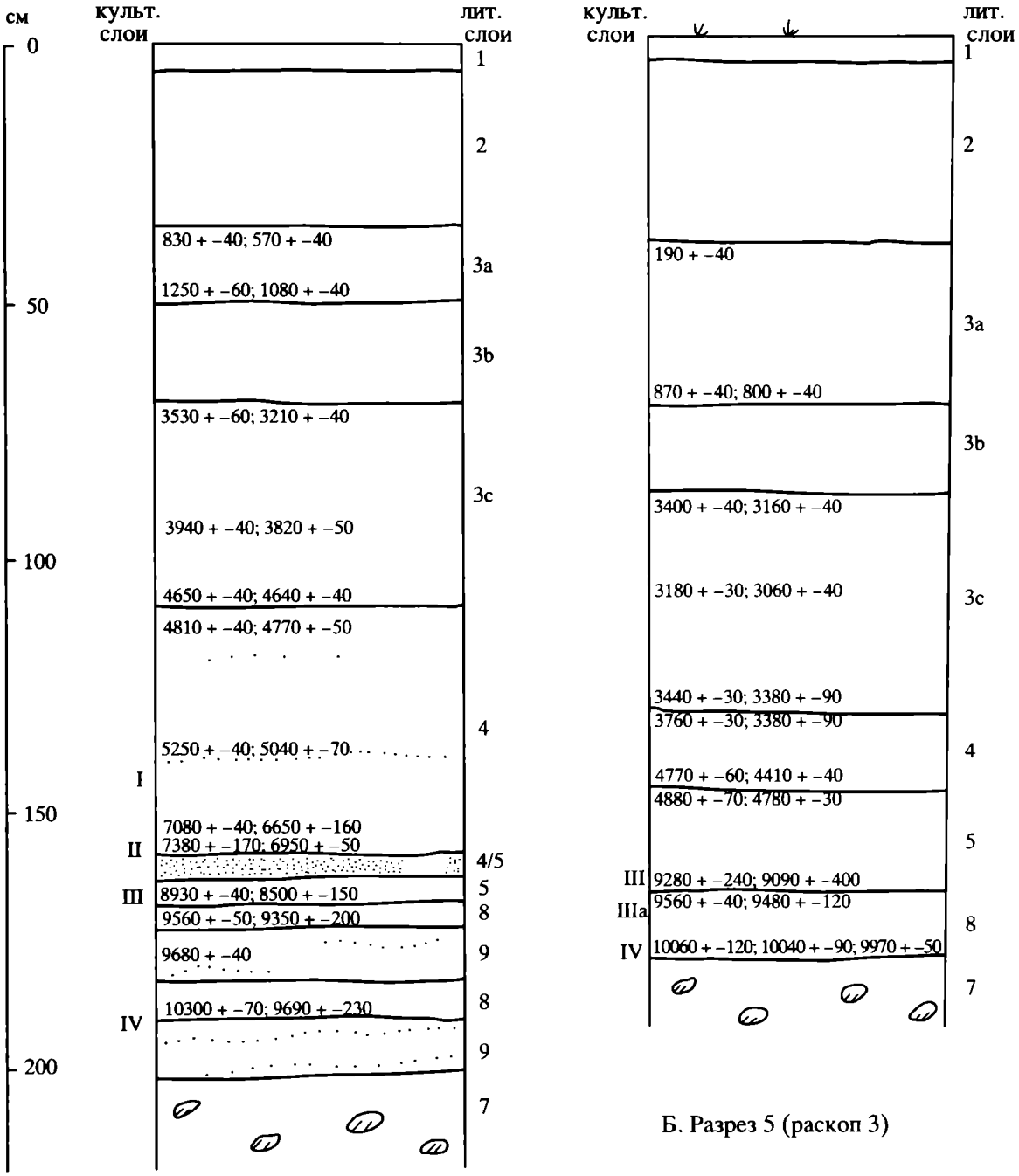


В. Раскоп 3, разрез южной стенки (фрагмент)

Рис. 2. Становое 4, разрезы стенок раскопов

ходы производства и изделия из камня, кости и рога позднего этапа бутовской культуры: нуклеусы от пластин и микропластин, различные скребки и резцы, вкладыши, острия, ножи, черешковый наконечник стрелы на пластине; обломки костяных наконечников стрел, подвески из зубов бобра и лося, роговой посредник. Спорово-пыльцевой анализ относит слой 4б к климатическому оптимуму бореального периода, а слой 4а – к его последней четверти.

Раскоп 2 площадью 139 м^2 заложен на торфянике под склоном мыса к востоку от раскопа 1, на правом берегу спрямленного русла р. Лахость (рис. 1). Прослежена следующая стратиграфия (рис. 2Б): 1 – дерн мощностью 6–12 см; 2 – выброс из искусственного русла р. Лахость мощностью до 1 м; 3а – буро-коричневый торф, до 15 см; 3б – серая глина, связанная с последней значительной трансгрессией палеоозера, до 20 см; 3в – коричневый торф или сапропель, до 40 см; 4 – темно-коричневый торф или сапропель с линзами желтого песка – 30–50 см; 4/5 – тонкая прослойка желтого аллювиального песка – 1–5 см; 5 – черный или коричневый торф или сапропель – 2–20 см; 6 – серая вязкая глина, отложения озерной трансгрессии, до 10 см; 8 – плотный коричневый сапропель, до 10 см; 9 – серый песок с линзами ила – 6–15 см; 10 – плотная серая глина, озерное дно, до 10 см; 7 – гравий с песком, глиной и валунами – размытая морена. В верхней части слоя 4 примесь песка незначительна, в его средней части появляются тонкие песчаные линзы (до 1 см) и прослойки желтого песка. Слой 4/5 является самой нижней такой прослойкой. В отличие от более верхних, эта прослойка хорошо прослеживается практически по всей площади раскопа, местами распадаясь на две тонких прослойки. Она четко разделяет слои 4 и 5 и может служить маркирующим горизонтом, указывающим на смену режима осадконакопления. В слое 5 в западной части отмечается примесь суглинка, постепенно этот слой замещается сапропелем в центральной и восточной частях раскопа. В западной части раскопа он формировался на заболоченном низком берегу, а в центральной и восточной представлен его шлейф, сформировавшийся в озерном заливе. Слой 6 прослежен только в западной части раскопа, как и лежащий под ним слой 8, однако последний распространен на большей площади. В юго-западной части раскопа слой 8 лежит непосредственно на размытой морене, на остальной площади картина более сложная. В северо-западной части под слоем 8 залегает слой 9, а ниже – слой 7. В центральной части раскопа и далее к востоку слои 8 и 9 замещаются более сложной по строению пачкой озерных отложений, состоящей из чередующихся линз и прослоек ила и песка (рис. 3А). В ее верхней части, непосредственно под слоем 5, лежит прослойка серого ила (8а) мощностью 5–6 см; под ней – прослойка серого песка с примесью ила (9а) мощностью 10–12 см; ниже – еще одна прослойка более темного серого ила с примесью лесного опада (8б) мощностью 8 см; под ней – прослойка серого песка с примесью ила (9б) мощностью 12 см; ниже – размытая морена. В юго-восточной части раскопа слой 5 лежит на плотной серой глине (слой 10), а в северо-восточной он отделяется от слоя 10 слоем серого ила (8а) мощностью до 30 см. В восточ-



А. Разрез 4 (раскоп 2)

Б. Разрез 5 (раскоп 3)

Рис. 3. Становое 4. Разрезы 4 и 5

ной части раскопа размытая морена резко уходит вниз, а мощность глинистых отложений превышает 1 м. Разрез 4 в центральной части раскопа 2 подробно опубликован (*Зарецкая, Успенская, Жилин*, 2002. С. 117–122).

Палинологический анализ показал, что слои 8б и 9б сформировались в конце позднего дриаса; слой 9а – в первой половине пребореального перио-

да, а слой 8а – во второй его половине; слои 5 и 4/5 – в первой половине бореального периода; слой 4 – в атлантическом периоде.

В раскопе 2 прослежено 5 культурных слоев (рис. 3А). Первый представлен единичными находками среднего неолита в верхней части слоя 4. Второй культурный слой залегает в самом низу слоя 4, на песчаной прослойке 4/5. Здесь найдены кости зверей, птиц и рыб, каменные и костяные орудия и фрагменты наиболее ранней керамики верхневолжской культуры. Сосуды были сделаны из глины с примесью органики и шамота или органики и мелкой раковины, венчик прямой, донца маленькие плоские, толщина стенок 8–9 мм, обжиг довольно слабый, на внутренней поверхности толстый слой нагара (до 2 мм), в котором встречены косточки калины, внешняя поверхность иногда подлощена. Орнамент отсутствует, на некоторых встречаются сверленые отверстия – вероятно, следы ремонта. Показательны довольно крупные размеры и горизонтальное залегание большинства фрагментов керамики в самом низу слоя 4, при этом низ черепков касался прослойки песка 4/5, однако ни одного фрагмента в самой прослойке встречено не было. Самый низ слоя 4 с находками второго культурного слоя формировался от 7380 ± 170 (ГИН-10108 I) до 6950 ± 50 (ГИН-10108 II) лет назад (все даты в настоящей статье некалиброванные). В этом слое рядом с типичным верхневолжским фигурным костяным наконечником стрелы найдена горизонтально лежавшая обработанная доска длиной 1,2 м, толщиной 2 см, давшая радиоуглеродную дату 7030 ± 100 (ГИН-8378) лет назад, что определяет время заселения для этого слоя.

Третий культурный слой залегает in situ в слое 5. В нем найдены многочисленные кости птиц, рыб и млекопитающих, орудия и отходы их производства, относящиеся к концу среднего этапа бутовской культуры: нуклеусы от пластин, скребки и резцы, ножи, вкладыш с притупленными краем и концами, обломок иволистного наконечника стрелы, шлифованные топоры и тесла. Из кости и рога сделаны наконечники стрел: игловидные, с биконической головкой, узкие плоские цельные и вкладышевые, однокрылые вкладышевые с шипом; кинжалы, наконечники копий, рыболовные крючки, ножи, шилья, скребки, рубящие орудия и муфты, подвески из зубов животных и плоские прямоугольные с отверстием (рис. 4). Время формирования вмещающих этот слой отложений определяется датами 8930 ± 40 (ГИН-10109 II), 8640 ± 60 (ГИН-10110 II), 8540 ± 80 (ГИН-10109 I) и 8500 ± 150 (ГИН-10110 I) лет назад. Из этого слоя на глубину до 70 см в материк забиты березовые колы, вероятно, являющиеся остатками рыболовных сооружений. Три из них получили радиоуглеродные даты: 8700 ± 70 (ГИН-8854), 8670 ± 50 (ГИН-8856) и 8540 ± 60 (ГИН-8853) лет назад, определяющие время заселения для этого слоя. В прослойке песка 4/5 встречены переотложенные находки этого слоя, незначительно перенесенные рекой во время половодий.

Культурный слой IIIа в раскопе 2 как таковой не представлен, однако в западной части раскопа, в самом верху слоя 8 под слоем 5, что соответствует уровню культурного слоя IIIа в раскопе 3, найдено два затесанных кола, лежавших почти горизонтально. Даты колóв таковы: 9620 ± 50 (ГИН-8374) и 9590 ± 40 (ГИН-8376) лет назад.

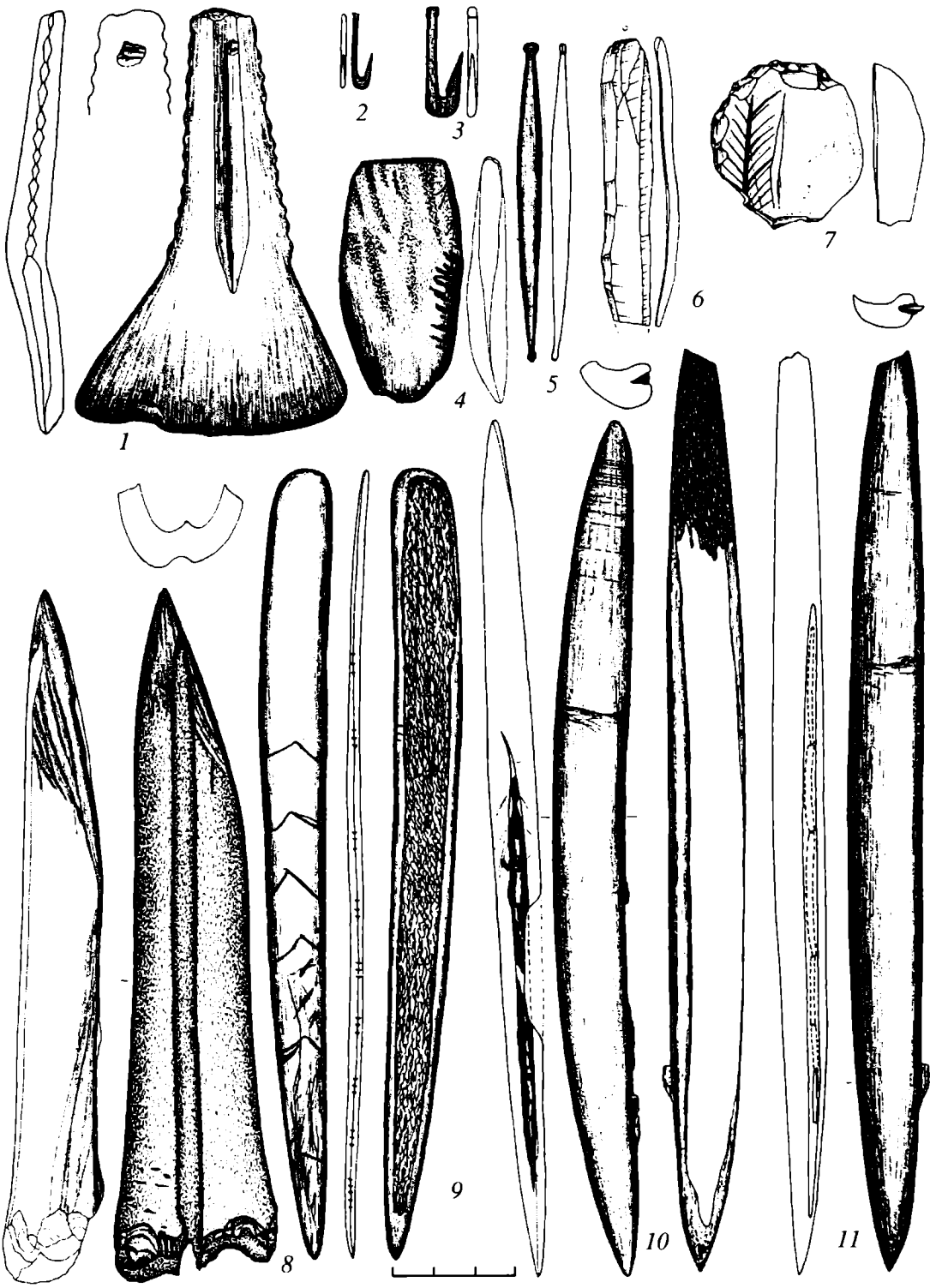


Рис. 4. Становое 4, раскоп 2, культурный слой III, изделия из кости

Нижний культурный слой (IV) представлен в раскопе 2 костями зверей, птиц и рыб, отщепами и единичными орудиями: двуплощадочным нуклеусом от пластин, резцом на массивной пластине; костяным вкладышевым наконечником стрелы, роговым острием и клином. В западной части раскопа находки лежали на размытой морене (слой 7) под слоем 8, а в центральной и восточной частях – в нижней части прослойки 8б и в верхней части прослойки 9б. Время формирования прослойки 8б – от 10300 ± 70 (ГИН-10112 II) до 9690 ± 230 (ГИН-10112 I) лет назад. Видимо, раскопом вскрыта в западной части северная периферия стоянки, оставившей этот культурный слой, а в центральной и восточной частях – его шлейф в озерных отложениях. Залегание находок указывает на функционирование стоянки непосредственно перед озерной трансгрессией, отложившей слой 8б.

Раскоп 3 заложен южнее раскопа 2, на противоположном берегу спрямленного русла р. Лахость, разрезавшего поселение. В 1994–2002 гг. вскрыто 307 м^2. Стратиграфия раскопа такова (рис. 3Б): 1 – дерн мощностью 5–10 см; выброс из искусственного русла реки мощностью до 3,5 м; 3а – коричневый торф со следами пожара в верхней части – до 40 см; 3б – серая глина, связанная с последней значительной трансгрессией палеоозера, – до 30 см; 3в – коричневый торф или сапропель – до 50 см; 4 – темно-коричневый торф или сапропель с тонкими линзами песка – 40–80 см; 5 – черный или коричневый торф с примесью сапропеля, замещающийся в средней части раскопа черным сапропелем, – до 20 см; 6 – прослойка серой вязкой глины – до 10 см; 8 – сапропель зеленовато-коричневый оторфованный, очень плотный – до 15 см; 9 – слоистая серая глина – до 12 см; 10 – линзы серой глины и рыжего песка, лежит под слоем 9 на слое 7 в восточном конце раскопа – до 18 см; 7 – грубозернистый песок с глиной, гравием и валунами – размытая морена. В центральной части раскопа отмечено углубление материка и возрастание мощности слоев, особенно 5 и 8, лежащих непосредственно на размытой морене. Вероятно, раскопом перерезано древнее русло Лахости. Слой 4 в западной части раскопа постепенно вмещается слоем 4а, турбулентным серым песком с аморфными линзами черного торфа – отложениями берегового вала, мощностью до 80 см. Контакт слоя 4 с нижележащим слоем 5 в западной части неровный, с многочисленными западинами и котлами, иногда достигающими материкового слоя 7, содержащими большое количество грубозернистого песка и мелкой гальки. Это говорит об активной деятельности реки в половодье, когда течение было бурным, с многочисленными водоворотами. Ровного горизонтального слоя песка (4/5), как в раскопе 2, здесь не отмечено, зато неоднократно наблюдались крупные кости, частично находящиеся in situ в слое 5, в то время как другой их конец оказался в промоине, заполненной слоем 4а.

Слой 5 в восточной части раскопа 3 содержит примесь суглинка, а в центральной части замещается сапропелем. В наиболее глубокой части прогиба нижняя часть этого слоя зеленоватая с остатками раковин беззубки. В западной части раскопа в слое 5 присутствует примесь песка, особенно в верхней части. Слой 6 представлен в западной части раскопа в виде прослойки или тонких (2–3 см) линз. Под ним в западной части раскопа залегает слой 8,

лежащий непосредственно под слоем 5 в центральной и восточной частях раскопа. Максимальной мощности он достигает в прогибе в центре раскопа, здесь он мягче, темно-оливкового цвета. В западной и восточной частях, где материк поднимается, этот слой более тонкий и плотный, цвет до темно-коричневого. Под ним в западной части раскопа непосредственно на морене лежит слой 9, представленный отдельными линзами также в восточной части раскопа; в центральной части он отсутствует. Разрез 5 в центральной части раскопа 3 подробно опубликован (*Зарецкая, Успенская, Жилин*, 2002. С. 117–122).

Палинологический анализ относит нижнюю часть слоя 8 к концу позднего дриаса; среднюю и верхнюю часть слоя 8 – к первой половине пребореального периода; слой 5 – к последней трети пребореала. Слой 4 переотложен, причем это переотложение, начавшись в атлантическом периоде, шло в основном в суббореальном периоде.

В раскопе 3 прослежено 4 культурных слоя (рис. 3Б). Верхний залегает в нижней части слоя 4 в центральной и восточной частях раскопа. В нем встречено небольшое количество костей зверей, птиц и рыб, каменных и костяных орудий (рис. 5) и несколько мелких фрагментов такой же, как в раскопе 2, керамики ранней верхневолжской культуры. Однако в раскопе 3 керамика окатана. Время переотложения определяется радиоуглеродными датами разреза 5 – от 4880 ± 70 (ГИН-10121 II) до 3380 ± 90 (ГИН-10118 I). В западной части раскопа вся толща слоя 4а содержала переотложенные находки из мезолитических слоев, окатанные фрагменты верхневолжской, а также единичные – льяловской и сетчатой керамики.

Нижние культурные слои залегали в раскопе 3 in situ. Культурный слой III приурочен к нижней части слоя 5 в центральной, наиболее глубокой, части раскопа. Вмещающие его отложения здесь датированы 9280 ± 120 (ГИН-10122 I), 9090 ± 400 (ГИН-10124 I) и 8610 ± 40 (ГИН-10122 II) лет назад. На остальной площади он связан со всей толщей этого слоя. Насыщенность находками высокая. Встречены кости млекопитающих, птиц и рыб, многочисленные отщепы, пластины, нуклеусы и каменные орудия начала среднего этапа бутовской культуры: различные скребки, резцы, ножи, вкладыши, острия, черешковый наконечник стрелы на пластине, топоры, тесла, комбинированные орудия. Богат и выразителен костяной и роговой инвентарь: наконечники стрел игловидные, с биконической головкой, узкие плоские цельные и вкладышевые, с шипами и зубцами; зубчатые острия, наконечники копий и кинжалы, рыболовные крючки и отходы их производства, различные ножи, шилья, проколки, ретушеры, топоры, тесла и муфты, подвески из зубов животных и просверленные плоские прямоугольные. Из этого слоя были забиты березовые и сосновые колы, заточенные каменными топорами и теслами. Особенно много их было в древнем русле Лахости в центральной части раскопа. Вероятно, это остатки неоднократно ремонтировавшихся рыболовных сооружений типа заколов. Один их этих колов получил радиоуглеродную дату 9220 ± 60 (ГИН-8375) лет назад, которая определяет основное время заселения для этого слоя. Кость лося из слоя 5 в западной части раскопа получила дату 8850 ± 90

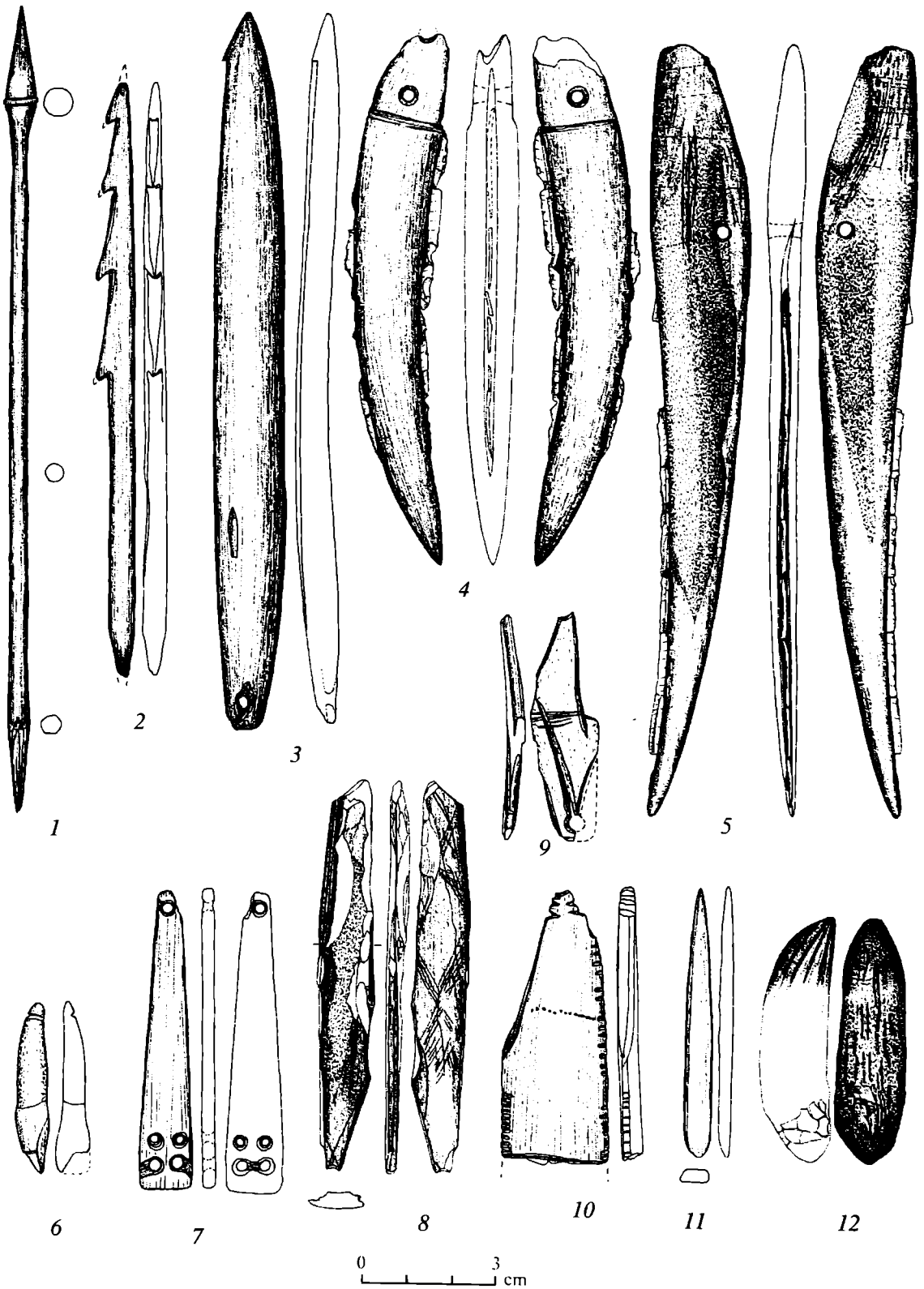


Рис. 5. Становое 4, раскоп 3, культурный слой III, изделия из кости

(ГИН-11093а) лет назад, определяющую верхнюю хронологическую границу этого слоя в раскопе 3.

Культурный слой IIIа встречен в западной части раскопа, где он залегает на границе слоев 6 и 8, а несколько ниже по склону, где слой 6 отсутствует, – в самом верху слоя 8. На разрезе 5 место этого слоя в верхней части слоя 8, но не в самом его верху (рис. 3Б). Его мощность очень мала – 1–3 см. Перекрывающий его самый верх слоя 8 датирован 9560 ± 40 (ГИН-10125 II) и 9480 ± 120 (ГИН-10125 I) лет назад. Находки представлены костями лося, отщепами кремня, редкими орудиями иеневской культуры: скребками, ножом, косолезвийными наконечниками стрел с боковой выемкой и высокой асимметричной трапецией; костяным массивным наконечником стрелы с биконической головкой, долотом и обломком ножа. Наиболее интересна в этом слое находка остатков верши, сплетенной из продольно расщепленных ивовых прутьев, переплетенных такими же поперечными прутьями через 5–8 см. Рядом лежала плоская плитка известняка с четкими следами обмотки – вероятно, грузило от этой верши. На сегодняшний день это древнейшая из известных рыболовная ловушка. В этом слое найден заточенный каменным теслом кол, лежавший почти горизонтально в западной части раскопа; его радиоуглеродная дата – 9620 ± 60 (ГИН-8377) лет назад – определяет время существования этой очень кратковременной стоянки.

Нижний (IV) культурный слой залегает в самом низу слоя 8 в центральной части раскопа, где мощность этого слоя максимальна, при этом все крупные находки и значительная часть мелких лежат на морене. Низ слоя 8 в этой части раскопа датирован 10060 ± 120 (ГИН-10127 I), 10040 ± 90 (ГИН-10027 II), 9970 ± 50 (ГИН-10026 I), 9940 ± 50 (ГИН-10026 II) лет назад. Образец из нижней части слоя 8 в разрезе 3 в 7 м к северу и выше по склону, соответствующий средней части этого слоя в разрезе 5, датирован 9850 ± 60 (ГИН-8379) и 9760 ± 150 (ГИН-8379а – гуминовая вытяжка из того же образца) лет назад. На остальной площади находки встречены в линзах слоя 9, а там, где он отсутствует, они лежат непосредственно на размытой морене, перекрытые слоем 8. К нижнему культурному слою относятся несколько колов плохой сохранности, вбитых в материк в центральной части раскопа, вероятно, являющиеся остатками рыболовных сооружений. Представлены кости лося, бобра, бурого медведя, зайца, выхухоли и домашней собаки, птиц и рыб, отщепы кремня, кварцита, сланца, нуклеусы от пластин и микропластин. Среди каменных орудий преобладают различные скребки и резцы, найдены скобели, ножи, черешковый "постсвидерский" наконечник стрелы на правильной пластине, лезвие сланцевого топора с пришлифовкой, заготовки и обломки сланцевых рубящих орудий, также с частичной шлифовкой. Из кости и рога сделаны узкие плоские наконечники стрел с пазами, в двух сохранились вкладыши – микропластинки, отжатые с призматических и клиновидных нуклеусов (рис. 6); обломки наконечников рогатин, широкие ножи, шилья, лощила, ретушеры, лезвия топоров и тесел и муфты для их закрепления. Такой инвентарь позволяет уверенно относить этот слой к раннему этапу бутовской культуры. Это пока древнейший из датированных ее памятников. Стоянка,

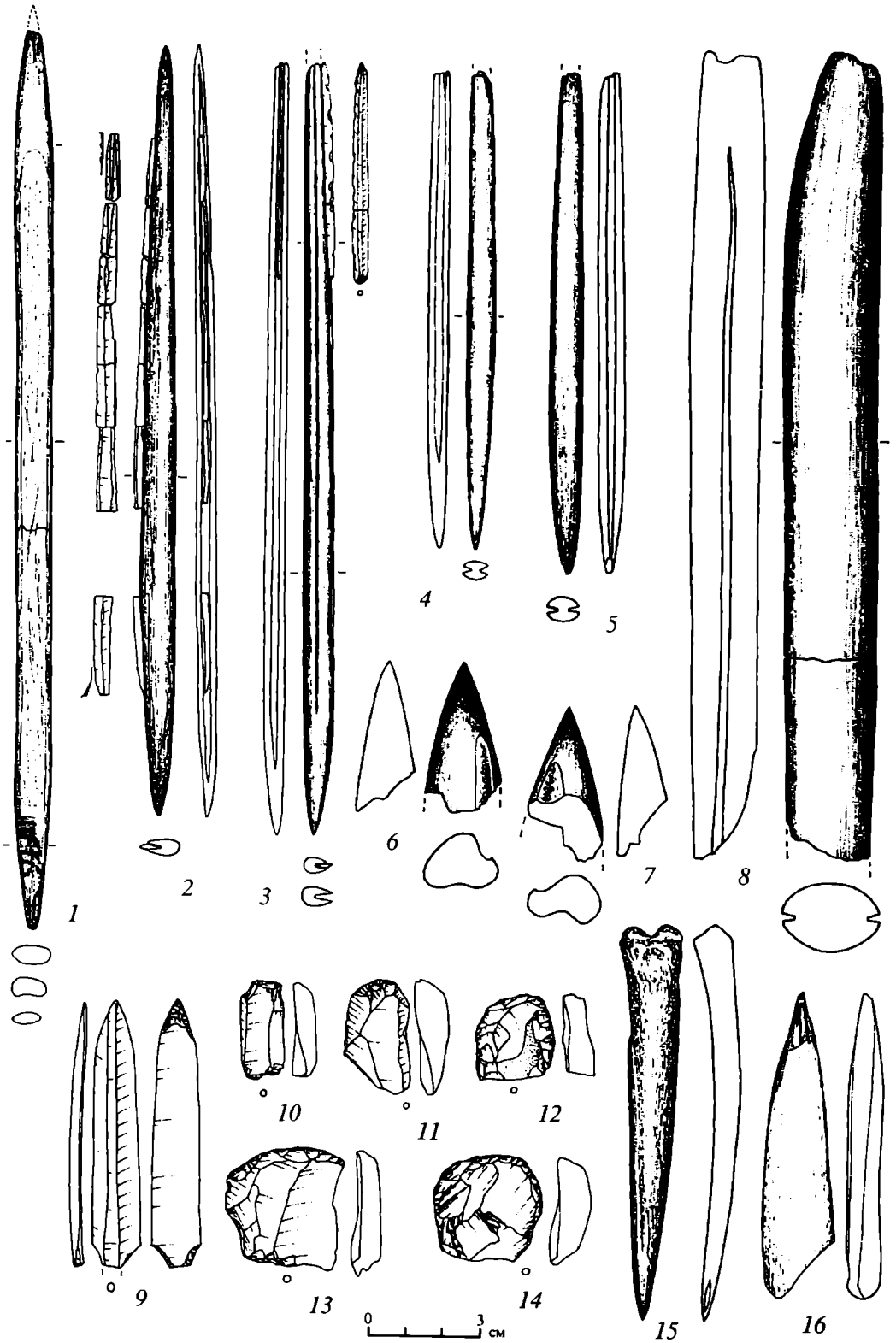


Рис. 6. Становое 4, раскоп 3, культурный слой IV, изделия из кости

оставившая нижний культурный слой в раскопе 3, функционировала перед началом озерной трансгрессии, отложившей слой 8. Сохранность изделий из кости и рога, лежавших на морене в западной части раскопа, указывает на то, что они некоторое время находились на суше, прежде чем были затоплены и перекрыты сапропелем.

Раскоп 4 заложен к югу от раскопа 3. В 2002 г. вскрыто 97 м². Стратиграфия в целом близка стратиграфии раскопа 3, однако здесь представлены только различные водные отложения, соответствующие его средней части. Плотность находок здесь очень низкая, особенно в нижнем слое. Эти факты убедительно говорят о том, что раскопом исследованы шлейфы культурных слоев на периферии памятника. Шурфы, зачистки и буровые скважины дополняют картину.

Полученные данные позволяют наметить историю заселения Станового 4 (рис. 7). Древнейшее поселение раннего этапа бутовской культуры возникает в конце позднего дриаса, немного ранее 10 300 лет назад, во время регрессии палеоозера. Оно располагалось на стрелке мыса на правом берегу древней Лахости, на гравийном пляже и несколько выше по склону. На другом берегу речки в это время также велась производственная деятельность, о чем говорят находки в слое 9 на ее левом берегу. Начавшаяся около 10 300 лет назад трансгрессия привела к затоплению этого места. Во время следующей кратковременной регрессии, около 9600 лет назад, когда поверхность отложившегося сапропеля обсохла, на правом берегу Лахости возникает небольшая кратковременная стоянка иеневской культуры. Она была затоплена около 9560 лет назад, в начале следующей трансгрессии. Во время очередной регрессии палеоозера, около 9300–8850 лет назад, на этом мысу существует поселение среднего этапа бутовской культуры. Мощность и насыщенность культурного слоя III в раскопе 3 значительно выше на правом берегу Лахости, хотя небольшое количество находок указывает и на использование площадки на левом берегу. Около 8800 лет назад поселение переместилось севернее. Во второй половине бореального периода стоянка позднего этапа бутовской культуры располагалась на более высокой площадке мыса к западу от раскопов 2 и 3, культурный слой этого времени выявлен в раскопе 1. Слои финального мезолита на данном памятнике не представлены. Стоянка самого начала верхневолжской культуры возникает в северной части низкого мыса на берегу протоки в начальный период следующей трансгрессии, около 7100–7000 лет назад. В это время отложился слой самого начала верхневолжской культуры в раскопе 2. Около 7000 лет назад она была затоплена. На протяжении неолита уровень воды в заливе оставался высоким. Бурное течение в половодье привело к размыву более древних слоев и формированию берегового вала на стрелке мыса на правом берегу протоки. Наличие отдельных находок льяловской культуры во всех трех раскопах говорит об эпизодических посещениях в среднем неолите. Последний раз поселение Становое 4 заселяется в эпоху бронзы, в начале озерной трансгрессии, которую отмечает слой 3б в раскопах 2 и 3. Уровень воды в это время был наиболее высоким за всю историю заселения памятника.

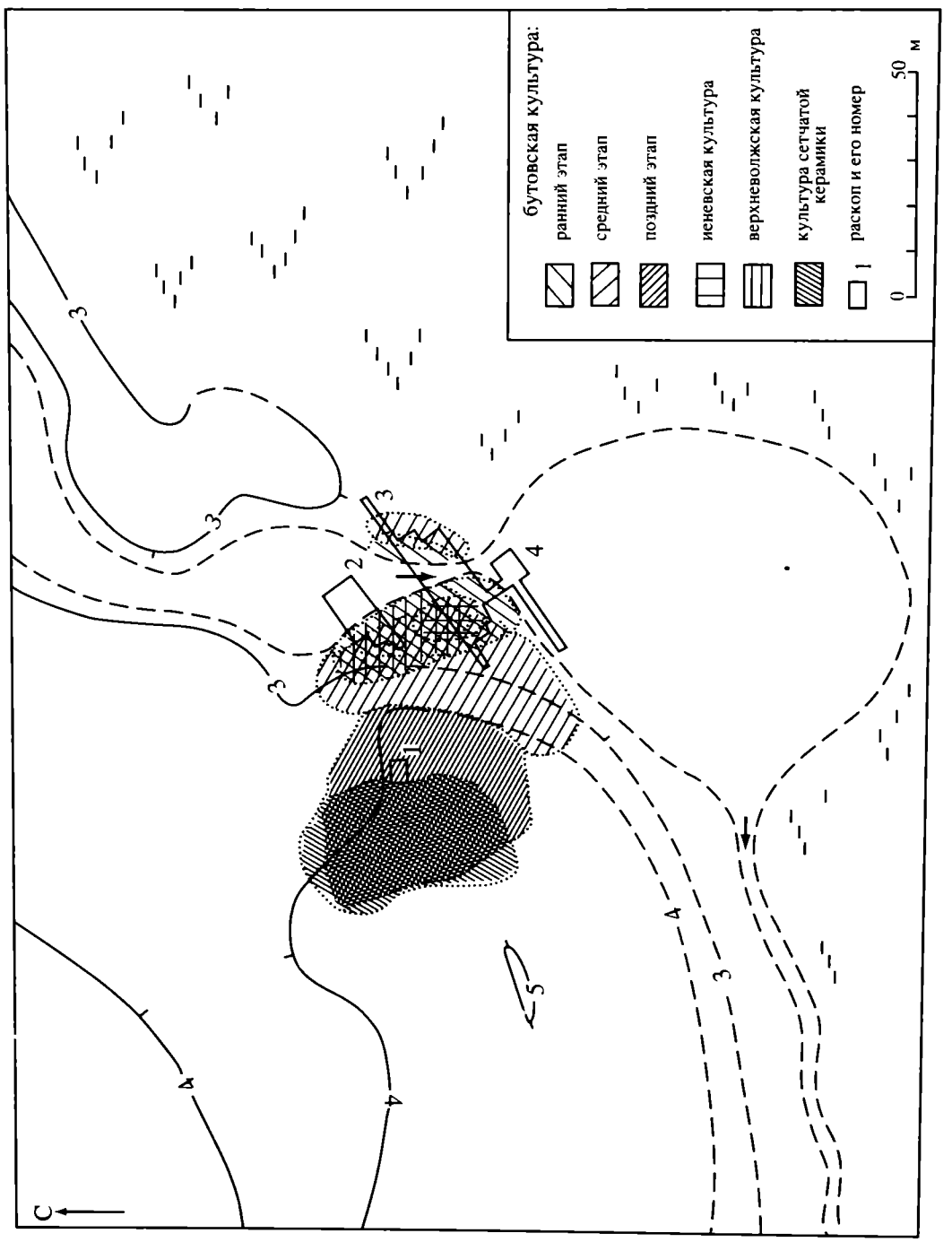


Рис. 7. План-реконструкция заселения Станового

Наибольший интерес представляет нижний культурный слой Станового 4, давший представительный набор орудий бутовской культуры из камня, кости и рога. Из фаунистических остатков встречены кости лесных зверей, среди которых доминируют лось и бобр. Найдены кости водоплавающих птиц и рыб (*Жилин*, 2002б. С. 112–122). Это позволяет говорить, что бутовская культура на данном памятнике предстает в конце позднего дриаса уже сложившейся мезолитической культурой охотников-рыболовов-собирателей лесной зоны Восточной Европы (*Жилин*, 2004а). Будучи синхронным среднему этапу свидерской культуры (*Schild*, 1996), нижний слой Станового 4 отличается от ее памятников как по технологии изготовления и типам каменных орудий, так и по хозяйственной ориентации. Вследствие этого, вероятно, сейчас бутовскую культуру не следует генетически связывать со свидерской напрямую. Близость каменного инвентаря нижнего слоя Станового 4 и палеолитических стоянок Верхнего Поволжья типа Золоторучья 1 говорит о вероятном сложении бутовской культуры на основе местного финального палеолита (*Жилин*, 2004б). Выяснение деталей и механизмов этого процесса – задача дальнейших исследований.

Раскопки Станового 4 позволили проследить поступательное развитие бутовской культуры в пределах одной озерной котловины на протяжении двух тысяч лет с конца позднего дриаса до последней четверти бореального периода. За это время под воздействием природных изменений смещалась основная площадь поселения, которое, по имеющимся данным, посещалось в теплое время года. Значительные перерывы в заселении в первой половине – середине пребореального периода и освоение площадки памятника носителями разных культур говорят об очень низкой плотности и высокой подвижности населения в Волго-Окском междуречье в начале мезолита. С конца пребореального периода плотность бутовского населения возрастает, и котловина Подозерского палеоозера им прочно осваивается. Прослеживается четкая преемственность в типах орудий из камня, кости и рога и технологии их изготовления от ранних к поздним слоям бутовской культуры на данном памятнике. Хозяйство бутовского населения Станового 4 за это время практически не меняется. Вместе с тем появляются новые типы оружия и орудий труда, исчезают некоторые из бытовавших ранее. Развитие этой группы бутовского населения отражает общие тенденции развития бутовской культуры Волго-Окского междуречья. Выяснение специфических черт этой группы представляется одной из интересных задач будущего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Аверин В.А., Жилин М.Г., 2001. Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. Вып. 5.

Алешинская А.С., 2001. Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.

Жилин М.Г., 1998. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 3.

Жилин М.Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.

Жилин М.Г., 2002а. Костяная индустрия мезолитической бутовской культуры в Верхнем Поволжье // СА. № 3.

Жилин М.Г., 2002б. Охота и рыболовство в мезолите Волго-Окского междуречья (по материалам торфяниковых поселений) // Материалы Северного археологического конгресса: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск.

Жилин М.Г., 2002в. Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 5.

Жилин М.Г., 2004а. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.

Жилин М.Г., 2004б. Мезолит Волго-Окского междуречья: Некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М.

Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н., Жилин М.Г., 2002. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 5.

Schild R., 1996. Radiochronology of the Early Mesolithic in Poland // Larsson L. (ed.). The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship to neighbouring areas. (Acta Archaeologica Lundensia. 80. № 24.)

Zhilin M.G., 1998. Technology of the Manufacture of Mesolithic Bone Arrowheads on the Upper Volga // European Journal of Archaeology. Vol. 1, № 2.

Zhilin M.G., Matiskainen H., 2003. Deep in Russia, deep in the bog: Excavations of Stanovoje 4 and Sahtysh 14, Upper Volga region // Larsson L., Kindgren H., Knutssom K., Leffler D., Akerlund A. (eds). Mesolithic on the Move: Oxbow books. Oxford.

А.Н. Гей

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

(о работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 г.)

В последние годы Северо-Кавказская экспедиция Института археологии РАН ведет исследования древних памятников в западных районах Краснодарского края[1]. В соответствии с тематикой поддержанных фондами научных проектов ("К истории освоения предгорий Северо-Западного Кавказа" и "История формирования культурных ландшафтов Северо-Западного Кавказа") основной упор делается на комплексное исследование памятников различных эпох и разных археологических культур с целью воссоздания целостной картины исторического развития региона и решения вопросов взаимодействия обитавших здесь обществ и природной среды. Такие масштабные задачи требуют привлечения материалов не просто с больших территорий, но и происходящих из различных природных и ландшафтных зон. Для этих целей Западный Кавказ и прилегающие территории с их разнообразными природно-климатическими условиями являются если не оптималь-

[1] Работы ведутся на средства РГНФ (проект № 04-01-18057е), РФФИ (проект № 03-06-80439), Президиума РАН (программа "Взаимодействие древних культур Евразии") и Комитета по охране и использованию историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края.

ным, то крайне подходящим районом, поскольку здесь смыкаются равнинные ландшафты степной зоны, зона влажных лесов низкогорья (северные склоны и сами лесистые хребты) и прибрежные участки Черноморского побережья с их средиземноморским, а восточнее и субтропическим, климатом.

В степном регионе исследования ведутся давно. В частности, нашей экспедицией и в Прикубанье, и в Закубанье начиная с 1979 г. изучены многочисленные погребальные и поселенческие памятники, датируемые от энеолита до позднего средневековья (*Гей, Каменецкий*, 1986; *Сорокина*, 2001). Большие материалы такого же хронологического диапазона получены Северо-Кавказской и Новороссийской экспедициями ИА РАН и в прибрежной полосе, в районе Новороссийска и на полуострове Абрау (поселение Мысхако, Раевское городище) (*Антипина и др.*, 2001; *Гей и др.*, 2002; *Гей, Гольева, Малышев*, 2004). Что касается горной зоны, то изученность ее до сих пор заметно уступает изученности этих двух областей. Многие участки ее обследованы слабо или не изучены вовсе, беден состав разведанных памятников (дольмены и средневековые курганные могильники), соответственно, трудно говорить о характере и степени освоения ее в разные эпохи. Вот почему от спорадических разведок и экскурсий, предпринимавшихся экспедицией с середины 1980-х годов (*Гей, Мелешко*, 1996; *Малышев и др.*, 2003), в 2003 г. мы перешли к планомерному обследованию горной части Абинского р-на Краснодарского края (долина р. Абин в районе станиц Шапсугской и Эриванской). Во многом этот выбор был предопределен тем, что р. Абин является самым протяженным из 24 левых притоков Кубани от ее устья до впадения в нее р. Афипс; долина его выделяется не только длиной, но шириной и разработанностью, и будучи посещаема археологами с конца XIX в. (Е.Д. Фелицын, В.И. Сизов, Г.Н. Сорохтин), она никогда не была местом стационарных раскопок. Дополнительными, но также немаловажными, факторами явились беспрецедентное расширение грабительских раскопок, отмечаемое здесь с начала 1990-х годов, и все возрастающий поток экскурсантов различного толка (религиозно-мистического в том числе), крайне негативно сказывающийся на сохранности памятников. Совокупное их действие, вне всяких сомнений, грозит полным уничтожением и мегалитов, и курганных могильников уже в ближайшие десятилетия.

Поражает воображение и сама насыщенность Абинской долины археологическими объектами. По данным инвентаризации памятников, проведенной в 1992 г. Краснодарским комитетом по охране и использованию памятников истории и культуры (в Абинском р-не выполнена А.В. Пьянковым при помощи местных краеведов – Г.Ф. Акимченкова и др.) (Закон... 2001. С. 52–69), только в горном течении Абина зафиксировано 37 курганных могильников, насчитывающих в общей сложности более 1600 насыпей. Помнится, что в 1980-е годы, когда М.К. Тешев, проводивший обследование Туапсинского р-на, фиксировал по 1500–2000 курганов в год, причем число их в одном могильнике достигало 340, это воспринималось с недоверием. После разведок по Абину, где крупные могильники с сотнями курганов не редкость (только в окрестностях ст. Шапсугской отмечено более 1000 курганов), можно утверждать, что такая насыщенность обычна для межгорных

долин Западного Кавказа и отражает определенные исторические реалии, например, характер освоения территорий в отдельные эпохи, а может быть, и значительную плотность населения.

Сходным образом обстоит дело и с дольменами. По подсчетам В.И. Марковина, обобщившего разрозненные данные предшественников (сам он эти районы не посещал, сосредоточившись на памятниках Черноморского побережья и Адыгеи), в окрестностях станиц Шапсугской и Эриванской насчитывалось до 90 дольменных построек (*Марковин*, 1978. С. 28, 29). В результате упомянутой инвентаризации 1992 г. здесь отмечено 123 дольмена в составе 16 местонахождений или пунктов. За несколько лет разведок (1995, 1996, 2002, 2003) нами было осмотрено 120 дольменов, при том что некоторые из известных пунктов (Малогреческий, восточный склон Шизе, Крученая Щель II и ряд других) пока не отысканы, зато в других их обнаружено значительно больше, чем предшественниками (в Крученой Щели I – 51 вместо 19; в Эриванском XVII – 39 вместо 23), а в некоторых (Грузинка VII) обнаружены и сосчитаны дольмены, считавшиеся утраченными или разбитыми на камень уже в конце XIX в. (*Сысоев*, 1904. С. 98). Несколько целых или разобранных дольменов выявлено впервые (Шизе IV, Грузинка XI, Грузинка VIII).

Решение перечисленных выше научных проблем уже в самом начале работ поставило перед экспедицией ряд конкретных задач. Среди них: составление максимально полной и подробной археологической карты региона – "полигона" для последующей оценки плотности и ландшафтной приуроченности памятников; определение состава и максимально полных характеристик различных видов памятников для воссоздания этнокультурных ситуаций и разработки по возможности более дробной хронологической шкалы, позволяющей реконструировать динамическую картину сменяющих друг друга культур, с тем чтобы впоследствии соотнести ее и с динамикой палеоклиматов, и с культурно-хронологическими схемами иных, ближних и дальних, областей. Именно поэтому мы не стали изначально сосредоточиваться на памятниках одного вида или одного времени.

Обследование дольменных памятников позволяет уже сейчас говорить о двух вариантах их расположения на местности. Основная масса (и единичные дольмены, и крупные их группы) находится в долинах, относительно недалеко от речных русел, занимая высокие террасообразные уступы или участки наклонных полян у подножия гор и хребтов. Меньшее число (единичные дольмены или небольшие группы) сооружено на водораздельных высотах, вершинах гор вплоть до гребня Главного Кавказского хребта (Коцехур I). В крупных могильниках дольменные постройки сгруппированы рядами, часто параллельными и ориентированными вдоль склона или края уступа/террасы. И единичные постройки, и ряды их обычно воздвигнуты на возвышениях или утоплены в них, причем во многих случаях искусственный характер этих насыпей или платформ сомнений не вызывает. По условиям сохранности или залегания тип дольмена без раскопок определяется не более чем в половине случаев, однако разнообразие форм и конструкций достаточно очевидно. Среди определимых абсолютное боль-

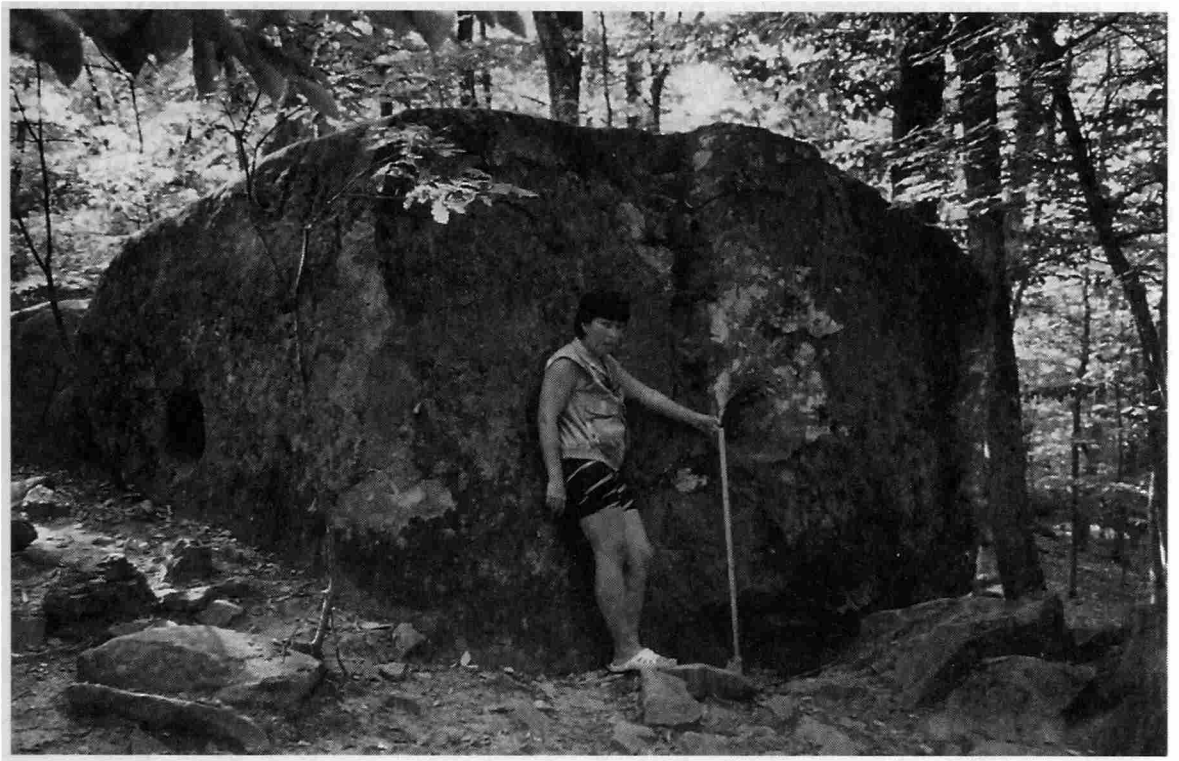


Рис. 1. Дольменная "мастерская" на Крейдяной горе

шинство составляют обычные плиточные. Среди них отмечены и необычные варианты: с пазами для боковых стенок, протесанными на фасадной и задней плитах (Винджего, Большой Шапсугский комплекс), с орнаментированной елочным узором из насечек фасадной плитой (Крученая Щель I, дольмен 16; Коцехур II). Единичны корытообразные дольмены (Крейдяная гора, Шапсугский X) и корытообразные с ложной втулкой на фасаде (Супрунов Бугор, Шизе – восточный отрог), а также составные блочные "апсидной" в плане формы (Супрунов Бугор, Эриванский XVII, Коцехур II). На Крейдяной горе имеются скальные выходы, известные как "дольменная мастерская", где на массивном выступе скалы начато протирание двух отверстий-входов, одно из которых обрамлено намеченными портальными выступами (рис. 1). Неясно, правда, имеем ли мы здесь дело с незаконченным дольменом-монолитом, или же это заготовка обычного корытообразного сооружения. По проведенным нами предварительным подсчетам, доля корытообразных сооружений в долине Абина и для Абинского р-на в целом (около 3%) оказывается значительно меньшей, чем, скажем, в расположенном восточнее Туапсинском р-не (до 15%, по материалам многолетних разведок М.К. Тешева, отраженным в отчетах ИА РАН). По предположению работавшего в экспедиции геолога (О.Е. Вязковой, Московский государственный геологоразведочный университет), это может быть связано с относительной редкостью массивных скальных выходов на западной оконечности Кавказских гор, где преобладают известняки и слоистые песчани-

ки. Если наши наблюдения и подсчеты подтвердятся в дальнейшем, естественным станет вопрос, не являются ли фиксируемые типологические различия дольменов следствием не только (а может быть, и не столько) хронологических различий, как это сейчас предполагается (*Марковин*, 1978. С. 185), но и распространения в природе применявшихся древними строителями материалов.

Интересные данные получены в ходе начатых в 2003 г. раскопок развалов плиточных дольменов Б и Г могильника Грузинка VII, у которых полностью исследованы камеры и частично прилегающие конструкции – круглые в плане насыпи, состоящие преимущественно из валунов и булыжника. Перед фасадом дольмена Г установлено наличие особого дворика, аккуратно вымощенного окатанными плитками (рис. 2) и ограниченного с одной стороны (другая пока не расчищена) массивным каменным блоком. В обоих случаях полы камер состояли из нескольких тщательно подобранных плоских плит, уложенных поперек длинной оси сооружения. У меньшего по размерам дольмена Б одна из этих плит имела протесанный желобчатый паз для установки в него фасадной плиты. На дольмене Г неодинаковая высота боковых плит сооружения была компенсирована путем специальной кладки из небольших блоков (?), сооруженной под восточной стеной, точно так же, как это было отмечено в 2002 г. при раскопках дольмена А этого же памятника. Следует отметить, что подобные конструктивные детали, крайне важные для расширения набора признаков, используемых при классификации достаточно простых самих по себе конструкций, фиксируются только при раскопках (пока еще очень немногочисленных по сравнению, скажем, с раскопками степных курганов), в том числе при раскопках околодольменных конструкций (примеры которых вообще единичны). В нашем случае общность конструктивных приемов, отмеченная для дольменов А и Г, вероятно, может рассматриваться как свидетельство близости их по времени и принадлежности одному коллективу "строителей дольменов".

При раскопках камеры дольмена Б расчищены плохо сохранившиеся, в основном смещенные с первоначального своего места, останки 4–6 индивидов (3–4 взрослых и 1–2 детей)[2]. Сохранившийся лучше других костяк ребенка был ориентирован головой на ЮЮВ, или к входному отверстию. Захоронен он был предположительно в вытянутом положении на спине. Наряду с человеческими здесь же найдены кости собаки и овцы/козы[3].

В разных местах камеры, в основном под стенками и в углах, обнаружены фрагменты и развалы как минимум 8 тонкостенных горшковидных лепных сосудов. Однозначно определить их культурную принадлежность и датировку при нынешнем состоянии изученности памятников региона не представляется возможным. Однако венчик сосуда с рельефным орнаментом

[2] Здесь и далее антропологические определения принадлежат М.В. Добровольской (Институт археологии РАН).

[3] Определения костей животных выполнены Е.В. Добровольской (Институт проблем эволюции и экологии РАН).

Рис. 2. Грузинка VII. Дольмен Г. Вид с юго-востока

или расчлененным валиком из юго-западного угла (рис. 3, *2*) имеет аналогии среди материалов конца эпохи средней – начала поздней бронзы из памятников типа Гамовской Балки (*Каминская, Шарафутдинова*, 1999. Рис. 6, *6, 7*) и недвусмысленно указывает на присутствие в дольмене материалов бронзового века.

В завале камней перед входом в дольмен вместе с разрозненными (выброшенными из него) человеческими костями обнаружен небольшой двуручный "канфаровидный" лепной сосудик с цилиндрическими выступами на верхней части ручек (рис. 3, *1*). Ковши или черпаки с такими же ручками известны в протомеотских могильниках Абинского р-на и окрестностей Геленджика, датируемых в пределах VII в. до н.э., и определяются как сугубо местная разновидность этой керамической формы (*Василиненко, Кондрашев, Пьянков*, 1993). Это дает основания для приблизительной датировки позднейшего пласта впускных захоронений в дольмене Б.

В камере дольмена Г находились плохо сохранившиеся перемешанные остатки 16 костяков (10–14 взрослых и двух детей). Не исключено, что некоторые из них были также ориентированы головами на ЮЮВ, или в сторону входного отверстия. Определимые обломки костей животных принадлежат двум–трем особям собаки и одной–двум особям лошади. Керамика представлена фрагментами как минимум от 12–15 лепных сосудов различных форм и размеров. Один из обломков представляет собой небольшую налепную ручку с горизонтальным отверстием-проколом и рельефной профилировкой поверхности (рис. 3, *8*), имеющую четкие аналогии среди ручек амфоровидных сосудиков, бытовавших у населения степного Прикубанья начиная от финала новотиторовской культуры вплоть до позднекатакомбной батуринской культуры, т.е. в период средней бронзы. Это наиболее архаичная и выразительная находка, сделанная в камере дольмена Г. Большинство же реконструируемых форм представляет собой тонкостенные подлощенные и лощеные горшковидные сосуды и ковши протомеотской культуры (рис. 3, *9–11*).

Среди индивидуальных находок из заполнения камеры происходят бронзовая литая бляшка-пуговица (рис. 3, *5*), 2 бронзовые витые пронизи (рис. 3, *6, 7*), сферическая бусина сине-зеленого стекла, глиняное лепное пряслице и тщательно отшлифованный каменный оселок со сверлиной для подвешивания. Все эти вещи относятся, скорее всего, также к протомеотскому времени. Бронзовая бляха-пуговица из дольмена Г определенным образом перекликается с уздечными бляхами протомеотского и раннескифского времени из различных памятников Прикубанья и Предкавказья (*Пьянков, Хачатурова*, 2003. С. 61. Рис. 1, *5, 9*).

В заполнении дворика дольмена найдены половинка глиняного пряслица, голубая стеклянная бусина, еще одна бронзовая витая пронизка, обломки железного предмета – возможно, ножа.

Таким образом, в ходе раскопок камеры и "дворика" дольмена Г обнаружены разнообразные материалы, датируемые по крайней мере от эпохи средней бронзы до первой половины I тыс. до н.э. (последних большинство). Важно отметить, что вытянутые захоронения, ориентированные головами к

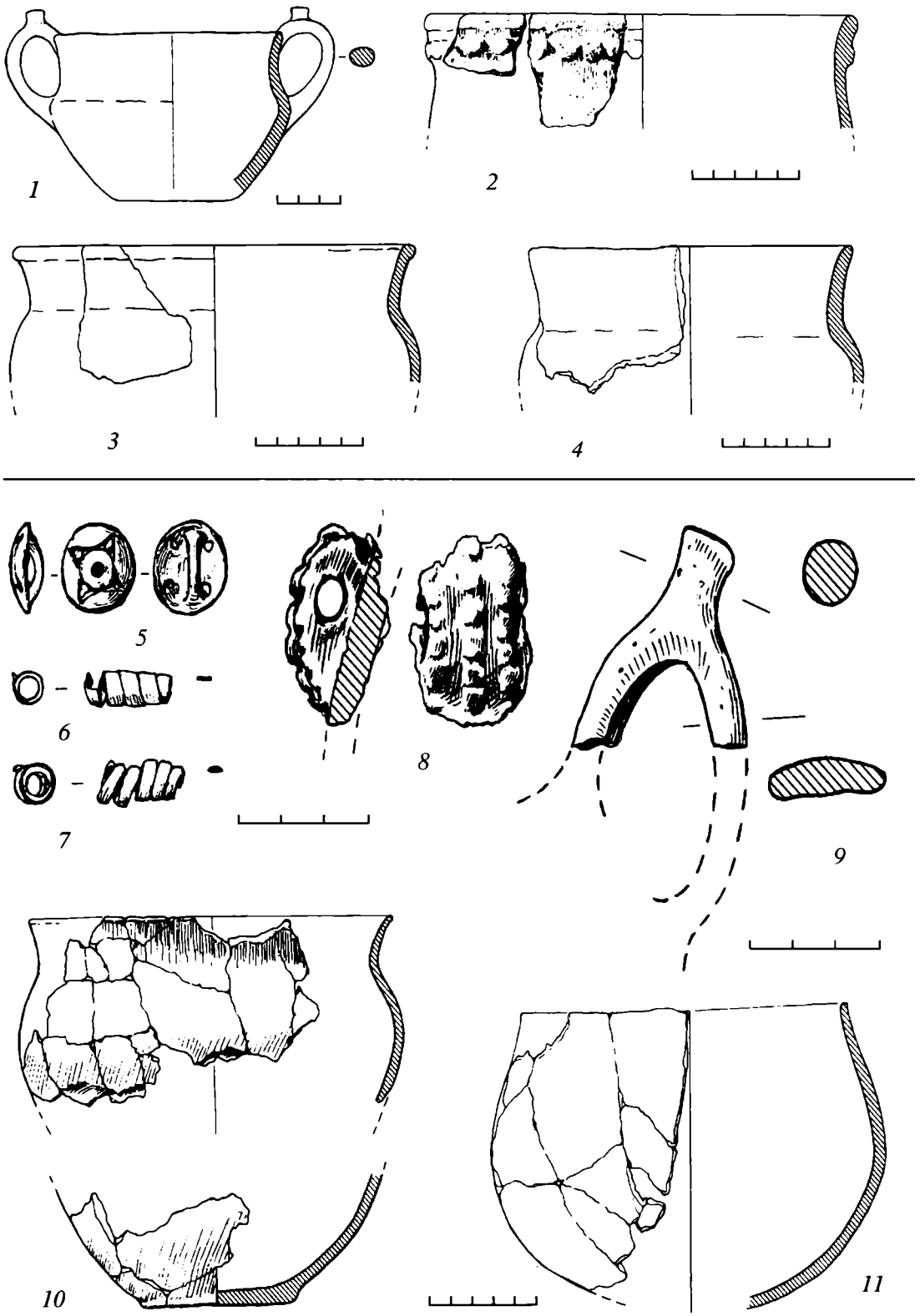


Рис. 3. Грузинка VII, находки из дольменов
1–4 – дольмен Б; *5–11* – дольмен Г (*1–4, 8–11* – керамика; *5–7* – бронза)

входу и сопровождавшиеся железными ножами и наконечниками копий, а также типичной протомеотской керамикой, были выявлены в предыдущие годы в дольмене А Грузинки VII и в дольмене 16 группы Крученая Щель I. Очевидно, можно говорить о регулярном использовании дольменов для захоронений местной абинской группой протомеотского населения, что отличает ее от других территориальных групп этой культуры, использовавших грунтовые могильники или впускавших свои захоронения в насыпи более древних курганов.

Следующее направление работ экспедиции связано с изучением курганных могильников – второй крупной категории археологических памятников, широко представленной именно в горных районах. Небольшие размеры хорошо выраженных в рельефе насыпей (от 2 до 16 м в диаметре, при высоте от 0,2 до 3–3,5 м), наличие каменных обкладок в их основании и состав находок, происходящих из разрушенных курганов и грабительских отвалов, свидетельствуют о принадлежности подавляющего их большинства к эпохе средневековья (курганы так называемого белореченского типа, "черкесские могилы" и т.д.). Проведенное обследование показало, что в долине Абина и его притоков представлены как очень крупные, включающие до нескольких сотен насыпей (Большой Шапсугский, Шизе IV и др.), так и небольшие, состоящие из нескольких насыпей могильники, а также одиночные курганы (Калинков I). Занимают они горизонтальные участки террас, более высокие наклонные участки у подножия гор и хребтов, с захватом нижней части достаточно крутых склонов, а также террасообразные уступы, скорее всего естественного происхождения, на склонах гор. В отдельных случаях небольшие группы мелких курганов отмечены у вершин горных отрогов или на подъемах на водораздельные хребты, но значительно ниже, чем водораздельные дольмены. Крупные могильники, как правило, отстоят на 3–4 км один от другого, мелкие рассеяны в промежутках между ними, что, видимо, отражает особенности освоения территории (расселения?).

Уже по наблюдениям, сделанным в ходе разведок, очевидной стала разнотипность курганных насыпей и скрывающихся под ними могильных конструкций. К первой разновидности можно отнести пологие, как бы оплывшие возвышения со значительным содержанием камня во всем теле насыпи. Их очень немного (не более 6), причем только одна не имеет признаков ограбления. Сходство по форме и составу с насыпями, окружающими дольмены, массивность каменных плит, видимых в грабительских ямах, а также расположение во всех случаях в непосредственной близости от дольменов, – все это позволяет высказать предположение о принадлежности их к числу памятников бронзового века, что требует, разумеется, проверки путем раскопок. Ко второй разновидности относятся небольшие пологие земляные курганчики с обкладками из булыжника по основанию, зачастую образующие компактные участки в составе крупных могильников. В третью разновидность объединяются средние и крупные земляные курганы, отличающиеся крутизной склонов, с обкладками из булыжника, валунов, плит или даже крупных блоков по основанию. Каменные конструкции в грабительских ямах чаще всего не видны, в некоторых случаях представлены скоплениями

Рис. 4. Грузинка Ха. Курган 1

булыжника, гальки или выходами крупных по размерам, но очень тонких, каменных плит.

Такое разнообразие свидетельствует о вероятной разнотипности и разновременности земляных курганов. Для проверки этого предположения в 2003 г. были предприняты раскопки трех курганов в двух группах. Один, относящийся ко второй разновидности, был раскопан на курганно-дольменном комплексе Шизе IV и содержал два захоронения по обряду трупосожжения и ингумационное захоронение коня, сопровождавшееся набором оружия и конского снаряжения. Трупосожжение 1 было помещено в лепной горшок, урной для трупосожжения 2 служила кружальная корчага с двумя ручками, покрытая расчесами по всей поверхности. По составу находок (посуды, украшений, орудий и оружия) все они могут быть предварительно датированы XII–XIII вв. н.э.

Два небольших кургана третьей разновидности были раскопаны в группе Грузинка Ха. В кургане 1 (рис. 4) открыто единственное безынвентарное захоронение на горизонте, совершенное по обряду ингумации. Взрослый субъект был уложен в вытянутом положении на спине, головой на ЗСЗ. Аналогичное по обряду погребение находилось и в центре кургана 2, но здесь, кроме обычной каменной обкладки по основанию, вокруг костяка была сооружена гробницеобразная каменная выкладка-крепида (рис. 5), анало-

Рис. 5. Грузинка Ха. Курган 2. Вид с северо-запада

гичная каменным конструкциям, известным по раскопкам могильника Бжид 2 в Туапсинском р-не (*Шишлов и др.*, 2003). Такое сходство, а также облик инвентаря (железные нож и наконечник копья, кресальный кремень), указывают на позднесредневековый возраст памятника (предположительно XIV–XVI вв. н.э.).

Отмечу, что курганы второй разновидности, очевидно более древние, пока с уверенностью определяются в составе только трех могильников (Шизе IV, Шапсугский XI, Большой Шапсугский), третья же разновидность представлена практически во всех курганных группах.

Тот факт, что в процессе уже многолетних разведочных и проведенных в 2003 г. раскопочных работ мы имели дело исключительно с погребальными памятниками нескольких хронологических пластов, с особой остротой поставил вопрос о наличии в долине Абина древних поселений. Без них проблема освоения территории приобретает "усеченный" вид, поскольку напрашивается предположение, что она использовалась исключительно или преимущественно как "долина смерти", место захоронения умерших членов коллективов, жизнь и хозяйственная деятельность которых протекали вне горных районов, на Закубанской равнине и в низких предгорьях. Стоит ли говорить, что демографические реконструкции в этой ситуации вообще маловероятны. Зафиксированные к настоящему времени в Абинском р-не

18 поселений (Закон... 2001) открыты исключительно на плоскости, причем все они датируются либо ранним железным веком, либо средневековьем. Только на местонахождении Гусева Балка у западной окраины г. Абинска[4] наряду с керамикой раннего железного века встречается кремень эпохи энеолита – ранней бронзы. В горной же зоне вокруг Абина известны только так называемые городища-убежища на вершинах высоких гор (Свинцовая, Острая) (Закон... 2001. С. 63, 65). Считается, что они лишены слоя, но датируются, тем не менее, эпохой средневековья.

Предпринятые попытки определения удобных для поселений мест с опорой на имеющиеся исторические свидетельства и этнографические материалы оказались неудачными. Известно, что Абинская долина является центром племенной территории адыгов-шапсугов, поголовное переселение которых в Османскую империю произошло в самом конце Кавказской войны, в 1864 г. В известных описаниях Кавказа, оставленных авторами XIX в., их система расселения характеризуется как рассеянная (*Броневский*, 1999. С. 135; *Торнау*, 2000. С. 105), при которой "жилища... разбросаны на большом расстоянии друг от друга вдоль течения речек и ручьев", а "одна деревня занимает целую долину и тянется на 15–20 верст, что весьма затрудняет их точное описание и перечисление" (*Бларамберг*, 1999. С. 141). Не исключено, что существующие в настоящее время и используемые под сенокосы поляны, а также заросли диких и одичавших фруктовых деревьев, не являются исключительно новообразованиями. Часть их (неясно, правда, какая) может отражать систему хозяйствования и природопользования, существовавшую у шапсугов. Однако следы хозяйственных и жилых строений ни на самих полянах, ни в окрестностях либо не сохранились, либо не найдены.

Значительный интерес для этой важной темы представляют результаты шурфовки, предпринятой в 2003 г. на наклонных полянах у подножия хребта Грузинка (правый берег Абина). В пункте Грузинка Хб, находящемся в 400–450 м от реки, на высоте 20–25 м от ее русла и в непосредственной близости от средневековых курганных групп, были открыты погребенная почва и приуроченные к верхним ее горизонтам культурные остатки. Представлены они фрагментами глиняной обмазки или турлука, костями животных (почти исключительно крупного рогатого скота и единичными зубами кабана, по определению Е.Е. Антипиной), единичными кремневыми сколами и мелкофрагментированной керамикой. Большая часть ее – стенки лепных сосудов, из верхнего горизонта происходит венчик кружальной миски, сходной с классическими меотскими формами. Определить, имеем ли мы дело с переотложенными остатками или с бедным периферийным культурным слоем, по имеющимся данным нельзя, но тот факт, что это остатки именно поселенческого памятника, сомнений не вызывает. Косвенным указанием на вероятный возраст его может служить радиокарбонная дата, полученная по гуминовым кислотам для самой вмещающей культурные остатки погребенной почвы, – 3390 ± 90 BP, или 1759 (1680) 1527 BC cal. (ИГАН-2894).

[4] Благодарю В.П. Пономарева за предоставленную информацию.

Таким образом, речь идет, скорее всего, о второй половине эпохи бронзы – раннем железном веке.

Основные результаты пока еще очень небольших проведенных работ сводятся к следующему.

1. Определение примерной шкалы имеющихся в регионе культур и детализация ее. Главным здесь является выявление целого, оригинального по обряду пласта памятников начала раннего железного века, представляющих, по-видимому, особый вариант протомеотской культуры. Начаты работы по дифференциации средневековых древностей региона. В пределах нерасчленимого до сих пор массива средневековых курганов с каменными обкладками по основанию выделены ранние (XII–XIII вв. н.э.) – с трупосожжениями и жертвенными захоронениями коней, ряд черт которых позволяет ставить вопрос о присутствии тюркского компонента, и более поздние (XIV–XVI вв.), принадлежащие, по всей видимости, адыгам-шапсугам.

2. Установление разнообразия дольменных памятников и выделение ряда своеобразных конструктивных черт дольменов горных районов Западного Кавказа, позволяющее наметить некоторые отличия их от дольменов Черноморского побережья и восточных районов распространения культуры.

3. Собранные в ходе разведок и раскопок материалы для реконструкции палеоклиматов и палеоландшафтов, демонстрирующие достаточно динамичные природные и геоморфологические процессы, позволили сформулировать стратегию поиска неизвестных для данного региона поселенческих памятников или их остатков, которую предполагается проверить в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Ек.Е., Армарчук Е.А., Гей А.Н., Лебедева Е.Ю., Малышев А.А., Александровский А.А., Гольева А.А., Вязкова О.Е., 2001. Междисциплинарные исследования археологических памятников предгорий Северо-Западного Кавказа // Древности Боспора. М. Вып. 4.

Бларамберг И., 1999. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик.

Броневский С., 1999. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик. (Переиздание книги: М., 1823.)

Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В., 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар. Вып. I.

Гей А.Н., Гольева А.А., Малышев А.А., 2004. Некоторые результаты комплексных археологических исследований на полуострове Абрау // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. М. (XXIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа.)

Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.

Гей А.Н., Малышев А.А., Антипина Ек.Е., Богатенков Д.В., Вязкова О.Е., Гольева А.А., Дробышевский С.В., Козловская М.В., Лебедева Е.Ю., 2002. Палеоэкология Северо-Западного Кавказа (работы Северо-Кавказской археологической экспедиции в 2001 г.) // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 8.

Гей А.Н., Мелешко Б.В., 1996. Археологическая экскурсия по Закубанью осенью 1995 г. // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"): Тез. докл. М.

Закон Краснодарского края о внесении изменений и дополнений в приложения 1, 2, 3 и 4 к Закону Краснодарского края о пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного значения, расположенных на территории Краснодарского края // Информационный бюллетень Законодательного собрания Краснодарского края. Краснодар. Спец. вып. 7 декабря 2001 г.

Каминская И.В., Шарафутдинова Э.С., 1999. Жилой комплекс Гамовская Балка – новый памятник эпохи средней бронзы на Северо-Западном Кавказе // Археологические вести. СПб. № 6.

Малышев А.А., Гей А.Н., Демичев К.А., Савченко Е.И., Честных Д., 2003. Работы Северо-Кавказской археологической экспедиции в 2002 году // АО 2002 г. М.

Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.

Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 2003. Материалы предскифского и скифского времени из фондов Краснодарского музея-заповедника (некоторые неопубликованные находки последних десятилетий) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 3.

Сорокина И.А., 2001. Курганные могильники Закубанья. Краснодар.

Сысоев В.М., 1904. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году // МАК. Т. IX.

Торнау Ф.Ф., 2000. Воспоминания кавказского офицера. М.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизенек Л.Н., Дмитрук В.В., 2003. Исследование курганного могильника Бжид 2 в 2001 г. // Исторические записки: Исследования и материалы. Новороссийск. Вып. 4.

А.Р. Канторович, В.Р. Эрлих

УНИКАЛЬНЫЕ НАВЕРШИЯ ИЗ СВЯТИЛИЩА У СТАНИЦЫ ТЕНГИНСКОЙ*

Открытие в 1981–1982 гг. Кавказской археологической экспедицией (рук. А.М. Лесков) знаменитых подкурганных святилищ первой половины IV в. до н.э. у аула Уляп и кургана 10 группы Ульских курганов (конец VI в. до н.э.) позволило по-новому взглянуть на духовную культуру меотских племен (Сокровища... 1985. С. 24–36; *Галанина, Лесков*, 1996. С. 13–15). Ее существенной, отличной от культуры степных скифов и прочих кочевых культур, чертой оказалась широко распространенная традиция сооружения курганов-святилищ на территории грунтовых некрополей (*Эрлих*, 2001. С. 115–119).

В 2000–2002 гг. работами Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока под руководством одного из авторов были исследованы три подкурганных святилища, расположенные на некрополе II

* Эта публикация была бы невозможна без работы реставратора Д.А. Иванова, художника Н.С. Сурвилло (ГМВ), фотографа Е.И. Желтова (ГМВ), без консультаций и сотрудничества в реконструкции технологии изготовления наверший со стороны Н.В. Рындиной, Н.В. Ениосовой, Р.А. Митояна (МГУ) и И.Г. Равич (ВНИИР), без помощи Отдела материальной культуры Государственного музея Востока, заведующего отделом Л.М. Носковой и сотрудников Кавказской археологической экспедиции ГМВ. Авторы глубоко признательны всем им за любезное содействие. Авторы также благодарны Л.К. Галаниной (ГЭ) за разрешение использовать неопубликованный материал.

Тенгинского городища (ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского края). Эти курганы, давшие интересный материал, наглядно демонстрируют продолжение традиции меотских святилищ уже во второй половине IV в. до н.э.

Один из вышеупомянутых курганов-святилищ – курган 2 Тенгинского могильника – был раскопан в 2001 г. Курган был ограблен на уровне подошвы, но ограбление не затронуло большую центральную яму с находившейся внутри деревянной конструкцией полуземляночного типа, причем ни в насыпи, ни в яме не прослеживалось никаких следов человеческих захоронений. Выступающие из ямы столбы, сохранившиеся на высоту 0,5–0,6 м, очевидно, поддерживали деревянный каркас-раму, служивший основой камышового перекрытия. Яма была преднамеренно засыпана землей. Верхний слой засыпки был выложен галькой, на которой, вероятно, совершались некие ритуальные действия, ибо именно здесь обнаружена большая часть находок (наконечники стрел, фрагменты панцирей, золотые бляшки, фрагменты керамики, кости жертвенных животных и т.п.), причем грабители остановились именно на этом уровне.

К этой галечной конструкции с востока примыкала конская могила – полукольцевой ров, в котором находилось погребение жертвенных животных (24 лошадей и 6 молодых особей крупного рогатого скота). Ров имел мощное деревянное перекрытие из дубовых досок и бревен.

На перекрытии рва в юго-восточной части кургана были обнаружены четыре ажурных литых навершия (три бронзовых и одно бронзовое с железными заклепками), которым и посвящена эта статья.

Навершия лежали попарно. Первая пара состояла из бронзового (в дальнейшем – навершие 1; рис. IV*а*; 1, *1*) и бронзового с железными заклепками (в дальнейшем – навершие 4; рис. IV*б*; 1, *4*), лежавших верхней частью по направлению к центру кургана, втулками на юго-восток. Вторая пара находилась западнее первой, практически строго на юг от центра кургана, на южном конце перекрытия конской могилы. Она состояла из пары симметричных наверший – далее навершия 2 (рис. IV*в*; 1, *2*) и 3 (рис. IV*г*; 1, *3*), – также лежавших верхней частью к северу (к центру кургана), а втулками на юг. Расстояние между двумя парами наверший составляло около 1,5 м.

Все навершия плоские, имеют втульчатый насад. У навершия 1 втулка подпрямоугольная в сечении, в ней сохранились остатки древка. У остальных наверший втулка имеет овальное или округлое сечение. Размеры наверший – 24,5 × 17 см (навершие 1), 27 × 16,5 см (2), 26,5 × 16,5 см (3) и 24,7 × 14,5 см (4).

На одной из сторон каждого навершия изображена обособленная профильная голова благородного оленя с пышными вертикальными ажурными рогами, трансформированными в дополнительные зооморфные изображения. Анатомические детали обрисованы с помощью углубленных линий или моделированы отверстиями. Втулки также задействованы в общей изобразительной схеме, ибо выполняют роль шеи оленя. При этом наиболее тонким и качественным является изображение на навершии 1. В силу уникальности и сложности каждое из данных изображений требует подробного описания.

Навершие 1 (рис. IV*а*; 1, *1*). Шея оленя (втулка навершия) переходит в уплощенную скульптурную голову, ориентированную влево, от которой вверх отходят плоские ажурные рога. На боковой грани втулки – задней стороне оленьей шеи – находится вертикальная полоса-"елочка", очевидно, изображающая шерсть на загривке оленя. На противоположной боковой грани втулки – передней стороне оленьей шеи – прослежена вертикальная волнистая линия из S-видных фигур, возможно, декоративная имитация линии шерсти вдоль нижнего края шеи оленя, часто изображаемой в искусстве скифского звериного стиля с помощью гладкой рельефной линии или "жемчужника".

Олень крутолобый, с небольшой овальной мордой, подпирающей передний рог, с преувеличенным ухом, направленным наискось вверх и подпирающим заднюю часть рогов. Глаз оленя крупный, овальный, образован замкнутой линией, переходящей в завиток, имитирующий слезницу. Ноздря моделирована завитком, рот – дуговидной линией; зубы не показаны. Ухо оленя выполнено в виде перевернутой головы хищной птицы с крутым лбом, ступенчатой преувеличенной восковицей и узким спирально закрученным клювом. Лобно-глазная часть птицы отграничена от следующей восковичной части волнистой линией, закрученный конец которой образует птичий глаз. Аналогичным образом восковица на плоскости отделена от клюва, нижний край которого также обрисован углубленной линией.

Кожно-шерстная складка, отделяющая голову оленя от шеи, также трансформирована в перевернутую птичью голову с крутым лбом, преувеличенной ступенчатой восковицей и спирально закрученным клювом. Контур птичьей головы образован углубленной линией. Аналогичной линией моделирован округлый глаз птицы и очерчен нижний край восковицы. Ниже этой птичьей головы на шее оленя проведена горизонтальная волнообразная линия.

Рога оленя состоят из четырех загнутых на конце отростков – переднего и трех задних, упирающихся окончаниями друг в друга. Все отростки исходят из единого корня, моделированного в соответствии с натурой в виде дуговидной рифленой полоски над теменем оленя (рис. 1, *1*; 2А).

Передний рог направлен от корня вперед и затем, опираясь на нос оленя, переламывается под прямым углом и идет вверх, превращаясь в голову хищной птицы с крутым лбом, ступенчатой восковицей и длинным клювом, спиралевидно закручивающимся на конце и упирающимся в окончание первого из задних рогов оленя. Крупный глаз данной птицы соразмерен глазу описываемого оленя и моделирован аналогично, с аналогичной слезницей. Нижняя часть восковицы изображена с помощью углубленной линии. Контур клюва дублирован дополнительной линией, каковая по верхнему краю полностью соответствует внешним очертаниям, а по нижнему краю клюва до его завитка представляет собой волнистую линию из S-видных фигур, причем левый край этой линии, переходя во внешний контур, образует завиток, маркирующий щеку птицы (рис. 1, *1*; 2А, *1*).

Сам же передний отросток оленьих рогов продолжается и выше этого клюва, теперь уже в виде шеи и головы грифона или иного фантастическо-

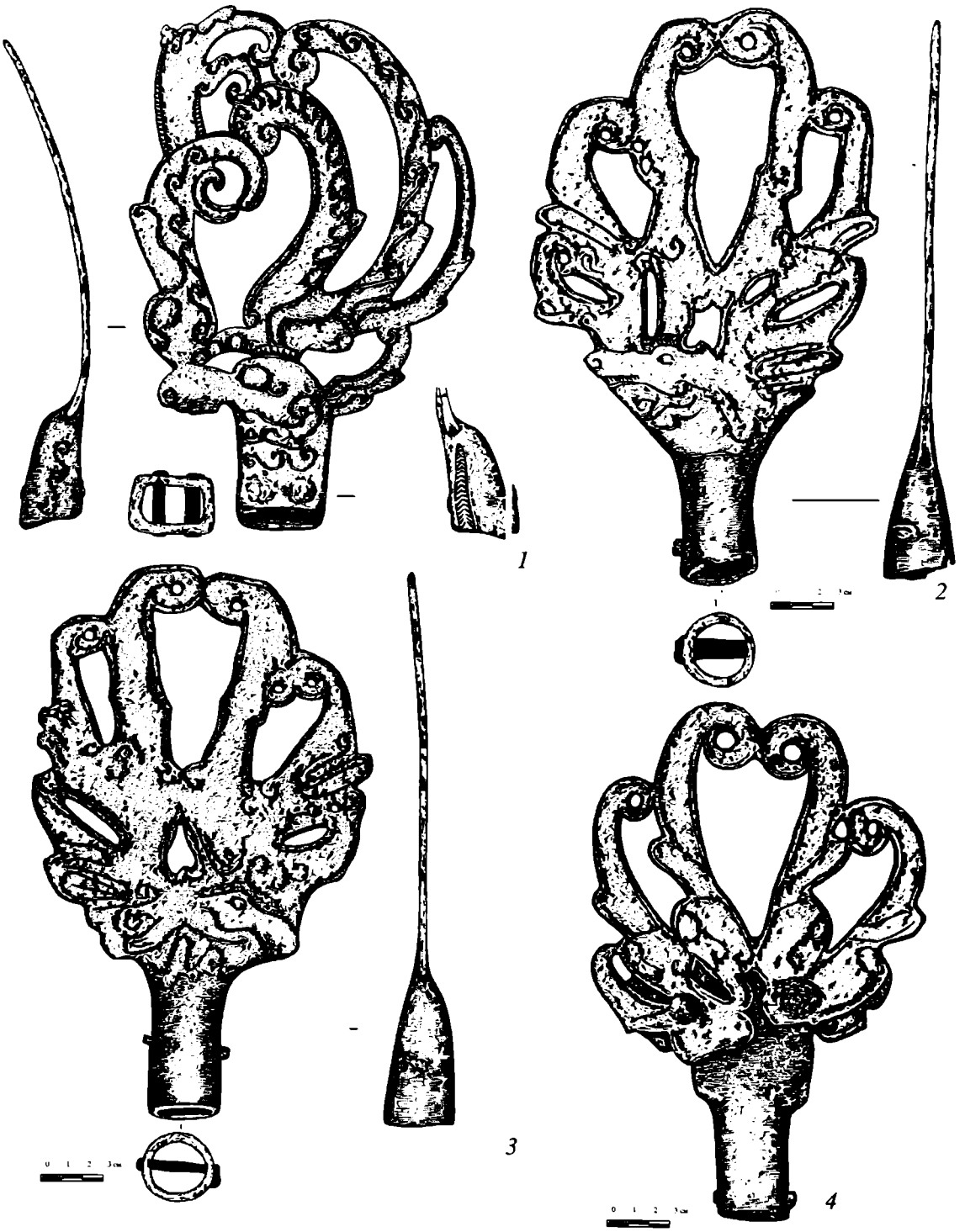


Рис. 1. Прорисовка изображений на навершиях 1 (*1*), 2 (*2*), 3 (*3*), 4 (*4*)

го хищника со спирально загнутыми клювовидными челюстями, нижняя из которых упирается в окончание первого из задних рогов оленя, а верхняя – в окончание второго заднего рога. Шея данного животного обрамлена вдоль верхнего и нижнего контура рифлеными полосами, образованными углубленными линиями и, возможно, маркирующими шерстную складку на шее. Ухо грифона выступает в профиле над его лобно-теменной частью и моделировано трехлепестковой перевернутой пальметкой. Глаз грифона овальный, с завитком-слезницей. Аналогичная линия отграничивает снизу восковицу. Контуры верхней и нижней челюстей клюва также подчеркнуты углубленной линией. При этом нижняя челюсть превращена в дополнительную голову хищной птицы с овальным глазом и ступенчатой восковицей, представляющую собой и в композиции, и в трактовке деталей уменьшенное подобие верхней челюсти. Линия, идущая вдоль нижнего края нижней челюсти, образуя у своего основания завиток, маркирует тем самым щеку грифона (рис. 1, *1*; 2А, *2*).

Задние рога композиционно противопоставлены переднему рогу и также зооморфно трансформированы, поскольку сливаются в единую композицию, представляющую собой условно-полнофигурное изображение стилизованного грифона с выпяченной грудью, с дуговидно изогнутыми шеей и крыльями. В этой композиции первый из задних отростков оленьих рогов играет роль передней части грифона (голова, шея, грудная часть), второй и третий – роль крыльев грифона, а единое основание задних рогов – сведенное к минимуму туловище со схематичными атрофированными ногами.

Данный грифон клювоголовый (рис. 2А, *3а*), с гребнем, соответствующий, за некоторыми исключениями, иконографии грифона позднегреческого типа, хотя и трактованный в духе скифо-меотской изобразительности. Клюв грифона, образованный завитком и подчеркнутый углубленной линией, упирается в противостоящий ему завиток клюва птицы, формирующего нижнюю часть переднего отростка оленьего рога. Вдоль всего верхнего края шеи грифона идет линия, от которой вниз отходят овы, образующие единую полосу, являющуюся ничем иным, как обозначением гребня грифона, который мастер был вынужден изобразить в плоскостном варианте, очевидно, не имея возможности сделать это рельефно. Как известно, в канонической греческой иконографии гребень идет вдоль всей шеи, переходит затем на голову, проходит по темени между ушей и завершается над глазом, причем завершающий выступ часто обособлен и имеет очертания небольшого рога: ср., например, голову грифона на рукояти махайры из Семибратнего 3 кургана (*Черненко*, 1973. С. 71. Рис. 4), головы грифонов на уздечных распределителях из Филипповских курганов (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Fig. 10) или на деталях саркофага из Большой Близницы (*Артамонов*, 1966. Табл. 312). Нельзя исключить, что и описываемый полнофигурный тенгинский грифон наделен этим роговидным выступом, завершающим гребень. Роль этого выступа (другой вариант – торчащего уха), возможно, выполняет упирающаяся в темя данного грифона противонаправленная ему загнутая нижняя челюсть вышеназванной обособленной головы грифона, в которую превращена верхняя часть переднего отростка оленьего рога.

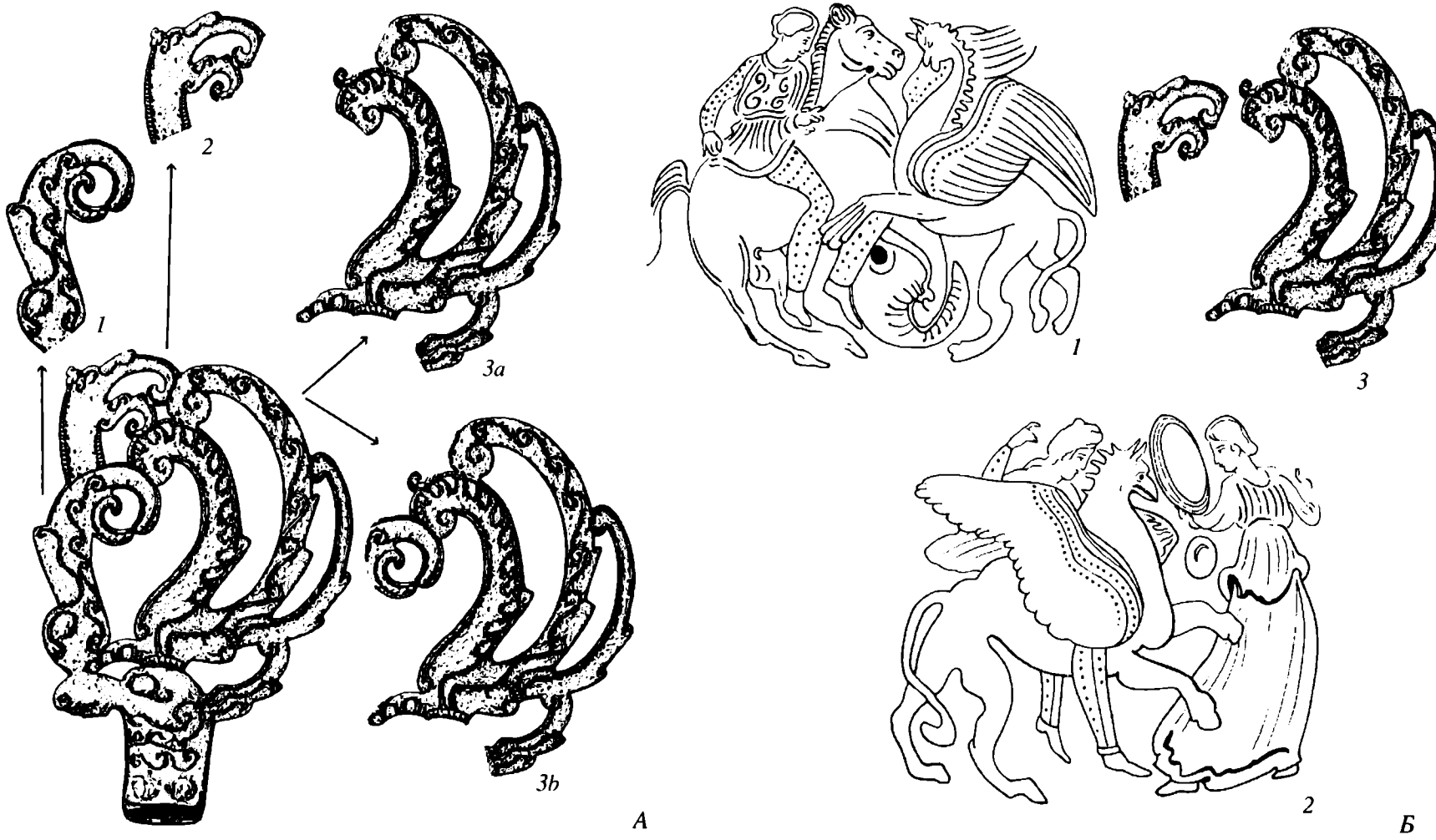


Рис. 2. А. Прорисовка навершия 1 с выделенными составляющими

1 – голова птицы – элемент трансформации нижней части переднего отростка рогов оленя; *2* – голова грифона – элемент трансформации верхней части переднего отростка рогов оленя; *3* – фигура грифона – элемент трансформации задней части рогов оленя – варианты a и b

Б. Аналогии общей композиции элементов трансформации рогов оленя на навершии 1 в композиции "боспорских ваз"

1 – Одесский археологический музей (*Шталь*, 2000. С. 46, 154. Кат. № 62а); *2* – Пантикапей, раскопки 1899 г., гробница 58, погребение 1, первоначально Керченский, впоследствии Одесский археологический музей (*Шталь*, 2000. С. 22, 118. Кат. № 7а); *3* – навершие 1 из кургана 2 Тенгинского могильника (фрагменты изображения)

Примечательно, что именно под этим выступом-гребнем (или выступом-ухом), на самой плоскости головы полнофигурного грифона располагается его предполагаемый глаз, в роли которого выступает четвертая от начала ова, наделенная завитком наподобие слезницы. Вместе с тем овы продолжаются и перед предполагаемым глазом, по поверхности клюва грифона. Здесь они либо обозначают обыкновенное продолжение гребня в силу отступления мастера-"варвара" от традиционной иконографии позднегреческого грифона, либо маркируют клюв, как это иногда практиковалось в иконографии переднеазиатского грифона, а также хищной птицы и грифобарана в скифском зверином стиле начиная с эпохи архаики: см., например, изображения из Кармир-Блура, Зивие, Грушевки, Аксютинцев, Мельниковки и т.д. (*Шкурко*, 1982. С. 3. Табл. 1, *1, 2, 5, 13, 19, 20*).

Мы не вправе исключить и другой вариант интерпретации данного полнофигурного изображения грифона (рис. 2А, *3b*). Возможно, мастер стремился показать его с огромной раскрытой пастью, для чего задействовал весь клюв противостоящей ему птицы, трансформирующей нижнюю часть переднего отростка оленьего рога. В таком случае перед нами предстает грифон с дуговидно изогнутыми челюстями, в совокупности образующими полукруг, и с высунутым, закрученным вверх языком; как мы знаем, в таком духе выполнялись скифские реплики с архаичных греко-восточных ("ориентализирующих") грифонов начиная еще с VII в. до н.э. – см. келермесские навершия из кургана 3/Ш, подражающие грифонам на диадеме и на ритоне из того же комплекса (*Галанина*, 1997. С. 156, 161, 229. Кат. № 46. Табл. 6[1]), – и до IV в. до н.э. включительно. С этой точки зрения тенгинскому грифону особенно близки и иконографически, и территориально грифоны, оформляющие псалии и налобники IV в. до н.э. из ст. Кужорской в Адыгее (НМА № 11501/18, 11501/20). Роль глаза тенгинского грифона в такой ситуации должна играть не четвертая, а вторая от начала ова, наделенная, так же как и четвертая, завитком наподобие слезницы.

В остальном интерпретация полнофигурного изображения грифона однозначна. Спереди его шея и грудь также акцентированы по контуру углубленной линией, которая в месте перехода грудной части в переднюю ногу образует завиток, отграничивающий грудь. Тем самым мастер показывает, что выпяченная грудь грифона переходит уступом в выступающую вперед переднюю ногу. Роль этой передней ноги выполняет начальная часть вышеописанного переднего отростка оленьих рогов (от корня рогов до места, где рог, опираясь на нос оленя, переламывается вверх под прямым углом). Фактически вся эта нога грифона сведена к преувеличенной лапе с четырьмя когтями, изображенными с помощью четырех ов. Именно так можно объяснить присутствие данных ов в исследуемой композиции, ибо эта деталь не имеет никакого иного оправдания с точки зрения анатомии как основного образа оленя, так и дополнительного образа грифона.

[1] К сожалению, в указанной работе в табл. 6 под изображением навершия, описанного в каталоге под № 46, стоит № 218 и наоборот.

Вторая передняя нога грифона также изображена крайне условно и примитивно, с помощью двух волнистых линий. Эти линии начинаются от спины грифона между шеей и крылом и идут по его туловищу, сближаясь и изгибаясь, изображая сужение и изгиб ноги и упираясь в перпендикулярную им дуговидную рифленую полоску корня оленьих рогов, который тем самым задействуется в композиции грифона в роли лапы с когтями. Аналогичная рифленая полоска помещена и в основании второго и третьего из задних отростков, где она совершенно не оправданна с точки зрения анатомии основного образа навершия (оленя), но находит объяснение как лапа грифона, вернее, сдвоенные лапы, ибо именно ими оканчиваются сдвоенные задние ноги грифона, моделированные аналогично второй из передних ног.

Второй из задних отростков оленьего рога, как уже сказано, выполняет роль переднего крыла грифона. Крыло повторяет линию грифоньей шеи и, закручиваясь вперед (завиток подчеркнут углубленной линией), упирается в нее. По всей длине крыла проходит волнистая линия из S-видных фигур, причем в основании крыла эта линия переходит в ломаную линию, обозначающую передний край первой из задних ног. Параллельно этой ломаной линии ниже ее идет аналогичная линия, обозначающая задний край данной ноги и одновременно передний край второй из задних ног. Ниже проходит еще одна такая линия, обозначающая задний край второй из задних ног. Эти сдвоенные ноги, как уже сказано, переходят в единую лапу, обозначенную рифленой полоской.

Наконец, третий из задних отростков оленьих рогов, будучи меньшего размера и повторяя очертания второго отростка, упирается в него, закручиваясь на конце. Вдоль краев этот отросток оконтурен углубленной линией, которая в основании переходит в вышеупомянутую линию заднего края последней ноги грифона. В отношении функции данного отростка в композиции изображения – элемента трансформации – можно выдвинуть две версии. Это либо второе крыло, либо торчащий хвост. Скорее всего, верна первая версия, учитывая композиционный канон изображения грифона на вазах "керченского стиля", которые являются наиболее вероятным композиционным прототипом для данной фигуры грифона (рис. 2Б, *1, 2*). На этих вазах хвост грифона опущен и пропущен между задних ног, что заставляет в нашем случае думать, что в роли грифоньего хвоста задействовано ухо оленя – основного персонажа навершия, – на которое опирается задний отросток рогов этого оленя. В этом контексте находит себе объяснение и странная позиция второй из передних ног грифона на тенгинском навершии, почему-то начинающейся от спины животного. Эта нога явно представляет собой подражание ноге седока, изображаемого в ряде композиций на грифоне или на коне на тех же "боспорских" вазах и на других предметах с изображениями в греческом стиле (рис. 2Б, *1, 2*); отсутствие самого седока на тенгинском изображении и завершение данной ноги хищной лапой свидетельствуют о том, что создатель тенгинского навершия либо не разобрался в греческом образце, либо, что вероятнее, использовал эту иконографию в собственных целях, не имея возможности как-либо иначе воспроизвести ногу грифона, ибо был связан фактурой навершия и требованиями основного изображе-

ния – оленьей головы с рогами. В свою очередь, обе задние ноги тенгинского грифона композиционно сходны с его второй передней ногой, поскольку были трактованы уже по ее подобию. Показательно, что в графических приемах передачи гребня и оперения грифона использованы декоративные элементы греческого искусства этого времени: редуцированные овы и бегущая волна из волют. Это лишний раз подтверждает наше предположение о близком знакомстве мастера с греческой вазописью, а возможно и с ювелирным искусством, где последний элемент употреблялся еще чаще и откуда он проникал и в изображения скифского звериного стиля (ср., например, трактовку рогов оленя на золотой обивке деревянной чаши из Елизаветовского могильника см.: The Golden Deer of Eurasia, 2000. Fig. 148).

Как бы то ни было, превращение рогов оленя в целую фигуру грифона в данном иконографическом решении беспрецедентно, хотя сам по себе такой прием использован на щитке псалиев из ст. Кужорской, где рога оленя трансформированы в парные геральдические фигуры грифонов, но в совершенно иной трактовке, нежели на тенгинском навершии (Шедевры... 1987. Кат. № 23. Рис. 18). В нашем же случае наиболее близкими в композиционном отношении данному изображению грифона, как уже сказано, представляются фигуры грифонов на распространенных в Боспорском царстве расписных вазах "керченского стиля" второй половины IV в. до н.э. (*Кобылина*, 1951. Рис. 5, *1*; 6, *3, 4*; 7; *Шталь*, 2000. С. 150. Кат. № 56а; С. 152. Кат. № 60а, 64а; С. 154. Кат. № 62а; С. 155. Кат. № 63а; С. 156. Кат. № 65а). На этих вазах, близких тенгинскому комплексу в пространственном и хронологическом отношении, мы встречаем такого же остановившегося на ходу или привставшего на задние лапы грифона с выпяченной грудью и дуговидно изогнутой, отклоняющейся назад шеей. В особенности примечательны те сцены, в которых грифон предстоит коню с седоком, ибо именно голове этого коня соответствует в тенгинской композиции обособленная голова грифона, трансформирующего верхнюю часть переднего отростка рогов (*Шталь*, 2000. С. 154. Кат. № 62а). Таким образом, находит себе аналогию вся композиция трансформированных рогов тенгинского оленя, а не только три задних отростка, образующие целого грифона.

Кроме того, в рассматриваемом изображении на навершии 1 можно усматривать еще один факт зооморфной трансформации. Ступенчатость задних отростков оленьих рогов, которая не может найти объяснения в требованиях иконографии формируемого ими грифона, заставляет предположить, что эти отростки, как и передний, являются одновременно птичьими головами. В отношении переднего из этих отростков это менее очевидно, поскольку глаз соответствующей птицы в изображении не представлен, но в целом весь этот рог имеет очертания птичьего клюва со ступенчатой восковицей. В отношении среднего из задних отростков можно говорить об этом с большей уверенностью, учитывая наличие в его основании (ниже рифленой полоски/лапы) полуовального завитка с отходящим от него дуговидным углублением. Эта деталь, не оправдываемая ни иконографией образа трансформируемого оленя, ни иконографией образа трансформирующего грифона, может быть квалифицирована лишь как глаз птицы, клюв

которой собственно и образован средним из задних оленьих рогов. Лобная часть этой птицы, расположенная прямо над глазом (если рассматривать навершие в перевернутом виде), переходит уступом в восковицу, которая спускается двумя ступеньками к клюву. Что касается последнего из задних отростков оленьих рогов, роль глаза соответствующей ему птичьей головы может выполнять либо завиток уха оленя, подпирающего данный отросток (в таком случае восковица этой птичьей головы также является двуступенчатой), либо, что вероятнее, нижний выступ этого отростка, на котором завиток обрамляющей линии образует нечто вроде глаза.

Навершие 2 (рис. IV*в*; 1, *2*). Голова оленя, также ориентированная влево, дана не скульптурно, а обрисована углубленной линией (с оставлением свободного пространства) на поверхности трапециевидной плоской фигуры, сходной по контуру с головой оленя на навершии 1 и подчеркнутой углубленной линией по низу – соответственно тому, как оконтурена складка шерсти под головой оленя на навершии 1. В результате выступы, аналогичные выступам навершия 1, моделирующим носовую часть и ухо, остались незаполненными и стали композиционной основой для размещения дополнительных отростков рогов спереди и сзади, в результате чего количество отростков достигло здесь шести. Вся же композиция в целом построена по законам осевой симметрии, причем ось эта проходит по вертикали посередине втулки, разделяя рога на две симметричные группы по три последовательно нарастающих отростка, средние из которых – крупнейшие – упираются друг в друга завитками.

Глаз овальный, лоб покато переходит в носовую часть, ноздря дана завитком, рот – прямой линией, пересеченной короткими косыми штрихами (имитация зубов?). Щека маркирована завитком. Шерсть под мордой, как и на навершии 1, трансформирована в перевернутую птичью голову с петлевидным глазом, ступенчатой восковицей и загнутым клювом, однако здесь эта голова выглядит уже не как результат превращения, а как следствие механического присоединения. От щеки оленя наискось вниз отходит линия, образующая удлиненную петлю и, возможно, имитирующая ухо оленя.

Над глазом на темени оленя моделирован, в соответствии с натурой, корень рогов в виде короткой полоски-"елочки". Однако из этого корня берет начало только крупнейший из передних отростков рогов. Все рога по контуру обведены линиями и трансформированы в птичьи головы, детали которых оформлены углубленными линиями. Первый, наименьший из передних отростков рогов отходит наискось вперед от морды оленя и оформлен в виде птичьей головы с крутым лбом и загнутым клювом, образующим в месте изгиба круглое отверстие. Глаз птицы овальный, с отходящим назад завитком слезницы. Восковица не выделена. Клюв по контуру обведен линией.

Второй по счету из передних отростков рогов, более крупный, отходит вверх от морды оленя и в своей основной части оформлен в виде птичьей головы со ступенчатой восковицей и загнутым клювом, образующим в месте изгиба круглое отверстие. Лобная часть практически не выделена, поскольку этот участок задействован для оформления клюва птицы на первом отро-

стке рогов. Глаз птицы овальный. Восковица и клюв по контуру обведены линиями. Щека оформлена завитком.

Третий по счету из передних отростков рогов, крупнейший из них, отходит вверх из корня от морды оленя, изломан и в своей верхней части оформлен в виде птичьей головы с загнутым клювом, образующим в месте изгиба круглое отверстие. Возможно, глазом этой птицы следует считать овальную фигуру в нижней части отростка, однако более вероятно, что это смещенная щека, тогда как глазом является овал с отходящим от него назад завитком слезницы, помещенный выше излома перед круглым отверстием. В любом случае восковица не выделена. Клюв по контуру обведен линией.

Крупнейший из задних отростков рогов оленя также изломан и оформлен в виде птичьей головы с загнутым клювом и выступающей восковицей. Глаз птицы овальный, с отходящим назад завитком слезницы. Клюв по контуру обведен линией, образующей в середине у нижнего края клюва завиток непонятного назначения. В месте загиба клюва круглое отверстие.

Следующий за ним задний отросток оленьих рогов оформлен в виде птичьей головы с крутым лбом, ступенчатой восковицей и загнутым клювом. Глаз птицы овальный, с отходящим назад завитком слезницы. Восковица и клюв по контуру обведены линиями. В месте загиба клюва круглое отверстие. Щека оформлена завитком.

Последний, наименьший из задних отростков оленьих рогов оформлен в виде птичьей головы со слабо выделенным лбом, ступенчатой восковицей и загнутым клювом. Глаз птицы удлиненно-овальный, схематичный. Восковица и клюв по контуру обведены линиями.

В целом изображение на навершии 2 было, несомненно, подражанием изображению на навершии 1.

Навершие 3 (рис. IV*г*; 1, *3*). Изображение на нем по общему контуру, композиционно, в трактовке и в моделировке деталей очень близко изображению на навершии 2, поэтому ниже приводится лишь список его отличий от последнего. Голова оленя ориентирована не влево, а вправо; морда копытного, скорее, лосиная, поскольку изломана на конце под тупым углом, однако рога по-прежнему оленьи, в силу чего мы будем условно именовать его оленем; вместо птичьей головы под мордой оленя представлены волнистые линии; ухо отображено более четко, с овальным внутренним контуром; корень рогов полностью смещен и обрамляет сверху морду копытного в виде "елочки"; самый малый из передних отростков рогов практически лишен зооморфного трансформирования, поскольку глаз птицы распался на беспорядочные дуговидные линии; глаз птицы, оформляющий самый малый из задних отростков рогов, несколько более натуралистичен, нежели глаз птицы на соответствующем отростке в изображении на навершии 2.

В целом складывается впечатление, что изображение на навершии 2 служило образцом для изображения на навершии 3.

Навершие 4 (рис. IV*б*; 1, *4*). Изображение на нем иконографически сходно с изображениями на навершиях 2 и 3, однако имеет и ряд существенных отличий. Поскольку навершие 4 было обломано, здесь присутствует как сохранившаяся нижняя часть первоначального изделия, так и приkле-

панная к ней новая верхняя часть. О том, что верхняя часть делалась заново, свидетельствует не только крепление внахлест и иной состав сплава (см. ниже), но и то, что изображение птичьей головы, фрагментарно сохранившееся на первоначальной части, дублируется изображением на приклепанной части. Вместе с тем, изображения собственно головы оленя на навершии нет, однако на правой лопасти первоначальной части прослеживаются линии, образующие подтреугольную, овальную (глаз птицы?) и спиральную фигуры. Приклепанная часть воспроизводит четыре крупных дуговидных оленьих рога, симметричных относительно вертикальной линии, проходящей по центру навершия. Кроме того, слева к рогам примыкает отросток рога меньшего размера, композиционно соответствующий скорее уху оленя, в чем можно видеть рецидив традиционной схемы оленьих голов "елизаветинского круга".

Все отростки рогов оформлены в виде птичьих голов. Это крутолобые птицы со ступенчатой восковицей и длинным узким клювом. Клювы, трансформирующие крупные рога, спирально закручиваются на конце, образуя кружок, тогда как клюв, в который превращен малый отросток рогов, не закручен, а загнут. Каждый из трех основных конструктивных элементов птичьей головы – собственно головная часть с глазом, восковица и клюв – дополнительно подчеркнуты на плоскости углубленными линиями, идущими по контуру соответствующей части (на малом отростке это дублирование контура выражено слабее). На двух левых больших клювах эти линии, образуя завиток в нижней части головы, маркируют щеку птицы. Аналогичная линия образует овальный глаз каждой птицы, с отходящей назад петлевидной линией, формирующей слезницу (на малом отростке слезница столь явно не прослеживается).

* * *

Применяя классификационную схему Е.В. Переводчиковой, следует относить данные тенгинские навершия к типу I ("навершия с изображением головы животного на цилиндрической втулке круглого или овального сечения"), характерному в основном для Прикубанья (*Переводчикова*, 1980. С. 26, 27, 31–32. Рис. 1, *1–9*).

Исследование технологии изготовления наверший (поверхностный технологический осмотр под бинокулярным микроскопом МБС-2[2] и рентгенофлюоресцентный энергодисперсный анализ[3]) показало, что изделия отлиты по восковой модели с утратой формы, причем изображения были предварительно нанесены на остывший воск. При этом для отливки наверший 2, 3 и 4 использовался достаточно простой медно-оловянистый сплав, тогда как для создания наиболее совершенного в художественном отношении изделия – навершия 1 – более сложный медно-оловянисто-свинцовый сплав, оптимальный для отливки столь сложной вещи.

[2] Осмотр осуществлен профессором Н.В. Рындиной в лаборатории структурного анализа кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

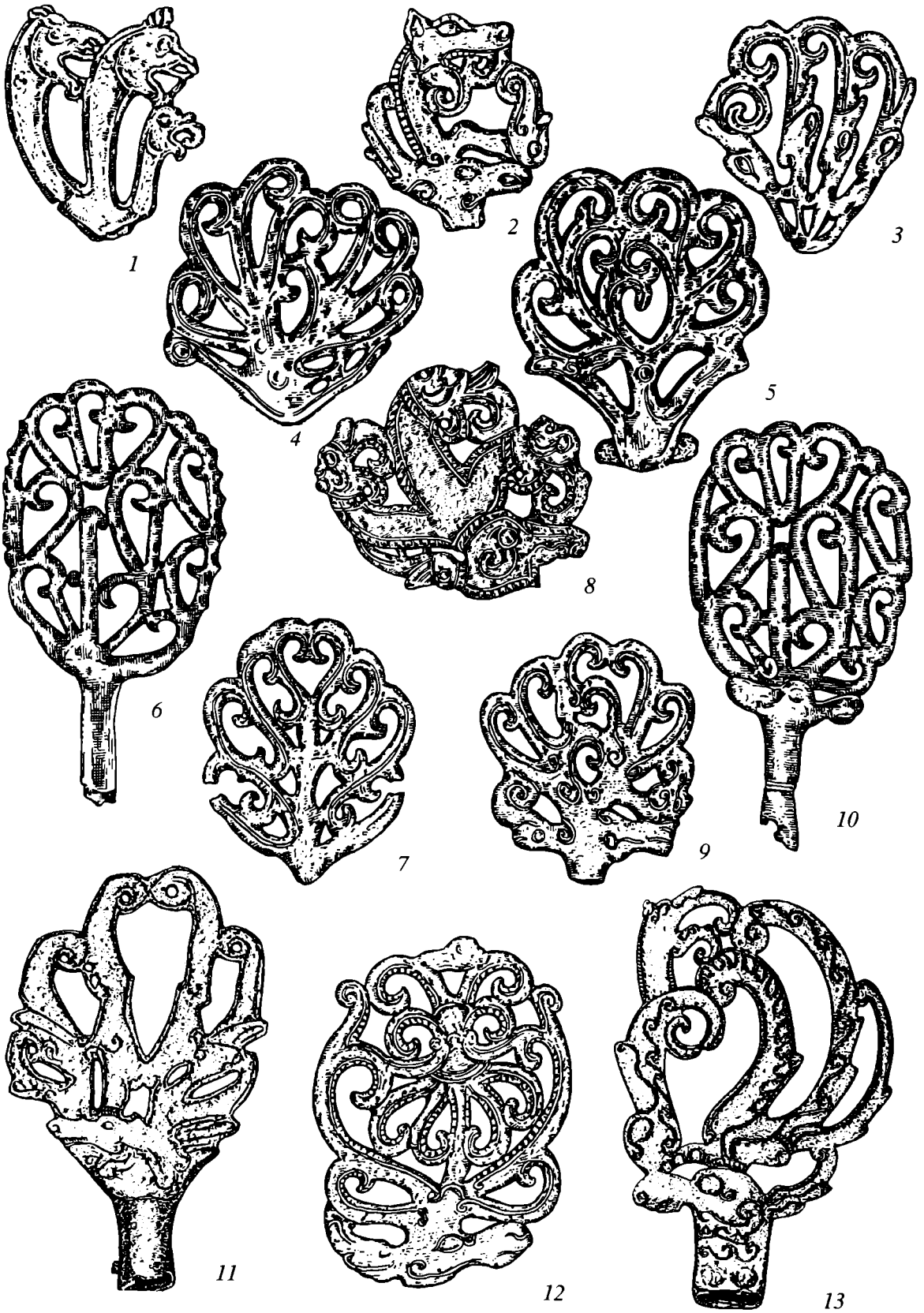
[3] Анализ осуществлен на геологическом факультете МГУ заведующим лабораторией рентгенографии Р.А. Митояном.

Показательно, что изображения на тенгинских навершиях односторонни, в отличие от рассчитанных на двустороннее обозрение известных прикубанских наверший предшествующей поры (например, ульских) или же севернопричерноморских скифских наверший VII–IV вв. до н.э. Односторонность характерна для уздечных наборов Прикубанья второй половины IV в. до н.э., в которых существенную роль играет техника гравировки или насечки, наносимой, как правило, лишь на одну, открытую для обозрения сторону – переднюю часть псалиев, верхнюю часть налобников. Подобные изделия представлены среди предметов в стиле "елизаветинского круга" (рис. 3). Ближайшей же аналогией тенгинским навершиям с симметричными оленьими рогами (навершия 2, 3, 4) с точки зрения сочетания категории предмета с общей иконографией представленного на нем изображения являются территориально близкие односторонние навершия из Анап-кургана близ Майкопа, а с точки зрения общей иконографии – головы оленей, изображенные на предметах других категорий – на щитках псалиев из того же Тенгинского кургана, а также из Елизаветинской и Гюэноса (*Эрлих*, 2004). Вместе с тем, близкая аналогия тенгинскому навершию с асимметричными оленьими рогами (навершие 1) с точки зрения трактовки рогов оленя – обособленные рога на щитках псалиев из Семибратнего 3-го кургана IV в. до н.э., а с точки зрения иконографии грифона, в фигуру которого превращены три отростка оленьих рогов, – грифоны в греческом искусстве IV в. до н.э., и в особенности фигуры грифонов на широко распространенных в Северном Причерноморье расписных вазах "керченского стиля" второй половины IV в. до н.э.

Нам представляется, что именно сцены на вазах "керченского стиля" послужили образцом для подражания при зооморфном трансформировании рогов оленя на тенгинском навершии 1. В свою очередь, творению более искусного во всех отношениях "мастера навершия 1" подражал "мастер/мастера наверший 2–4", как следует из проведенного нами иконографического и технологического анализа.

Исходя из даты ваз "керченского стиля", к которому восходит изображение на самом раннем, по нашему мнению, навершии 1, все навершия из кургана 2 Тенгинского могильника могут быть датированы не ранее второй половины IV в. до н.э. Эту дату подтверждает и хронология ряда предметов, обнаруженных в этом комплексе, ибо привозные изделия, встреченные в комплексе Тенгинского кургана 2, также датируются не ранее второй половины IV в. до н.э. (*Эрлих*, 2002а. С. 15; 2002б. С. 233, 234. Рис. 9, 9а).

Возможно, описанные навершия первоначально увенчивали шесты, ограничивавшие ритуальное пространство, в рамках которого могло осуществляться принесение в жертву этих животных. Логично предположить, что попарное размещение наверший в кургане 2 Тенгинского могильника не случайно, а отражает их позицию в ритуальном процессе. Симптоматично, что по крайней мере одну из ситуационных пар составили навершия (2 и 3), голова оленя на одном из которых противонаправлена голове оленя на другом. Возможно, эти "зеркально" отражающие друг друга навершия во время ритуала располагались на углах соответствующей площадки напротив друг друга. Так или иначе, в отношении данных тенгинских наверший нам


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

кажется оправданным мнение Е.В. Переводчиковой и Д.С. Раевского (1981. С. 44, 46, 47, 49–51) о том, что навершия увенчивали шесты, ограничивавшие некое ритуальное пространство, причем в нашем случае именно в рамках данного пространства могло осуществляться принесение в жертву лошадей, найденных в кургане 2 Тенгинского могильника.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы: "Царские" погребения раннескифской эпохи. М.

Галанина Л.К., Лесков А.М., 1996. Ульские курганы как исторический источник // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.

Кобылина М.М., 1951. Поздние боспорские пелики // МИА. Вып. 19.

Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., 2001. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // III Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар; Анапа.

ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Переводчикова Е.В., 1980. Типология и эволюция скифских наверший // СА. № 2.

Переводчикова Е.В., 1994. Язык звериных образов. М.

Переводчикова Е.В., Раевский Д.С., 1981. Еще раз о скифских навершиях // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М.

Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985.

Хазанов А.М., 1975. Золото скифов. М.

Черненко Е.В., 1973. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев.

Шамба С.М., 1988. Гюэнос-I. Тбилиси.

Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М., 1987.

Шкурко А.И., 1982. Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. (Тр. ГИМ. Вып. 64.)

Шталь И.В., 2000. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (пелики, IV в. до н.э., керченский стиль). М.

Эрлих В.Р., 2001. Святилища в меотской культуре (к постановке проблемы) // Боспорский феномен: Колонизация регионов, формирование полисов, образование государства: Материалы междунар. науч. конф. СПб. Ч. 2.

Эрлих В.Р., 2002а. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 8.

Эрлих В.Р., 2002б. Украшения из Тенгинских святилищ // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: Материалы междунар. науч. конф. СПб. Ч. 2.

Эрлих В.Р., 2004. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. № 1.

Ancient Gold: The Wealth of the Thracians: Treasures from the Republic of Bulgaria. N.Y., 1998.

The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. N.Y., 2000.

Williams D., Ogden J., 1994. Greek gold: Jewelry of the Classical World. N.Y.

Рис. 3. Аналогии навершиям среди вещей "елизаветинского круга"

1 – ст. Елизаветинская (*Хазанов*, 1975. С. 54. Рис. 23) – лопасть псалия; *2* – х. Прикубанский (*Марченко и др.*, 2001. Рис. на с. 93) – лопасть псалия; *3* – Семибратний 3-й курган (*Переводчикова*, 1994. Рис. 25, 6) – лопасть псалия; *4* – Тенгинская, курган 2 – лопасть псалия; *5* – Тенгинская, курган 2 – лопасть псалия; *6* – Анап-курган (ОАК за 1900 г. Рис. 96) – навершие; *7* – ст. Елизаветинская, курган, раскопки 1917 г. (ГЭ Ку1917 1/145) – лопасть псалия; *8* – Гюэнос (фонды Абхазского государственного музея) – лопасть псалия; *9* – Гюэнос (*Шамба*, 1988. С. 94. Табл. XIX, 6) – лопасть псалия; *10* – Анап-курган (ОАК за 1900 г. Рис. 97) – навершие; *11* – ст. Тенгинская, курган 2 – навершие 2; *12* – ст. Елизаветинская, курган 7, раскопки 1917 г. (ГЭ Ку 1917 1/146, 180) (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Cat. № 153) – лопасть псалия; *13* – ст. Тенгинская, курган 2 – навершие 1

Л.Т. Яблонский, Д.В. Мещеряков

РАСКОПКИ КУРГАНОВ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ У Д. ПРОХОРОВКА

(предварительное сообщение)

Деревня Прохоровка расположена на территории Шарлыкского р-на Оренбургской обл. К югу от села, на водоразделе рек Сухая Дема и Салмыш, находится сырт, представляющий собой господствующую в этой местности высоту. На поверхности возвышенности издали заметна насыпь кургана, которая в новейшее время использовалась местными жителями под кладбище. Эта насыпь является самой крупной в курганном могильнике, о существовании которого впервые стало известно в 1911 г., когда некоторые курганы были самовольно раскопаны и разграблены крестьянами. В 1916 г. здесь провел краткосрочную экспедицию молодой сотрудник Петербургского университета, а позднее – известный советский археолог С.И. Руденко. Научный отчет Руденко по итогам этой экспедиции был еще в 1918 г. опубликован выдающимся российским историком М.И. Ростовцевым (*Ростовцев*, 1918). Ростовцев провел тщательный анализ археологической коллекции, собранной из вещей, добытых крестьянами во время ограбления, и дополненной предметами из раскопок С.И. Руденко, и впервые в истории отечественной археологии связал эти находки с сарматами древних письменных источников. Более того, он показал, что курганы относятся к наиболее ранней стадии сарматской культуры. По существующей до сих пор традиции исследователь дал наименование этой культуре по названию наиболее близко расположенного к могильнику населенного пункта, и с тех пор раннесарматская культура в археологической и исторической литературе стала называться прохоровской.

Судя по отчету С.И. Руденко, могильник состоял из двух курганных групп, расположенных примерно в 800 м друг от друга и вытянутых в меридиональном направлении. Каждая из этих групп, которые можно условно назвать северной и южной, состояла из четырех насыпей. Кроме того, в составе северной группы Руденко описал подпрямоугольное в плане сооружение (обваловку), которое он назвал "городищем", не рассматривая это сооружение как погребальное.

Прохоровские курганы с момента их открытия, во многом благодаря эпонимному характеру памятника, всегда привлекали к себе внимание исследователей. В современной науке хронологическая атрибуция памятника и отдельных составляющих его курганов и погребений стала объектом острой дискуссии. Напомним, что М.И. Ростовцев был склонен датировать прохоровские курганы в пределах III–II вв. до н.э. (*Ростовцев*, 1918. С. 79). Такой датировке не противоречил, как будто, и анализ текста на серебряной чаше из Прохоровки, выполненный П.К. Коковцевым (*Ростовцев*, 1918. С. 83).

Трудности работы с материалом были вызваны тем, что основу коллекции составляли вещи, полученные вне строго зафиксированного археологического контекста.

Именно это обстоятельство, очевидно, привело к попыткам решительной ревизии хронологической принадлежности отдельных курганов могильника. Особенно ярко эта тенденция проявилась в целом ряде работ В.Ю. Зуева, который распространил свои выводы не только на собственно прохоровские курганы, но и на всю хронологическую колонку памятников раннесарматской культуры Волго-Уральского региона. Так, в одной из недавно изданных работ он уже в первых строках пишет о том, что "курганы этого (Прохоровского. – *Л.Я.*) могильника разделились на две хронологические группы – северную, рубежа V–IV вв. до н.э., и южную – рубежа II–I вв." Эта идея во многом определила гипотезу автора об отсутствии памятников сарматской культуры III в. до н.э. в Волго-Уральском регионе вообще и о развитии здесь собственно сарматской культуры со времени не ранее II в. до н.э. (*Зуев*, 2002. С. 85). Совершенно очевидно, что в данном случае речь шла не только о ревизии датировок памятника, предложенных М.И. Ростовцевым, но и о пересмотре глобальной хронологии и периодизации развития сарматской культуры, разработанной Б.Н. Граковым и К.Ф. Смирновым (*Зуев*, 2002. С. 91, сл.).

Таким образом, к началу XXI в. вдруг оказалось, что научная ценность курганного могильника у д. Прохоровка вовсе не исчерпывается только его историографической значимостью. Не случайно поэтому, что после почти столетнего перерыва интерес к нему обострился. Это обстоятельство нашло отражение в инспекционных поездках на него оренбургских археологов (в частности, одного из авторов этой статьи, Д.В. Мещерякова) и в разведочных работах, проведенных в окрестностях Прохоровки в 2001 г. группой археологов, возглавленной В.Ю. Зуевым. Нужно отметить, что материалы работ 2001 г. были тщательно опубликованы вместе с архивными материалами, имеющими отношение к истории изучения памятника в дореволюционный период (*Зуев*, 2003). Группа В.Ю. Зуева выполнила новый топографический план могильника, на котором появились два новых кургана, которые отсутствовали на плане С.И. Руденко, – 5 и 6 (*Зуев*, 2003. С. 48. Рис. 3). К сожалению, раскопки Прохоровской экспедиции этого не подтвердили – в одном случае "курган" оказался естественным языком, образованным промоинами на склоне сырта ("курган 5" в публикации В.Ю. Зуева), а в другом – выходом материкового известняка, перекрытым гумусным слоем ("курган 6").

В 2003 г. при поддержке РГНФ (проект 03-01-18024е) была организована Прохоровская археологическая экспедиция Института археологии РАН (начальник – зав. отделом скифо-сарматской археологии ИА РАН, д.и.н. Л.Т. Яблонский), которая на основе договоров о сотрудничестве ИА РАН с Оренбургским государственным педагогическим университетом (проректор по научной работе А.Г. Иванова; Д.В. Мещеряков – зам. начальника экспедиции), Комитетом по культуре и искусству при Администрации Оренбургской обл. (председатель комитета – В.В. Ренев) и Оренбургским областным краеведческим музеем (директор – Н.А. Еремина) приступила к археологическому исследованию памятника. Помимо Д.В. Мещерякова в полевых работах экспедиции приняли участие научные сотрудники отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН С.Б. Вальчак и И.В. Тришина, студенты

Оренбургского государственного педагогического университета, а также добровольцы из Москвы и Оренбурга.

В ходе работ экспедиции раскопкам были подвергнуты все объекты, обозначенные на планах С.И. Руденко и В.Ю. Зуева (могильник Прохоровка 1, по отчету В.Ю. Зуева), за исключением кургана 3, обнаружить который под посевами пшеницы было невозможно, и кургана "А", занятого современным кладбищем. Судя по отчету С.И. Руденко, в 1916 г. высота насыпей курганов, несмотря на постоянную их распашку, достигала 1,5 м. Однако к настоящему времени – после распашек, раскопок почти на снос в начале XX в. и новых постоянных распашек – высота наиболее крупных из них не превышала 30 см (исключение составляет курган "А", наибольшая высота насыпи которого достигает 3,5 м).

В советские времена на поверхности *сооружения "Б"* был установлен триангуляционный пункт и деревянная, на бетонных столбах, вышка. При строительстве вышки поверхность сооружения была вновь перепланирована, и к моменту современной фиксации прямоугольные очертания сооружения уже не различались, а верхняя часть всхолмления, оставшегося на месте "городища" под тригопунктом, в плане была овальной. На опубликованном плане В.Ю. Зуева (2003. С. 50) можно видеть овальную в плане насыпь размерами 26,5 × 9,5 м, длинной осью вытянутую строго в широтном направлении. Высота насыпи, по данным В.Ю. Зуева, не превышала 85 см, а строго в ее центре располагался триангуляционный знак, обозначенный полуразрушенной вышкой. На самом деле к моменту начала раскопок насыпь сооружения "Б" имела размеры 47 × 39 м и высоту до 92 см от уровня дневной поверхности, а остатки вышки тригопункта располагались в ее западной половине, занимая, однако, наивысшую площадку в пределах насыпи.

Насыпь была раскопана на снос, с захватом площади околокурганного пространства. В толще ее были расчищены два конских черепа (вместе с нижними челюстями), которые лежали рядом, затылочными частями на юг. По-видимому, захоронение конских голов имеет отношение к раннесарматскому погребальному ритуалу (поминально-жертвенные действия). При раскопках насыпи в районе тригопункта были найдены звено железных двучастных удил с надетым на них крестовидным псалием и железный стержневидный двудырчатый псалий с лопастевидными окончаниями, которые находились в переотложенном состоянии. Под насыпью были обнаружены следы поздних перекопов в виде ям и прямоугольной в плане траншеи, дно которой лишь местами заглублялось в толщу материка. Именно эта траншея, очевидно, и придала насыпи подпрямоугольную форму, отмеченную С.И. Руденко.

Под насыпью были обнаружены три захоронения, которые датируются раннесарматским временем.

В подбойном погребении 1 был захоронен ребенок, который умер в возрасте около 1 года. Его сопровождали два сосуда (лепной местного производства и круговой импортный), разнотипные бусы – гагатовые (в том числе рубленые) и янтарные, раковина каури, золотые полусферические бляш-

ки и стилизованная профильная фигурка птички, вырезанная из кусочка белого известняка (рис. V).

Кости пожилой женщины (погребение 2) были найдены в переотложенном состоянии на дне мелкой ямы, расположенной поблизости от входной ямы погребения 3, а также на дне поздней прямоугольной траншеи, которая пересекала заполнение входной ямы погребения 3, но заглублялась в него всего на несколько сантиметров. Под северной полой кургана была найдена серебряная монета достоинством 5 копеек, чеканенная в 1891 г. Не исключено, что она была утеряна во время работ по перепланировке сооружения, которые сопровождались разрушением погребения 2.

Погребение 3 располагалось в подбойной нише, сделанной в западном борту глубокой входной ямы. Дно ниши находилось на глубине около 280 см от уровня поверхности погребенной почвы. Здесь был расчищен скелет, принадлежавший молодой женщине, которая лежала в "атакующей позе", головой на ЮЮЗ. При погребенной был обнаружен разнообразный и богатый сопровождающий инвентарь (рис. VI). В головах находились остатки деревянной чаши, венчик которой был украшен четырьмя большими золотыми накладками и несколькими миниатюрными (рис. VI, *4*). Внутрь чаши были насыпаны более 500 золотых сфер и полусфер диаметром от 6 до 8 мм (рис. VI, *3*). У черепа располагались массивная золотая серьга или подвеска (рис. VI, *1*) и подвеска в виде большого шлифованного мохового агата, оправленного золотой фольгой (рис. VI, *2*). У правого плеча лежало большое бронзовое дисковидное зеркало с длинной штыревидной ручкой (рис. VI, *13*). Под край зеркала, обращенный к входу в подбойную нишу, были подложены обломки мергеля для придания наклонного положения плоскости диска. Ручка-штырь была вставлена в деревянную палку. Зеркало было обернуто в холщовую ткань тонкого плетения и находилось в футляре, сделанном из меха и покрытом тонким слоем коры. Вокруг запястий обнаружены многочисленные бусы, которыми были обшиты края рукавов платья или рубахи. Среди них – янтарные, сердоликовые, гагатовые, стеклянные, пастовые, фаянсовые, известняковые (рис. VI, *14*). У бедра располагался колчан, в котором находилось не менее 110 железных трехлопастных наконечников стрел и один бронзовый втульчатый (рис. VI, *11*). Здесь же лежал железный крюк, обтянутый золотой фольгой, оформленный в виде зооморфной композиции (рис. VI, *8*). У ног погребенной стояли два сосуда – серебряная орнаментированная чаша с плакировкой золотом (рис. VI, *7*) и туалетный сосуд, выполненный из мраморного оникса (рис. VI, *6*). Между голенями погребенной был найден фрагмент резного костяного предмета, вероятно, от рукояти плети (рис. VI, *10*). В ногах погребенной был установлен большой круговой сероглиняный кувшин (рис. VI, *5*). На поверхности северной ступеньки подбойной ниши располагалось блюдо, выточенное из рога лося (рис. VI, *12*). В площади блюда лежала тазовая кость барана в сочленении с костями задней ноги и ребра барана в анатомическом порядке. Здесь же лежали две половины нижней челюсти барана. В восточной части ступеньки был расчищен череп барана (без нижней челюсти) и кости передней ноги барана в сочленении с ребрами. Среди костей барана был найден железный нож. Под кос-

тями скелета, на каменистом дне подбойной ниши, фиксировался тонкий слой коры, под которым удалось зафиксировать следы деревянных носилок, сделанных из жердей. По конструкции носилки напоминают лестницу длиной около 195 см и шириной 70 см. Поперечные плашки располагались параллельно друг другу, приблизительно через 20 см. В южной части входной ямы, у входа в подбойную нишу, in situ лежали два обломка железного наконечника копья – втулка и перо (рис. VI, 9). Судя по расстоянию между ними (20 см), копье было преднамеренно сломано в ходе погребального обряда и брошено в предвходовой части подбоя.

Золотыми сферами и полусферами это погребение синхронизируется с погребением 1 и предварительно может быть датировано второй половиной IV – началом III в. до н.э.

Курган 4 располагался в 224 м к северу от сооружения "Б". В ходе раскопок 1916 г. здесь была доследована (после ограбления 1911 г.) широкопрямоугольная яма, содержавшая коллективное захоронение, сопровождавшееся несколькими сосудами. Фрагмент венчика одного из них был найден нами вблизи борта этой ямы. Кроме того, по данным В.Ю. Зуева (2002), в кургане были обнаружены обломок каменного орнаментированного блюда, несколько бусин, две золотые серьги, две золотые подвески, бронзовое зеркало, обломки гривны и обломок двудырчатого железного псалия. Заметим, что этот псалий абсолютно аналогичен тому, что был найден нами в насыпи сооружения "Б". Это дает основания синхронизировать время возведения обеих насыпей.

При раскопках 2003 г. в кургане 4 были обнаружены еще два впускных погребения, не найденные С.И. Руденко.

Захоронение в погребении 2 было совершено в глубокой подбойной нише. Погребенный, молодой мужчина, лежал в вытянутом положении головой на ЮЗ. Его сопровождали два лепных сосуда, в одном из которых находились так называемые "молоточковидные" камушки, хорошо известные по раннесарматским комплексам III–II вв. до н.э. Под левой тазовой костью был найден каменный оселок, сделанный из алевролита. Между правой голенью и стенкой подбойной ниши лежали наконечники стрел – пять железных трехлопастных с длинными черешками и бронзовый трехлопастный втульчатый. Между стопами погребенного и стенкой подбойной ниши были расчищены кости задних ног, а также часть позвоночника барана в сочленении с ребрами.

В подбойной нише могильной ямы погребения 3 был захоронен ребенок, который умер в возрасте до года. На поверхности ступеньки подбоя стояла красноглиняная круговая хумча хорезмийского производства. По форме она датируется IV–II вв. до н.э. В толще заполнения подбойной ниши были расчищены кости птицы и кости передних ног барана, лежавшие в правильном сочленении.

Набором наконечников стрел и хумчой впускные захоронения кургана 4 могут быть предварительно датированы в пределах III–II вв. до н.э.

Курган, обозначенный С.И. Руденко литерой "*в*", располагался в 50 м к северо-востоку от кургана 4. Экспедицией 1916 г. курган не исследовался.

В ходе наших раскопок под насыпью были обнаружены три могильные ямы.

Центральное погребение (2), совершенное в подбойной нише, было полностью разграблено и не содержало никаких следов захоронения. Судя по характеру заполнения, могильная яма была ограблена сравнительно недавно, возможно после завершения раскопок С.И. Руденко, и после ограбления сразу была засыпана.

Погребение 1 (впускное) было совершено в подбойной нише, где был головой на ЮЗ захоронен пожилой мужчина. Его сопровождал железный нож.

Для погребения 3 (впускного) также была устроена подбойная ниша. В толще заполнения входной ямы были обнаружены плотные скопления костей животных и человека, которые залегали в три яруса. Отдельные кости скелета 1 находились в анатомически правильных сочленениях: так, бедренная кость лежала в сочленении с большой берцовой, плечевая – в сочленении с локтевой и лучевой, часть грудной клетки – с анатомически правильным взаиморасположением ребер. Еще ниже, на дне входной ямы, был найден череп в сочленении с нижней челюстью, принадлежавший этому же скелету. Череп был обращен основанием вверх. Скелет принадлежал юноше. Под южной стенкой входной ямы было расчищено плотное скопление костей барана, некоторые из них находились в анатомически правильных сочленениях. На дне подбоя был обнаружен скелет подростка, вероятно девушки (скелет 2). Череп погребенной, в сочленении с шейными позвонками, но без нижней челюсти, лежал в южной части подбоя. Севернее (отдельно от черепа) располагался полный скелет с некоторым нарушением анатомического порядка костей (искривление позвоночного столба, смещение ребер и т.п.). Правая плечевая кость в сочленении с костями предплечья была неестественно вывернута. Левая стопа отделена и в анатомическом порядке положена вдоль берцовых костей. Нижняя челюсть была обнаружена у правой части грудной клетки, под костями правой руки. Погребенную сопровождали железный нож, железная пряжка (кольцевидная с подвижным язычком), алевролитовый оселок с отверстием для подвешивания, лепной горшковидный сосуд с усеченно-шаровидным туловом, прямой шейкой, отогнутым венчиком и плоским дном, прямоугольный необработанный камень (оселок или ударник кресала), цилиндрическое каменное пряслице, сделанное из аркозового песчаника. У северной стенки подбоя, за черепом погребенного, лежали кости барана в сочленении. Набор инвентаря и особенности сосуда не противоречат датировке в пределах III–II вв. до н.э.

В южной части группы, судя по отчету С.И. Руденко, находились четыре кургана, в двух из которых (1 и 2) он повторно (после ограбления крестьянами) исследовал центральные захоронения.

Курган 1, по данным Руденко, содержал катакомбу. Наши раскопки показали, что на самом деле это было захоронение подбойного типа: вдоль восточного борта ямы проходила ступенька шириной 80 см, а свод подбойной ниши был прорублен при ограблении 1911 г. В южном борту подбоя действительно располагалась ниша с аркообразным сводом глубиной 15 см от плоскости южного борта подбоя. Ширина ниши по линии стенки подбоя со-

ставляла 50 см. Дно этой ниши находилось на высоте 28 см от дна подбоя. Именно в ней, по словам крестьян, была установлена "железная кираса". Кроме того, грабители нашли в могиле золотую гривну, длинный железный меч и железные наконечники стрел, пару серебряных фаларов, сделанных из фиал, и рукоять кинжала. Небольшой фрагмент панциря и кончик железного меча были найдены нами в заполнении ямы, что делает описание достоверным.

После снятия насыпи кургана и части околокурганного пространства нам удалось обнаружить еще 8 захоронений, не найденных ни грабителями, ни С.И. Руденко. Они окружали центральное захоронение 1 – в соответствии с традицией, характерной для раннесарматской эпохи. Из общей системы впускных захоронений выпадали две могильные ямы, расположенные к югу от основной могилы и, в отличие от остальных, ориентированные строго меридионально, как и центральная. Необычными были и сами захоронения. В одном случае (*погребение 2б*, сделанное в подбое) скелет женщины старческого возраста находился частично в площади подбойной ниши, частично за ее пределами, в полной анатомической сохранности. Погребенная лежала на животе в неестественной позе. Голова располагалась на дне подбоя, в центральной его части, на правой щеке, лицом к стенке, а кости стоп находились выше поверхности ступеньки подбоя. Тело, таким образом, занимало положение, поперечное длинной оси подбойной ниши. Левая рука была вытянута и слегка отставлена в сторону. Правая рука согнута в локте под прямым углом так, что плечевая кость занимала положение, параллельное оси скелета и лежала на задних поверхностях ребер, а кости предплечья находились в положении, поперечном оси скелета так, что кисть этой руки была отставлена далеко в сторону и залегала на уровне, превышающем уровень ступеньки подбоя. Ноги были вытянуты, но скрещены в области голеностопных суставов (связаны?), которые также находились выше уровня поверхности ступеньки.

Погребение 7 – тоже подбойное. В древности, уже после того, как входная яма была засыпана, в заполнение ее была врезана еще одна, меньшая по габаритам яма, имевшая прямоугольные в плане очертания. В толще заполнения врезанной ямы были найдены четыре конских черепа без нижних челюстей и крупная синяя шаровидная глазчатая бусина из стеклянной пасты. На дне подбоя был расчищен скелет, принадлежавший молодой женщине. Погребенная лежала ничком, лицом вниз, головой строго на юг. Правая нога выпрямлена, левая согнута в колене под тупым углом так, что голени пересекались. Правая рука лежала на дне подбоя и была согнута в локте под прямым углом так, что ее кисть была отставлена далеко вперед от тела. Левая рука была слегка согнута в локте, который находился в приподнятом состоянии так, что тыльная сторона кисти упиралась в дно подбоя, а верхний эпифиз плеча был приподнят над головой так, будто бы женщина пыталась прикрыть голову рукой, согнутой в локте. Захоронение безынвентарное.

Яма 2а, прорезавшая могильную яму погребения 2б, не содержала человеческих останков, но на дне ее были расчищены череп барана, две лопатки

барана с ребрами, лопатка и ребра лошади, кости четырех ног барана (две передние и две задние) в сочленении.

Погребение 3 содержало безынвентарное захоронение в подбое ребенка, умершего в возрасте до года. Небольшая по размерам (детская) могильная яма *погребения 5* также не содержала культурных остатков. *Погребение 6* также представлено подбойным захоронением ребенка, который умер в возрасте до полугода. Его сопровождал лепной сосуд горшковидной формы.

Особое значение для датировки впускных захоронений кургана 1 имеет *погребение 4*. Здесь на полу подбойной ниши был расчищен скелет молодого мужчины. В изголовье лежали кости ноги барана в сочленении и ребра лошади. Здесь же стояла круговая красноглиняная светлоангобированная хумча хорезмийского производства (рис. VII, *3*), типологически синхронная той, что была найдена в детском захоронении 3 кургана 4 северной группы. Вдоль правой ноги погребенного лежал длинный железный меч с прямым, овальным в продольном сечении, перекрестьем и серповидным навершием. У правой ноги, непосредственно под клинком меча, располагался короткий железный кинжал с прямым перекрестьем и серповидным (?) навершием, с треугольным, сужающимся к острию клинком с двумя долами вдоль центрального ребра жесткости. В правую кисть погребенного была вложена рукоять еще одного железного кинжала, который располагался вдоль его левого бедра. Кинжал с прямым перекрестьем и плохо сохранившимся серповидным (?) навершием, с треугольным, сужающимся к острию клинком с центральным ребром жесткости (рис. VII, *2*). Ниже острия кинжала в три слоя лежали бронзовые наконечники стрел двух типов (рис. VII, *1*) – бронзовые трехлопастные с треугольной головкой, со скрытой втулкой и опущенными ниже втулки жальцами лопастей (46 экз.), и бронзовые же трехлопастные с треугольной головкой, с короткой выступающей втулкой и опущенными ниже втулки жальцами лопастей (14 экз.). Эти наконечники (в отсутствие железных) вкупе с особенностями наверший и перекрестий меча и кинжалов позволяют предварительно датировать данное захоронение (а вместе с ним и все впускные захоронения кургана 1) временем не позже III в. до н.э.

Соответственно, центральное захоронение кургана, с фаларами, может датироваться более ранним временем.

Курган 2 расположен в 80 м к северу от кургана 1. С.И. Руденко, который провел повторное исследование центрального погребения этого кургана после его ограбления крестьянами, описывал его как катакомбное. Наши раскопки показали, что в южном борту входной ямы действительно располагалась катакомба. Вдоль северного борта проходили две ступеньки. Ниша катакомбы сохранилась на глубину 100 см. Она имела подтреугольную в плане форму и изначальную глубину около 200–220 см. Высота свода ниши – 115 см от дна. Никаких находок в яме не было. По данным Руденко, инвентарь женского погребения (1) состоял из туши обезглавленной овцы, железного кинжала, железного наконечника копья, железных черешковых наконечников стрел, крупной глазчатой бусины, бронзовой гривны, обтянутой

золотой фольгой, золотого перстня, бронзового зеркала и бронзовой пронизи с четырьмя выступами.

В ходе раскопок 2003 г. нами была выявлена кольцевая планировка впускных погребений и обнаружено еще 5 неизвестных доселе погребений.

Погребение 2 представлено подбойным захоронением мужчины зрелого возраста, которого сопровождал, в частности, длинный железный меч с прямым перекрестьем, двутавровой рукоятью, серповидным навершием и подтреугольным, расширяющимся в центральной части и сужающимся к острию, клинком (рис. VIII, *2*). Под острием клинка лежали в три–четыре слоя бронзовые наконечники стрел (40 экз.) и один железный (рис. VIII, *1*). Бронзовые наконечники стрел – трехлопастные, с короткой выступающей втулкой и опущенными жальцами лопастей. Еще один аналогичный наконечник находился у срединной части клинка. Железный наконечник – плохой сохранности, трехлопастный, черешковый. Набор инвентаря позволяет датировать захоронение в пределах конца IV–III в. до н.э. При этом надо полагать, что центральное захоронение кургана может быть датировано относительно более ранним временем.

Подбойное *погребение 3* принадлежало ребенку, умершему в возрасте около полугода. Его сопровождал лепной сосуд, горловина которого была перекрыта костями барана. Под черепом были найдены два предмета в виде пилок с отверстиями для подвешивания и половина нижней челюсти собаки или лисы без следов обработки. Между правой ключицей и нижней челюстью находилась бусина. Она агатовая светло-красного оттенка, овальной формы с обрубленными концами.

В подбойном *погребении 4* был расчищен скелет полугодовалого ребенка в сопровождении лепного сосуда.

В *погребении 5* были расчищены два скелета. В ступеньке, противоположной входу в подбойную нишу, в неглубокой ямке был обнаружен скелет полугодовалого ребенка без сопровождающего инвентаря. В самой подбойной нише находился скелет молодой женщины. В головах погребенной стояла пара лепных сосудов. Рядом с одним из них в придонную часть заполнения ниши был воткнут железный нож. В районе шейных позвонков было расчищено ожерелье, состоявшее из 37 стеклянных и одной пастовой бус. У черепа располагались две спиралевидные в полтора оборота бронзовые серьги, обтянутые золотой фольгой. Между берцовыми костями найдено глиняное усеченно-биконическое пряслице.

Яма *погребения 6* имела два заплечика вдоль длинных бортов. На поверхности одного из них были расчищены кости лошади и барана в анатомическом сочленении. Среди них находился железный нож. Скелет принадлежал пожилой женщине. В ногах погребенной были расчищены бедренные кости крупной птицы (21 шт.), не имеющие следов обработки, и среди них – тщательно обработанная костяная трубочка, сделанная из такой же кости. Здесь же лежал фрагмент бронзового зеркала с низким бортиком по краю.

Курган “а”, судя по отчету С.И. Руденко, раскопками не подтвердился. Небольшое всхолмление, принятое им за насыпь кургана, возникло в результате деятельности колонии грызунов.

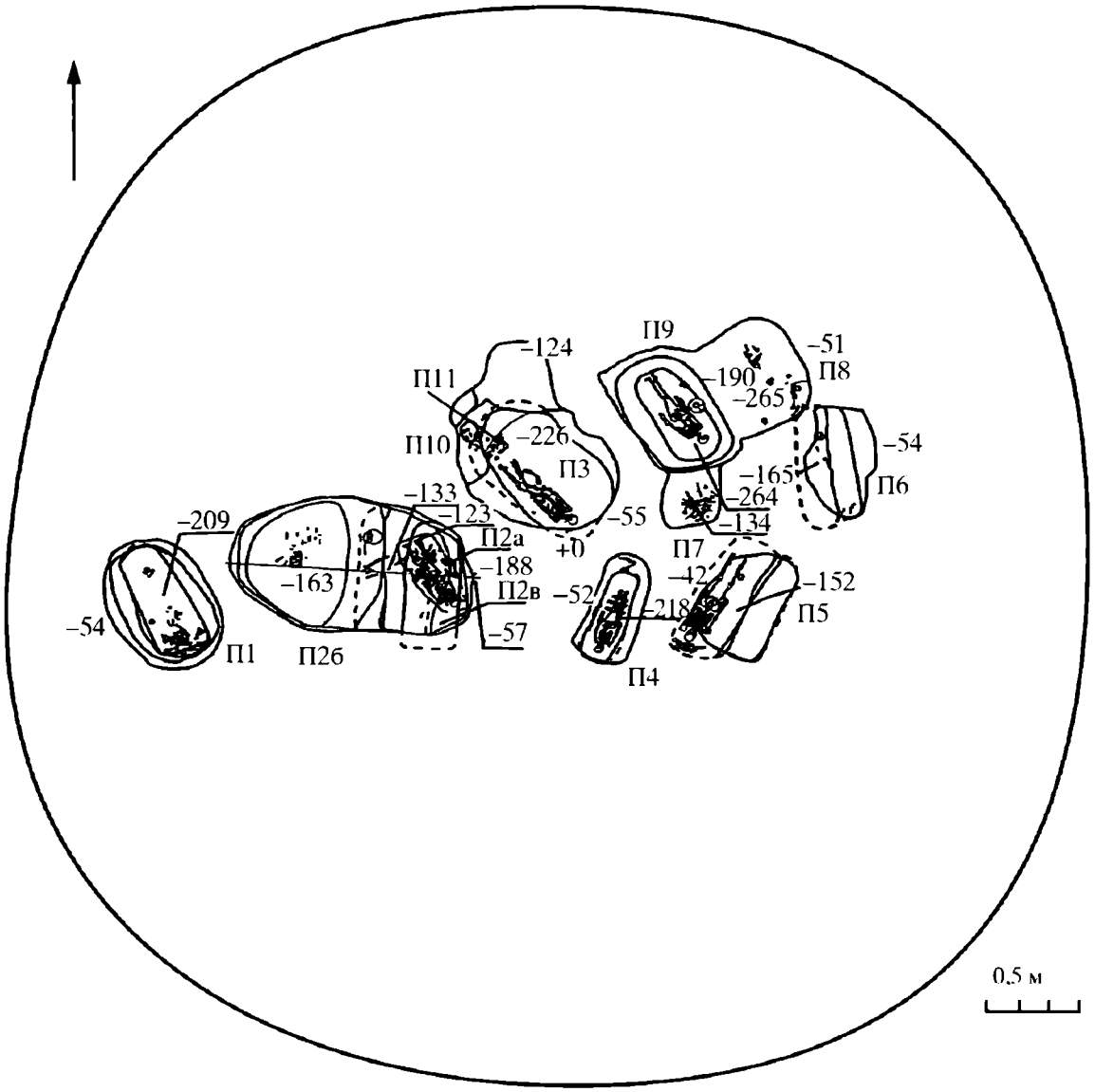


Рис. 1. Курган "б". Общий план

Зато небольшой по размерам курган "б" дал целую серию захоронений раннесарматского времени. В отчете С.И. Руденко об этом кургане говорится очень невнятно. Исследователь упоминает о том, что в 1911 г. этот курган также стал объектом грабителей. Они раскопали в нем безынвентарное погребение и бросили раскопки. С.И. Руденко раскопал поблизости еще один небольшой курган и тоже обнаружил в нем безынвентарное захоронение. Он посчитал курганы на южном мысу возвышенности не относящимися к сарматской культуре и не стал доследовать курган "б".

В ходе раскопок 2003 г. оказалось, что одиннадцать могильных ям расположены плотными скоплениями в два ряда, иногда прорезая друг друга (рис. 1).

Погребение 1 было устроено в яме с продольными заплечиками. Оно было ограблено в древности, и кости погребенного мужчины зрелого воз-

раста были сдвинуты под южный борт погребальной камеры. В заполнении ямы встречались кости лошади и барана. Других находок в могиле не обнаружено.

В контуре могильной ямы *погребения 2* было расчищено три относительно разновременных захоронения раннесарматского времени. Наиболее позднее (*погребение 2а*), принадлежавшее молодой женщине, располагалось непосредственно над погребением 2в, не затрагивая его. Вместе с женщиной был захоронен ребенок, который умер в возрасте до полугода. Рядом с черепом женщины был найден фрагмент бронзового зеркала с валиком по краю. В районе шейных позвонков и нижней челюсти россыпью лежали остатки ожерелья, состоявшего из гагатовых, пастовых, коралловых и стеклянных бусин с внутренней позолотой. Слева под нижней челюстью и справа под первым шейным позвонком располагались бронзовые проволочные серьги в виде спирали в полтора оборота. У правой бедренной кости было расчищено скопление костей барана и среди них – одна дисковидная стеклянная бусина с внутренней позолотой. Еще одна аналогичная бусина лежала между коленными суставами погребенной.

Погребение 2б располагалось в западной половине контура могильной ямы погребения 2. Оно было ограблено в древности, но часть сопровождающего инвентаря сохранилась in situ, в том числе кольцевидная железная пряжка, фрагмент железного ножа, круглодонный богато орнаментированный лепной сосуд горшковидной формы, железные стержневидные предметы (2 экз.) из прямоугольного в сечении прута, глиняное пряслице, сделанное из фрагмента стенки кругового красноглиняного сосуда среднеазиатского производства, алевролитовая галька.

Погребение 2в располагалось в восточной части общего контура могильной ямы погребения 2, непосредственно под скелетом из погребения 2а. На дне могилы был расчищен скелет, принадлежавший мужчине, который умер в возрасте около 40 лет. В одном из позвонков грудного отдела торчал сильно окисленный бронзовый втульчатый базисный трехлопастный наконечник стрелы. Судя по облитерированным краям раневого отверстия, это повреждение было получено задолго до смерти данного субъекта. Под правой бедренной костью лежал железный кинжал, рукоять которого была обмотана тканью тонкого плетения. Кинжал с треугольным клинком, прямым коротким перекрестьем, серповидным навершием и подромбической в сечении рукоятью. У южного борта ямы были расчищены кости передних ног барана в сочленении с лопатками.

Внутри общего контура были выявлены остатки захоронений 3, 10 и 11.

Погребение 3 – наиболее позднее в данной группе захоронений. На дне могилы был расчищен скелет, принадлежавший мужчине, который умер в старческом возрасте. В головах погребенного было вертикально установлено (рукояткой вверх) бронзовое зеркало, на поверхности которого сохранились остатки кожи. Зеркало дисковидное, с валиком по краю одной из сторон и боковой уплощенной ручкой (рис. IX, *1*). Рядом с зеркалом лежала кварцевая галька – лощило (рис. IX, *2*). Между черепом и левой ключицей лежал бронзовый наконечник стрелы (рис. IX, *3*) – трехлопастный с внут-

ренней втулкой и опущенными концами лопастей. Между левым локтем и стенкой подбоя находилось глиняное пряслице усеченно-биконической формы (рис. IX, *4*). В области обоих запястий (у левого 15, у правого 25 экз.) и таза (22 экз.) фиксировались связки бус, сделанных из рубленого гешира (рис. IX, *5*). У правой бедренной кости погребенного в анатомическом порядке лежало несколько ребер лошади. В ногах был расчищен полный скелет барана.

Погребение 10 было прорезано могильной ямой погребения 3. Оно представлено лежащими in situ бедренными костями ребенка, который умер в возрасте 6–8 лет. Среди костей ребенка найдены бисер и две бусины, сделанные из стеклянной пасты желтоватого и голубого оттенков (не менее 30 экз.). Здесь же – дисковидные стеклянные бусины с внутренней позолотой (3 экз.) и железное кольцо (пряжка?), сделанное из железного прута. Бусами данное захоронение синхронизируется с погребением 2а.

Погребение 11 представлено разрозненными костями полугодовалого ребенка, которые найдены на разных уровнях в заполнении могильной ямы погребения 3. По-видимому, погребение 11 было полностью разрушено при сооружении погребения 3.

Погребение 4 было устроено в яме с продольными заплечиками и деревянным перекрытием, от которого сохранились отдельные доски. В заполнении ямы расчищены кости лошади, лежавшие в анатомическом порядке, – кости передней ноги с лопаткой и обломки нескольких ребер. Лошадиная нога была установлена в могилу почти в вертикальном положении так, что перепад высот между точками расположения эпифизов плечевой кости составил 47 см. По-видимому, лошадиная нога была впущена под северный борт могильной ямы позже времени захоронения человека. Погребенный, 20-летний мужчина, лежал на спине, в вытянутом положении, со сведенными коленями, головой строго на юг. Вдоль его правого бедра лежал железный кинжал с треугольным клинком, прямым коротким перекрестьем с дуговидной верхней гранью, серповидным навершием и округлой (?) в сечении рукоятью. Концы навершия петлевидно изогнуты и образуют волюты. Вдоль левого бедра помещался колчан со стрелами, представленными наконечниками двух групп – железными и бронзовыми. Железные наконечники – трехлопастные черешковые (не менее 12 экз.). Бронзовые наконечники – трехлопастные, с внутренней втулкой и опущенными концами лопастей (4 экз.). Рядом с колчаном лежал железный нож. На фалангах левой кисти располагалась железная пряжка овальной (?) формы, сделанная из подпрямоугольного в сечении прута. На поверхности западного заплечика и под ним, в заполнении ямы, были расчищены два скопления костей барана: на заплечике – кости передней ноги с реберной частью в сочленении, в заполнении – кости реберной части в правильном анатомическом порядке.

Погребение 5 было совершено в подбое. На дне его был расчищен скелет женщины 35–40 лет. Погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, головой на юг с небольшим отклонением. В головах погребенной было расчищено скопление костей барана – от двух передних ног с лопатками и реберными частями. Кости лежали в правильном анатомическом по-

рядке. У правого плечевого сустава помещалась лепная чашка усеченно-биконической формы, со слегка выделенным плоским дном. В правую кисть погребенной был вложен железный нож. У правой берцовой кости располагался сосуд с усеченно-шаровидным туловом, округлым дном и слегка отогнутым венчиком.

Погребение 6 – подбойное. У южного борта могильной ямы лежали разрозненные кости ног барана. Здесь же находилось каменное пряслице цилиндрической формы. В площади подбойной ниши, на дне ее, были найдены фрагменты лепного сосуда, разбросанные по всей поверхности камеры, но наиболее плотное их скопление находилось в северной части подбоя. Сосуд лепной глиняный с округлым туловом, S-образным горлом, сильно отогнутым венчиком и плоским дном. Человеческие кости в площади подбоя не обнаружены. Не исключено, что погребение является кенотафом.

Могильная яма *погребения 7* была прорезана могильной ямой погребения 9. На дне ее были расчищены кости скелета молодого мужчины, которые лежали в виде плотного скопления. Можно предполагать, что они были специально собраны и уложены. В данном случае речь может идти о перезахоронении скелета из прорезанного погребения. Среди костей был найден фрагмент железного черешкового однолезвийного ножа с прямой спинкой.

Погребение 8 было разрушено в древности, вскоре после его совершения. В заполнении могильной ямы и на дне ее были найдены кости барана в правильном анатомическом сочленении.

Погребение 9 было устроено в простой грунтовой яме. На дне ее был расчищен скелет, который принадлежал мужчине 40–50 лет. Погребенный лежал на спине, головой на юг, лицом в полуразворот к востоку, в вытянутом положении, со сведенными коленями. У правого предплечья стоял лепной сосуд с богато орнаментированным округлым туловом. Под правым предплечьем и кистью лежал железный кинжал с треугольным клинком, прямым коротким перекрестьем с дуговидной верхней гранью, кольцевым навершием и подпрямоугольно-ромбовидной в сечении рукоятью со спиральной обмоткой из ткани. По центру клинка ромбовидного сечения имеется (на каждой из сторон) углубленный канал-дол, доходящий до нижней трети клинка. Под левой кистью находились железные наконечники стрел (не менее 10) – все трехлопастные черешковые (отмечены длинные черешки). У восточного борта ямы, ближе к северной ее стенке, лежали кости домашнего животного.

Время сооружения кургана в пределах III – начала II в. до н.э. представляется более чем вероятным.

В результате работы Прохоровской экспедиции помимо яркой археологической коллекции были собраны материалы палеоантропологического и палеозоологического характера, которые после соответствующей их обработки предоставят независимую от собственно археологического источника информацию для исторической реконструкции популяции, оставившей могильник.

Подводя краткие итоги предпринятой в 2003 г. экспедиции, надо сказать, что были получены следующие основные результаты: в плане историогра-

фическом самым существенным образом уточнены данные о курганах могильника, собранные С.И. Руденко и опубликованные М.И. Ростовцевым; в плане хронологическом будут уточнены позиции каждого кургана, но уже теперь принадлежность всех захоронений могильника к единой ступени развития раннесарматской культуры (IV – начало II в. до н. э.) больше не должна вызывать сомнений у специалистов; также не вызывает сомнений отсутствие хронологической лакуны между материалами из Прохоровского могильника и приуральскими степными комплексами предшествующего периода, включая филипповский; была получена коллекция археологических находок, которая может украсить экспозицию музея любого уровня, собраны представительные коллекции палеоантропологического и палеозоологического материала.

Более определенные выводы, касающиеся могильника Прохоровка I и людей, оставивших в нем захоронения, можно будет сделать в ходе дальнейшего анализа всех полученных в ходе работ экспедиции материалов.

ЛИТЕРАТУРА

Зуев В.Ю., 2000. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка. СПб.

Зуев В.Ю., 2002. Основные проблемы хронологии "раннесарматской культуры" // Раннесарматская культура: Формирование, развитие, хронология. Самара. Вып. 1.

Зуев В.Ю., 2003. Материалы к истории изучения прохоровских курганов в Оренбуржье. СПб.

Ростовцев М.И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. Пг. Вып. 34.

В.Д. Кузнецов

ФАНАГОРИЯ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

После распада СССР на территории России археологические памятники античной цивилизации находятся почти исключительно в Краснодарском крае. Важнейшим и крупнейшим среди них является Фанагория, вторая столица Боспорского государства. Фанагория находится на Таманском п-ове, на берегу морского залива. Площадь древнего города традиционно определялась (после работ В.Д. Блаватского) в 50 га. Однако на основании последних исследований, особенно подводных, можно говорить о том, что Фанагория занимала не менее 60 га (рис. 1). Таким образом, в Северном Причерноморье Фанагория является вторым по площади (после Пантикапея/Керчи) городом. Часть города (примерно треть) затоплена водами Таманского залива. С трех сторон Фанагория окружена огромным некрополем – самым большим античным некрополем в России. Следует отметить важное обстоятельство, которое имеет большое значение для исследования этого выдающегося памятника: вся поверхность древнего города,

Рис. 1. Вид на городище Фанагории с воздуха (с северо-востока)

а также большая часть его некрополя остаются совершенно свободными от современных сооружений и дают возможность осуществлять практически любые научные проекты.

Всем археологам хорошо известна беда нынешнего времени – несанкционированные раскопки. Ввиду высокой стоимости произведений античного искусства на черном рынке, особый интерес грабителей вызывают античные археологические памятники Таманского п-ова. Фанагория, находящаяся вне конкуренции по богатству своего культурного слоя, стала главным объектом для несанкционированных раскопок. С начала 1990-х годов здесь в течение осени, зимы и весны осуществляют свою незаконную деятельность кладоискатели из различных регионов страны. В результате ежегодно фиксируются искусственно обрушиваемый береговой обрыв, перекопанная в поисках монет поверхность городища, попытки вскрыть курганы, разрушенные борта раскопов, раскопанные на грунтовом некрополе могилы. К сожалению, отсутствие финансирования на районном, краевом и федеральном уровнях не позволяет наладить эффективную охрану как Фанагории, так и многих других памятников Тамани.

Фанагория была основана в 540-е годы до н.э. древнегреческими переселенцами из ионийского (малоазийского) города Теоса, которые сначала основали город Абдеры во Фракии, а затем часть их перебралась оттуда на Таманский п-ов. Гибель города приходится на начало X в. н.э. (*Атавин* 1992. С. 173, 174). За многовековую историю Фанагории отложился мощный культурный слой толщиной 5–7 м.

Первые раскопки в Фанагории были осуществлены вскоре после присоединения Таманского п-ова к России в конце XVIII в. (*Тункина*, 2002. С. 558–582). В течение первой половины XIX в. раскопки производились археологами из Керчи и были сосредоточены на некрополе: их главной целью были поиски ювелирных украшений и других памятников античного искусства для пополнения Императорского Эрмитажа. В большинстве случаев такие раскопки осуществлялись без какой-либо фиксации находимых объектов и предметов. В результате оказались варварски уничтоженными многие десятки курганов. Некоторые из них дали выдающиеся произведения античного искусства (например, вещи из кургана Большая Близница). Эта тенденция продолжалась и во второй половине XIX в. В 1853 г. К.К. Герцем были начаты раскопки непосредственно на городище.

Весьма важно подчеркнуть, что хотя раскопки Фанагории и ее некрополя были начаты около двух столетий назад, этот археологический памятник по-прежнему остается крайне малоизученным. Достаточно сказать, что научными раскопками вскрыто чуть более 1% от общей площади городища. Для сравнения отметим, что другие крупные памятники Северного Причерноморья (Ольвия, Пантикапей, Херсонес) исследованы гораздо лучше. Отсюда вытекает необходимость организации планомерных и масштабных исследовательских работ в Фанагории как для изучения истории и материальной культуры этого полиса, так и с целью решения ряда фундаментальных проблем, которые в недостаточной степени разработаны как в российском, так и в мировом антиковедении. Среди них можно назвать такие, как греческая колонизация, архитектура и урбанизм понтийского города в различные периоды его истории, экономические связи Причерноморья и Средиземноморья, монетное обращение, исследование хоры, некрополя и др.

Фанагорийская экспедиция Института археологии РАН осуществляет исследования памятника одновременно по трем направлениям: раскопки на городище, некрополе и в акватории затопленной части Фанагории.

Городище располагается около юго-восточного угла Таманского залива, на двух плато – верхнем и нижнем. Раскопки Института археологии, впервые начатые в 1936 г., были сосредоточены по преимуществу на нижнем плато. Они обнаружили слои разного времени – от конца VI в. до н.э. до раннего средневековья. Однако наиболее ранние слои, относящиеся ко времени основания города (которое, кстати говоря, было установлено исключительно на основе письменных источников), до недавних пор обнаружены не были. Впервые это было сделано в 1970-е годы, когда разведочные раскопки в центральной части городища на краю верхнего плато показали наличие слоев середины VI в. до н.э. В 1995 г. здесь был заложен большой раскоп общей площадью 900 м^2 (раскоп "Верхний город") (рис. 2) с целью изучения всей свиты культурных напластований в этой совершенно не исследованной части городища. Не менее важной была задача достижения и изучения строительных и прочих остатков первоначального ядра города. Дело в том, что слои архаического времени – в отличие от слоев более поздних периодов – крайне плохо изучены не только в Фанагории, но и в других античных центрах Причерноморья и Средиземноморья. Это объясняется как глубиной их

Рис. 2. Раскоп "Верхний город" (с юго-востока)

залегания и, соответственно, трудностью достижения, так и очень плохой их сохранностью. Последнее стало следствием очень частых планировочных работ, осуществлявшихся в античных городах, которые уничтожали слои предыдущего времени. Достаточно привести только один пример. В соседнем с Фанагорией городе, Кепах, который был основан в 570-е годы до н.э., во время последних раскопок (1984–1989 гг.) на материковом грунте были обнаружены слои II–III вв. н.э. Иначе говоря, материальные остатки примерно 800-летней предшествовавшей истории города были уничтожены самими его жителями во время многочисленных перепланировок.

При почти полном отсутствии письменных источников и весьма ограниченном количестве археологических многие вопросы освоения греческими переселенцами южных регионов России остаются в высшей степени дискуссионными. Это касается прежде всего таких фундаментальных проблем, как причины и движущие силы греческой колонизации, наличие или отсутствие полисного статуса у греческих апойкий, урбанизм и архитектура греческих колоний в начальный период их существования, тип их экономики, характер и направление торговых связей и др. Поэтому вопрос получения новых данных о начальном периоде существования греческих городов на юге России является, может быть, одним из самых актуальных в отечественной классической археологии.

В течение девяти полевых сезонов (1995–2003 гг.) на раскопе "Верхний город" было вскрыто около 4 м культурного слоя (при общей его мощности на данном участке в 5,5–6 м). Самый верхний слой датируется VII–VIII вв. н.э. К исходу сезона 2003 г. на подошве части раскопа был открыт слой IV в. до н.э. Таким образом, были изучены слои от классического времени до хазарского периода в истории города. На данном участке городища в течение всего этого времени располагались жилые кварталы Фанагории. К сожалению, строительные остатки сохранились крайне плохо. Это объясняется как вышеупомянутым обстоятельством, так и причиной, общей для всех таманских археологических памятников, – отсутствием на полуострове месторождений камня, вследствие чего на протяжении веков жители разбирали сооружения предыдущего времени для нового строительства. Как правило, от того или иного здания сохраняется один–два обрывка стен. Поэтому мы не можем восстановить планы и размеры жилых домов Фанагории. Впрочем, такая ситуация характерна для подавляющего большинства греческих городов не только Причерноморья, но и Средиземноморья. Дома в Фанагории в греческий и римский периоды ее истории строились из камня и из сырцовых кирпичей. Причем наиболее распространенной техникой в классическую и эллинистическую эпохи было строительство стен из сырцовых кирпичей, положенных на каменный фундамент. Дома из сырцового кирпича отнюдь не были эфемерными сооружениями. Древние греки достигли очень больших высот в приготовлении строительного материала из глины. Построенный из сырца дом, обмазанный несколькими слоями водоотталкивающего раствора, секрет которого утерян, мог стоять десятилетиями. В зимний холод сырцовый кирпич сохранял в доме тепло, а в летний зной в помещении было прохладно. На раскопе "Верхний город" были открыты фрагменты стен семи домов, построенных из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте. Они датируются эллинистическим временем (III–II вв. до н.э.).

В процессе раскопок было обнаружено, что на протяжении всего времени жизни на исследуемом участке (от классического времени до римского и даже в хазарский период) жилые кварталы сохраняли ориентацию по странам света. Как показали предварительные исследования на участке "Верхний город", такая ориентация была характерна и для архаической эпохи. Более того, новые сооружения строились по преимуществу на месте предыдущих. Если последнее подтвердится раскопками в последующие полевые сезоны, то можно будет говорить о том, что регулярная планировка Фанагории была заложена во время основания города. В литературе по греческой архитектуре и урбанизму господствует точка зрения, в соответствии с которой регулярная планировка греческих городов зародилась в колониальном мире и стала следствием демократических начал в политической структуре апойкий: все колонисты при переселении на новую родину были равны, что проявлялось в равнозначности земельных участков, выделенных под жилое строительство (а также под сельские наделы) (*Owens*, 1991. P. 30–49). Таким образом, в ближайшее время нам предстоит попытаться решить вопрос о политическом устройстве Фанагории в начальный период ее существования.

Из-за фрагментарной сохранности стен сооружений крайне трудно определить размеры жилых домов. Исключение составляют два здания. Одно из них – дом хазарского времени – датируется VII в. н.э. Его фундамент был построен в так называемой технике кладки "елочкой". Он был разделен на три помещения, общей площадью более 40 м². К сожалению, ничего более о нем сказать нет возможности. Второе здание было обнаружено в слое II в. до н.э. Оно погибло в сильном огне. Комплекс сохранился крайне плохо. Здание представляло собой большой частный дом. Его площадь превышала 350 м², как можно судить по обрывкам стен, сохранившимся в разных частях раскопа. В доме был подвал, в котором в небольших пифосах хранились припасы.

Единственным сооружением общественного назначения, открытым на раскопе, является здание, сложенное из тесаных блоков ракушечника (рис. 2, в центре справа). Здание сохранилось не полностью, его размеры равны примерно 6 × 5 м. О том, что сооружение носило общественный характер, можно судить уже только на основании того, что для его строительства вторично использовали архитектурные детали (элементы архитрава) другого общественного здания. К сожалению, сохранились лишь камни двух нижних рядов кладки. Внутри помещения также не были обнаружены какие-либо находки, которые помогли бы понять функциональное назначение сооружения. Тем не менее, исходя из того, что вход в здание был сделан с восточной стороны, можно вполне уверенно говорить о его сакральном характере. Это был небольшой храм, посвященный какому-то божеству. Если предлагаемая интерпретация здания является правильной, то данное здание окажется первым храмом, когда-либо открытым раскопками в Фанагории.

В процессе раскопок на городище было обнаружено значительное количество разнообразных археологических материалов. Они свидетельствуют о различных сторонах жизни города, показывая, что в античный период своей истории Фанагория была типичным греческим городом. Это необходимо специально подчеркнуть, потому что в литературе широко распространено мнение о Боспорском царстве как о греко-варварском государстве. Основой для такой точки зрения можно считать прежде всего географический фактор: Боспор находился на окраине греческой ойкумены, в окружении многочисленных варварских племен. Вот что, например, писал В.Ф. Гайдукевич в свой фундаментальной работе: Боспорское царство "очень рано приняло характер этнически смешанного греко-варварского государства, в котором с особенной яркостью нашло свое проявление взаимодействие античных греческих и местных элементов как в социально-экономической, так и в культурной жизни" (*Гайдукевич*, 1949. С. 4). В подтверждение этой точки зрения исследователи используют разнообразные аргументы: от наличия на территории некрополей боспорских городов негреческих погребений и скифских курганов до существования так называемого "греко-скифского искусства". Однако до сего времени не было предпринято попытки систематического обоснования упомянутой точки зрения. В то же время имеется довольно много возражений против мнения о том, что культура боспорских городов носила смешанный, греко-варварский характер. Речь идет не только о соображениях общего порядка, например таких: греческий полис имел замкну-

тый характер, был по сути дела закрыт для неграждан; наличие в нем чужеземцев, в том числе не-эллинов, варваров, не вносило структурных изменений в полис как систему. Так, в эталонном греческом полисе, Афинах, чужеземцев, в том числе рабов-варваров, было многократно больше, чем граждан (*Hansen*, 1985. P. 30 ff), однако было бы в высшей степени нелепо говорить о культуре Афин как о симбиозе культур эллинской и варварской. Но речь идет также и о конкретных археологических фактах. Исследование слоев классического и эллинистического времени в Фанагории дает основания уверенно говорить о материальной культуре города как о чисто эллинской. Предполагаемое наличие в городе выходцев из местной причерноморской среды не могло повлиять на структуру его политического устройства.

Фанагория имела широкие связи со средиземноморским миром. Об этом свидетельствуют многочисленные импортные предметы, находимые в процессе раскопок. Особое значение для определения торговых партнеров в античном мире, как известно, имеют амфоры. Важную роль в экономике Боспора вообще, и Фанагории в частности, играли центры, находившиеся в бассейнах Эгейского (Хиос, Клазомены, Фасос, Менда, Родос, Кос) и Черного морей (Гераклея, Синопа). Как известно из письменных источников классического времени, в обмен на вино, оливковое масло и другие товары боспорские города поставляли в Средиземноморье в качестве основного предмета экспорта зерно. Принимая во внимание плодородие почв на Таманском п-ове, можно полагать, что именно здесь выращивалась основная масса боспорского хлеба (*Кузнецов*, 2000. С. 107–120). Сельскохозяйственные угодья Фанагории находились к югу от города, в долине между двумя водоразделами. Мы не знаем размеров хоры полиса, но исходя из местоположения соседних городов можно полагать, что она занимала площадь в несколько десятков квадратных километров. Как бы то ни было, совершенно очевидным является то, что Фанагория была одним из основных поставщиков хлеба, который через Пантикапей поступал в Афины и другие центры Средиземноморья в течение IV – начала III в. до н.э. Именно этим фактом объясняется большее по сравнению с предыдущими и последующими столетиями количество амфорной тары и других импортных вещей, находимых в слое IV в. до н.э.

Курган. С южной стороны над городом господствует холм, на вершине которого по крайней мере с конца архаической эпохи находился храм. Через южные городские ворота к нему вела дорога. Поскольку после холма она уходила на сельскую территорию Фанагории, можно полагать, что храм был связан с божеством плодородия. За холмом с обеих сторон этой древней дороги, которая определяется на местности до сих пор (*Паромов*, 1998. С. 219, 225. Рис. 2), были сооружены курганы южного некрополя. Практика строительства погребальных сооружений вдоль дорог, выходящих из города, была типичной для древней Греции. Курганы южного некрополя Фанагории находятся в стороне от современных шоссе, здесь редко, особенно зимой, появляются люди. Следствием такого положения вещей стало то, что здесь часто проявляют свою активность грабители, предпринимающие несанкционированные раскопки курганов. Весной 2003 г. на вершине одной из

Рис. 3. Вид на купол склепа снаружи

таких древних насыпей нами была обнаружена большая яма, свидетельствующая о том, что грабители намереваются вскрыть центральное погребение. По согласованию с Комитетом по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края в целях недопущения разграбления кургана Фанагорийская экспедиция предприняла его раскопки. Перед их началом были произведены исследования кургана с помощью современного георадара "Лоза-М". Они показали наличие в центре насыпи какого-то сооружения, в плане близкого к квадрату.

В результате раскопок под центральной бровкой кургана были обнаружены две параллельные друг другу каменные стены (восточная и западная), перекрытые толстыми бревнами, которые полностью истлели. После вскрытия бревен обнаружилось сооружение настолько необычное, что не сразу можно было понять его функциональное назначение (рис. 3). Оно представляло собой обработанные блоки ракушечника, положенные по кругу в 6 рядов: одной торцевой стороной блоки сходились друг с другом, а другой расходились. Таким образом, каждый ряд напоминал собой своего рода розетту, а вся композиция – сложную многолепестковую розетту. При этом если самый верхний ряд состоял из девяти блоков, то в каждом последующем количество камней увеличивалось (во втором – 13 и т.д.). Блоки второго сверху ряда выступали из-под блоков первого ряда, третьего ряда –

из-под второго и т.д. Стык камней первого ряда, который образует плафонное отверстие, был перекрыт двумя прямоугольными блоками, лежащими вплотную, параллельно друг другу.

Загадка этого крайне необычного сооружения была раскрыта после того, как были подняты два блока, венчающие всю конструкцию. Оказалось, что сооружение представляет собой каменный склеп с уступчатым перекрытием (рис. 4). Многолепестковая розетта представляла собой внешнюю сторону купола. При вскрытии склеп оказался заполнен водой на 10–15 см.

Склеп был сооружен следующим образом. В котловане, выкопанном в материковом грунте, были положены по кругу стандартные блоки ракушечника, размерами в среднем 0,6 × 0,3 × 0,25 м. Торцевые стороны блоков, выходящие внутрь камеры, подтесаны так, что образуют ровный круг. Диаметр камеры 2,45 м, высота 1,38 м. Камера построена из шести рядов камней. Пол вымощен плоскими (толщиной 12 см) плитами, общим числом 24. На стенах погребальной камеры покоится конический уступчато-кольцевой купол, состоящий из шести постепенно уменьшающихся в диаметре концентрических колец, перекрытых сверху двумя блоками и имеющих изнутри камеры вид круга. Эти кольца образованы при помощи напуска камней одного ряда на камни предыдущего ряда. Ширина уступов в среднем равна 15 см, а высота 25 см. Высота купола от нижней грани нижнего уступа до плафона равна 1,49 м. Таким образом, общая высота склепа от пола до плафона составляет 2,87 м.

С северной стороны в камере сделан вход. Он был заложен несколькими блоками ракушечника. Высота входа 1,45 м, ширина – 1,17 м. Снаружи камеры к входу ведет коридор, стены и пол которого выложены тесаными блоками камня. Сверху он перекрыт каменными плитами. Коридор имеет длину 1,6 м при ширине 1,17–1,18 м. Изнутри камеры два нижних уступа купола не замыкаются в кольцо, а обрываются около входа в склеп, как бы фланкируя его.

Дромос, который вел в погребальную камеру, представляет собой коридор, выкопанный в земле и перекрытый сверху толстыми бревнами, которые в свою очередь были засыпаны морской травой (камкой).

Склеп при вскрытии оказался пустым. Не было обнаружено практически никаких следов погребения. В верхнем левом углу входа, заложенного блоками, недоставало трех камней. Через это отверстие склеп и был ограблен. Причем, было по крайней мере два ограбления. Первое было совершено, по всей видимости, еще в древности, когда дромос не обвалился. Второе было осуществлено либо генуэзцами, либо казаками, которые проявляли большую активность в ограблении курганов Таманского п-ова. На полу склепа было найдено всего два предмета: плохо сохранившаяся бронзовая монета и три фрагмента небольшого египетского алабастра. Пантикапейская монета и алабастровый сосудик относятся к IV в. до н.э. Этим временем и датируется склеп, впрочем, как и все склепы с уступчатыми перекрытиями.

Говоря о склепе в целом, следует отметить высокое качество его строительства и отделки. С видимых сторон блоки очень тщательно обтесаны и

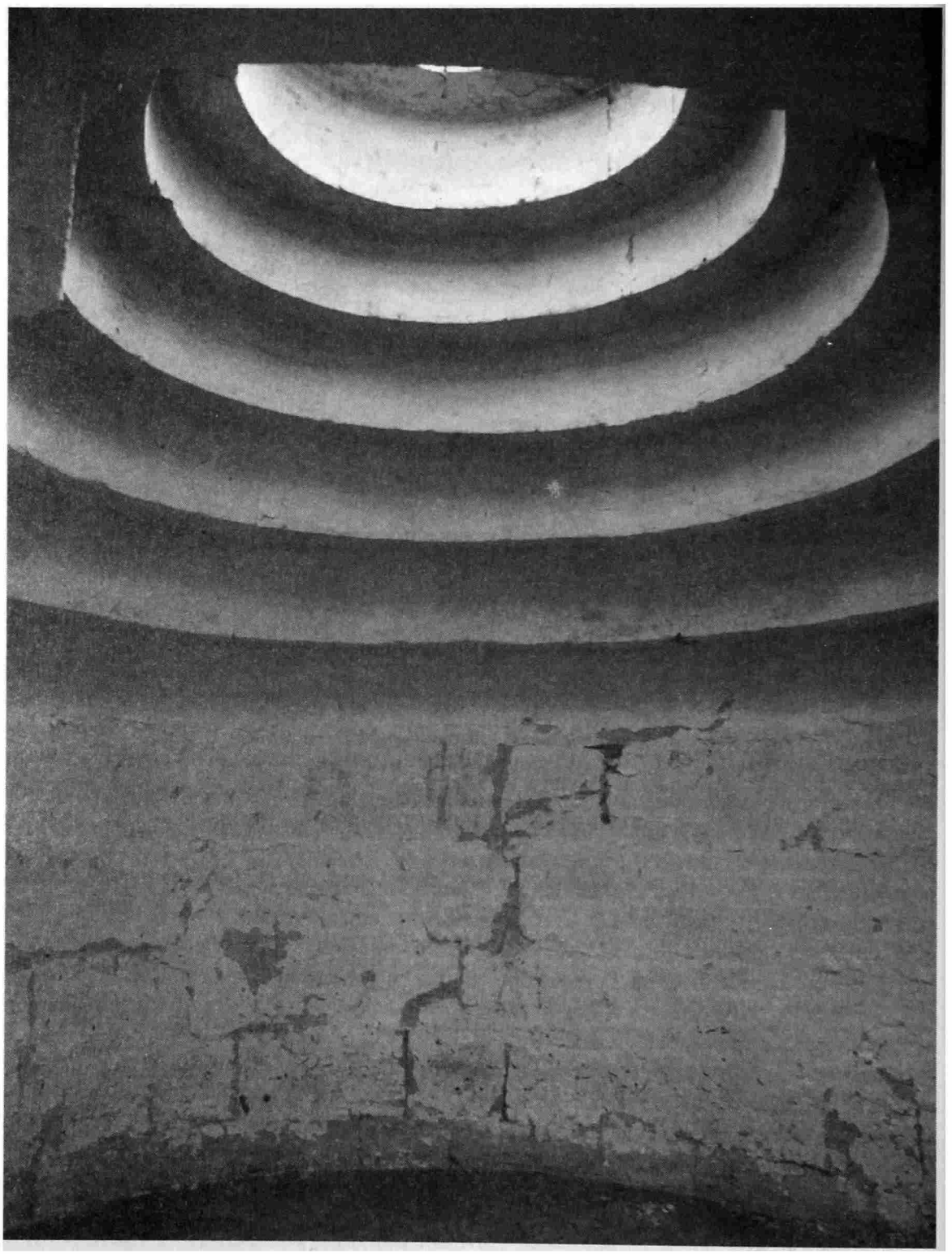


Рис. 4. Камера склепа с уступчатым перекрытием (вид от входа)

подогнаны друг к другу. Между ними невозможно просунуть тонкое лезвие ножа. Изнутри погребальная камера полностью оштукатурена. Штукатурка сохранилась неплохо. Однако очевидно негативное воздействие грунтовых вод, поступающих в склеп: мягкий камень пропитался влагой, штукатурка размокла.

Склепы с уступчатыми перекрытиями являются феноменом, характерным для боспорской погребальной архитектуры. Уже многие годы исследователи пытаются определить истоки их происхождения. Одни считают, что боспорские склепы имеют своим прообразом знаменитые толосы микенского времени, другие же ищут параллели в местных, скифских и меотских, погребальных сооружениях (*Блаватский*, 1955. С. 29–53). Что касается первого предположения, то вполне естественными выглядят сомнения в возможности заимствования боспорскими архитекторами идей, заложенных в сооружениях, построенных – и скрытых от человеческих глаз – примерно за тысячу лет до них (*Lawrence*, 1983. P. 77 ff). Не меньше возражений вызывает и второе предположение. Дело даже не в том, что между боспорскими склепами и местными погребальными комплексами причерноморских регионов также существует разрыв во времени, что само по себе исключает заимствования. Мы уже не говорим о том, что между склепами с уступчатыми сводами и, например, шатровыми погребальными сооружениями Прикубанья, которые В.Д. Блаватский считал первоистоком, по существу нет ничего общего. Правомерно задать себе такой вопрос: почему мы обязательно должны искать причину появления уступчатых склепов в Микенах бронзового века или в скифских степях, а не на самом Боспоре? На каком основании мы отказываем Боспору в способности создать оригинальные архитектурные сооружения?

Как мне представляется, важнейшими вопросами для понимания появления уступчатых склепов являются следующие: почему они возникли именно на Боспоре и почему в IV в. до н.э.? Мы не знаем аналогичных сооружений в других причерноморских полисах. Ответ почти очевиден: начиная с конца V в. до н.э. на берегах Керченского пролива происходит процесс становления государства, объединившего в своем составе независимые до этого полисы европейского и азиатского Боспора (нынешние Керченский и Таманский п-ова). Это позволило правящей в Боспорском государстве династии Спартокидов сосредоточить в своих руках не только большую власть, но и значительные материальные ресурсы. IV в. до н.э. становится временем расцвета государства, который прослеживается археологически в коренной реструктуризации сельскохозяйственной территории (вся территория покрывается сетью заново основанных усадеб и деревень), огромном количестве импортных товаров, которые во многом покрывались экспортом боспорского хлеба в Грецию именно в это время, чеканке собственной золотой монеты, расцвете архитектуры городов и сельских вилл и т. д. Величие и власть боспорского царя неизбежно должны были проявляться во внешних признаках, в том числе и в погребальной архитектуре. Можно быть уверенным в том, что такие монументальные сооружения, как склепы Золотого и Царского курганов под Пантикапеем, были созданы по заказу правящей ди-

настии. Такого рода заказ мог осуществить местный или приглашенный архитектор, которому была поставлена задача создания необычного погребального комплекса. Достаточно будет привести параллель с галикарнасским Мавсолеем, который был построен выдающимися мастерами по заказу вдовы могущественного правителя и стал своего рода символом усыпальниц-мавзолеев. С течением времени склепы с уступчатыми перекрытиями, более скромные по характеру, стали сооружать для себя представители правящей элиты. Важно отметить то, что в III в. до н.э. уступчатые склепы прекращают свое существование. В это же время умирает боспорская хлебная торговля, прекращается чеканка золотой монеты, происходят другие негативные события в истории Боспора. Все они самым тесным образом связаны с кризисом на Боспоре, последовавшим в результате каких-то военных событий.

К настоящему моменту известно 18 склепов с уступчатыми перекрытиями (*Гайдукевич*, 1981. С. 47–49). В большинстве своем они открыты на Керченском п-ове. Имея в плане квадратную или прямоугольную форму, они делятся на три типа: склепы с уступами с двух, трех и четырех сторон. Таким образом, фанагорийский склеп является новым типом боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями, поскольку представляет собой круглую камеру, с лежащим на ее стенах круглым же куполом. Можно полагать, что в нем был похоронен представитель (или представительница) одной из богатых семей Фанагории.

Подводные исследования. Фанагория представляет собой благодатный объект для проведения подводных археологических исследований. Значительная часть памятника (примерно треть) затоплена водами Таманского залива. Важным фактором является то, что глубина моря в акватории затопленной части не превышает 3 м. Поэтому в прибрежной части можно видеть не только многочисленные обломки античной и средневековой керамики, но и остатки сооружений, построенных из камня. Еще в 1970-е годы на берегу находилось значительное количество строительных блоков, архитектурных деталей и даже надписей. Позднее практически все камни были собраны местными жителями для строительных нужд. Исследование находящихся под водой культурных напластований Фанагорийского городища важно не только само по себе. Датировка этих слоев, а также строительных объектов даст возможность внести значительный вклад в решение проблемы евстатических колебаний уровня Черного моря.

Подводные исследования в Фанагории, как известно, проводились экспедицией под руководством В.Д. Блаватского в 1958–1959 гг. (*Блаватский*, 1985. С. 167–173, 221–227). Основным итогом ее работы стало следующее. Было установлено, что граница затопленной части городища проходила на расстоянии 220, местами 240 м, от современной береговой линии. В пределах этой территории грунт на морском дне довольно плотный, тогда как за ее пределами – очень мягкий. По подсчетам В.Д. Блаватского, под водой находится 15–17 га площади древнего города. Исследование культурного слоя в северо-восточном секторе затопленной части городища (в 185 м от уреза воды) с использованием грунтососа показало, что он имеет толщину в данном

месте около 1,3 м. Слой состоял из трех напластований: в самом верхнем из них были перемешаны находки от эпохи классики до средневековья, а два других датировались II в. до н.э. и IV–III вв. до н.э. соответственно.

После работ экспедиции под руководством В.Д. Блаватского подводные исследования в Фанагории до недавнего времени не предпринимались. В 1999 г. в рамках Фанагорийской экспедиции ИА РАН был создан отряд для осуществления подводных исследований в акватории затопленной части городища. Это стало возможным в результате научного сотрудничества между Институтом археологии и предприятием подводно-технических работ "Петр" (г. Воронеж). При этом техническое обеспечение мероприятий, связанных со всеми видами подводных работ, обслуживание техники и аппаратуры, контроль за спусками под воду осуществляются предприятием "Петр" под непосредственным руководством его генерального директора В.Н. Латарцева.

Главной задачей, поставленной в начале совместных работ, было гидроакустическое обследование морского дна с целью составления батиметрической карты, а также испытание аппаратуры и разнообразной техники, в том числе созданной на предприятии "Петр" специально для работ в Фанагории, производство расчистки некоторых участков морского дна от ила и травы и шурфовка для определения мощности, состояния и сохранности культурного слоя под водой, установления характера влияния моря на этот слой в течение многих веков (*Кузнецов и др.*, 2003. С. 153–175).

Пожалуй, важнейшей задачей на первоначальном этапе подводных исследований было составление батиметрической карты затопленной части Фанагории (*Кузнецов и др.* 2003. С. 167. Рис. 4). Для этой цели использовался эхолот "Lorans 350 A", которым осуществлялись промерные работы в автоматическом режиме. Для сбора массива информации, который мог бы обеспечить полноту картины подводного рельефа и наглядно продемонстрировать наиболее интересные для дальнейшего визуального и приборного подводного обследования зоны акватории, был выбран участок южного побережья Таманского залива длиной около 3000 м и шириной от уреза воды в море 800 м. Носитель, оснащенный эхолотом и спутниковой навигацией, перемещался вдоль берега по заранее намеченным галсам с интервалом в 10 м. Затем проходы осуществлялись в направлении, перпендикулярном берегу, с такой же сеткой.

Произведенный в результате этих работ батиметрический анализ обследованной территории дает нам основание говорить более точно о границах затопленной части Фанагории. Во-первых, западная граница городища, за которую традиционно принимают глубокую лощину, совпадает с всхолмлениями под водой (напротив западного конца базовой линии на батиметрической карте). Во-вторых, северная граница города, по всей видимости, проходит примерно по изобатам 2,7–2,9 м, после которых начинается довольно заметное понижение морского дна до – 3,7 м. Таким образом, затопленной частью Фанагории можно считать полосу, закрашенную на батиметрической карте разными оттенками желтого цвета, шириной от 200 м (на востоке) до 270 м (на западе). Длина этой полосы, одновременно являющаяся дли-

ной городища с востока на запад, равна примерно 1 км. Отсюда следует, что размеры затопленной части Фанагории колеблются в пределах между 20 и 25 га. Эта площадь заметно больше той, которая была вычислена в результате подводных исследований экспедиции под руководством В.Д. Блаватского. Соответственно, общая площадь Фанагории также должна быть увеличена (не менее 60 га).

На основе наших подводных исследований в Фанагории можно говорить о том, что поднятие уровня моря за последние примерно две с половиной тысячи лет вряд ли превышало отметку в 3 м.

В процессе обследования морского дна в восточной половине акватории затопленной части городища в 120 м от берега был обнаружен большой (40 × 17 м) развал камней, расчищенный при помощи гидроэжекторов. Он состоит более чем из полусотни больших строительных блоков и фрагментов, мелких камней, архитектурных деталей и обломков статуй (*Кузнецов и др.* 2003. С. 170–173. Рис. 8–13). Среди наиболее интересных находок отметим четыре барабана колонн, фрагменты других архитектурных деталей (карнизы, архитравы, база колонны), строительные блоки, в том числе мраморные, с пиронами, обломки мраморных статуй и постаменты под них. Поскольку строительные блоки и архитектурные детали были сделаны из разных пород камней (известняк, мрамор, ракушечник), можно уверенно говорить о том, что они принадлежали нескольким зданиям, по крайней мере два из которых были общественными. Первому из них принадлежали неканеллированные барабаны колонн, диаметр которых говорит о том, что здание было весьма большим (более 6 м высотой). Второму зданию принадлежат блоки из мрамора, один из которых имеет весьма крупные размеры (1,4 × 0,7 × 0,3 м). Они свидетельствуют о том, что в Фанагории (по всей видимости, в эллинистическое время) находилось здание из мрамора, скорее всего храм. Это дает нам основание скептически отнестись к утверждению некоторых исследователей, что "целых мраморных храмов в Северном Причерноморье не было вообще" (*Крыжицкий*, 1993. С. 72).

Следует обратить внимание на тот факт, что экспедицией В.Д. Блаватского было проведено довольно тщательное обследование акватории затопленной части городища, однако этот развал не был зафиксирован. С другой стороны, исследователи отметили наличие значительного развала камней в северо-западной части затопленного участка городища, который не был до сегодняшнего дня обнаружен нашей экспедицией. Чем это можно объяснить? Отвечать на этот вопрос до проведения специального исследования, видимо, было бы преждевременно. Тем не менее, можно предположить, что камни исчезли с поверхности морского дна в результате деятельности моря. Иначе говоря, каменные блоки, находящиеся в культурном слое на мелководье, то размываются морскими штормами, то вновь затягиваются илом и зарастают травой. Во всяком случае, при погружении в ветреную погоду и при удовлетворительной видимости можно наблюдать, как камни средних размеров на морском дне раскачиваются водой и постепенно вымываются из грунта.

Теперь обратимся еще к одному важному вопросу – о состоянии культурных напластований под водой. На месте развала камней некоторые бло-

ки довольно глубоко уходили в грунт. Во время их расчистки пришлось переместить при помощи грунтососа много земли, в результате чего образовалась довольно глубокая яма. Для того чтобы определить мощность культурного слоя в данном месте, было решено продолжить эту яму до материка. Эти работы показали, что мощность культурного слоя в данном месте достигает 1,8 м (*Кузнецов и др.* 2003. С. 162). К сожалению, не удалось разделить слой на отдельные культурные напластования и датировать их. Этому препятствовали два обстоятельства. Первое заключалось в том, что цвет и структура грунта практически неотличимы на протяжении всей толщи слоя. Он представляет собой песчанообразную, несколько заиленную массу серого цвета. Второе обстоятельство состояло в том, что небольшие размеры шурфа и его постоянно осыпающиеся борта не дали возможности собрать необходимое количество археологического материала для датировок. Кроме того, следует обратить внимание на такой важный момент: в толще культурного слоя по всему периметру шурфа встречено несколько слоев ракушек. Это наводит на мысль о том, что весь слой переотложен, перемешан. Такое могло произойти, например, в результате действия осенне-весенних штормов, размывавших и перемешивавших в течение многих столетий культурный слой. В связи с этим, может быть, не случайным является тот факт, что практически все камни исследуемого развала находятся на поверхности слоя, а не заглублены в него.

Даже если это предположение и верно, то это не означает, что весь слой в затопленной части городища размыт и перемешан. Ближе к берегу, на глубинах в несколько десятков сантиметров, он полностью сохранился. Об этом свидетельствуют каменные кладки in situ, которые отчетливо видны во многих местах. Не исключено, что разрушительная деятельность моря возможна только на определенных глубинах (например, от 1 м и глубже), на которых и находится развал камней. С другой стороны, возможно, что описанное явление носит локальный характер: исследуемый участок по какой-то причине не закрыт плотным слоем грунта, о котором я говорил выше и который был зафиксирован экспедицией В.Д. Блаватского. Этот грунт покрывает практически всю акваторию затопленной части городища, защищая тем самым культурные слои от разрушения. Для разрешения этой весьма важной для изучения состояния культурных напластований и их датировок проблемы в будущем необходимо продолжить подводные раскопки в различных пунктах акватории затопленной части Фанагории.

С целью изучения состояния культурного слоя в прибрежной части городища в 2003 г. были предприняты раскопки непосредственно в полосе прибоя (рис. 5). Эти работы во многом носили экспериментальный характер. При визуальном осмотре этой полосы прибоя в спокойную погоду под водой можно увидеть не только отдельно лежащие камни, но и кладки различных сооружений. В качестве объекта изучения был выбран участок, на котором отчетливо видна стена, сложенная из довольно крупных блоков. Общая площадь раскопа равнялась 25 м^2. Его края были обложены мешками с песком. Вскопка грунта производилась ножами. Затем земля отсасывалась при помощи грунтососов и подавалась по шлангу вместе с находками в

Рис. 5. Раскоп в полосе прибоя

пластиковые корзины с сетчатыми стенками и дном. Работы были доведены до материка. Они показали, что на исследованном участке культурный слой полностью сохранился. Его толщина колеблется от 0,9 до 1,05 м. По материалу из раскопа слой датируется IV в. до н.э. К этому же времени относится и открытый здесь угол большого, возможно общественного, здания, сложенного из обтесанных блоков. Эти раскопки показали, что, во-первых, в процессе наступления моря слои, относившиеся к более позднему, чем IV в. до н.э., времени были разрушены штормами, а во-вторых, прибрежная часть нижнего плато города была использована для жилого и общественного строительства не ранее IV в. до н.э. Последний вывод должен быть подтвержден дальнейшими исследованиями.

Таким образом, в результате пятилетних работ в затопленной части Фанагорийского городища была создана батиметрическая карта исследуемой акватории, отработаны методики подводных раскопок с применением грунтососов, получены важные данные о состоянии культурного слоя под водой. Предстоящий этап исследований должен характеризоваться более широкими работами по расчистке поверхности слоя от ила и наносного песка с целью открытия новых строительных объектов для определения времени затопления древнего города. Предполагается также проведение сплошной ви-

деосъемки всей акватории городища, для которой на предприятии "Петр" создана подводная ТВ-система с блоком ввода в поле изображения текущих координат точки съемки. Кроме того, ведется подготовка к выполнению работ по магнитной геофизической съемке затопленной части городища и созданию таким образом его магнитометрической карты. Возможно, совмещение этой карты с ранее выполненной батиметрией даст новый интересный материал для исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Атавин А.Г., 1992. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. М. Вып. 1.

Блаватский В.Д., 1955. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. Т. XXIV.

Блаватский В.Д., 1985. Античная археология и история. М.

Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.

Гайдукевич В.Ф., 1981. Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л.

Крыжицкий С.Д., 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.

Кузнецов В.Д., 2000. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. № 1.

Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О., 2003. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // Древности Боспора. М. Вып. 6.

Паромов Я.М., 1998. Главные дороги Таманского п-ова в античное время // Древности Боспора. М. Т. 1.

Тункина И.В., 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.

Hansen M.H., 1985. Demography and Democracy: The Number of Athenian Citizens in the Fourth Century B.C. Herning.

Lawrence A.W., 1983. Greek Architecture. L.

Owens E.J., 1991. The City in the Greek and Roman World. L.; N.Y.

А.А. Масленников, С.В. Мокроусов

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ*

В течение нескольких десятилетий Восточно-Крымская экспедиция ИА РАН ведет раскопки разнообразных и разновременных памятников античного времени, которыми так богат район Крымского Приазовья. Их изучение весьма существенно расширяет наши представления об истории, структуре и особенностях этнокультурной и хозяйственной характеристики сельской территории Боспорского государства. Отметим, что несмотря на известные сложности, благодаря финансовой поддержке ряда грантов,

* Работы проводились в рамках научной программы Президиума РАН "Этнокультурное взаимодействие в Евразии".

энтузиазму сотрудников и дружескому отношению наших украинских коллег, удается в полной мере поддерживать старые академические традиции в местной археологии, у истоков которых стояли такие известные и заслуженные отечественные антиковеды, исследователи боспорской хоры, как В.Д. Блаватский и И.Т. Кругликова. Не был исключением и полевой сезон 2003 г.

Раскопки велись главным образом на поселении эллинистического времени Генеральское-Западное, точнее на участке, получившем название "Юго-западный склон" (рис. X). Необходимо напомнить, что этот яркий, чрезвычайно насыщенный разнообразными находками и важный памятник исследуется нашей экспедицией с небольшими перерывами с 1980 г. За это время здесь на площади около 8000 м^2 раскопаны строительные остатки нескольких комплексов жилых, хозяйственно-производственных и культовых помещений. В итоге перед нами предстает все более сложный, многоплановый и впечатляющий по своим размерам памятник, скорее всего являвшийся одним из нескольких центров так называемого царского землевладения на европейской части Боспора в период первого хозяйственно-культурного расцвета этого государства в середине IV – первой трети III в. до н.э. Результаты этих изысканий отчасти уже отражены в ряде изданий, и их объект по праву может считаться не только по-своему эталонным, но и самым значительным в сельской археологии античных государств Северного Причерноморья. Достаточно упомянуть о весьма представительном собрании находок (отсюда происходят около 3000 амфорных и черепичных клейм, несколько сотен монет, большое число граффити и терракот). В последние три года исследования здесь велись широкой площадью на новом участке, получившем название "Юго-западный склон", где, по-видимому, располагался еще один район застройки этого интереснейшего поселения – несколько крупных, соседствующих строений типа больших домов-усадеб, образовывавших как бы особый "квартал".

В сезоне 2003 г. раскоп 2001–2002 гг. был расширен в северном, южном и отчасти восточном направлениях, примерно на 750 м^2. В итоге его общая площадь составила более 1500 м^2 (рис. 1). При этом в основном были доследованы соответствующие части большой жилой и хозяйственной постройки, условно получившей название "Блок" (усадьба) 1. Выявлены строительные остатки хорошей и средней сохранности двух строительных периодов в рамках конца второй четверти IV – первой трети III в. до н.э. (рис. 2). Мощность культурного слоя, умеренно, а в некоторых местах сильно, насыщенного различными находками, прежде всего обломками амфор и керамид, составляла от 0,5–0,7 до 2 м. Стратиграфия относительно простая: чередование трех–пяти слоев суглинка разного цвета, плотности и состава включений. На южном участке раскопа (в юго-западной части объекта) обнаружена весьма солидная (длиной до 10,5 м, шириной 0,9 м и высотой до 1,85 м) стена, вероятнее всего являвшаяся внешней для всего комплекса первого строительного периода. Она сложена из довольно больших, не обработанных, но тщательно подобранных, известняковых глыб и камней меньшего размера. К этому же времени относились и раскопанные участки двух стен (южной и западной) западного блока помещений, открытых еще в 2002 г. Ширина его,

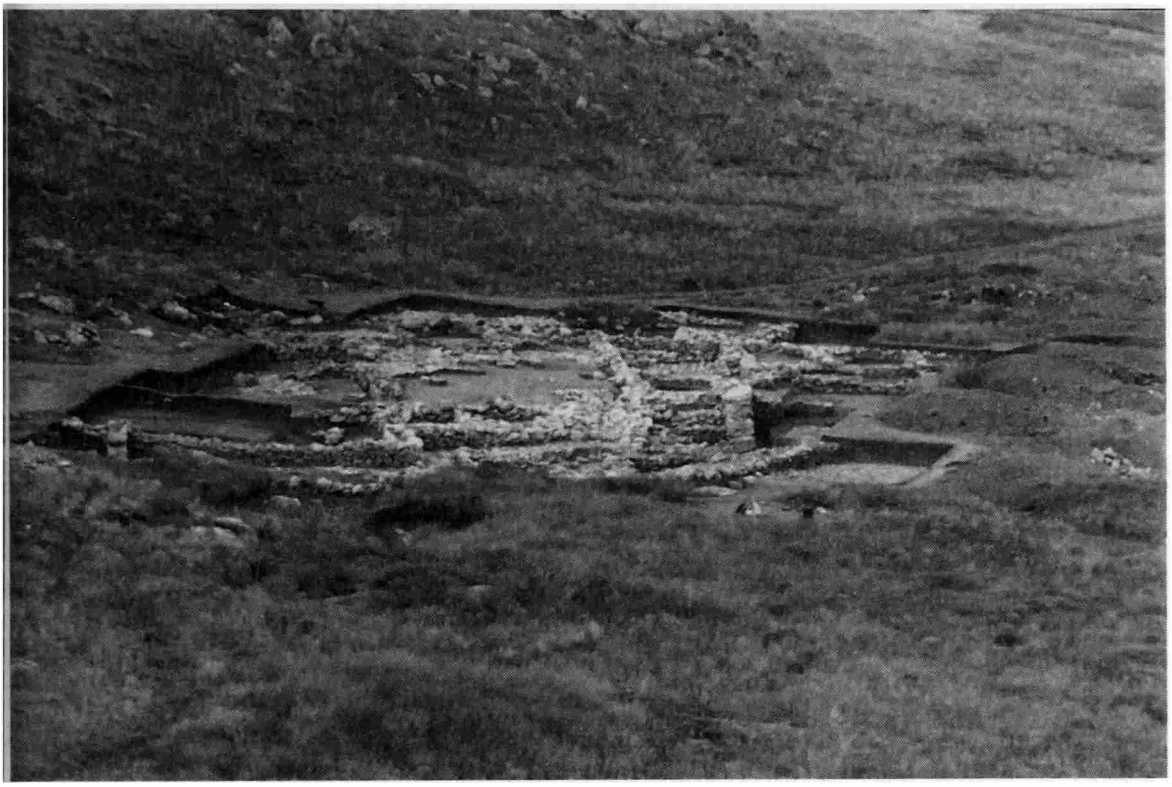


Рис. 1. Общий вид раскопа

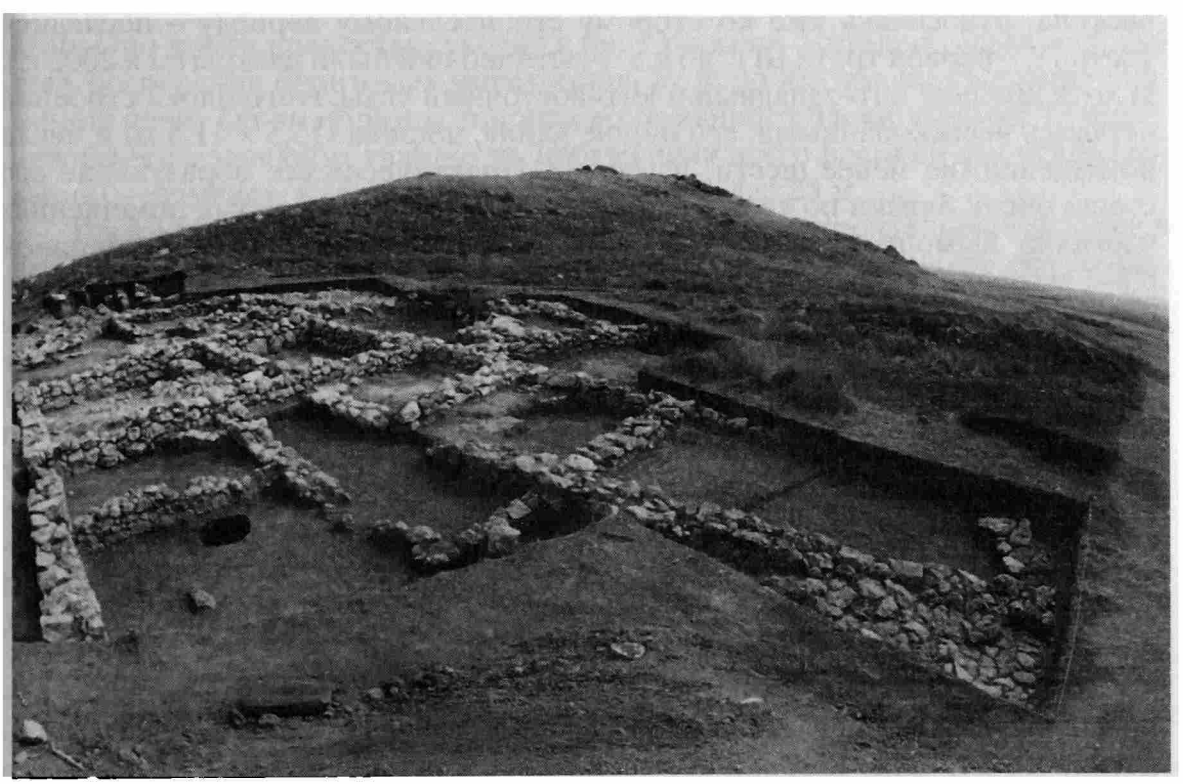


Рис. 2. Строительные сооружения усадьбы № 1

таким образом, составляла 6,5 м и, в сущности, это был юго-западный угол всего рассматриваемого комплекса (усадьбы). Стены эти, хотя и сохранились неплохо (до 0,8 м в высоту), выглядят менее внушительно, чем вышеописанная.

Первый период жизни этой "усадьбы", судя по всему, завершился какими-то достаточно негативными событиями, которые на данном участке нашли отражение в весьма своеобразном объекте: обширной "вымостке" (рис. 3). Выявленная пока не полностью, на площади не менее 70 м^2, она вплотную примыкала к вышеупомянутым стенам и уходила в южный борт раскопа. Состоит "вымостка" преимущественно из очень большого числа крупных и мелких обломков соленов боспорской глины. Среди нескольких тысяч фрагментов – около 60 клейменых. Несложные арифметические подсчеты показывают, что только на исследованной площади было сброшено не менее пяти сотен керамид, причем каждая пятая из них была клейменая. В слое этого относительно выровненного завала, толщиной до 0,3 м, встречены обломки амфор и пифосов. Среди первых также попадались ручки с клеймами (Фасос, Синопа, Аканф, Гераклея). Общий анализ этого материала позволяет говорить, что данный керамический сброс образовался не позднее середины – второй половины IV в. до н.э.

Над описанными строениями выявлено продолжение обнаруженной ранее толстой (до 1,5 м) стены-загородки, видимо, раннесредневекового времени.

Все стены нескольких помещений, открытых на юго-восточном участке раскопа, относились уже ко второму строительному периоду – последней трети IV – первой трети III в. до н.э. (частично они были раскрыты в 2002 г.). И хотя крайние юго-западный и юго-восточный углы этого блока строений остались нераскопанными, его общие длина, ширина (15,5 × 11,5 м) и число помещений (не менее шести) известны. Практически все образующие его стены очень близки по своим параметрам. Полы в некоторых помещениях частично вымощены плоскими камнями. Несколько проходов шириной 0,8–1 м соединяли их между собой. Отметим, что данный блок оказался пристроенным к восточному участку внешней, южной стены здания-усадьбы первого строительного периода. Находок в этих помещениях немного, но и полы, и стены "подстилал" здесь относительно толстый (до 0,3 м) и весьма насыщенный слой с находками предшествовавшего времени. Особо следует отметить, что почти повсеместно еще ниже здесь (как и на южном участке раскопа) выявлен тонкий слой, по всей видимости, являвшийся древней погребенной почвой. В нем довольно часто встречались обломки костей животных, подчас обгорелых, кремневые отщепы и даже обломки кремневых орудий и фрагменты керамики явно неантичного времени (эпоха средней и, быть может, поздней бронзы?).

На западе северного участка раскопа открыты (точнее, полностью выявлены) крайние стены все того же западного блока строений первого строительного периода. Ширина его также составляла 6,5 м, при толщине стен до 0,8 м и сохранившейся высоте до 1,2 м. Непосредственно к северу, видимо, имелось еще одно помещение с хозяйственной ямой и остатками печи в

Рис. 3. Вымостка на усадьбе № 1

углу. Оно почти полностью уходит в борт раскопа. Примечательна находка трех боспорских бронзовых монет конца IV в. до н.э. именно в районе указанной печи. Таким образом, ширина всего данного блока-усадьбы 1 (не менявшаяся на западном участке на протяжении всего времени его существования) – не менее, а скорее всего несколько более 25 м.

Также почти полностью удалось раскопать все строительные остатки в северо-восточной части рассматриваемого объекта. К первому строительному периоду относился блок (состоявший по крайней мере из трех помещений), вытянутый в направлении юго-запад – северо-восток не менее чем на 16,5 м. Ширина его – 6,5 м. Каждое из помещений было несколько заглублено в материковый грунт (поскольку находилось близ склона холма) и имело выход (шириной до 1,1 м) на общий, почти прямоугольный, двор, располагавшийся к югу от них. При этом уровень их первоначального пола был ниже уровня поверхности двора, которая в восточной части была вымощена большими плоскими камнями. Ширина двора не менялась со временем и составляла 9,5–10 м. Но он, вероятнее всего, первоначально был длиннее (не менее 21–23 м), чем во второй строительный период. Впрочем, характер застройки в северо-восточном углу "усадьбы" 1 в первом строительном периоде остался невыясненным. Возможно, здесь, на довольно крутом склоне, существовали некие "подпорные" стены.

Перестройка, ознаменовавшая начало нового этапа бытования всего рассматриваемого комплекса, выразилась в сооружении (или обновлении)

внешней, восточной, стены двора и возведении двух примыкавших к ней подквадратных помещений шириной до 5 м. Уровень полов в вышеупомянутых помещениях северного блока был существенно (до 0,25 м) поднят, и они частично вымощены плоскими камнями и большими плитами. При этом старые проходы были заложены или, скорее всего, уровень порогов также поднят. Но при этом площадь каждого из трех помещений осталась неизменной.

Существенно изменился облик внутреннего двора. Вся его северо-восточная часть была вымощена относительно небольшими плоскими камнями. Местами в вымостку включены и весьма большие плиты. Под вымосткой был проложен водосток, построенный из нескольких хорошо обработанных продолговатых известняковых блоков с узким желобом. Этот водосток частично проходил по полу одного из помещений (крайнего восточного) северного "блока". Общая длина водостока, шедшего вначале в направлении ССЗ–ЮЮВ, а затем почти точно с севера на юг, – 12,5 м. Непосредственно вдоль южной общей стены северного блока помещений участок вымостки шириной чуть более 1,5 м был особо выделен чередой продолговатых камней. Таким образом, образовывалось некое подобие тротуара длиной не менее 6,5 м. Не исключено, что здесь мы имеем дело с остатком "стилобата" – части своеобразного перистиля, крытого вымощенного пространства в северной части двора. Отметим также квадратное (1 × 0,84 м), полое внутри сооружение из нескольких обработанных известняковых камней. Возможно, это остатки алтаря, находившегося почти в центре двора. Никаких чем-либо примечательных находок ни здесь, ни в районе вышеописанной вымостки сделано не было. Назначение остатков еще двух стен в северо-восточной части раскопа осталось неясным. Зато теперь более или менее очевидны ширина и длина всей исследованной постройки (блока-усадьбы) 1. В первый период ее размеры составляли примерно 23–25 × 35 м. Во второй – площадь несколько расширилась за счет упоминавшейся пристройки с юго-востока. Соответственно усложнилась и общая планировка этого своеобразного здания.

В том, что это была именно отдельная, хотя и близко соседствующая с другими, постройка, нас убеждают и результаты раскопок 2003 г. Непосредственно к востоку от соответствующей внешней стены вышеописанного блока пока на небольшой площади обнаружены остатки стен помещения размерами не менее 5 × 6 м. Оно практически полностью вымощено большими плитами. Во второй период его бытования здесь соорудили поперечную стенку, делившую помещение на две "секции". К северу и востоку новый участок застройки, скорее всего, продолжался, что подтверждается и данными геомагнитной разведки. Однако общее направление стен этого комплекса заметно отличается от только что рассмотренного блока 1. Это было вызвано изменениями в общем рельефе местности (поворот склона холма). Обе "усадьбы" разделяло пространство от 1,5 м на юге до нескольких (пока не ясно, скольких) метров на севере. Практически все оно было занято большой, хотя и довольно небрежной, вымосткой.

Поверхностные наблюдения и сборы подъемного материала свидетельствуют о том, что культурный слой и, видимо, постройки (еще не менее двух блоков-усадеб) простирались на 150–200 м к востоку, вдоль юго-западного и южного склонов все того же скалистого холма. На его вершине (гребне) кое-где также заметны слабые остатки грубых кладок.

Среди достаточно многочисленных находок на раскопе отметим около 70 амфорных и более 50 черепичных клейм, с десяток бронзовых боспорских монет, несколько глиняных рыболовных или ткацких грузил, орудия из камня и кости, фрагменты простой тонкостенной и чернолаковой посуды, в том числе с граффити. Довольно много костей домашних животных. Обломки амфор представлены главным образом типами и центрами, характерными для второй половины IV – первой трети III в. до н.э.

Следующие объекты исследований сезона 2003 г. находились в районе насыщенного разнообразными археологическими памятниками урочища Куль-Тепе. Это, прежде всего, относительно небольшое поселение эллинистического времени, располагавшееся на очень крутом западном склоне одной из скалистых гряд, спускающихся с юга на север, в сторону моря. Столь необычное расположение предполагало наличие здесь террасной застройки, что и подтвердили раскопки. Полностью исследована площадь до 150 м^2 – практически вся северная часть поселения и отчасти (снят гумусный слой) еще на площади около 100 м^2 непосредственно к югу. При этом на протяжении более 20 м были выявлены остатки относительно хорошо сохранившейся самой нижней подпорной стены, сложенной местами очень аккуратно из тщательно подобранных крупных камней. Несомненно, что эта стена продолжалась к югу по крайней мере еще на 20–25 м. Уцелевшие участки однорядной кладки имели высоту до 1 м. Перепад высот по отношению к вершине холма в данном месте составлял не менее 10 м. Скорее всего, несколько выше этой стены находилась нижняя терраса застройки помещения, строения на которой практически не сохранились. Больше повезло в этом отношении самой верхней террасе, представлявшей собой относительно узкую (1,7–2,3 м), слегка пологую к западу, выровненную полосу скального уступа, длиной не менее 8 м. С севера она, как и ниже расположенная вторая (средняя?) терраса, отделялась от прочего скального массива солидной (толщиной до 2,2 м) стеной, уцелевшей в длину на 5–5,5 м, при высоте до 0,7 м. Характер продолжения этих и наличие прочих строений далее к югу остались пока невыясненными. Культурный слой на поселении довольно маломощный (в среднем не более 0,3–0,5 м), и лишь в районе упомянутой верхней террасы его максимальная толщина достигала примерно 0,6–0,8 м. Стратиграфия проста и в основном представлена двумя-тремя слоями суглинка разного цвета и плотности. В нем много камней, но не редки и фрагменты керамики, главным образом амфор. Достаточно часты куски керамид красной глины, обломки простой тонкостенной и лепной посуды. Встречаются части пифосов, фрагменты чернолаковых сосудов и кости животных. Отметим также две бронзовые боспорские монеты конца IV в. до н.э., глиняные пирамидальные грузила, несколько керамических клейм. Все находки датируются в пределах второй половины IV – первой трети III в. до н.э.

Аналогичные находки встречаются в большом числе и непосредственно на скалистой вершине холма, где собственно культурный слой не сохранился. Но еще больше обломков амфор зафиксировано в нескольких десятках метров выше (к югу) по вершине того же холма. Небольшой (50 м^2) раскоп, разбитый здесь, дал значительное количество амфорных обломков того же времени при почти полном отсутствии культурного слоя. Столь странное обстоятельство заставило обратиться к исследованию остатков некой постройки, обнаруженной еще в двух–трех десятках метров южнее (на вершине всего окрестного скалистого массива).

Здесь на поверхности земли торчали большие камни, образовывавшие внешний ряд округлой стены или крепиды срытого искусственного холма (кургана). Большая, частично заплывшая воронка свидетельствовала как будто бы в пользу последнего предположения. Диаметр этого "кольца" составлял 18–19 м. На иную возможную трактовку данной постройки (башня?) указывали происходившие отсюда многочисленные, хотя и маловыразительные, обломки амфорной тары.

Раскопки, однако, выявили остатки именно погребального монументального сооружения. От большого, вероятно прямоугольного, склепа, впущенного глубоко в материковую скалу (расширенную естественную впадину?) сохранились только подтесы материковой скалы. Судя по ним, размеры склепа снаружи равнялись примерно 5,2–5,3 × 4–4,2 м. Зато располагавшийся к востоку от него дромос уцелел весьма неплохо (рис. 4). Его длина составляет 7 м, при ширине 1,7–1,9 м и общем направлении запад–восток с небольшим отклонением к северу. Двухрядная, в целом иррегулярная, кладка стен толщиной около 1 м, состоявшая из средних и крупных необработанных известняковых камней, сохранилась на высоту от 0,9 до 1,75 м. Но на участках, примыкавших к камере склепа, кладка дромоса представляла собой ряды обработанных (с наружной стороны под руст) довольно больших известняковых блоков, вероятно вторичного использования.

От внешнего края дромоса вокруг всего сооружения, приближаясь в плане к окружности, шел ряд средних и больших аккуратно уложенных камней – некое подобие крепиды. Высота ее составляла не более 0,8 м. Все ограниченное этой оградой пространство было плотно заполнено каменным бутом и золистым грунтом. Частично все это "расплылось" и вышло за пределы "кольца". Примечательно, что все камни крепиды и большая часть камней дромоса были уложены на плотный и достаточно мощный (до 0,4 м) слой типичного золистого суглинка. Находки в нем, представленные почти исключительно обломками амфор, можно датировать последней четвертью V в. до н.э. К этому же времени относятся и редкие фрагменты чернолаковой посуды. Собственно в заполнении дромоса был встречен в основном материал эллинистического времени (начало III в. до н.э.), а в явно перемешанном грунте мощного скопления на месте склепа – кости людей и животных, а также обломки амфорной тары и керамики, датируемой от конца V в. до н.э. до ранневизантийского и даже современного периода. Отметим находки здесь двух бусин, части бронзового браслета, фрагментированной костяной ручки ножа, обломков двух амфорных клейм (Гераклея),

Рис. 4. Дромос

двух–трех терракотовых статуэток и венчика краснофигурного сосуда. В целом данное погребальное сооружение явно выделяется своей спецификой среди памятников такого рода на дальней хоре европейского Боспора, по крайней мере в районе Крымского Приазовья. Очевидно, в его истории можно выделить два–три периода. Изначально здесь, на относительно возвышенном месте прибрежной гряды, находился некий зольник, возможно, примитивное варварское святилище, функционировавшее во второй половине V в. до н.э., может быть, в начале следующего столетия. Затем, примерно полвека спустя, на его месте строится внушительного размера каменный склеп с дромосом, перекрытый невысокой курганной насыпью. Захоронения в нем принадлежали скорее местным варварам, чем грекам. Как соотносились между собой этот склеп и соседнее античное поселение во второй половине IV – начале III в. до н.э., неясно, но скорее всего, они сосуществовали. Затем, быть может, гробница как-то использовалась в первые века н.э. И, наконец, была ограблена (не в первый раз) не позднее второй половины XIX в. и разрушена не позднее середины XX в. Так или иначе, но описанный памятник, несомненно, представляет интерес в плане характеристики греко-варварских взаимоотношений в Восточном Крыму в эллинистическую эпоху.

При расчистке грабительских шурфов на некрополе и вблизи поселения "Куль-Тепе – западное" (урочище "Ущелье ведьм") было сделано еще одно любопытное открытие. Выяснилось, что на довольно крутом (южном) скло-

не холма, располагавшегося почти в центре большого и глубокого оврага, находился некий золистый выброс. Мощность его достигала 0,5 м, а общая площадь – не менее 100 м². Типично золистый грунт содержал различные мусорные остатки: обломки простой тонкостенной (в том числе красно- и буролаковой) керамики, лепной посуды и в небольшом числе – амфор. Но особенно примечательно наличие среди них фрагментов довольно большого числа лепных светильников-курильниц ("рюмок"), терракотовых статуэток и даже нескольких боспорских монет. В целом этот материал датируется концом II в. до н.э. – I в. н.э. Обращает на себя внимание полное отсутствие в слое костей животных при обилии измельченных раковин морского гребешка. Таким образом, перед нами несколько необычный объект, который, скорее всего, можно рассматривать как косвенное (?) свидетельство существования поблизости какого-то культового памятника. Впрочем, таковым мог быть и сам "зольник".

В рамках исследования ранневизантийских памятников Восточного Крыма экспедицией были продолжены работы на многослойном поселении Зеленый Мыс (рис. 5–7). Исследовался участок памятника, получивший условное наименование "Цитадель", – относительно небольшой выступающий в море мыс с отвесными склонами. Открытые строительные остатки относятся ко второму этапу ранневизантийского периода в истории поселения – началу второй четверти VI в. н.э. – 570–580 гг. н.э. Из раскопанных строений обращает на себя внимание постройка с необычной, Г-образной, планировкой (рис. 6): практически все исследованные здесь до этого помещения были прямоугольными. Нетрадиционен и ее интерьер – печь располагалась не в одном из углов, а на некотором удалении от него, тогда как сам угол занят тремя вкопанными в подстилающий слой амфорами – кстати, комбинация, также зафиксированная на поселении впервые. Сама печь, выполненная из прямоугольных плит ракушечника (северная, южная и западная стенки) и глины (восточная), имеет довольно сложную и редкую конструкцию: у южного угла ее устроена дополнительная камера (рис. 7).

К востоку от данного помещения вскрыты остатки еще одной очень плохо сохранившейся постройки – два коротких отрезка стен, образующих угол, и связанный с ними небольшой участок "пола". Их разделял небольшой пандус, замощенный массивными плитами. Он вел к относительно плоской верхней "террасе" скального гребня холма, откуда по лестнице из трех ступеней можно было попасть на участок к северу от помещений. Здесь был расчищен небольшой прямоугольный ларь, пристроенный к скале.

Около середины VI в. н.э. на городище имел место сильный пожар. Восстановительные работы привели к изменениям в интерьере одного из описанных помещений и частичным перестройкам стен второго. Любопытно, что пандус, лестница к северу от него и ларь, вероятно, продолжали существовать в первоначальном виде.

Время окончательной гибели рассмотренных конструкций, как и всего поселения, – 570–580 гг. н.э. Репертуар находок традиционен. Основную часть составляют фрагменты керамики различных функциональных групп,

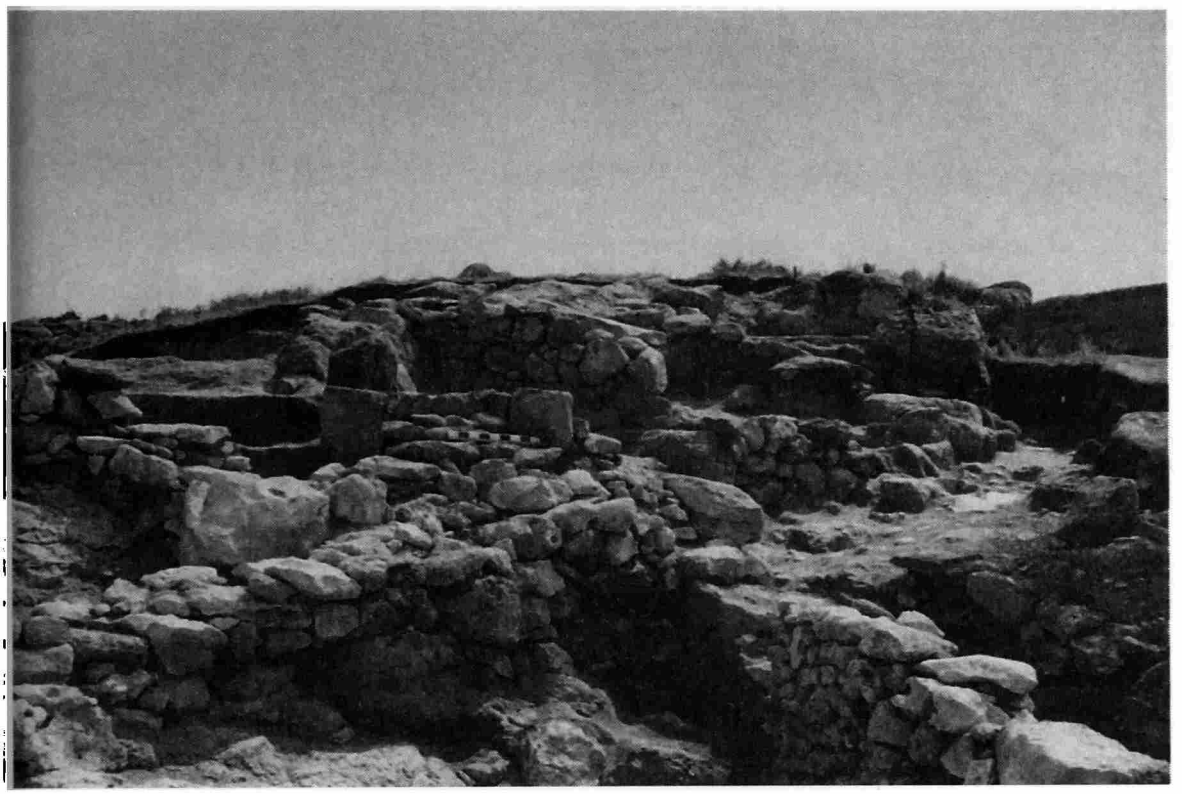


Рис. 5. Поселение Зеленый мыс

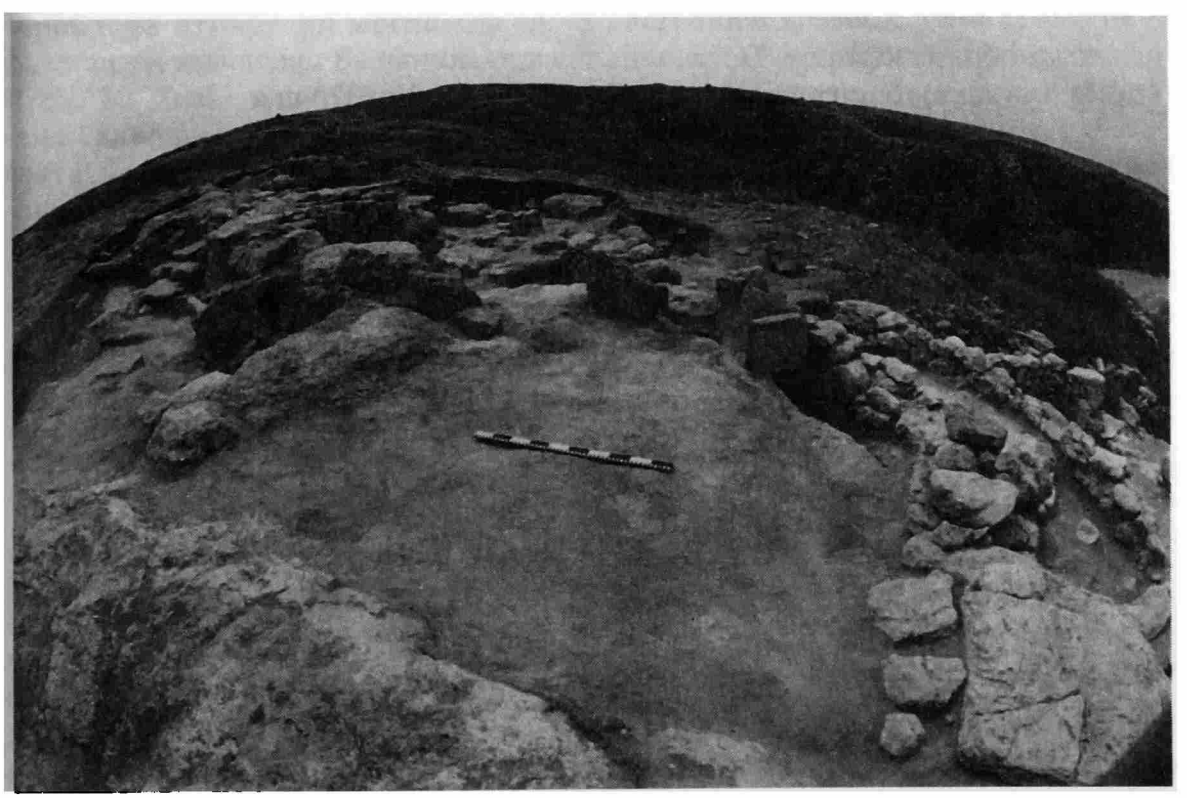


Рис. 6. Г-образная постройка на поселении Зеленый мыс

Рис. 7. Поселение Зеленый мыс. Печь в Г-образной постройке

главным образом амфор. Встречены также глиняные пряслица, изделия из камня (грузила), бронзовая монета Рискупорида VI (323 г. н.э.).

В заключение хотим отметить, что два из исследуемых экспедицией памятника – Генеральское Западное и Зеленый Мыс – могут рассматриваться как эталонные для своего времени. Их изучение позволяет во многом по-новому взглянуть на целый ряд проблем развития сельской территории Европейского Боспора в античное и раннесредневековое время.

А.М. Обломский

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ

Несмотря на то что первые сведения о памятниках позднеримского и гуннского периодов на территории Верхнего Подонья были опубликованы сравнительно недавно – в начале 1990-х годов (*Бессуднов, Козлов*, 1991; *Медведев*, 1993), в их изучении сделаны существенные успехи. Каждый год ведутся раскопки новых поселений, идет работа над составлением археологической карты. Количество известных памятников ежегодно увеличи-

вается. Публикации материалов и их обобщению посвящена серия статей А.П. Медведева и Д.В. Акимова (*Медведев*, 1996; 1998а; 1998б; 1999; 2002; 2003; *Медведев, Акимов*, 2001; *Акимов*, 1998; 1999; 2001а; 2003; *Акимов, Медведев*, 2002), А.Т. Синюка и Ю.А. Чекменева (1999), И.Е. Бирюкова (1996; 1998), Ю.Д. Разуваева и И.А. Козмирчука (*Разуваев*, 1993; *Козмирчук, Разуваев*, 2001), Г.Л. Земцова (2001; 2003), А.И. Селиверстовой (2002), А.Н. Бессуднова, Р.В. Терпиловского и моих (*Бессуднов, Обломский*, 1996; *Обломский*, 1997; 1998; 1999а; 2001; 2003а; 2003б; *Обломский, Терпиловский*, 1998), а также несколько заметок и тезисов докладов. Д.В. Акимовым на верхнедонских материалах III–V вв. успешно защищена кандидатская диссертация (*Акимов*, 2001б). С удовлетворением можно констатировать, что деление древностей лесостепного Подонья второй половины III–V вв. на две культурно-хронологические группы (типа Каширки-Седелок и круга Чертовицкое-Замятино), предложенное мною в 1998 г. (*Обломский*, 1999а), устоялось и фактически является общепринятым. По крайней мере, возражений против выделения этих групп до сих пор никто не высказывал. В настоящей статье речь пойдет об итогах и перспективах изучения поздних для Подонья памятников типа Чертовицкое-Замятино и о некоторых спорных вопросах их исследования[1]. К сожалению, полное и систематическое изложение материалов этой культурной группы в одной статье сделать невозможно. Этой теме я планирую посвятить отдельную работу.

Территория, районирование памятников типа Чертовицкое-Замятино, проблема атрибуции могильников. В настоящее время к этой культурной группе можно отнести 18 памятников, из них 13 исследованы раскопками[2] (рис. 1). Поселения расположены в долинах наиболее полноводных рек региона (Дон, Красивая Меча, Воронеж, Снова).

Большая часть поселений представляет собой селища. Материалы типа Чертовицкое-Замятино известны и на городищах (Чертовицкое 3, Пекшево, Животинное, Подгорное, Перехвальское 1, Малый Липяг). Однозначных данных о том, что укрепления этих памятников использовались в гуннское время, нет. Единственным косвенным свидетельством этого является оригинальная каменная постройка, врезанная в край вала Чертовицкого 3 городища. По планировке и конструкции она близка аналогичному сооружению, которое пересекает напольную часть мыса черняховского городища Башмачка (*Медведев*, 1998б. С. 56). Решение вопроса о том, возводились ли в гуннский период укрепления на городищах, является насущной задачей исследования поселений. Не исключено, что в какой-то степени использовались старые валы, но и это нужно установить.

---

[1] Статья написана в соответствии с программой фундаментальных исследований ОИФН РАН "История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте".

[2] Поскольку селища у с. Замятино для гуннского времени составляли единый поселок, то они учтены как один памятник. По той же причине как единый пункт учтены поселения Ксизово 16 и 19.

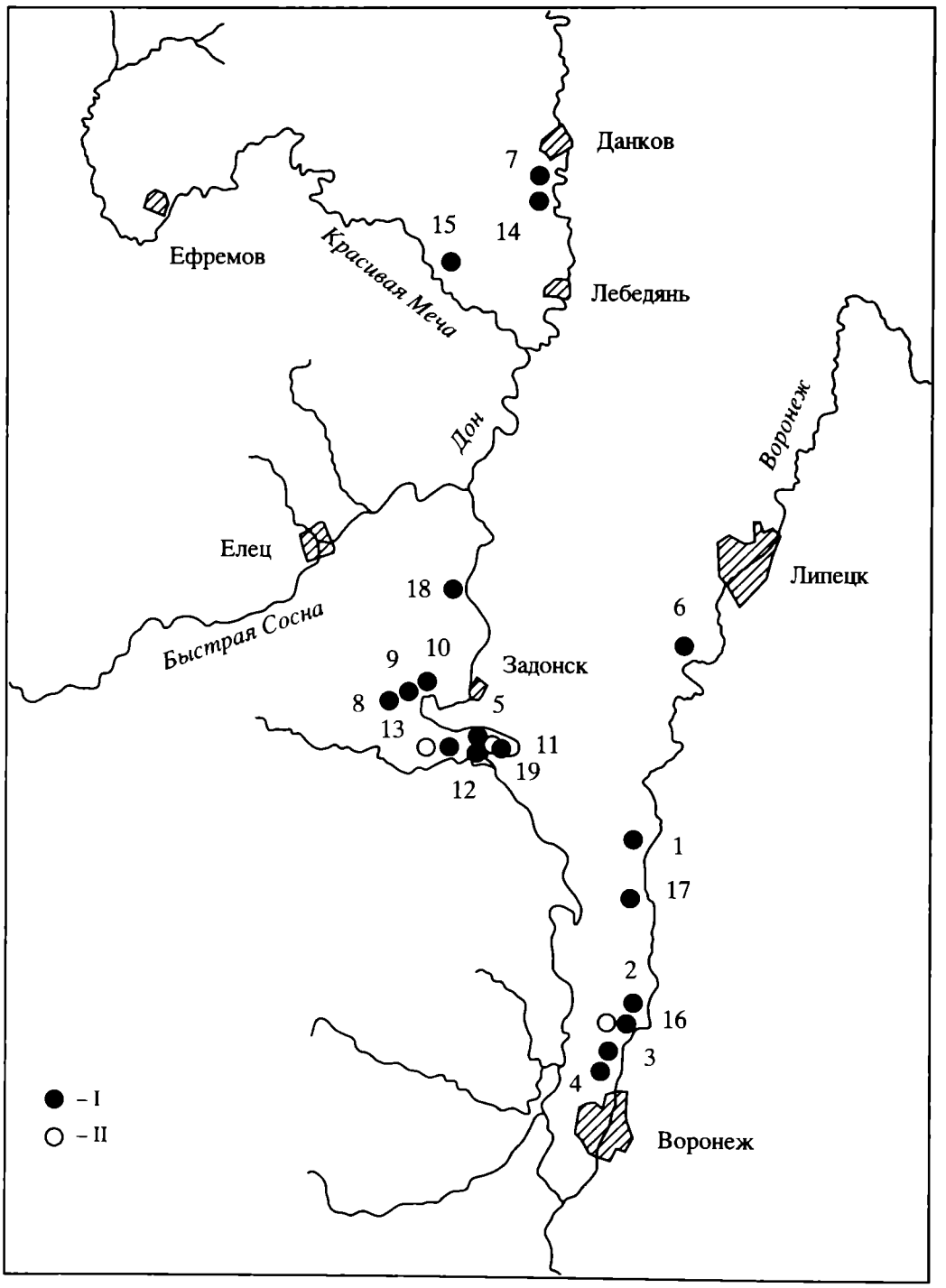


Рис. 1. Карта памятников гуннского периода на Верхнем Дону

Условные обозначения: I – поселения типа Чертовицкого-Замятино; II – могильники с ингумациями и отдельные погребения

1 – Подгорное; *2* – Староживотинное 3; *3* – Чертовицкое 3; *4* – Чертовицкое 6; *5* – Замятино 1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13; *6* – Малый Липяг; *7* – Перехваль; *8* – Каменка 1; *9* – Каменка 4; *10* – Каменка 5; *11* – Ксизово 16, 19; *12* – Ксизово 8; *13* – Мухино 2; *14* – Лес Озерки; *15* – Коллектив; *16* – Животинное; *17* – Пекшево; *18* – Невежеколодезное; *19* – Ксизово 17

Самые южные памятники находятся в окрестностях г. Воронежа. Северная граница массива пока неопределенна, но есть сведения, что он распространяется на Красивую Мечу. Во время обследования поселения Коллектив (Лебедянский р-н Липецкой обл.) Н.А. Тропиным обнаружено пряслице с рельефной орнаментацией (*Тропин*, 2002. С. 7) – изделие, чрезвычайно типичное для древностей круга Чертовицкое-Замятино. На памятниках типа Каширки-Седелок такие пряслица пока не найдены.

Намечается деление общего ареала памятников типа Чертовицкое-Замятино на две области: северо-западную (от Красивой Мечи до Сновы) и юго-восточную (памятники на р. Воронеж). Интересно, что на территории каждой из этих областей кроме поселений, о которых идет речь, имеются расположенные рядом с ними погребальные комплексы с южными чертами ритуала захоронения и инвентаря, в определенной мере синхронные поселениям, – могильник Животинное и два погребения в Мухино (рис. 1). Для первого из этих памятников А.П. Медведевым отмечены черты погребального ритуала, весьма близкие позднесарматским (*Медведев*, 1990. С. 77), тем не менее по сочетанию вещей он относится к середине I тыс. н.э., а захоронение мужчины-воина (4) датируется второй половиной V – началом VI в. (*Обломский*, 2004). Погребение женщины из Мухино содержало богатый набор вещей из золота, серебра и билона (нашивные бляшки на одежду, зеркало, туалетный набор, куски обкладки шкатулки), серию янтарных и стеклянных бусин. Автор публикации Г.Л. Земцов совершенно справедливо относит это захоронение к кругу "княжеских" эпохи Великого переселения народов, распространенных от Предкавказья до Северной Африки (*Земцов*, 2003. С. 112). В погребении из Мухино, в отличие от большинства комплексов этого типа, нет фибул. Не исключено, что это обстоятельство указывает на принадлежность захороненной к какой-то степной группировке. Как известно, кочевники, начиная от гуннов и позднее, фибул не носили.

В отношении даты комплекса из Мухино наиболее показательны круглые стеклянные бусы, орнаментированные беспорядочно расположенными разноцветными пятнами ("крапчатые", по терминологии А.В. Мастыковой). Изделия такого типа датируются второй третью V – ранним VI в. (*Мастыкова*, 2000. С. 43, 44).

Интересно, что лепной лощеный кувшин из мухинского погребения наиболее близкие аналогии имеет в комплексах IV в. могильника Дружное в Крыму, в некрополе Танаиса и в склепе 52 крымского могильника Лучистое гуннского периода (*Власов*, 1999. С. 343. Рис. 12, *5–7*; *Храпунов*, 2002. С. 69–71; *Арсеньева*, 1977. Табл. XXI, *1*; *Арсеньева, Безуглов, Толочко*, 2001. С. 179, 200. Табл. 25, *352*; 32, *438*; 37, *468*; 49, *618*; *Айбабин, Хайрединова*, 1998. Рис. 5, *7*) (рис. 2). Южные параллели наблюдаются и у гончарного кувшина из погребения 4 могильника Животинное. Очень близкий по форме и пропорциям сосуд происходит из погребения 45 могильника Бжид (автор раскопок – А.В. Пьянков), расположенного в причерноморской зоне Северного Кавказа, между Геленджиком и Туапсе (рис. 3). И.О. Гавритухин указывает, что это погребение находится на "участке 2" некрополя, где захоронения совершались в первой половине V–VII вв. Аналогичный гончарный

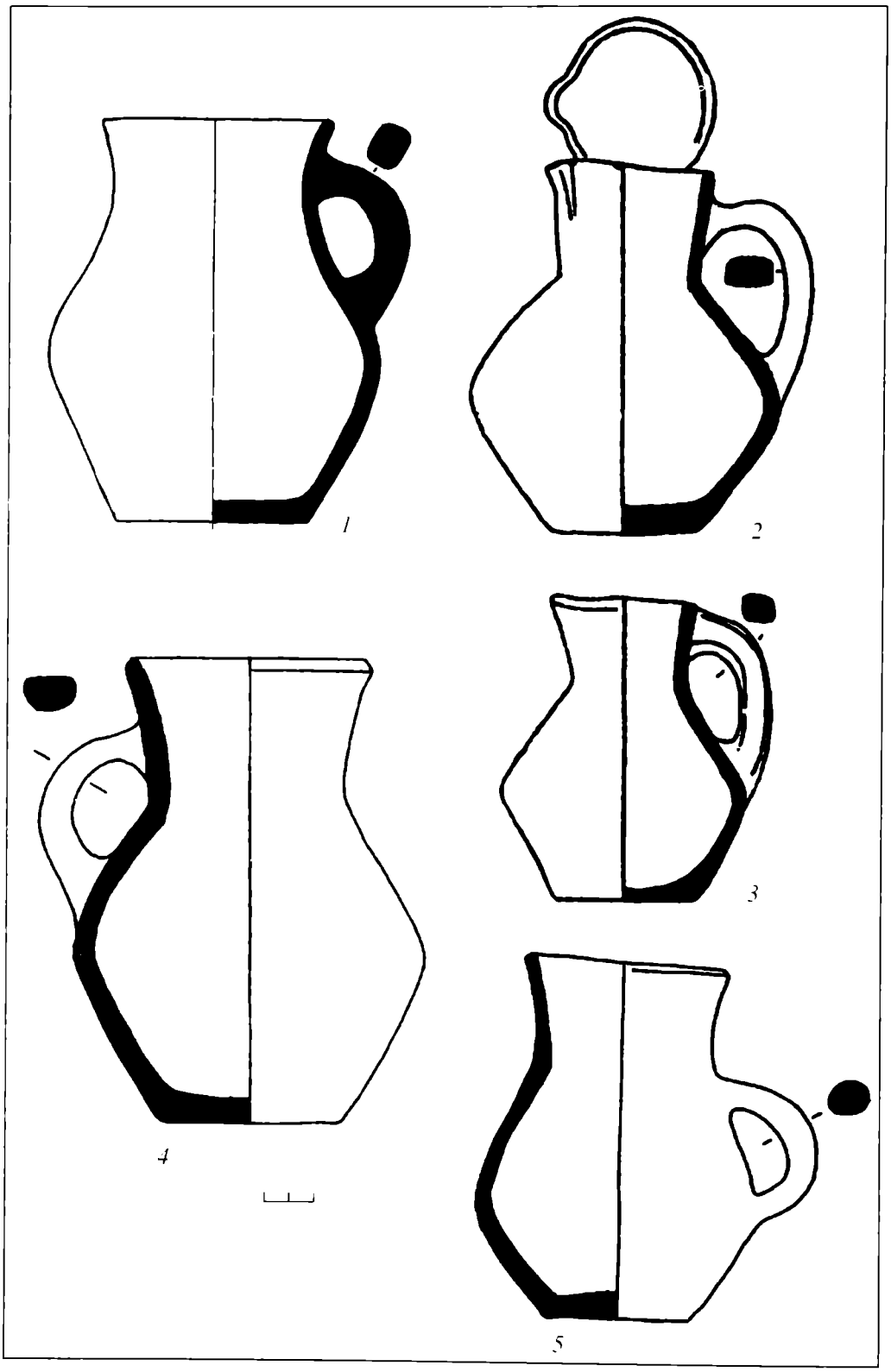


Рис. 2. Кувшин из Мухино и его причерноморские аналоги
1 – Мухино; *2*, *3* – Дружное; *4*, *5* – Танаис

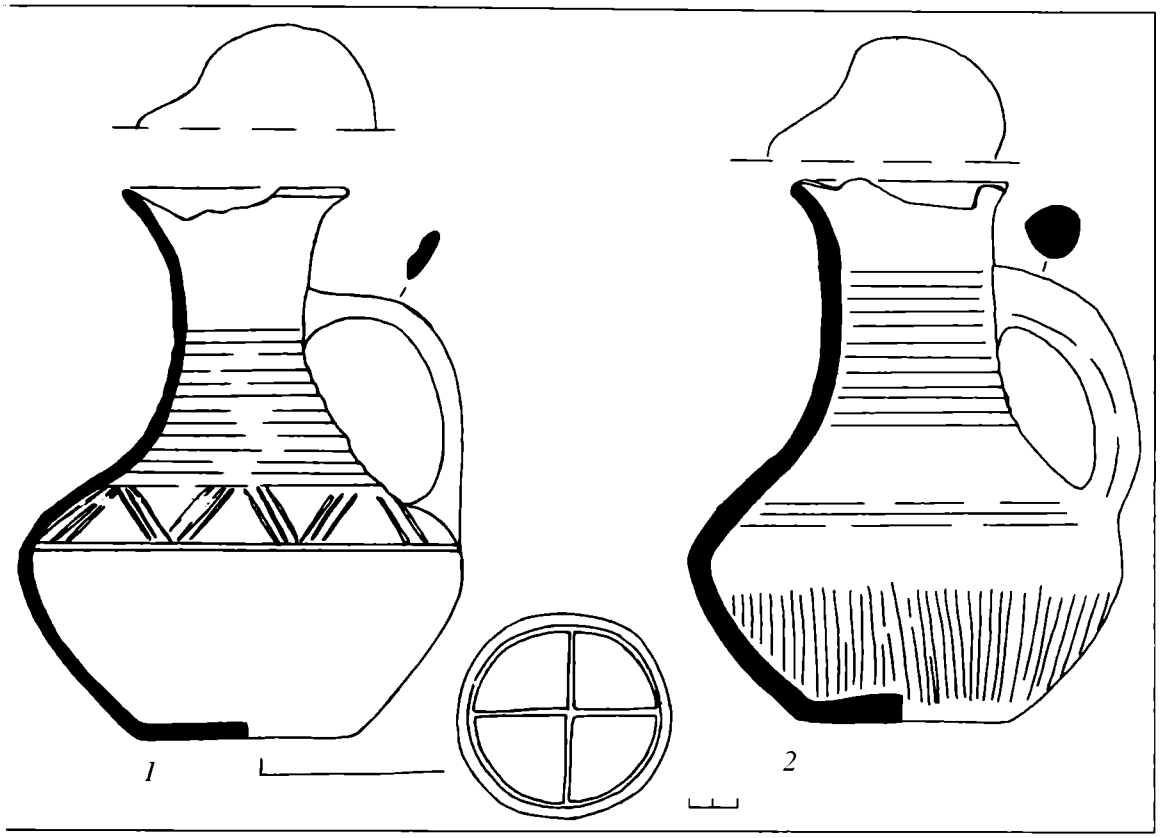


Рис. 3. Гончарные кувшины из могильника Животинное (*1*) и некрополя Бжид (*2*)

кувшин происходит и из Танаиса, но из случайных находок (*Гавритухин, Пьянков*, 2003. С. 193, 194. Табл. 76, *30*; *Шелов*, 1961. Табл. XXXI, *7*).

Параллели в Танаисе имеет и лепной подлощенный кувшин с цилиндрическим горлом и округлобоким туловом с максимальным расширением в верхней трети высоты, происходящий из культурного слоя поселения Чертовицкое 6. Очень похожие по форме кувшины обнаружены в погребениях 253 и 10 (1984 г.). В первый из этих комплексов входят калачевидные серьги, характерные для гуннского времени и раннего средневековья, и браслет с косыми крестами на прямоугольных плоских концах, аналогичный происходящему из могильника Животинное (*Бирюков*, 1990. Рис. 16, *1*; *Арсеньева*, 1977. Табл. XXI, *2*; XXXI, *6*; XXXIII, *8*; *Арсеньева, Безуглов, Толочко*, 2001. Табл. 14, *214*). Не исключено, что такую же форму, как упомянутые кувшины из Чертовицкого 6 и Мухино, имели лощеные сосуды с узкими цилиндрическими и раструбообразными горловинами, обломки которых происходят из Замятино 7 и 8 (5 экз.) и Подгоренского городища (*Обломский*, 2003а; *Медведев*, 1996. Рис. 2, *13*, *14*).

Непонятной пока является этнокультурная принадлежность могильника у с. Ксизово. Раскопки этого памятника начаты в 2003 г. и в ближайшие годы будут продолжены.

Скудные пока данные о могильниках с ингумациями позволяют предположить, что в Верхнем Подонье в период существования памятников типа

Чертовицкое-Замятино обитало еще и какое-то другое население, помимо того, что жило на поселениях. Вероятно, это были кочевники, судя по керамике из Мухина и Животинного, имевшие связи с Северным Причерноморьем. Не исключено, что вместе с оседлым населением они составляли единый социальный организм, на что указывает находка лепного танаисского кувшина на селище Чертовицкое 6 и обломков некоторых лощеных сосудов в Замятино 7, 8 и Подгорном. Впрочем, возможны и другие объяснения присутствия в лесостепном Подонье населения, оставившего трупоположения.

Уникальное явление представляет собой могильник с трупосожжениями, исследованный на площадке Чертовицкого 3 городища. А.П. Медведев, автор публикации этого памятника, указывает на то, что по погребальному обряду он весьма схож с могильниками киевской культуры. К такому же выводу пришла и И.В. Зиньковская (1997. С. 18; *Медведев*, 1998б. С. 58, 59). С этим заключением невозможно не согласиться, однако возникает закономерный вопрос: с какой из верхнедонских культурных групп римского времени можно связывать этот памятник? Парадоксально, что крупные фрагменты сосудов из захоронений, которые не могли попасть в погребальные ямы из культурного слоя, а, судя по описаниям условий нахождения, были положены в них специально (погребения 6, 8, 11), не имеют никакого отношения к керамическому комплексу ни памятников типа Каширки-Седелок, ни Чертовицкое-Замятино, для которых наличие киевского компонента доказано. Керамика из перечисленных захоронений вполне типична для позднескифского верхнедонского набора сосудов первой четверти I тыс. (*Медведев*, 1998б. С. 53, 54. Рис. 21, *6–8*). Каких-либо надежных оснований датировать этот могильник более поздним периодом и относить его к древностям типа Чертовицкое-Замятино, как это делают А.П. Медведев и Д.В. Акимов (2001. С. 151), нет. Не исключено, что он представляет собой специфический ритуальный памятник, возникший в условиях контактов позднескифского и позднезарубинецкого населения в верхнедонском регионе[3]. В качестве отдаленных аналогий подобному явлению можно привести могильники типа Этулии, распространенные в междуречье Нижнего Днестра и Дуная в III–IV вв., по погребальному обряду очень схожие с киевскими и, соответственно, с Чертовицким. В составе памятников типа Этулии исследователи выделяют как позднескифские, так и северные для Молдавии позднезарубинецкие элементы. Споры идут лишь о том, какие из них превалируют в тех или иных регионах, занятых этой культурной группой (*Гудкова*, 1999. С. 292–294; *Фокеев*, 2003).

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности Чертовицкого могильника может быть прояснен только после открытия аналогичного памятника с более отчетливо выраженным набором материала.

Этнический состав населения реконструируется по набору лепной посуды, домостроительству и некоторым дополнительным признакам. В настоя-

[3] О возможности такого взаимодействия см. *Обломский, Томашевич*, 1993.

щее время в составе населения, оставившего памятники типа Чертовицкое-Замятино, можно выделить три основных компонента: киевский (который наиболее близок к характеристикам сейминско-донецкого варианта киевской культуры), "окский" (связанный по происхождению с традициями мощинской и позднедьяковской культур и, возможно, в какой-то степени – с рязано-окской), черняховский. Судя по некоторым специфическим формам лепной посуды, не исключено присутствие, по крайней мере в Замятино, каких-то групп населения из Центральной Европы, очевидно германского по происхождению (*Обломский*, 2003а. С. 349–353). Комплекс лепной лощеной посуды Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. формируется на основе традиций культур бассейна Оки, частично черняховских и, возможно, центральноевропейских. После открытия на поселении Ксизово 19 (Острая Лука Дона) гончарного горна с обломками бракованных сосудов позднеантичного облика стало ясно, что в регионе присутствовали также выходцы из Северного Причерноморья[4].

Несколько иначе трактуют вопрос о населении Верхнего Подонья в середине I тыс. А.П. Медведев и Д.В. Акимов. В целом они согласны с тем, что оно было полиэтничным, но склонны преувеличивать роль киевского компонента, а "окский" считать весьма незначительным и характерным только для северных памятников. Кроме того, исследователи настаивают на том, что часть потомков обитателей позднескифских городищ сарматской эпохи (т.е. первых веков н.э.) сохранилась в Верхнем Подонье и позднее и влилась в состав населения поселков типа Чертовицкое-Замятино (*Акимов, Медведев*, 2002. С. 170, 171).

Во-первых, сосуды тех форм и орнаментации (как с шероховатой, так и с лощеной поверхностью), которые, по моему мнению, имеют "окское" происхождение, есть не только на северных памятниках, но и на южных: в Чертовицком 3 (*Медведев*, 1998б. Рис. 17, *2*; 18, *6*; *Акимов, Медведев*, 2002. Рис. 1, *14*), Животинном (*Медведев*, 1998б. Рис. 22, *3*). Возможно, эти формы на южных верхнедонских памятниках действительно более редки, чем на северных, но все же они встречаются. Лощеная миска из Чертовицкого 3 относится к группе округлобоких мисок с прямым венчиком и резким перегибом в области шейки. На севере они широко распространены на памятниках позднедьяковской и мощинской культур, есть и в некоторых погребениях рязано-окских могильников. Округлобокие горшки с короткими прямыми, отогнутыми наружу венчиками, орнаментированными вдавлениями, хорошо известны на мощинских и позднедьяковских памятниках, сосуды с плечом, сведенным практически в уступ (как у обломка из Чертовицкого 3, в первоначальное издание памятника не вошедшего и позднее опубликованного в совместной статье А.П. Медведева и Д.В Акимова), типичны для мощинской культуры (*Обломский*, 2003а. С. 347–349; *Массалитина*, 2002. С. 6. Рис. 4, *1*; Воронцов, 2002. С. 19. Рис. 2, *13, 14*).

[4] Раскопки А.Н. Бессуднова и Г.Л. Земцова 2002 г. Полное издание этих материалов вошло в качестве главы в коллективную монографию "Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени" (в печати).

Во-вторых, при поиске аналогий необходимо учитывать хронологию форм. Комплекс лепной лощеной посуды памятников типа Чертовицкое-Замятино не мог сформироваться на киевской основе хотя бы потому, что подавляющее большинство разнообразных по форме лощеных мисок киевской культуры, типология которых дается в работах Р.В. Терпиловского, Н.С. Абашиной и моих (и на которые аккуратно ссылаются А.П. Медведев и Д.В. Акимов), на территории лесостепи обнаружены на ранних киевских памятниках (III в.). На поздних же лепные лощеные сосуды единичны, роль столовой посуды играет черняховская гончарная керамика. Вряд ли также могут считаться достоверными прототипы мисок поселений Верхнего Подонья конца IV–V в., которые А.П. Медведев и Д.В. Акимов находят на пшеворских и зарубинецких памятниках Прикарпатья и Волыни I – первой половины III в. (*Акимов, Медведев*, 2002. С. 169). Слишком велик хронологический разрыв между ними и древностями типа Чертовицкое-Замятино.

В-третьих, комплексы, где керамика позднескифского, а также сарматского круга найдена вместе с материалами типа Чертовицкое-Замятино (постройка 3 Чертовицкого 3 и "комплекс из раскопа 3 поселения Старожиботинное 3") (*Медведев, Акимов*, 2001. С. 152; *Акимов, Медведев*, 2002. С. 167, 168), исследованы на памятниках, где имеются слои как ранние, так и середины I тыс. Соответственно, нет никакой гарантии, что в этих объектах находки не смешаны механически: в результате перекопов, которые не всегда удается зафиксировать, засыпок культурным слоем, уже содержавшим разновременную керамику и т.д. Отмечу, что ни на одном из верхнедонских поселений позднескифского круга не обнаружено ни одной вещи, которая достоверно относилась бы к позднеримскому периоду. Нет таких вещей и в погребениях сарматских могильников этого региона.

Вряд ли в пользу сближения верхней даты позднескифских памятников и нижней памятников типа Чертовицкое-Замятино может свидетельствовать ритуальный комплекс на Подгоренском городище (*Медведев*, 1998б. С. 98; *Акимов*, 2003. С. 103). Керамика, которая происходит из него, – "вазочка на полом поддоне... в тесте – примесь мелкой известняковой крошки и следы выгоревшей органики; фрагмент горла толстостенного горшка, изготовленного на гончарном круге медленного вращения; верх сероглиняного гончарного кувшина" и т.д. (*Медведев*, 1996. С. 118), – для горизонта Чертовицкое-Замятино не характерна и привлекаться для его датирования не может.

Если "вынести за скобки" спорные материалы, то второй половиной III – началом IV в. (условно) в Верхнем Подонье датируются памятники типа Каширки-Седелок (*Обломский*, 2001). Они занимают практически ту же территорию, что и древности круга Чертовицкое-Замятино. На севере, по данным разведок Ю.Д. Разуваева и моих раскопок на поселении Кытино 3 (Ефремовский р-н Тульской обл.), древности круга Каширки известны в долине р. Красивая Меча. Самые южные памятники этой группы (Верхнее Турово и сгусток поселений у с. Малая Трещевка) расположены в окрестностях г. Воронежа. Показательно, что на памятниках типа Каширки-Седелок

сосуды с раструбообразным венчиком, которые мои оппоненты считают наследием традиций культуры городищ Верхнего Дона первых веков н.э., отсутствуют, а следы контактов с местной скифоидной культурой минимальны. Они сводятся к находкам единичных фрагментов сероглиняных сосудов на поселении Седелки, имеющих аналогии на позднескифских поселениях и в сарматских погребениях (*Обломский, Терпиловский*, 1998. С. 133). При сосуществовании двух массивов населения в одном и том же регионе в течение 100–150 лет взаимодействие культур было бы гораздо более интенсивным.

Округлобокие горшки с раструбообразным горлом, отделенным резким перегибом от тулова, и сосуды с четко выделенной шейкой и бордюром на венчике – некоторые формы типов III и V, по Д.В. Акимову и А.П. Медведеву (2002. С. 163), – действительно имеют позднескифское или сарматское происхождение, о чем писал и я (*Обломский*, 1999а. С. 131). Подобные сосуды часто встречаются на памятниках, в той или иной степени связанных с "позднескифским миром" и распространенных от Молдавии на западе до лесостепного Подонья на востоке, включая причерноморский регион и некоторые античные города. Известны похожие горшки и в сарматских комплексах. Каковы же истоки традиции использования керамики таких форм на памятниках типа Чертовицкое-Замятино?

Наличие местных верхнедонских корней, скорее всего, исключается. По состоянию источников на настоящий момент, между верхнедонскими "скифоидными памятниками сарматского времени" и древностями типа Чертовицкое-Замятино лежит хронологический разрыв длительностью по меньшей мере в 100 лет. Я считаю, что территориально и хронологически наиболее близкие прототипы горшкам типов III и V, по А.П. Медведеву и Д.В. Акимову, можно найти на черняховских памятниках скифо-сарматской традиции, расположенных на Днепровском лесостепном Левобережье (*Обломский*, 2002. Рис. 28, *56–58*). Изготовление таких форм в Верхнем Подонье, как мне кажется, возобновилось с приходом в этот регион отдельных групп черняховского населения в период формирования памятников типа Чертовицкое-Замятино.

Хронология. Анализу датирующих вещей памятников круга Чертовицкого-Замятино посвящены две моих статьи, в которых сделан вывод, что древности середины I тыс. Верхнего Подонья датируются V в. в целом, не исключая конец IV и начало VI в. (*Обломский*, 2003а; 2003б. С. 351–353). Д.В. Акимов предложил отодвинуть время образования этой культурной группы вглубь – до середины IV в., "не исключая и более ранней даты для их (памятников типа Чертовицкого З. – *А.О.*) нижней хронологической границы" (*Акимов*, 2003. С. 104). При этом и мною, и Д.В. Акимовым разбираются одни и те же вещи, а выводы получаются разными.

Этот факт кажется парадоксальным, но лишь на первый взгляд. К сожалению, единая шкала относительной и абсолютной хронологии древностей юга Восточной Европы (лесостепи и степной зоны, Крыма и Северного Кавказа) конца римского времени и раннего средневековья пока не разработана. Определенные усилия в этом направлении предпринимаются, но они

далеки от завершения. В настоящее время построена серия локальных шкал древностей, охватывающих те или иные диапазоны в рамках IV–VII вв.

При датировании материалов любой "новой" территории, для которой собственной шкалы пока нет, может быть использован только метод аналогий, причем особую важность приобретает определение региона, откуда поступили вещи (или их прототипы), так как периоды их бытования на разных территориях могли иметь различную длительность. Поскольку, как я указывал выше, в Верхнем Подонье в середине I тыс. сталкиваются несколько групп переселенцев как западного, так и южного и северного происхождения, а вещи многих типов (в первую очередь это относится к "простым" пряжкам, фибулам, зеркалам) распространены широко, то процедура поиска исходного региона, откуда те или иные вещи (или традиции изготовления предметов такого облика) попали на Дон, является достаточно сложной. Приходится учитывать не только дату вещи в регионе, который определен как исходный, но и диапазон бытования ее на других территориях.

Мною использовались следующие шкалы: для центральноевропейских древностей IV–V вв. – Я. Тейрала (*Tejral*, 1992), для черняховской культуры – Е.Л. Гороховского (1988), для Крыма – А.И. Айбабина (1990; 1999), для степной зоны позднеримского периода – В.Ю. Малашева (2000), для гуннского времени того же региона – И.П. Засецкой (1994), для Северного Кавказа в целом – А.К. Амброза (1989) и М.П. Абрамовой (1997), для Танаиса – Д.Б. Шелова с последующими уточнениями Т.М. Арсеньевой, С.И. Безуглова и И.В. Толочко (*Арсеньева*, 1977; *Арсеньева, Безуглов, Толочко*, 2001). Очень важны также некоторые хронологические наблюдения И.О. Гавритухина, А.В. Мастыковой, М.М. Казанского, А.В. Богачева.

В результате получилось, что все датирующие вещи, происходящие из памятников типа Чертовицкого-Замятино, можно условно разделить на несколько групп. К первой относятся те изделия, которые появились в позднеримский период, но существовали и в гуннскую эпоху, – обломок боковой накладки и заготовка гребня из Замятино 8 (рис. 4, *1*, *3*), калачевидная и кольцевидная без обоймы пряжки (рис. 4, *8*, *11*), прогнутая подвязная фибула из Замятино 7 (рис. 5, *1*), вертикально-овальные пряжки из Замятино 5 и Чертовицкого 3 (рис. 4, *5*, *13*). Во вторую группу можно объединить вещи, начало употребления (или массового использования) которых приходится на гуннское время, но они известны и в раннем средневековье; это пряжка с изображением звериной морды на конце язычка, овальная вставка из альмандина (рис. 4, *6*, *9*), браслет из Замятино 8 (рис. 5, *5*), вставка из красного стекла в виде сердечка из Чертовицкого 3 (рис. 4, *10*), овальная пряжка с массивной рамкой из Замятино 7 (рис. 4, *7*), наконечники стрел из Замятино 7, Чертовицкого 3 и Староживотинного (рис. 5, *12*, *13*), гитаровидная пряжка и калачевидная серьга из Замятино 5 (рис. 4, *12*; 5, *6*). В третью группу включены хронологические индикаторы конца IV–V в. (разных хронологических диапазонов в рамках этого периода): обрубок фибулы из широкой пластины (рис. 5, *2*), "крапчатая" и округлая эллипсоидная с обвивкой белой нитью стеклянные бусины из Замятино 8 (рис. 4, *14*, *15*), пальчатая фибула

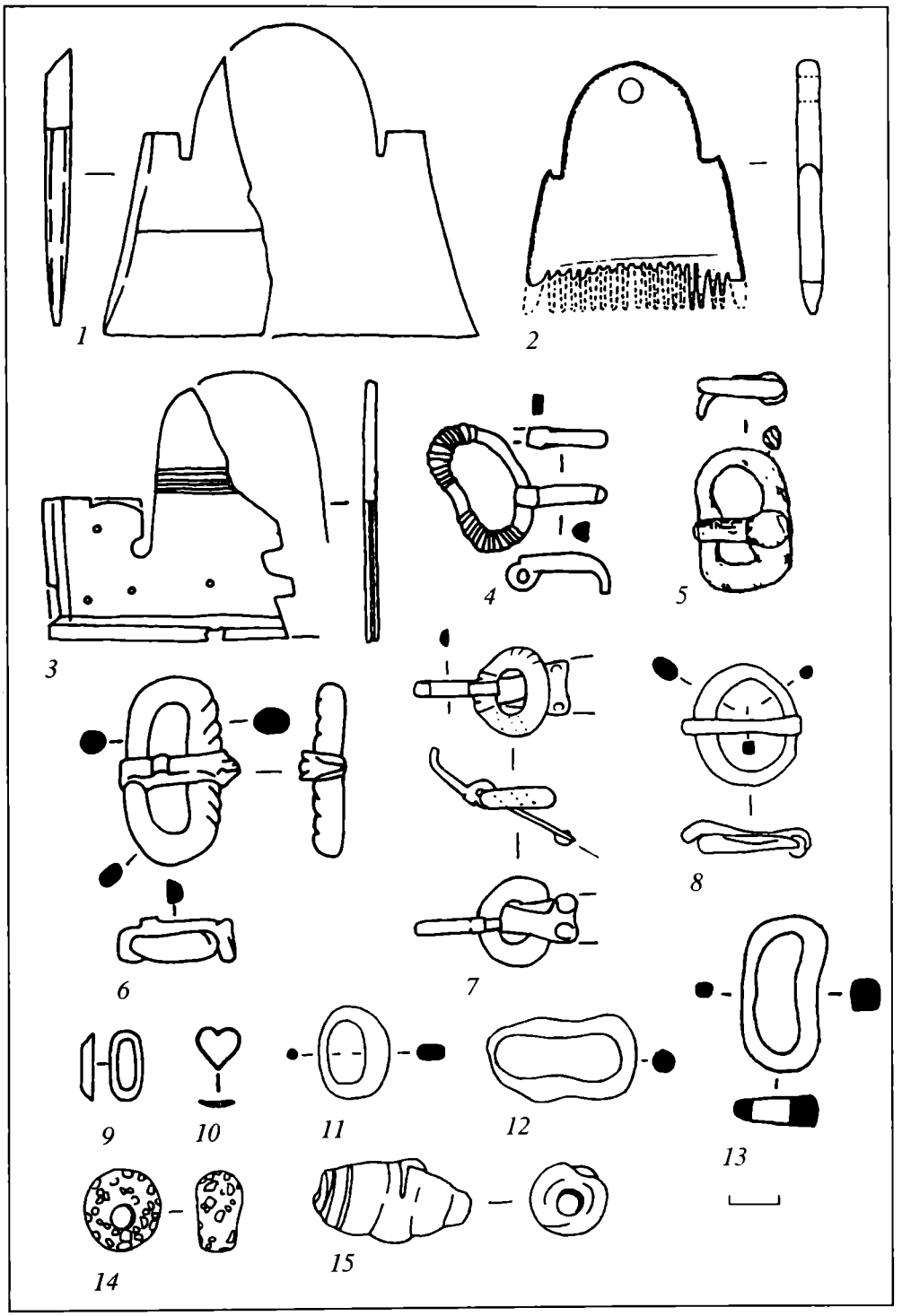


Рис. 4. Некоторые датирующие вещи памятников типа Чертовицкое-Замятино. Гребни, пряжки, вставки и бусы

1, 3, 6, 9, 14, 15 – Замятино 8; *2* – Мухино; *4, 5, 10* – Чертовицкое 3; *7, 8, 11* – Замятино 7; *12, 13* – Замятино 5 (*1–3* – рог; *4–6, 8, 11–13* – железо; *7* – железная рамка, бронзовые язычок и обойма; *9* – альмандин; *10* – красное стекло; *14* – основа из синего стекла, пятна – из красного и белого; *15* – основа – черное стекло, обвивка – белая стеклянная нить)

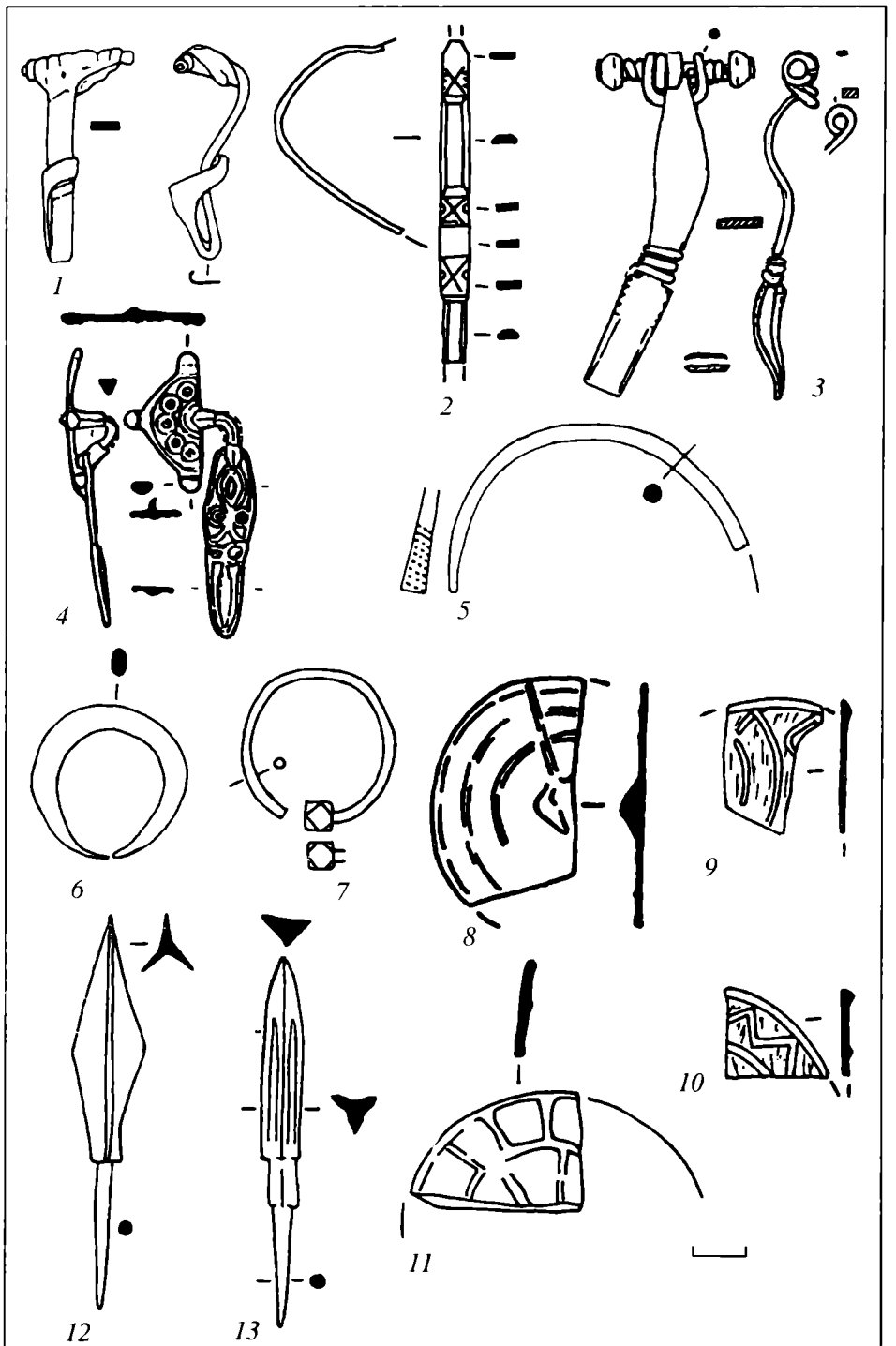


Рис. 5. Некоторые датирующие вещи памятников типа Чертовицкое-Замятино. Фибулы, серьги, браслет, зеркала, стрелы

1, 13 – Замятино 7; *2, 5, 11* – Замятино 8; *3* – Мухино; *4, 6, 9, 10* – Замятино 5; *7* – Невежеколодезное; *8* – Подгорное; *12* – Чертовицкое 3 (1 – железные корпус и пружина, бронзовые шишечки на концах пружины; *2–7* – бронза; *8–11* – билон или низкопробное серебро; *12, 13* – железо)

из Замятино 5 (рис. 5, *4*), В-образная пряжка с рифленой рамкой из Чертовицкого 3 (рис. 4, *4*). Важными представляются находки зеркал с петлей на обороте из Замятино 5, 8 и Подгорного (рис. 5, *8–11*), которые на территории юга Восточной Европы по кавказским и степным материалам хотя и датируются широко, но для гуннского времени являются одним из показателей "стиля эпохи".

Новые находки распределяются по тем же группам. К первой относятся гребень-подвеска (рис. 4, *2*) и вертикально-овальная пряжка из Мухино, фибула из Малого Липяга; ко второй – серьга с многогранной бусиной на конце из Невежеколодезного (рис. 5, *7*)[5]; к третьей – прогнутая подвязная фибула из Мухино (рис. 5, *3*).

Все датирующие вещи из Замятино 8 (всех трех хронологических групп) найдены на территории усадьбы мастера-гребенщика, которая существовала относительно короткий промежуток времени, судя по тому, что взаимного перекрывания объектов на этом участке Замятинского поселка не зафиксировано, а браслет и заготовка гребня вообще происходят из одного скопления материала.

Отмечу, что ни одной из вещей, которые использовались бы только в позднеримский период, на памятниках типа Чертовицкое-Замятино не найдено. Наиболее вероятным временем существования этой культурной группы является, таким образом, гуннская эпоха в восточноевропейском понимании этого термина, т.е. весь V в. Уточнение хронологии верхнедонских древностей возможно, но для этого требуется построение шкалы их периодизации, для чего материалов пока не хватает.

Недавно А.П. Медведевым было высказано предположение, что на население, проживавшее в середине I тыс. на поселениях типа Чертовицкого 3 можно распространять этноним "анты" (*Медведев*, 2003. С. 100). Гипотеза весьма интересная, хотя и рискованная. Пока против нее хронология.

Первые сведения об антах приводятся в сочинении Иордана "Гетика", законченном около 550/551 г., и в "Войне с готами" Прокопия Кесарийского, опубликованной (по частям) в 551 и в 553 гг. (*Анфертьев*, 1991. С. 99; *Иванов, Гиндин, Цымбурский*, 1991. С. 172). Анты помещены в описания расселения современных обоим историкам варварских народов, у Прокопия неоднократно упоминаются в связи с византийскими войнами VI в. (первый набег антов на территорию Империи относится ко времени между 518 и 527 гг.). В целом сообщения об антах связаны с событиями VI – начала VII в. (*Иванова, Литаврин*, 1985. С. 36; *Буданова*, 2000. С. 140). Этноним "анты" используется Иорданом и в описании походов короля готов Винитария в конце IV в., что, вероятно, является хронологической инверсией, поскольку авторам исторических сочинений IV–V вв. анты не известны.

Древности, которые можно было бы однозначно датировать VI в., на территории Верхнего Подонья пока не открыты. Если они окажутся типо-

[5] Пользуясь случаем, приношу сердечную благодарность Н.А. Тропину за разрешение использовать неопубликованные материалы его раскопок и разведок.

логически близкими культуре памятников круга Чертовицкое-Замятино, то население последних можно будет считать антами, но только в этом случае. Насущной задачей верхнедонской археологии является поиск потомков населения, оставившего памятники типа Чертовицкое-Замятино. Не сомневаюсь, что рано или поздно они будут найдены.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.

Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь. Т. I.

Айбабин А.И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1998. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Симферополь. Т. VI.

Акимов Д.В., 1998. Поселение Староживотинное 3 на р. Воронеж // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.

Акимов Д.В., 1999. Проблемы изучения памятников 2-й четверти – середины I тыс. н.э. на Верхнем Дону и в лесостепном Прихоперье (историографический аспект) // Новик: Сб. науч. работ аспирантов и студентов ист. ф-та ВГУ. Воронеж. Вып. 2.

Акимов Д.В., 2001а. Постройки 2-й четверти – середины I тыс. н.э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра // Верхнедонской археологический сборник. Липецк. Вып. 2.

Акимов Д.В., 2001б. Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья (III–V вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.

Акимов Д.В., 2003. К вопросу о хронологии памятников рубежа древности и средневековья лесостепного Подонья // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара.

Акимов Д.В., Медведев А.П., 2002. Керамический комплекс верхнедонских поселений типа III Чертовицкого городища // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.

Анфертьев А.Н., 1991. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т. I.

Арсеньева Т.М., 1977. Некрополь Танаиса. М.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В., 2001. Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.

Бессуднов А.Н., Козлов А.И., 1991. О памятниках третьей четверти I тыс. н.э. в лесостепном Подонье // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск.

Бессуднов А.Н., Обломский А.М., 1996. Изучение археологических памятников на р. Семенек // Археологические исследования Высшей педагогической школы: Сб. науч. тр. к 25-летию археол. экспедиции Воронежского пед. ун-та. Воронеж.

Бирюков И.Е., 1990. Отчет о раскопках поселения Чертовицкое 6 и разведках по р. Оскол в Курской обл. и р. Девица в Воронежской обл. в 1990 г. // Архив Липецкой гос. дирекции охраны памятников истории и культуры.

Бирюков И.Е., 1996. Материалы раннего железного века с поселения Курино 1 на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.

Бирюков И.Е., 1998. I Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.

Буданова В.П., 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.

Власов В.П., 1999. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Воронцов А.М., 2002. К вопросу о хронологии и происхождении керамического комплекса мощинской культуры // Тверь и Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.): Могильники V–VII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). М. (Археология.)

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Тр. V Конгресса МУСА. Киев. Т. 4.

Гудкова А.В., 1999. I–IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (Культура оседлого населения) // Stratum plus. СПб; Кишинев; Одесса. Вып. 4.

Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПб.

Земцов Г.Л., 2001. Поселение 2-й четверти I тыс. н.э. Хлевное 3 на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Липецк. Вып. 2.

Земцов Г.Л., 2003. Миграционные потоки III–V вв. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино 2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара.

Зиньковская И.В., 1997. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй–третьей четверти I тыс. н.э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.

Иванов С.А., Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л., 1991. Прокопий Кесарийский // Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т. I.

Иванова О.В., Литаврин Г.Г., 1985. Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.). М.

Козмирчук И.А., Разуваев Ю.Д., 2001. Городище "Малый Липяг" у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Липецк. Вып. 2.

Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Массалитина Г.А., 2002. Новые керамические коллекции с памятников конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. на водоразделе верхних притоков Днепра и Волги // Тверь и Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.

Мастыкова А.В., 2000. Средиземноморские элементы в женском костюме у населения Северного Кавказа (V–VI вв.) // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.

Медведев А.П., 1993. О времени появления славян на Дону // Археология и история Юго-Востока Руси. Воронеж.

Медведев А.П., 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.

Медведев А.П., 1998а. Верхнее Подонье в первой половине I тыс. н.э. (основные этапы и тенденции этнокультурного развития) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.

Медведев А.П., 1998б. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.

Медведев А.П., 1999. Опыт разработки региональной системы хронологии и периодизации памятников раннего железного века лесостепного Подонья // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк.

Медведев А.П., 2002. О начальном этапе этнической истории славян в Подонье // Исторические записки: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Воронеж. Вып. 8.

Медведев А.П., 2003. Памятники типа III Чертовицкого городища на Верхнем Дону: Вопросы этнокультурной интерпретации // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара.

Медведев А.П., Акимов Д.В., 2001. Верхнее Подонье на рубеже древности и средневековья // Исторические записки: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Воронеж. Вып. 7.

Обломский А.М., 1997. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 1.

Обломский А.М., 1998. Находки позднеримского времени на поселении Писарево // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.

Обломский А.М., 1999а. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального черноземья и сопредельных территорий. Липецк.

Обломський А.М., 1999б. Деякі зауваження з приводу пам'яток пізньоримського часу в лісостеповому Подонні // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ; Львів.

Обломский А.М., 2001. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк. Вып. 2.

Обломский А.М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – вторая половина V в.). М.

Обломский А.М., 2003а. Новая культурно-хронологическая группа памятников гуннского времени на территории восточноевропейской лесостепи // Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Lublin; Warszawa.

Обломский А.М., 2003б. Хронология Замятинского археологического комплекса в Верхнем Подонье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М. Ч. II.

Обломский А.М., 2004. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской обл. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: (Докл. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. – Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1998. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.

Обломский А.М., Томашевич Т.В., 1993. О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья // КСИА. Вып. 207.

Разуваев Ю.Д., 1993. Случайные археологические находки в бассейне Красивой Мечи // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 3.

Селиверстова А.И., 2002. Керамика черняховской культуры Туровского укрепленного поселения // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

Синюк А.Т., Чекменев Ю.А., 1999. Древнее укрепленное поселение у с. Верхнее Турово // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.

Тропин Н.А., 2002. Отчет о разведках на территории Липецкой обл. в 2002 г. (Лебедянский, Измалковский, Задонский р-ны) // Архив ИА РАН.

Фокеев М.М., 2003. Холмские памятники в Буджаке // Старожитности I тисячоліття нашої ери на території України. Київ.

Храпунов И.Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin.

Шелов Д.Б., 1961. Некрополь Танаиса // МИА. № 98.

Tejral J., 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków.

В.В. Мурашева, Н.В. Ениосова

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЙМЕННОЙ ЧАСТИ ГНЁЗДОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ. ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Значение Гнёздовского археологического комплекса для изучения проблем, связанных с эпохой становления Древнерусского государства, трудно переоценить. Исследования Гнёздова продолжаются 130 лет, однако возможности памятника как исторического источника еще далеко не исчерпаны.

Одним из важнейших событий в истории исследования Гнёздовского поселения стало открытие в 1996–1997 гг. культурного слоя на территории высокой поймы Днепра. Первые разведочные работы – шурфовка 10 различных участков и их описание – были проведены В.С. Нефедовым в рамках экспедиции МГУ под руководством Т.А. Пушкиной. Культурный слой на данном участке оказался перекрытым аллювиальными отложениями, мощность которых достигает 1,2 м. Его изучение открывает новые перспективы для исследования.

Во-первых, слой аллювия сохранил культурный слой непотревоженным и уберег его от распашки и грабительских раскопок, что значительно повышает его информативность по сравнению с поврежденными пахотой напластованиями надпойменной террасы. Во-вторых, отдельные участки слоя оказались сильно переувлажненными, что обусловило хорошую сохранность органики, и этому мы обязаны первыми, пока еще немногочисленными, находками деревянных предметов. Сохранность дерева позволила продолжить создание коллекции дендрохронологических образцов, начало которой было положено в 1980-е годы находками дерева в камерных погребениях. И, наконец, открытие нового участка вносит корректировки в наши представления о масштабах памятника: традиционно считалось, что размеры поселения составляют около 16–17 га, теперь же можно говорить о 20.

Стационарные работы в пойме ведутся с 1999 г. За пять лет раскопок вскрыта площадь около 200 м^2, исследовано два совершенно различных по характеру участка[1] (рис. 1). Первым был изучен переувлажненный участок с сохранившимся деревом, непосредственно примыкающий к надпойменной террасе (раскоп П-2, 1999–2001 гг.). Итоги первого года исследования и материалы шурфовки обобщены и опубликованы (*Пушкина, Мурашева, Нефедов*, 2001. С. 12–26).

Переувлажненный участок, примыкающий к надпойменной террасе, на первый взгляд представляется малопригодным для жизни. Вскрытые напластования, которые были подразделены на пять горизонтов, свидетельствуют о том, что на самом раннем этапе освоения данной территории проводились работы по засыпке влажной ложбины, вероятно, старичного происхождения. Зафиксированы и две пары деревянных мостков, перекинутых через низину. Однако позже на песчаной засыпке и перекрывающем ее слое оторфованного строительного мусора были возведены постройки (два строительных яруса), от которых сохранились остатки отопительного сооружения и небольшая купольная печь. Количество находок в районе сооружений относительно невелико, однако среди них можно указать три скандинавских амулета (рис. 2).

Одним из важнейших итогов изучения притеррасного участка явилось получение серии абсолютных дат. Сохранность дерева в нижних частях напластований позволила осуществить дендрологический (10 образцов)[2] и ра-

[1] Работы производились при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 99-01-15058, 00-01-1832е, 01-01-18033е) и гранта National Geographic Society 7297-02.

[2] Анализы выполнены А.А. Карпухиным в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, результаты анализов 1999 г. опубликованы (*Карпухин*, 2001. С. 204–207).

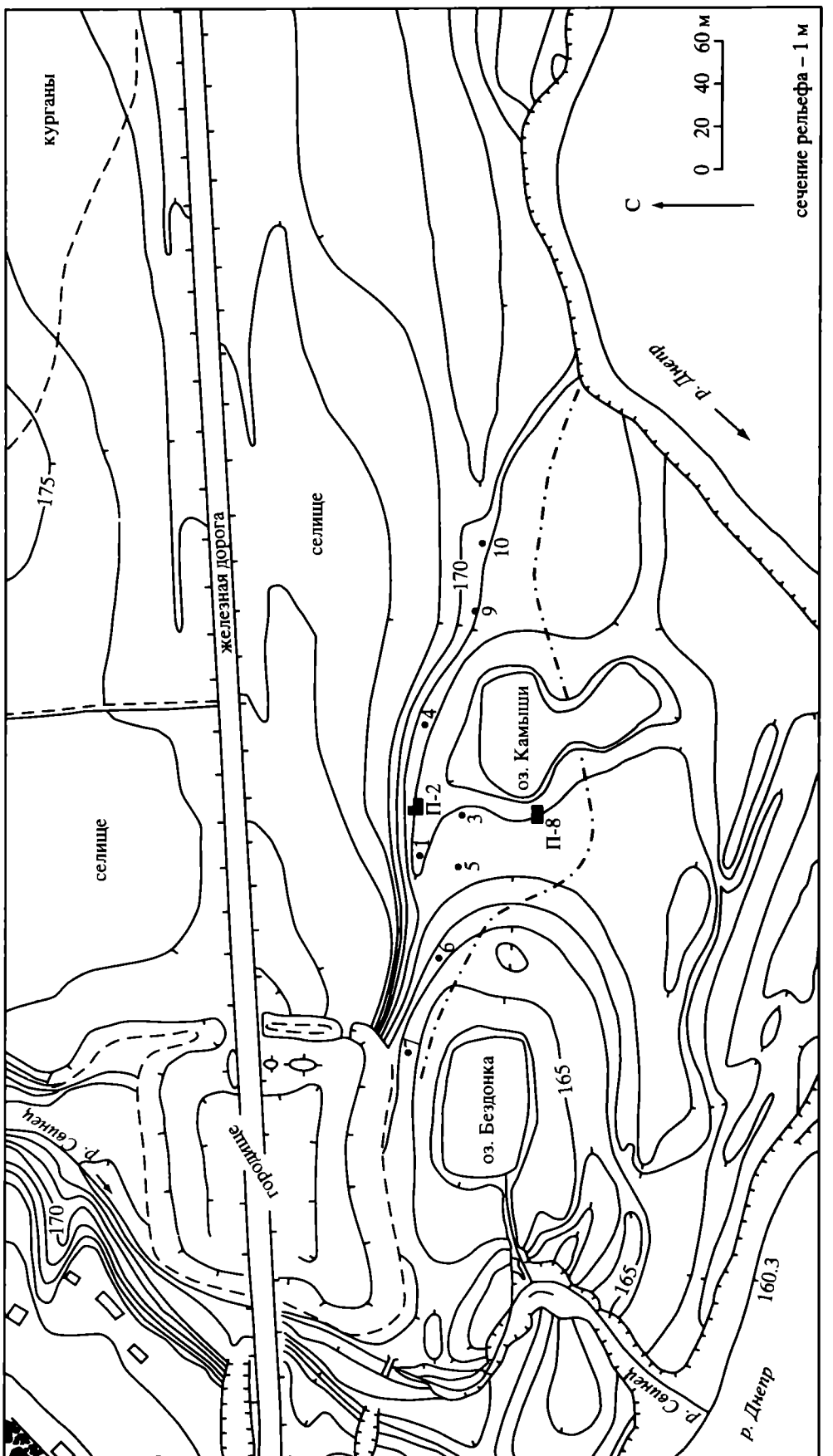


Рис. 1. План Гнёздовского археологического комплекса

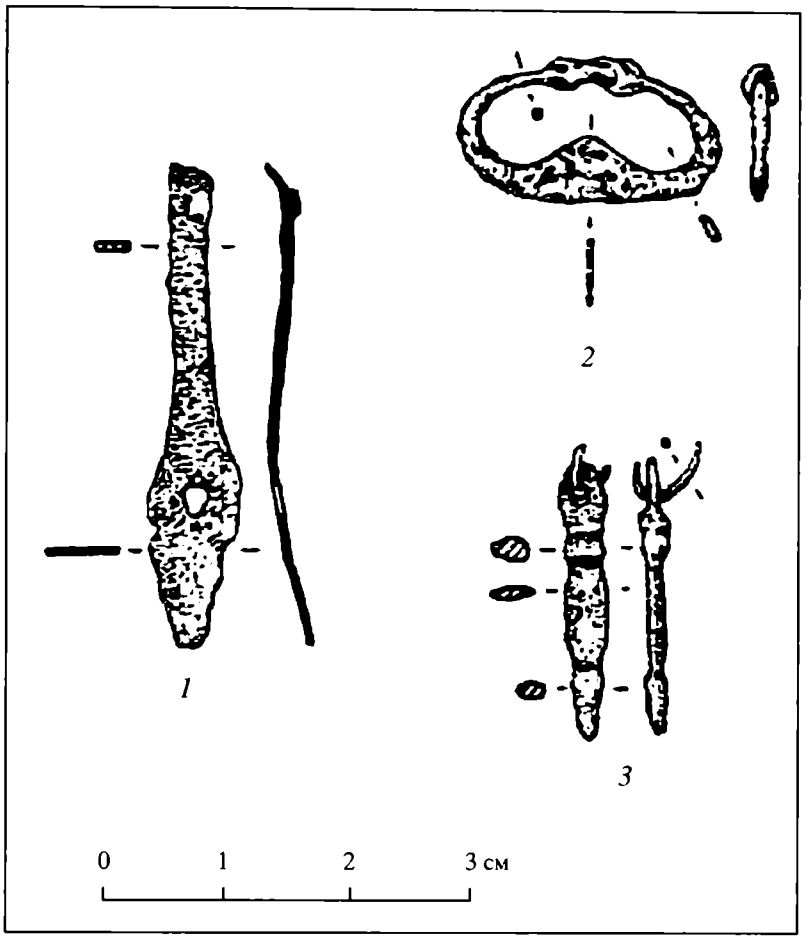


Рис. 2. Амулеты

1 – подвеска в виде миниатюрного копья; *2* – кресаловидная подвеска; *3* – подвеска-меч

диоуглеродный (11 образцов)[3] анализы. Подавляющее большинство образцов происходит из самого нижнего горизонта – песчаной засыпки. Радиоуглеродные даты охватывают достаточно большой промежуток времени: самая ранняя дата – 83(135)231 г. н.э., самая поздняя – 890(984)1020. Во многих случаях одни и те же образцы были датированы обоими способами. Анализ данных показывает в ряде случаев значительное расхождение между радиоуглеродными и дендрологическими датами. Этот факт может иметь разные объяснения. Прежде всего, большинство образцов древесины, представленных для анализа, относилось к деревьям, имевшим небольшой биологический возраст, что существенно затрудняет процедуру дендроанализа и снижает достоверность результатов. Большинство дат предложено только исходя из предположения о происхождении образцов из слоя X в., опирающегося на археологическую датировку памятника (*Карпухин*, 2001. С. 206). Однако учитывая старичное происхождение низины, из песчаной засыпки которой взяты образцы, мы не можем исключать попадания в нее древесины

[3] Анализы выполнены О.А. Чичаговой и Э.П. Зазовской в лаборатории ИГ РАН.

в период, намного предшествующий Гнёздову. Таким образом, в нескольких случаях, вероятно, следует отдать предпочтение радиоуглеродным датам, значительно удревняющим образцы. Тем не менее, некоторые результаты заслуживают особого внимания. Прежде всего это серия из двух дат, полученных в результате радиоуглеродного анализа образцов, взятых из разных серий годичных колец ствола одного и того же дерева: 890(984)1020 и 890(967)990 гг. Ствол, имевший достаточно большой для нашей выборки возраст (134 года), был датирован также и дендрологическим методом. Полученная дата – 1002 г. – попадает в интервал калиброванного возраста одного из образцов и лежит рядом с интервалом второго. Таким образом, очевидно, что данная дата может служить опорной точкой для датировки вышележащих археологических напластований. Полученный результат представляется чрезвычайно важным: он позволяет утверждать, что строительство сооружений в притеррасной ложбине относится ко времени не ранее начала XI в. Эта дата вполне согласуется с хронологией бытования находок из состава двух строительных горизонтов, являясь, в свою очередь, основанием для датировки как всего набора индивидуальных находок, так и керамической коллекции.

Другим важным итогом, полученным в результате исследований притеррасного участка, является информация об истории изменения водного режима Днепра, что позволило датировать время начала формирования аллювиальных отложений периодом не ранее XVII в. На это указывают найденные на поверхности культурного слоя фрагменты печных зеленых (муравленых) поливных изразцов (*Пушкина, Мурашева, Нефедов*, 2001. С. 17). О динамике накопления речных отложений говорит находка стеклянного стакана последней четверти XIX в.[4] на глубине 30 см от современной поверхности, в нижних слоях среднего горизонта балласта. Это свидетельствует о том, что более половины речных наносов отложилось в период с конца XIX до XX в. Археологические данные находят подтверждение в итогах многолетних исследований почвоведов и геоморфологов, позволивших реконструировать историю изменения русла Днепра и показавших, что в период расцвета Гнёздова оно пролегало гораздо ближе к Центральному городищу, чем в наши дни. Исследования продемонстрировали также, что в гнёздовское время современная территория поймы функционировала в режиме первой надпойменной террасы, соответственно надпойменная терраса являлась второй надпойменной террасой (*Зазовская, Бронникова*, 2001. С. 197–201).

Комплексные палеозоологические и палеоботанические исследования пойменных находок позволили добавить красок скупой археологической информации. Определение пород дерева[5] показало, какую древесину использовали для сооружения построек, саней, кораблей и домашней утвари. Преобладающим поделочным материалом оказалась сосна, на втором месте стоит ель. Отдельные предметы были изготовлены из дуба, ясеня, яблони,

[4] Определение Е.П. Смирновой, отдел стекла и керамики ГИМ.

[5] Определение Л.Н. Соловьевой.

ивы и клена. Изученная коллекция костного материала показывает, что охота не играла существенной роли в пищевом рационе жителей Гнёздова. Абсолютно преобладают остатки домашних животных, среди них доминирует крупный рогатый скот, далее с отрывом следует свинья. Интересно, что крупный рогатый скот служил не только основным источником животного белка, но и использовался в качестве тягловой силы, о чем свидетельствуют сильно измененные ("растоптанные") суставные поверхности и разросшиеся остеофиты первых двух фаланг[6].

В 2001 г. были начаты работы на втором участке, расположенном к западу от озера Камыши, вблизи южной границы распространения культурного слоя (раскоп П-8). В настоящее время раскопано 96 м^2. Мощность культурного слоя невелика – 20–40 см (без учета ям), он оказался сухим и не содержал органических остатков. Их отсутствие всегда затрудняет интерпретацию археологических объектов, поэтому для получения максимальной информации применялись различные методы: геохимический анализ почв[7], биоморфный[8] и микологический[9] анализы. Близость раскопа к воде и использование грязевой помпы позволили осуществить полную промывку культурного слоя.

Состав находок говорит о том, что на этом участке располагался производственный комплекс, связанный с обработкой металлов. Наиболее ярко характеризуют производственную деятельность обилие металлических шлаков, большое количество фрагментов тиглей, ряд ремесленных инструментов, отдельные находки ремесленного брака, фрагменты литейных форм. Исследование ювелирного производства Гнёздова показало, что деятельность ремесленников протекала не в отдельной производственной зоне, а на удаленных друг от друга участках поселения. До раскопок в пойме выделяли три участка такого рода. Один из них был обнаружен на городище, два – на территории селищ, окружающих укрепленную часть поселения (*Ениосова*, 1999. С. 11–12). Пойменный участок можно характеризовать как четвертую зону, связанную как с обработкой черных металлов, так и с ювелирным делом.

Стратиграфия и планиграфия участка (несмотря на небольшую мощность культурного слоя) оказались достаточно сложными. Результаты исследования показали, что некоторые разновременные сооружения, сменяя друг друга, наследуют единую структуру и являются не просто совокупностью последовательно сменяющих друг друга объектов, а, по сути, постоянно подновляемым единым производственным комплексом. На данный момент можно выделить четыре этапа существования комплекса. Подробная характеристика истории развития участка и публикация материала не входят в задачу данной статьи, и мы остановимся лишь на отдельных аспектах интерпретации материала и выводах.

---

[6] Определение И.В. Кирилловой.

[7] Выполнен А.И. Якушевым, ИГЕМ РАН.

[8] Выполнен А.А. Гольевой, ИГ РАН.

[9] Выполнен О.Е. Марфениной, факультет почвоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

Самые ранние объекты – две ямы в западной части участка исследованной территории выделены в **этап I**. Одна из них исследована полностью, часть второй уходит за границы раскопа. Полностью исследованная яма (4в) вытянута в направлении запад – восток и имеет правильную геометрическую форму – прямоугольную с закруглением в восточной части (размеры 220 × 154 см), большую глубину (130–140 см от уровня материка), отвесные стенки и плоское дно. На дне ямы лежал зольный слой с крупными углями. В составе слоя зафиксирован целый ряд находок: несколько бусин, монета Василия I (867–886), отчеканенная в византийском Херсонесе[10], бронебойный ланцетовидный наконечник стрелы – типа 77/1, по классификации А.Ф. Медведева (1966. С. 79), гвоздь и фрагмент бородки ключа. Вся керамика, найденная в яме, – лепная (представлена только мелкими фрагментами).

Вторая яма (4б) имеет неправильную удлиненную форму, отвесные стенки и уплощенное дно, на ее дне также зафиксирован угольный слой. В ее заполнении найдены серебростеклянная многочастная пронизка и крупные фрагменты только лепной керамики. Обе ямы, недолго просуществовав (судя по небольшой мощности придонных отложений), были намеренно забутованы плотной материковой супесью.

О производственном их характере свидетельств нет, что прекрасно подтвердила серия геохимических анализов придонного слоя, не показавшая никаких превышений содержания металлов в почве.

Следующий этап (**этап II**) представлен несколькими объектами, однако наибольший интерес вызывает яма, связанная с производственными процессами и расположенная в юго-западной части участка над ямами предыдущего этапа (яма 4а). О связи с вышеописанными объектами можно говорить только на основании конструктивных особенностей ямы, которая в придонной части полностью повторяет конфигурацию ям первого этапа (4б и 4в), представляя собой двухкамерную восьмеркообразную конструкцию. Примечательно, что обе камеры полностью ложатся на контуры предшествующих ям.

Многочисленные шлаки указывают на связь данного сооружения с металлообработкой. Большая часть шлаков представляет собой фрагменты ошлакованной части глиняной обмазки очага, их суммарный вес не превышает 700 г. В пределах сооружения зафиксированы 2 массивных куска кузнечного шлака весом 800 г. Они представляют собой конгломерат продуктов коррозии железа, мелких углей, кальцинированных костей и глины и имеют выпукло-вогнутую форму, типичную для шлаков, образующихся на дне очага при кузнечных работах (*Bachmann*, 1982. P. 9, 10). Вероятно, рассматриваемое сооружение являлось остатком кузнечного горна, который служил для нагревания до заданных температур полуфабрикатов железа и стали при кузнечной ковке и готового изделия при кузнечной обработке. Возможно, очаг располагался в западной камере постройки, именно там сконцентрированы крупные фрагменты глиняной обмазки. В восточной ча-

[10] Определение В.В. Зайцева, отдел нумизматики ГИМ.

сти могли располагаться мехи. Подобная конструкция археологически зафиксирована в средневековом Тронхейме при раскопках мастерской середины XII в. (*McLees*, 1996. P. 128. Fig. 10).

Вторая камера, по мнению исследователей, либо предназначалась для размещения мехов, либо использовалась как емкость для хранения флюсов. Полное отсутствие фрагментов тиглей может говорить о том, что производственная деятельность была связана только с обработкой черных металлов.

Двухкамерность постройки и сложная конфигурация дна ямы позволяют вернуться к вопросу интерпретации сооружений первого этапа, характер которых неясен и вызвал много споров.

Совпадение контуров камер ямы второго этапа с более ранними ямами позволяет предполагать неслучайность этого факта. Возможности интерпретации лежат в двух сферах: производственной и культовой. Интересный материал для одного из возможных вариантов реконструкции предоставляют результаты исследования железоделательного производства салтовской культуры на территории Днепро-Донского междуречья. Там зафиксированы случаи предварительной подготовки площадки для металлургических горнов, для чего сначала выкапывалась яма, которая затем заполнялась влажным футеровочным песком. После этого для придания формы будущему рабочему пространству часть песка выбиралась. На роменском городище Животинное отмечен случай устройства производственной печи в засыпанном котловане жилища (*Колода*, 1999. С. 47). Возможно, в рассматриваемом нами случае для устройства кузнечного горна использовались углубленные части погибших ранее сооружений.

Второй вариант интерпретации связан с предположением о культовом характере ранних ям (*Мурашева, Фетисов, Ениосова*, 2003. С. 102). В пользу этой гипотезы говорят очень недолгий срок их существования (на стенках сохранились даже следы заступа, что в условиях супесчаного грунта является чрезвычайной редкостью) и очевидная связь с последующим производственным сооружением. Придонный слой, состоящий только из крупных углей и золы, также нельзя назвать характерным для жилых или хозяйственных построек.

Интерпретация археологических объектов как культовых при отсутствии достоверных представлений о культовой практике всегда выглядит умозрительной и несколько спекулятивной. Рассматриваемый нами случай не является исключением, так как прямые аналогии неизвестны. Аналогии удалось обнаружить лишь в рамках металлургического комплекса эпохи бронзы – Каргалов. Его исследователи полагают, что некоторые ямы, предшествующие производственным сооружениям, использовали в культовых целях (*Черных*, 2002. С. 93–105. Рис. 4, *1*, *7*, *8*, *11*, *12*), однако Каргалы слишком далеко отстоят по времени от Гнёздова, чтобы служить основанием для однозначной реконструкции. В заключение рассмотрения данного сюжета необходимо отметить, что не стоит исключать и совмещения функций (производственной и культовой) ям раннего этапа. Окончательно разрешить вопрос может лишь дальнейшее накопление материала.

К этапу III относится целый комплекс сооружений, причем на исследованном участке отчетливо выделяются две зоны: производственная (на юго-востоке) и хозяйственная (на севере и западе).

Находки, связанные с обработкой металлов, сконцентрированы на юго-западе, на остальной территории они единичны. Центральным производственным объектом данного этапа является яма (4) сложной конфигурации, занимающая место двухкамерной ямы второго этапа (4а). Однако ее форма еще более сложная (к траншееобразной части на данном этапе добавлена с юга "чашеобразная" часть). Это свидетельствует об изменении конструкции производственного сооружения, интерпретируемого нами как кузнечный горн, расположенный в мастерской, связанной с обработкой металла.

Рассматриваемое сооружение существовало недолго, об этом говорит относительно тонкий придонный слой гумусированной супеси, который перекрыт довольно мощным слоем пожара. В "чашеобразной" части хорошо фиксируется прослойка, содержащая большое количество фрагментов обожженной глины, которая, скорее всего, является остатками глиняной стены, рухнувшей во время пожара. Вероятно, это была невысокая глиняная стенка, защищавшая мехи от высокотемпературного воздействия. Кузнечный горн подобного вида реконструирован на основе материалов из раскопок Хедебю (*Westphalen*, 1989. S. 79:2).

Об усложнении производственных процессов свидетельствует набор находок, связанных с металлообработкой. Если на предыдущем этапе фиксируется лишь обработка железа, о чем свидетельствуют многочисленные шлаки, то на данном этапе можно говорить о полифункциональном характере мастерской, сочетающей ювелирное дело и обработку железа, что документируется как находками тиглей и фрагмента свинцово-оловянного слитка, так и довольно многочисленными железными шлаками. Сочетание цветной и черной металлообработки зафиксировано в Гнёздове не впервые. Раскопки на Западном селище в конце 1960-х – начале 1970-х годов принесли многочисленные свидетельства совместной деятельности кузнецов и ювелиров в пределах одних и тех же производственных сооружений (*Вешнякова, Булкин*, 2001. С. 45). Полифункциональность мастерских – явление обычное для эпохи викингов, как в Северной (Рибе, Бирка, Фюркат, Лейре и др.), так и в Восточной Европе (Старая Ладога, Крутик, Городок на Ловати и др.).

В то время как идентификация рассмотренного объекта с кузнечно-ювелирным горном сомнений не вызывает, интерпретировать остальные сооружения гораздо сложнее. В качестве примера рассмотрим большую траншееобразную яму 28 (длина 5,8 м, ширина до 2 м, глубина 60 см). В южной ее части зафиксирована большая столбовая яма. Сооружения такого типа, не содержащие остатков отопительного устройства, помимо Гнёздова зафиксированы на многих синхронных Гнёздову поселениях, например, в Тимереве (*Дубов*, 1982. С. 171, 175). Целую группу длинных канавообразных сооружений Е.Н. Носов выделяет на Рюриковом городище. Для интерпретации данных построек он привлекает материалы Старой Ладоги, культурный слой которой намного более информативен бла-

годаря сохранившейся в нем органике. В Старой Ладоге сооружения с вытянутой углубленной частью имели хозяйственное назначение и использовались, вероятнее всего, как кладовые для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря. Они имели легкие плетневые стены и, вероятно, жердевые крыши (*Носов*, 1990. С. 109, 111). Удлиненные постройки с углубленной частью зафиксированы в эпоху викингов и за пределами Восточной Европы, например в Дублине, где они трактуются также как кладовые (*Wallace*, 1992. Part 1. P. 17; Part 2. P. 66. Fig. 40).

Вероятнее всего, яма 28 является остатком постройки подобного типа; кроме ее конфигурации об этом свидетельствует и древесный тлен от нескольких длинных жердей, сохранившийся в придонной части заполнения. Весьма интересную информацию для интерпретации объекта дают результаты биоморфного анализа, демонстрирующие присутствие большого количества фитолитов. Их состав показывает, что в яме сохранились остатки разнообразных сожженных трав, солома культурных злаков и стебли тростника или камыша. Результаты биоморфного анализа подтверждаются и данными микологических исследований, демонстрирующих преобладание среди грибных сообществ, выявленных в яме 28, патогенов многих растений, в том числе и сельскохозяйственных, часто развивающихся на поверхности злаков. Результаты биоморфного и микологического анализов могут трактоваться двояким образом: либо в слое заполнения ямы сохранились остатки сгоревшей крыши, перекрытой сеном и соломой, либо в хозяйственной постройке, частью которой являлась яма, хранилось сено или запасы зерна.

Встреченная в одном из образцов придонной части почвенная нематода (представитель почвенных беспозвоночных) позволяет предположить, что яма оставалось открытой длительный период. На ее поверхности начались процессы почвообразования, и в толще отложений ямы поселилась почвенная фауна.

Предположение о том, что яма была засыпана не сразу, находит подтверждение в керамическом материале: в придонном слое преобладает лепная керамика (62%), многочисленны находки раннегончарной керамики, аналогии которой выявлены среди великоморавского материала. На этом фоне резко выделяются фрагменты горшков так называемого "южного (среднеднепровского) типа", распространенных в основном на территории Среднего Поднепровья. Эти горшки прекрасного качества, сделаны из очень плотного теста и свидетельствуют о достаточно высоком развитии гончарства; они имеют хорошо выраженное плечо в верхней трети сосуда и венчик "манжетообразной" формы (*Каменецкая*, 1988. С. 260, 261). Вполне возможно, что примесь керамики этого вида появилась в заполнении ямы уже в период ее запустения.

Сооружения третьего этапа погибли в результате пожара. После пожара поверхность была снивелирована и перекрыта слоем материковой супеси, который хорошо читается в заполнении ям и на поверхности погребенного дерна, составляя на части участка единый хорошо вычленяемый слой и позволяя синхронизировать объекты.

Не исключено, что гибель сооружений третьего этапа и дальнейшая перепланировка участка связаны с какими-то существенными событиями в жизни обитателей Гнёздова. На характер этих событий указывают заметные изменения в керамическом материале. Слои, лежащие выше горизонта нивелировки, содержат ощутимую долю так называемой "среднеднепровской керамики", в то время как на третьем этапе она не встречена нигде, за исключением ямы 28, которая после гибели, как показал результат биоморфного анализа, долго стояла открытой. Немаловажны также и находки двух ременных накладок, относимых к "черниговскому" центру изготовления ременной гарнитуры (*Мурашева*, 2000. С. 94). Материалы гнёздовского археологического комплекса, прежде всего распространение камерного обряда погребения, свидетельствуют об усилении "киевского влияния" после середины X в. (*Нефедов*, 1998. С. 41). На возможный насильственный характер этих изменений указывает выпадение целой группы кладов в 950-х – начале 960-х годов (*Пушкина*, 1999. С. 413).

К финальному **этапу IV** отнесены все объекты, лежащие выше "горизонта нивелировки". Они относятся к условно выделяемому **горизонту 2**, который представляет собой прослеживаемый на всей территории исследованного участка и перекрывающий все углубленные части построек достаточно однородный слой гумусированной супеси со значительными включениями угля. Горизонт 2 связан в основном с финальным этапом жизни на исследованном участке. Однако детальное изучение объектов показало, что стратиграфически он неоднороден, и на отдельных участках можно выделить несколько строительных горизонтов, в соответствии с которыми вычленяются три его периода – IVа, б и в.

После событий, связанных с гибелью сооружений III этапа, и нивелировки участка наблюдается частичное изменение характера застройки; в "хозяйственной зоне" больше не фиксируются постройки ("кладовые") с углубленной канавообразной частью. Большая часть сооружений связана с ремесленной деятельностью по обработке металлов.

Наиболее интересные и хорошо сохранившиеся объекты относятся к финальному периоду этапа IV (этап IVв). Практически все сооружения на данном этапе связаны с обработкой черных и цветных металлов. Центром производственной зоны является развал большого каменного очага. В его центре зафиксирована мощная подушка прокаленной до оранжевого цвета супеси диаметром около 80 см. С востока к очагу примыкает яма правильной овальной формы с крутыми стенками и плоским дном (яма 42). На дне ямы зафиксирован плотный сажисто-углистый слой. При разрушении очага часть камней обрушилась в яму. Под слоем рухнувших в яму камней фиксируется тонкая прослойка желтой супеси. Вполне возможно, что она маркирует деревянное перекрытие ямы и является результатом "натопта".

Комплексы, состоящие из очага и приочажной ямы, встречены и на других поселениях, синхронных Гнёздову. Так, например, яма с расположенным на ее краю очагом была исследована И.В. Дубовым в Тимерево (*Дубов*, 1982. С. 154, 155). Судя по составу находок, очаг использовался для кузнечных ра-

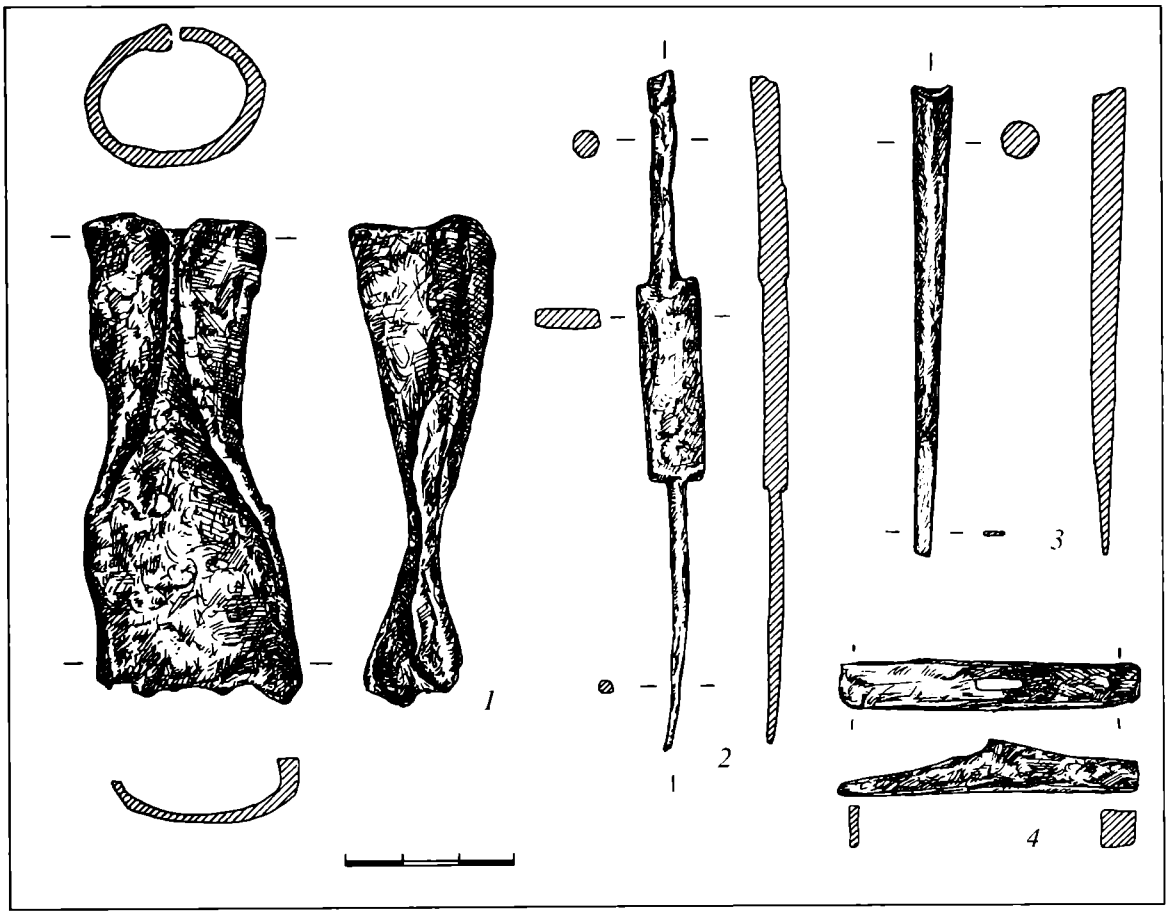


Рис. 3. Инструменты
1 – тесло; *2* – лучковое сверло; *3* – штихель; *4* – ювелирный молоточек

бот и для ювелирного дела. Такой же комплекс был обнаружен в слоях второй половины IX в. Старой Ладоги (*Кирпичников, Назаренко*, 1997. С. 77).

Возможно, как полагает Б.А. Колчин, этот предгорновой выем создавал удобства при работе с мехами, расположенными на перекрывающем яму помосте (*Колчин*, 1953. *С.* 34). Интересно отметить, что анализ грибных сообществ из приочажной ямы продемонстрировал присутствие спор грибов, разрушающих кератин и развивающихся на шерсти, перьях, волосах и коже, – возможно, это свидетельство присутствия в этом районе кожаных мехов.

Находки этапа IV, свидетельствующие о наличии ювелирного производства, представлены керамическим комплексом литейщиков, производственным сырьем и отходами, инструментами для пластической деформации и отделки отливок, а также приспособлениями для взвешивания металла. Среди инструментов можно отметить прекрасно сохранившийся штихель, ювелирный молоточек, лучковое сверло (рис. 3). В районе очага был обнаружен довольно редкий инструмент – циркулярное точило. В пойменной мастерской найдены коромысло весов и гирьки – бочонковидная и редкие для Гнёздова свинцовые цилиндрические. Простые в изготовлении, менее точные и ценные, чем другие типы гирек, они, вероятно, использовались для взвешива-

ния необходимых порций металла перед плавкой в тигле. В этом случае не требовалось такой строгой точности веса, как в торговых операциях. Свинцовые гирьки различной формы часто встречаются в контексте аристократических мастерских эпохи викингов.

Так, в Бирке при раскопках производственной зоны в 1990–1995 гг. обнаружено более 300 разновесок, большинство которых изготовлено из свинца (*Gustin*, 1997. P. 163–177). Они найдены также в исследованных мастерских Рибе, Хедебю, Дублина и Йорка (*Owen*, 1999. P. 118–126).

Среди инструментов для литья доминируют тигли. Несмотря на то что среди них нет ни одного целого экземпляра, весь массив находок можно разделить на четыре неравноценные группы.

Остановимся лишь на последней группе, представленной единственным экземпляром редко встречающихся плавильных сосудов. Это плоскодонное блюдце диаметром 60 мм. Форма сосуда, а также состав металла, обнаруженного на его стенках (серебро и свинец), позволяют утверждать, что его использовали для очистки серебра от примесей – купеляции. Считается, что находки сосудов для купеляции среди других остатков цветной металлообработки свидетельствуют об умении очищать благородные металлы и, следовательно, о высоком уровне мастерства ювелиров (*Мурашева, Фетисов, Ениосова*, 2003. С. 104–106).

Анализ заполнения тиглей, литейных форм, слитков и выплесков металла, пластин, заготовок, полуфабрикатов и отходов производства, а также готовых изделий, дает возможность получить максимально полное представление о сырьевой базе ювелиров пойменной мастерской. Помимо серебра они использовали высокопробное золото, чистую медь, бронзу, латуни и легкоплавкие сплавы. Тем не менее, специализация этой мастерской – обработка благородных металлов – очевидна.

Примечательно, что на раскопанном участке пойменной мастерской впервые зафиксирована концентрация сырьевых продуктов и производственных отходов из золота. Редчайшей находкой является миниатюрный (3,1 г) слиток золота очень высокой пробы, со следами ударов ювелирного молоточка. Практически аналогичный слиток найден в 2003 г. на центральном Гнёздовском городище. Несмотря на то что золотые слитки встречаются иногда в составе кладов эпохи викингов, на поселении, в производственном контексте, прежде был известен лишь один экземпляр – из Хедебю (*Armbruster*, 2002. S. 132, 133. Abb. 1, 2).

Есть основания предполагать, что исследованная мастерская связана со скандинавской производственной традицией. Об этом свидетельствуют не только найденные свинцовые гирьки, но и два обломка глиняных литейных форм для отливки овальных фибул, а также фрагмент рубчатой ("бусинной") проволоки, изготовленной с помощью специального инструмента – органариума – и часто использовавшейся в скандинавских ювелирных украшениях. В пределах мастерской найдены также предметы несомненно скандинавского происхождения – кресаловидная подвеска-амулет, пряжка, украшенная в стиле борре, небольшая антропоморфная фигурка – "гнёздовский идол" (*Мурашева*, 2005).

Сооружения финального этапа погибли в результате пожара, о чем свидетельствуют многочисленные включения угля.

Подводя итоги обзору исследованного производственного комплекса, необходимо остановиться на вопросах хронологии. Совокупность данных говорит о том, что участок функционировал на протяжении достаточно долгого времени, однако хронологические рамки его существования с большой степенью точности пока определить невозможно. Наиболее значимыми хронологическими маркерами являются монета византийского Херсонеса 60-х годов IX в., найденная в самой ранней яме, и наконечник ножен меча из финального горизонта. Подобные наконечники встречены в основном у балтских племен (*Кулаков*, 1990. С. 30, 31). Они относятся к восточно-прусской группе, по типологии П. Паульсена (*Paulsen*, 1953. S. 34), и датируются, по мнению С.Ю. Каинова, концом X – началом XI в. Именно эти находки и определяют промежуток времени, к которому можно отнести исследованный комплекс.

Важным показателем для датировки объектов является также соотношение находок лепной и гончарной керамики. Обработка керамического материала дает весьма интересные результаты. В ямах первого этапа зафиксирована только лепная керамика. В сооружениях, относящихся ко второму этапу, лепная керамика составляет 92%, а круговая, соответственно, 8%. В связи с этим необходимо обратиться к вопросу о времени появления в Гнёздове гончарного круга. По этому поводу существуют две точки зрения. Е.В. Каменецкая полагает, что это событие можно относить к концу первой четверти X в. (*Каменецкая*, 1977. *С.* 114, 115). Ю.Э. Жарнов отодвигает появление круговой керамики в Гнёздове ближе к середине X в. (*Жарнов*, 1992. С. 131, 132). Так или иначе, наличие небольшого количества фрагментов круговой керамики в яме, относящейся ко второму этапу, не позволяет датировать ее временем ранее второй четверти X в. На третьем этапе количество лепной керамики резко сокращается, она составляет всего 46%. В финальном горизонте абсолютно преобладает круговая керамика (95%).

Выше подробно рассмотрены аргументы, позволяющие считать, что время сооружения кузницы второго этапа не намного отстоит по времени от ям, отнесенных к первому этапу. Это существенное обстоятельство не позволяет датировать сооружение первых объектов исследованного участка временем ранее второй четверти X в. Таким образом, время существования производственного комплекса на пойме можно ограничить промежутком от второй четверти X в. до рубежа X–XI вв.

Важнейшей вехой в истории комплекса является гибель сооружений третьего этапа, последовавшая за ней нивелировка поверхности и частичная перепланировка участка, которая сопровождалась появлением керамики среднеднепровского типа, шиферных пряслиц и ременных украшений "черниговской школы". Археологические источники дают возможность предполагать, что именно в этот момент происходит перелом в отношениях между Гнёздовом и Киевом. Очевидно, что этот процесс не был мирным. Я.В. Френкель, исследовав коллекцию бус, датирует "горизонт нивелиров-

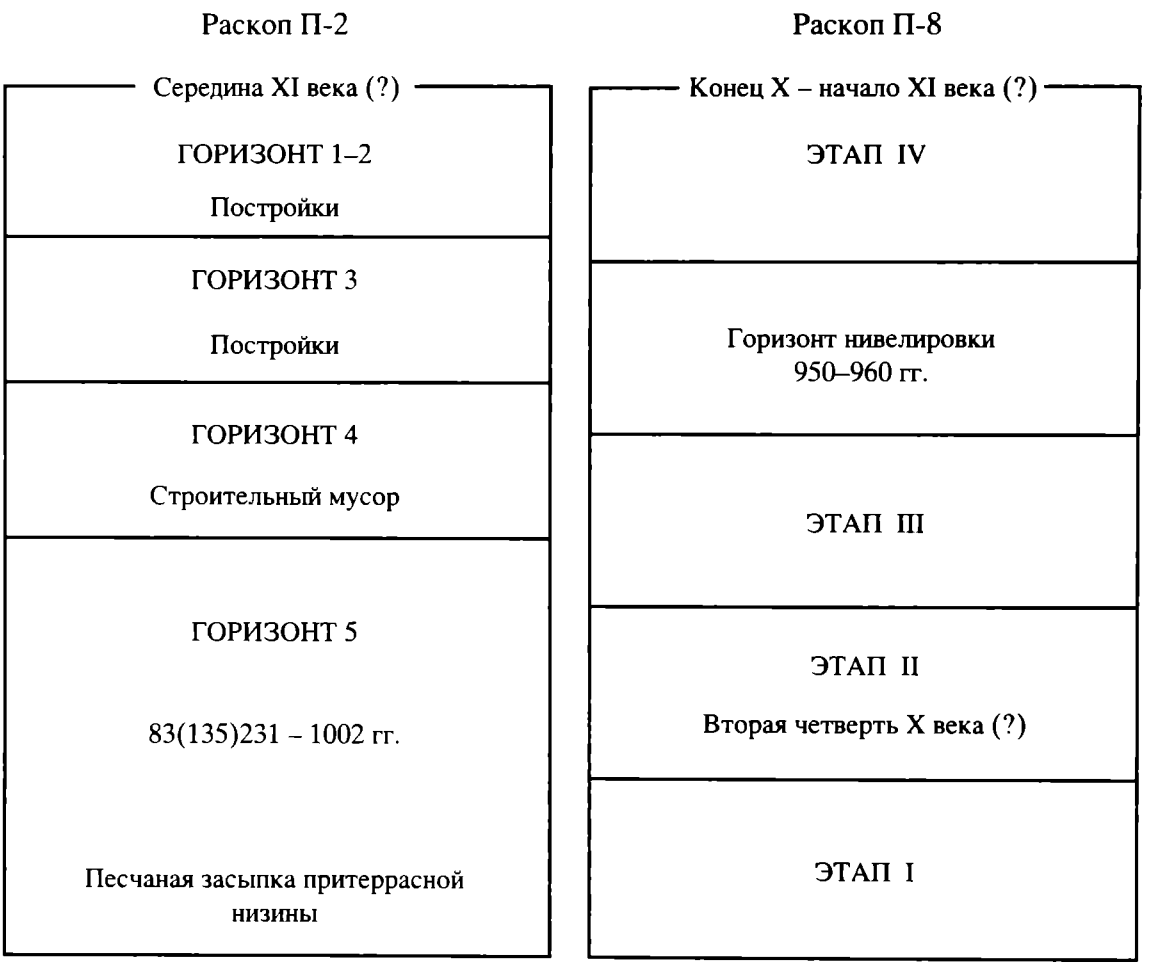


Рис. 4. Стратиграфия напластований исследованных участков пойменной части поселения (схема)

ки" в пределах 950–960 гг. Таким образом, изменение взаимоотношений Киева и Гнёздова происходило, вероятно, в эпоху Святослава.

Сопоставление материалов (рис. 4), полученных при раскопках притеррасного участка (раскоп П-2) и производственного комплекса (раскоп П-8), показывает, что строительство сооружений в притеррасной ложбине началось либо незадолго до гибели производственного центра около озера Камыши, либо даже после. Как уже говорилось, постройки на территории раскопа П-2 начали возводить после 1002 г. Время прекращения жизни объектов на П-8 точно указать пока невозможно. В качестве рабочей гипотезы можно предложить рубеж X–XI вв. – начало XI в. Небольшая исследованная площадь не позволяет пока предложить надежного объяснения прекращению жизни на одном из участков поселения и продолжению ее на другом. Однако важно отметить, что характер материала и его скандинавская составляющая остались неизменными и, таким образом, можно утверждать, что в начале XI в. Гнёздово продолжает функционировать в качестве раннегородского центра.

Подводя итоги первым пяти сезонам раскопок на территории пойменной части гнёздовского поселения, необходимо отметить, что исследования не только выявили новую категорию источников (деревянные предметы) и позволили получить интересную информацию по истории металлообработки и ювелирного ремесла, но и (самое главное) внесли определенный вклад в разработку хронологии гнёздовского археологического комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

Вешнякова К.В., Булкин В.А., 2001. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина) // Гнёздово: 125 лет исследования памятника: Археол. сб. М. (Тр. ГИМ; Вып. 124).

Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.

Ениосова Н.В., 1999. Ювелиирное производство Гнёздова (по материалам курганов и поселения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Жарнов Ю.Э., 1992. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Зазовская Э.П., Бронникова М.А., 2001. Палеоландшафты Гнёздова: реконструкция, перспективы, исследования // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Тр. ГИМ; Вып. 124).

Каменецкая Е.В., 1977. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Каменецкая Е.В., 1988. О некоторых типах керамики Гнёздова // СА. № 1.

Карпухин А.А., 2001. Некоторые результаты дендроанализа материалов из раскопок в Гнёздове // Гнёздово: 125 лет исследования памятника: Археол. сб. М. (Тр. ГИМ; Вып. 124.)

Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., 1997. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984–1991 гг. // Древности Поволховья. СПб.

Колода В.В., 1999. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй пол. I тыс. н.э. Харьков.

Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. № 32.

Кулаков В.И., 1990. Древности пруссов VI–VIII вв. М.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие: Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. М. (САИ; Вып. Е1-36).

Мурашева В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.

Мурашева В.В., 2005. "Идол" из Гнёздова // РА. № 1.

Мурашева В.В., Фетисов А.А., Ениосова Н.В., 2003. Производственный комплекс на территории пойменной части Гнёздовского поселения // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.

Нефедов В.С., 1998. Гнёздовский археологический комплекс и путь "из варяг в греки" // Гнёздово: История и современность. Смоленск.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Пушкина Т.А., 1999. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С., 2001. Новое в изучении центрального селища в Гнёздове // Гнёздово: 125 лет исследования памятника: Археол. сб. М. (Тр. ГИМ; Вып. 124).

Черных Е.Н., 2002. Каргалы / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М. Т. II.

Armbruster B., 2002. Goldschmiede in Haithabu – Ein Beitrag zum frümittelalterlichen Metallhandwerk // Das archäologische Fundmaterial VII. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Bericht 34.

Bachmann H.-G., 1982. The identification of slags from archaeological finds // Occasional Publication of Institute of Archaeology, University of London. London. № 6.

Gustin I., 1997. Islam, Merchants, or King? Who was behind the Manufacture of Viking Age weights? // Vision of the Past: Trend and Traditions in Swedish Medieval Archaeology. Stockholm.

McLees C., 1996. Itinerant craftsmen, permanent smithies and the archaeobishop's mint: The character and context of metalworking in medieval Troncheim // The Journal of the Historical Metallurgy Society. London. Vol. 30, № 2.

Owen O., 1999. The lead bullion weights // Scar: A Viking Boat Burial on Sanday, Orkney. East Liton.

Paulsen P., 1953. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart.

Wallace P.F., 1992. The Viking Age Buildings of Dublin. Dublin. Part 1, 2.

Westphalen P., 1989. Die Eisenschlacken von Haithabu // Bericht über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Bericht 26.

Н.А. Макаров, С.Д. Захаров

СЕВЕРНОРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕЛИЩ НА КУБЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Средневековые селища – самая многочисленная и самая малоизученная категория археологических памятников на Русской равнине. Общее число селищ с культурными напластованиями X–XIII вв., т.е. классической древнерусской культуры, выявленных в настоящее время на территории Европейской России, составляет несколько тысяч. По имеющимся данным, в Центре и на Севере Европейской России, на территории современных Псковской, Новгородской, Ленинградской, Вологодской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Московской, Костромской, Ярославской, Нижегородской, Ивановской и Владимирской областей, раскопки на площади более 80 м производились на 62 селищах этого времени (рис. 1). В этот список не вошли открытые поселения на посадах древнерусских городищ, средневековые сельские поселения на площадках городищ железного века, многослойные поселения, на которых вещевые комплексы домонгольского времени трудно отделимы от позднейших и более ранних. Но даже если расширить этот перечень, остается несомненным, что лишь ничтожная часть общего массива древнерусских селищ затронута раскопками. Понятно, что современные научные знания о древнерусской деревне домонгольского времени формировались при значительном дефиците конкретного археологического материала, характеризующего культуру и хозяйство сельских поселений. В отличие от западноевропейской археологии, в российской нет ни одного монографического исследования, специально посвященного какому-либо одному сельскому поселению.

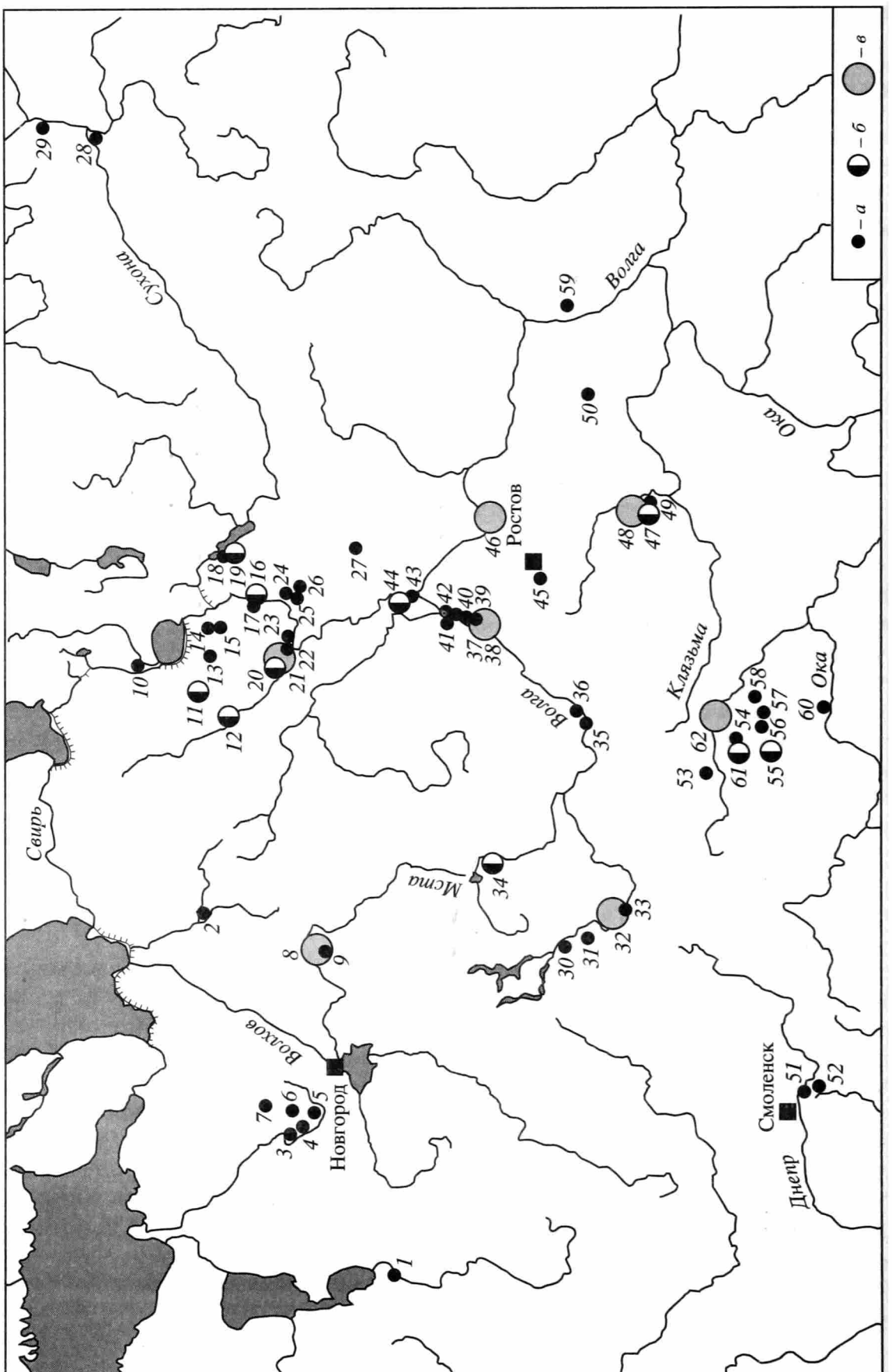
Эта ситуация во многом объясняется самим характером древнерусских селищ как археологических объектов. При всех индивидуальных и региональных различиях, в массе своей это памятники с небольшим по мощности культурным слоем, перемешанным распашкой. Длительная распашка за-

трудняет или делает невозможными не только стратиграфическое расчленение культурного слоя, но и реконструкцию планировки поселений, на которых остатки жилищ плохо читаемы. Результаты широких раскопок некоторых селищ, проведенных в 1950–1960-е годы, отчасти разочаровали исследователей, переориентировав изучение древнерусской деревни на выявление поселенческих структур без вскрытия значительных площадей. Сейчас положение дел вновь меняется, масштабы раскопок на селищах X–XIII вв. вновь расширяются, одновременно ведутся поиски более эффективных приемов их исследования. При раскопках многих памятников используются геофизическая съемка, сканирование грунта металлодетектором, промывка и просеивание культурного слоя для сбора мелких артефактов.

В течение восьми полевых сезонов Онежско-Сухонская экспедиция Института археологии РАН вела исследование группы средневековых сельских памятников на Кубенском озере под Вологдой. Мининский комплекс, включающий 3 средневековых селища и могильник, был избран для раскопок как памятник, изучение которого может дать материалы, раскрывающие общие, родовые черты средневековой северной деревни, характеризовать ее экономику, культуру и экологические условия ее существования (*Макаров, Захаров*, 2000; Кубенское озеро... 2001; *Макаров, Захаров*, 2003). Выбор "эталонного" сельского поселения обусловлен исключительной сохранностью одного из селищ, площадка которого почти не задета распашкой. Второе поселение – Минино VI, находящееся несколько выше по течению р. Дмитровки, резко контрастирует с первым по сохранности. Ненарушенный культурный слой сохранился здесь лишь в ямах. На первом памятнике исследовано в общей сложности 300 м^2, на втором – около 600 м^2. Эти площади соизмеримы со вскрытыми на многих близких по характеру памятниках, но существенно уступают раскопам на ряде других селищ. Достаточно сказать, что на семи из них вскрыты площади свыше 1000 м^2, наиболее значительная площадь (около 5000 м^2) вскрыта на поселении Введенское под Ярославлем[1] (рис. 1, *46*) (*Станкевич*, 1989. С. 65–73; *Праздников*, 2001. С. 173–177). Однако численность собрания средневековых вещей, происходящего с мининских селищ, значительно превышает обычные размеры коллекций. Оно включает более 6800 артефактов.

Раскопки в Минино с самого начала были ориентированы на максимально полное извлечение мелких артефактов из культурного слоя, с использованием просеивания и промывки грунта в раскопе. Технология этих приемов подробно рассмотрена в специальной работе одного из авторов (*Захаров*, 2001). Благодаря промывке и просеиванию удалось собрать около 40% всех индивидуальных находок. Большое внимание было уделено сбору карпологических и палеозоологических материалов, сбору и анализу палинологических материалов, характеризующих палеосреду мининского микрорегиона на различных срезах, а также радиоуглеродному датированию объектов. Сегодня целесообразно остановиться на некоторых

[1] Подсчеты общей площади раскопов и количества находок производились по данным полевых отчетов экспедиции Ярославского университета за 1983–1995 гг.


Сухона
Волга
Ока
Ростов
Клязьма
Ока
Волга
Свирь
Мста
Волхов
Новгород
Смоленск
Днепр
– а
– б
– в

последних находках, на общих итогах раскопок двух поселений, и, что самое главное, на сопоставлении мининских материалов с материалами раскопок других селищ, на их месте в общесевернорусской археологической панораме.

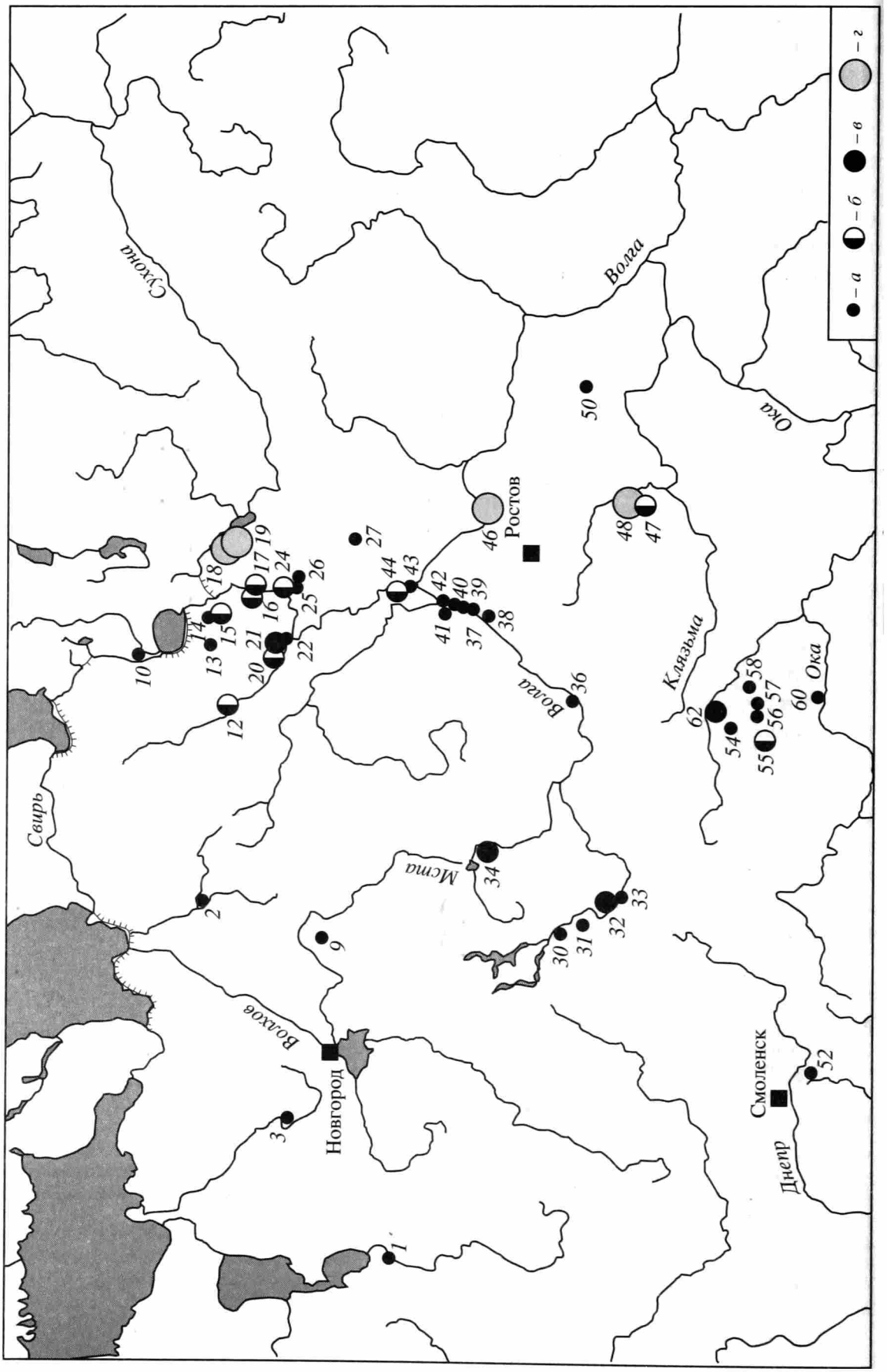
Насколько репрезентативны мининские материалы? Не имея возможности вскрыть всю площадь поселений, на первом из них мы заложили раскопы и шурфы в разных его частях, так, чтобы иметь представление о культурных напластованиях на всей площади. На втором поселении двумя широкими взаимоперпендикулярными траншеями была вскрыта та часть площадки, на которой культурный слой наиболее насыщен средневековыми вещами и керамикой. Разумеется, вскрытие 2% площадки не может гарантировать полноту научного знания о стратиграфии и планиграфии, однако значительные серии вещевых находок и керамики позволяют с достаточной полнотой судить о динамике жизни и характере использования различных участков. Ни одно другое древнерусское селище не дает коллекций, численно сопоставимых с мининскими. Во Введенском, где площадь раскопов в 6 раз превышает мининские, найдено почти в 3 раза меньше вещей (около 2360). Даже если учесть присутствие в коллекции значительного количества малоинформативных мелких обломков артефактов, это собрание дает неизмеримо более подробные представления о материальной культуре и хронологии, чем коллекции других близких по характеру памятников (рис. 2). Добавим, что более тонкие методы разборки культурного слоя позволили проследить остатки восьми сооружений. Радиоуглеродным методом датировано 28 образцов органики из культурного слоя (21 из культурного слоя Минино I, 7 из культурного слоя Минино VI), что позволяет проверить обычные для селищенских раскопок вещевые датировки.

По итогам первых пяти лет раскопок установлено, что Минино I – крупное поселение с плотной застройкой, древнейшие культурные слои которого относятся к концу X в., а наиболее поздние – ко второй половине XII – началу XIII в. (*Макаров, Захаров,* 2003). Объектом наибольшего внимания с самого начала раскопок были, с одной стороны, обильные остеологические материалы и карпологические находки, документирующие существование

Рис. 1. Древнерусские селища X–XIII вв., исследованные раскопками

Условные обозначения: древнерусские селища (площадь раскопа): *а* – 80–500 кв. м; *б* – 500–1000 кв. м; *в* – более 1000 кв. м.

1 – Выбуты; *2* – Петровское 3; *3* – Удрай IV; *4* – Удрай III; *5* – Удрай I; *6* – Удрай II; *7* – Заполье 2; *8* – Заручьевье IV–VII; *9* – Бор IV; *10* – Никольское V; *11* – Муриновская Пристань; *12* – Никольское VI; *13* – Молебный Остров; *14* – Дюково; *15* – Нефедово; *16* – Селище-Воркопь; *17* – Андрюшино; *18* – Минино I; *19* – Минино VI; *20* – Кривец; *21* – Октябрьский Мост; *22* – Соборная Горка; *23* – Урывково; *24* – Минино 4; *25* – Минино 5; *26* – Минино 2; *27* – Телешово 2; *28* – Морозовица I, II; *29* – Гостинское; *30* – Волково; *31* – Холмово; *32* – Благовещение; *33* – Струйское; *34* – Шитовичи 6; *35* – Пекуновское; *36* – Кимрское; *37* – Оленино; *38* – Грехов Ручей; *39* – Алтыново; *40* – Золоторучье; *41* – Нестерово; *42* – Васильки; *43* – Усть-Шексна I; *44* – Усть-Шексна II; *45* – Шурскол 2; *46* – Введенское; *47* – Весь 1; *48* – Гнездилово 2; *49* – Васильково; *50* – Рыбино (Стрелка I) 4; *51* – Дросненское; *52* – Яновское; *53* – Саввинская Слобода; *54* – Писково; *55* – Кутьино 1а; *56* – Жданово; *57* – Покров 5; *58* – Новое Съяново 3; *59* – Наговицыно I; *60* – Прилуки 1; *61* – Десна; *62* – Мякинино 1


Сухона
Вологда
Ока
Ростов
Свирь
Мста
Волхов
Новгород
Смоленск
Днепр
Клязьма
Ока
а
б
в
г

комплексной экономики, сочетающей земледелие, скотоводство и широкомасштабную пушную охоту, с другой стороны – многочисленные украшения из цветного металла и импорты, прежде всего стеклянные бусы и западноевропейские денарии – свидетельства интенсивной торговли. При продолжении раскопок были получены данные об освоении и застройке северо-западной части поселения, первоначально считавшейся его окраиной. Здесь вскрыты остатки двухкамерного жилища с печью, сооруженной с использованием глины и камня в жилой камере. После завершения раскопок целесообразно вновь рассмотреть общий состав вещевой коллекции и вернуться к вопросу о датировке селища.

На поселении Минино I собрано в общей сложности 5180 индивидуальных находок. Среди них 1454 изделия из стекла, 1148 изделий из цветного металла, 1925 изделий из железа, 288 изделий из кости и рога, 180 изделий из камня, 184 изделия из глины, единичными находками представлены изделия из бересты и ткани. Таким образом, более половины коллекции составляют импорты или вещи, изготовленные из привозных материалов. Наиболее представительными категориями вещей в коллекции являются стеклянные бусы (1397), железные ножи (288) и иглы (296), детали металлической посуды (190). Среди металлических украшений многочисленны целые и фрагментированные подвески и бубенчики и проволочные височные кольца. Наиболее эффектной находкой последнего года раскопок является наборная подвеска-конек так называемого мерянского типа (тип XVII, по Е.А. Рябинину) (*Рябинин*, 1981. С. 32–35), относящаяся к X–XI вв. Находка важна как свидетельство южных (поволжских) связей поселения Минино в ранний период его истории.

Для уточнения нижней даты памятника наиболее существенное значение имеют стеклянные бусы. Следует отметить присутствие в коллекции мозаичных бус, в том числе поперечно-проколотых, полосатых лимонок, цилиндрических пронизок из тянутой трубочки, крупных рубленых бисерин и навитых глазчатых бус с петлями. В целом на долю бус из тянутой трубочки и других ранних типов бус, время бытования которых определяется X–XI вв., приходится более 23% всех стеклянных бус селища (325 экз.). Причем в тех раскопах, где зафиксированы древнейшие напластования, ранние бусы составляют от 1/3 до половины всех бус.

Большинство радиоуглеродных дат образцов углей и дерева из культурного слоя определяют время существования поселения в близком интервале (рис. 3). Общий интервал пятнадцати из них соответствует 892–1260 гг., однако верхняя граница четырех наиболее ранних дат, входящих в эту группу, определяется в пределах второй половины – последней трети X в., т.е. соответствует датировке наиболее ранних бус. Существенно, что 14 из этих об-

Рис. 2. Коллекции артефактов, собранные при раскопках древнерусских селищ X–XIII вв.

Условные обозначения: *а* – до 200 предметов; *б* – 200–500 предметов; *в* – 500–1000 предметов; *г* – более 1000 предметов. Нумерация памятников соответствует рис. 1, см. с. 139

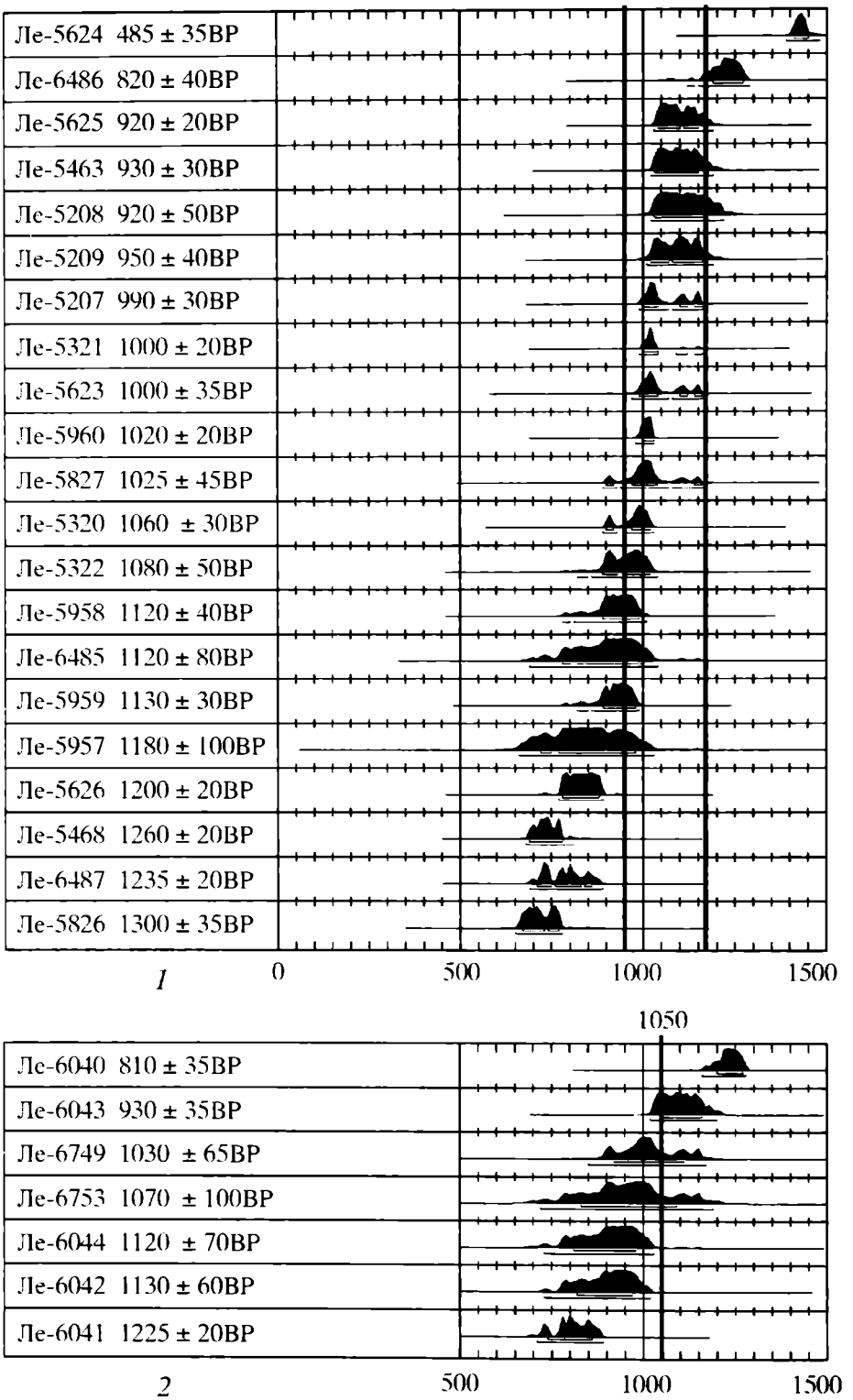


Рис. 3. Радиоуглеродные конвенционные и калиброванные даты из культурного слоя поселений Мининского археологического комплекса

1 – Минино I; *2* – Минино VI

разцов датируются временем до 1168 г., определяя период наибольшей строительной активности временем до последней трети XII в. Первой половиной XV в. (1414–1444 гг.) датировано дерево из перекопа, прорезающего средневековый слой. Наконец, 4 образца датированы в интервале между 676 и 932 гг. Расхождение с вещевыми датами может объясняться либо использованием для строительства дерева, возраст которого значительно отстоит от времени возведения построек, либо, что более вероятно, загрязнением образцов из сильно спрессованного средневекового слоя органикой из нижележащих напластований.

Поселение Минино VI, широкие раскопки которого начаты в 2001 г., находится в 250 м к юго-западу от первого селища, на противоположном берегу р. Дмитриевки (рис. XI). По своей топографии и современному внешнему облику оно существенно отличается от первого селища. Этот памятник располагается на более высокой береговой террасе (высота берега над меженным уровнем воды 4–5,5 м), имеет значительно большую площадь (средневековая керамика зафиксирована на площади не менее 3 га, хотя на площади 1 га концентрация ее очень низкая). Поверхность селища имеет следы многолетней распашки, ее борозды хорошо видны на материке после снятия слоя аморфной темно-серой гумусированной супеси толщиной до 40 см, составляющей основную часть культурных напластований. Не потревоженный распашкой темно-серый культурный слой, насыщенный печными камнями, крупными фрагментами керамики и костями животных, сохранился практически только в материковых ямах. Всего в раскопе выявлено 177 ям различных размеров, форм и глубины. 72 ямы содержали вещевые находки, керамику или кости животных и рыб. По крайней мере одна из них представляет собой подпечную яму жилой постройки. По составу находок и керамическим комплексам 64 ямы отнесены к средневековому времени.

Хотя состояние культурного слоя, казалось бы, не позволяло рассчитывать на сбор сколько-нибудь представительной вещевой коллекции, раскопки дали обильный вещевой материал, происходящий как из перемешанного распашкой аморфного слоя, так и из ям. Структура коллекции, насчитывающей около 1700 средневековых вещей, в целом близка коллекции центрального селища Минино I. В составе ее 337 предметов из стекла, 533 предмета из цветного металла и 669 предметов из железа (рис. 4, XII). Наиболее представительные категории находок, как и на первом поселении, стеклянные бусы (334), железные ножи (83), железные иглы (113). Среди находок 5 серебряных западноевропейских денариев, фрагмент весов для малых взвешиваний, амулет-топорик, свинцовая пломба, стеклянная вставка перстня. Значительными сериями представлены нательные крестики, разнообразные металлические украшения (височные кольца, браслеты, перстни, подвески, обломки фибул) и детали поясных наборов, стеклянные перстни. По набору бус, включающему рубленый бисер (4), желтые (3), золото- и серебростеклянные (3) лимонки и ягодовидные бусы (7), время возникновения поселения следует относить к периоду не позднее середины XI в.

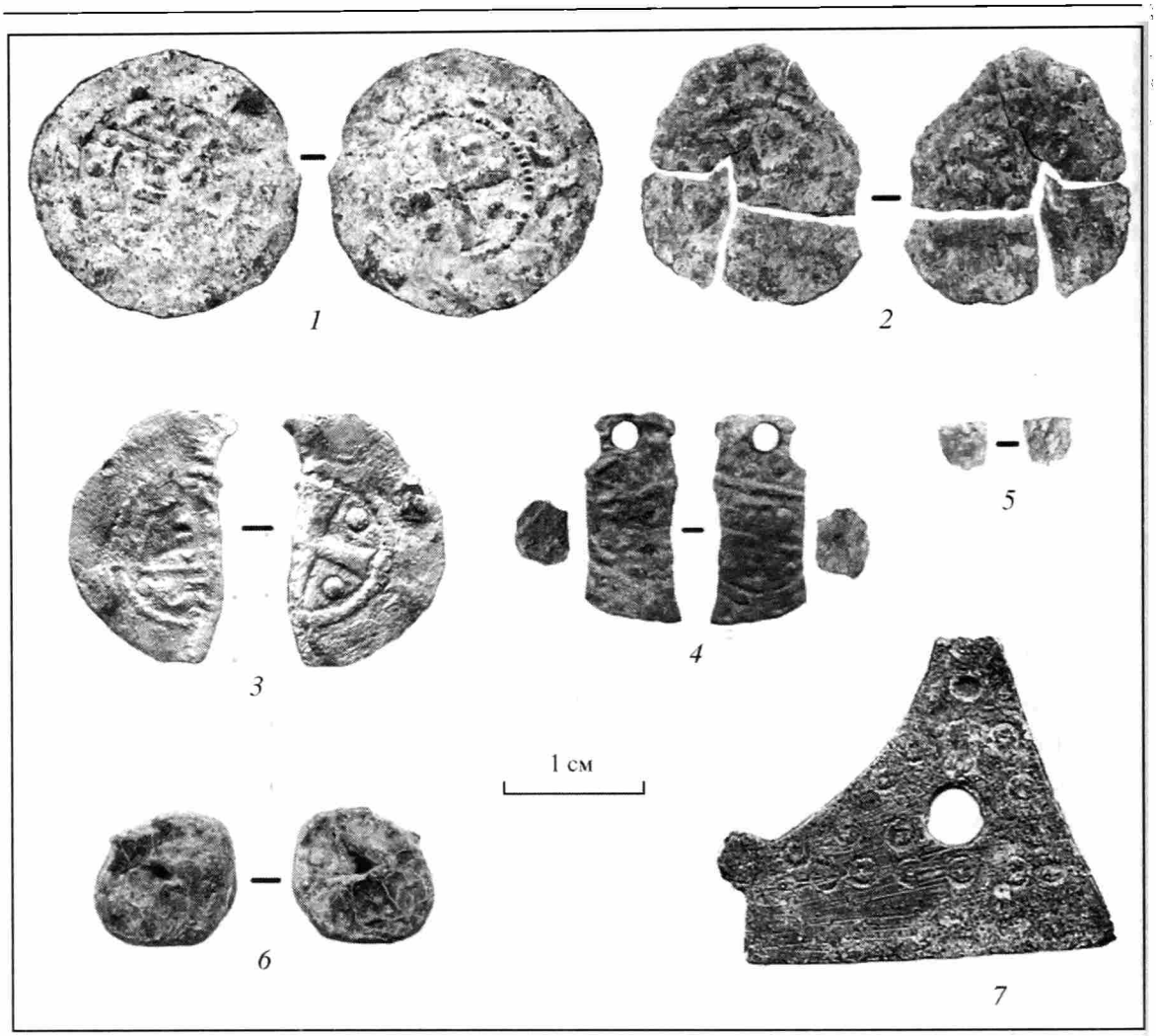


Рис. 4. Поселение Минино 6. Вещевой материал
1–5 – западноевропейские монеты; *6* – пломба; *7* – амулет-топорик (*1–5* – серебро; *6* – свинец; *7* – бронза)

В результате проведенных работ исследована центральная, наиболее насыщенная культурными остатками часть селища, где представлены материалы, относящиеся как к самому раннему этапу его существования, так и к XII–XIII вв. При этом ранние материалы концентрируются в северной, близкой к речному берегу части раскопа. Выявленные в раскопе ямы раннего периода имели, вероятно, хозяйственное назначение. Часть ям, содержащих пережженные печные камни, можно интерпретировать как остатки открытых летних очагов. Во второй половине XII в. площадь селища значительно увеличилась за счет освоения южных, более удаленных от реки, участков. К этому периоду относятся остатки жилого дома, вскрытого в южной части раскопа.

Сопоставление материалов обоих селищ выявляет ряд различий между ними. Заметны различия в планировочной структуре. Селище Минино I было застроено весьма плотно: на раскопах неоднократно фиксировались случаи, когда новые постройки частично или полностью перекрывали остатки

существовавших ранее сооружений. Очевидно, поселение имело упорядоченную – уличную – планировку. Напластования этого селища чрезвычайно плотно насыщены различными культурными остатками. Так, на 1 м² вскрытой площади приходилось в среднем более 16 индивидуальных находок и около 0,6 кг керамики. Иная картина фиксируется на селище Минино VI. На один метр вскрытой площади здесь приходится около 3 предметов и 0,25 кг керамики. Менее плотной была и застройка селища. Несмотря на то что частичное наложение жилых зон разного времени прослеживается и здесь, ясно, что постройки располагались более свободно, на некотором удалении друг от друга. Вероятно, это поселение имело прибрежно-рядовую или кучевую застройку.

Вместе с тем, различия, прослеживаемые в плановой структуре, плотности застройки и насыщенности культурного слоя различными находками, нельзя рассматривать как свидетельство различий в уровне жизни или системах жизнеобеспечения. По общему набору находок, структуре вещевых коллекций и качеству материала эти селища чрезвычайно близки между собой. Однако в коллекции из Минино VI присутствуют некоторые необычные для селищенских напластований предметы, отсутствующие на первом поселении. Редкой для сельских поселений является находка амулета-топорика, позволяющая говорить о присутствии на селище профессиональных воинов (*Макаров,* 1992). Особенно важна находка свинцовой пломбы, показывающая, что в руках сельчан находились какие-то официально удостоверенные документы. Близки по структуре собранные коллекции железных инструментов и орудий труда. Значимым открытием является обнаружение следов ювелирного производства, ранее выявленных на Минино I (*Зайцева,* 2001. С. 23–28; 2003. С. 53, 54). Сравнение коллекций остеологических материалов показывает, что на обоих селищах численно доминируют кости диких животных, в первую очередь бобра (*Динесман, Савинецкий,* 2003. С. 47–54). В слое обоих селищ сохраняются карбонизированные остатки культурных злаков. Зафиксированы и остатки ранних пахотных горизонтов, перекрытые культурным слоем. Это позволяет утверждать, что возделываемые поля располагались на окраинах жилых зон, в непосредственной близости от домов, и застраивались по мере роста поселений.

Селище Минино VI занимает часть территории одного из позднесредневековых локальных центров Кубенского края – Дмитриевского Карачевского погоста, история которого, судя по письменным источникам, восходит к XV в. (*Макаров, Захаров,* 2003. С. 149, 150). Топографическая и историческая связь средневекового селища и позднесредневекового погоста, центра Карачевского станка, не вызывает сомнения, но историческая картина перерастания раннего поселка в церковную деревню при погосте прослеживается далеко не во всех деталях. В перемешанном слое селища собрана керамика с профилировкой XIII–XV вв. и ряд предметов XV–XVI вв. и более позднего времени, на площадке выявлены остатки построек XVIII–XIX вв. Существенно присутствие в культурном слое монет XVI–XVII вв. (денга серебряная великого князя Ивана IV, 1533–1547 гг., Московский монетный двор; копейка серебряная царя Бориса Федоровича, 1600 г., Московский мо-

нетный двор)[2] и некоторых характерных вещей, период существования которых охватывает XIII–XV вв., например, крестов или железных поясных накладок, инкрустированных серебром. Однако наши усилия выявить на площадке остатки построек или ямы второй половины XIII–XV вв. не увенчались успехом. Локализовать ядро поселения этого времени не удалось. Сопоставление количества вещей и керамики XIII–XV вв. с материалами предыдущего периода свидетельствует о значительном снижении активности жизни на поселениях. Очевидно, в XIII в. на месте крупного сельского поселения, обычного для домонгольского времени, формируется малодворная деревня, первый период существования которой отмечен бедными и не слишком выразительными материальными остатками, контрастирующими с материалами домонгольского времени. Реконструированная по археологическим данным динамика жизни на поселении соответствует радиоуглеродным датам. Шесть из них падает на интервал между 721 и 1265 гг., при этом верхняя граница двух наиболее ранних дат определяется в пределах рубежа X–XI – первой трети XI в., т.е. близка вещевой. Существенно присутствие в этой серии образца, возраст которого определяется в пределах 1213–1265 гг., что указывает на продолжение жизни на поселении в первой половине XIII в. Возраст одного образца (728–810) расходится с датировкой, установленной по вещам.

Значение исследования Мининских селищ заключается в том, что они дают представление о реальном составе средневековых вещей, отложившихся в культурном слое севернорусских селищ и таким образом выявляют некоторые общие черты древнерусских сельских поселений домонгольского времени на территории к северу от Днепра. Сопоставление мининских коллекций с коллекциями других поселений показывает, что высокая насыщенность площадки поселения разнообразными артефактами, присутствие в культурном слое престижных вещей и импортов не является индивидуальной особенностью мининских поселений или особенностью некоторой группы "нерядовых" сельских поселений. Они характерны для большинства сельских памятников, хотя конкретный набор подобных вещей на различных объектах может быть различным. Так, дирхемы представлены в коллекциях из раскопок семи севернорусских селищ, денарии – в коллекциях девяти, весовые гирьки – пяти, детали весов – в материалах пяти селищ. Мининскиий комплекс лидирует по количеству найденных предметов из цветного металла, стеклянных бус, западноевропейских монет, однако здесь отсутствуют некоторые типы и категории древностей, представленные на сельских поселениях Шексны, Верхней Волги и Москворецкого бассейна, – амфорная керамика, стеклянные браслеты, кресты-энколпионы. На современном этапе изучения селищ принципиальную важность имеют именно общие для многих памятников свидетельства товарности экономики и высокого благосостояния, заставляющие пересмотреть традиционные представления о натуральном хозяйстве домонгольской деревни и простоте деревен-

[2] Определение монет произведено д.и.н. П.Г. Гайдуковым.

ской культуры. Сельское общество предстает перед нами как более сложный, чем это принято считать, социально-экономический организм.

Английский медиевист Кристофер Дайер обратил внимание на правомерность и продуктивность применения одной из наиболее распространенных категорий современной экономики – понятия "потребление" – для оценки уровня развития средневекового общества. По мнению К. Дайера, стремление к более полноценному потреблению характерно для самых широких слоев средневекового западноевропейского общества и в принципе не отличается от поведения человека нового времени. При этом простонародье стремилось, в меру своих материальных возможностей, следовать нормам, устанавливавшимся в среде знати, подражать социальной элите в пищевом рационе, обустройстве повседневного быта, одежде, устройстве жилища. Археологические материалы средневековых поселений, рассматриваемые обычно с точки зрения истории производства, информативны и как источники для изучения уровня и характера потребления в средневековом обществе (*Dyer*, 1997. P. 509–517). В этом контексте мининская коллекция вещей должна рассматриваться как свидетельство высоких стандартов потребления средневековой северной деревни (*Макаров, Захаров*, 2003).

С другой стороны, раскопки в Минино раскрывают существование системы многообразных торговых связей, областного разделения труда, экономической взаимозависимости центра и периферии. Минино, в том виде, в котором оно предстает перед нами по материалам раскопок, могло существовать лишь как часть сложной экономической системы, как конечное звено в длинных цепочках товарообмена, связывавшей северные окраины Древней Руси и городские центры Балтики и Волги. Выясняется, что Новгород и города Северо-Восточной Руси, поставлявшие пушнину на международный рынок, были не в состоянии собрать всю необходимую для торговли массу мехов в виде дани, как это нередко представляют. Значительная часть пушнины приобреталась у промысловиков в результате торговли. Довольно неожиданным оказывается тот факт, что организация промысла осуществлялась путем устройства крупных поселений, по-видимому, автономных в своем повседневном жизнеобеспечении, но заинтересованных в приобретении престижных вещей и изделий городского ремесла.

Одним из важных результатов мининского проекта является осознание того факта, что раскопки средневекового поселения сплошной площадью, установка на полное вскрытие памятника, не являются универсальным и наиболее эффективным методом его научного изучения. Раскопки на ограниченных площадях в Минино дали больше реальной информации о селищах, чем значительно более широкие вскрытия площадей на типологически близких памятниках. Ускорение разборки культурного слоя на таком сложном объекте, как Минино, неизбежно повлекло бы за собой потерю значительной части вещевого материала, в том числе бус и предметов из цветного металла, столь важных для датирования. Раскопки половины площади поселения Минино I принятыми темпами заняли бы 150 лет, и дали бы возможность сформировать коллекцию из 125 000 артефактов, т.е. явно избыточную для характеристики одного сельского поселения. Понятно, что

"медленные раскопки" не могут быть универсальной технологией полевых работ, для полноценного изучения любой эпохи необходимо вскрытие значительных площадей, по крайней мере, на некоторых памятниках. Но в реальности при раскопках археолог вынужден выбирать между полнотой пространственного охвата объекта и полнотой исследования его микроструктуры, полнотой сбора артефактов, которая не менее важна для полноценной научной характеристики археологических памятников.

ЛИТЕРАТУРА

Динесман Л.Г., Савинецкий А.Б., 2003. Количественный учет костей в культурных слоях древних поселений людей // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М.

Зайцева И.Е., 2001. Цветной металл. Украшения. Ювелирные мастерские // Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия: Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса. Вологда.

Зайцева И.Е., 2003. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // РА. № 4.

Захаров С.Д., 2001. К вопросу о методике раскопок средневековых поселений // КСИА. Вып. 211.

Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия: Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса. Вологда, 2001.

Макаров Н.А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., 2000. Археологическое изучение севернорусской деревни: Первые итоги раскопок поселения Минино на Кубенском озере // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Докл. междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г.). СПб.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., 2003. Накануне перемен: Сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Праздников В.В., 2001. Предметы христианского культа на поселении Введенское в Ярославской области // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4, т. 2.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-60.

Станкевич И.Л., 1989. К вопросу о датировке древнерусского поселения Введенского // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.

Dyer C., 1997. Material culture: production and consumption // Material culture in Medieval Europe: Papers of the Medieval Europe Brugge 1997 Conference. Zellik. Vol. 7.

А.В. Энговатова

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДСКИЕ НЕКРОПОЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ДМИТРОВСКОГО КРЕМЛЯ

В 2001–2003 гг. Подмосковная археологическая экспедиция ИА РАН проводила охранные раскопки на территории кремля г. Дмитрова. Эти исследования были инициированы масштабными строительными работами по реконструкции и благоустройству зданий кремля (вертикальная планировка, прокладка подземных коммуникаций) в ходе подготовки к празднованию

850-летия города. Всего было вскрыто более 2000 м², а средняя мощность культурного слоя составила 1,2 м.

В ходе археологических работ были исследованы остатки трех городских средневековых грунтовых кладбищ: **некрополь 1**, расположенный около здания Дворянского собрания XIX в., **некрополь 2** в юго-западной части Исторической площади, рядом со зданием Казначейства, и **некрополь 3** около Успенского собора (рис. XIII). Общая вскрытая площадь составила 920 м². Расположение, площадь и конфигурация раскопов были жестко подчинены строительным планам по прокладке коммуникаций, поэтому значительный объем исследований относится к некрополю 1, где вскрыто 532 м²; на некрополе 2, судя по всему, исследована лишь небольшая его часть (207 м²); также частично исследована площадь некрополя 3 (186 м²).

Впервые археологические исследования территории Дмитровского кремля проводились в 1933–1934 гг. Н.П. Милоновым (*Милонов*, 1937; *Никитин*, 1971). К сожалению, до нас дошли лишь отрывочные документальные материалы о результатах этих работ[1]. В 1990-е годы сотрудниками Дмитровского краеведческого музея В.Н. Карасевым и О.В. Хижняковым проводилась шурфовка отложений; тогда же охранные раскопки внутри одного из зданий Дмитровского кремля были осуществлены Московской экспедицией ИА РАН под руководством И.А. Бойцова. Наконец, в 1997 г. проводились археологические исследования территории музея-заповедника "Дмитровский кремль" сотрудником музея В.Н. Карасевым (*Карасев*, 1998).

Помимо охранных функций в задачи исследований Подмосковной экспедиции ИА РАН входили: определение периода бытования средневековых городских некрополей Дмитровского кремля и выделение этапов их функционирования; выяснение места этих некрополей в структуре кремлевской застройки в разные хронологические периоды; выявление особенностей погребального обряда и выделение планиграфических групп погребений. В ходе археологических работ впервые были проведены комплексные антропологические исследования (*Энговатова*, 2002; 2003; 2004).

Городские средневековые некрополи отличаются унифицированным христианским обрядом погребения, что создает препятствия для установления их хронологии. Безынвентарность подавляющего большинства захоронений и стандартность обрядовых характеристик – положения погребенных, ориентировки могильных ям и т.д. – делает крайне затруднительным датирование погребений. Проблемы хронологии средневековых некрополей решаются на основании анализа деталей погребального обряда (*Беляев*, 1994), находок монет в погребениях (*Панова*, 1990; *Новиков, Хухарев*, 1999; *Энговатова и др.*, 2001), типов могильных плит и надписей на них (*Беляев*, 1996; *Новиков, Хухарев*, 1999). Очевидно также, что для создания внутренней периодизации городских кладбищ необходимы поиск объективных критериев для выделения разновременных групп погребений в пределах некрополя и установления их хронологических горизонтов.

[1] Часть коллекции из раскопок Н.П. Милонова хранится в фондах Московского областного музея-заповедника в г. Истра без сопровождающей документации.

Практически на всей исследованной площади стратиграфическая ситуация была сходной: основу верхних напластований составлял серый легкий суглинок с включениями современных строительных отходов (горизонт строительного мусора) и слой перекопов XIX–XX вв., значительно снивелировавших уровень древней дневной поверхности кладбища. Так, на участке некрополя 3 мощность культурного слоя не превышала 20 см. Лишь на юго-западном крае некрополя 1 был выявлен участок с ненарушенной стратиграфией, где мощность культурного слоя составила 25–30 см. Здесь слой темно-серого цвета, содержащий средневековые захоронения, перекрыт слоем серого суглинка с материалом конца XVII – XVIII в., в который были впущены остатки фундамента здания XVIII–XIX вв. Благодаря этому удалось установить верхнюю дату функционирования кладбища. В то же время культурного слоя, предшествующего могильным ямам, по всей вскрытой территории не обнаружено.

Общее распределение было следующим. Из **некрополя 1** происходит 150 ненарушенных погребений; количество погребенных, происходящих из участков с нарушенной стратиграфией и из разрушенных могильных ям, составляет 170 индивидуумов. Из **некрополя 2** происходит 28 костяков, при этом 27 – из ненарушенных могильных ям. Наиболее разрушенным является **некрополь 3**: только 62 из 326 индивидуумов, захороненных здесь, происходят из могильных ям. Таким образом, всего было выявлено 239 непотревоженных захоронений, что является достаточно представительной выборкой (рис. XIII).

Некрополь 1. Общая реконструируемая площадь могильника, исходя из анализа данных археологических исследований 2001–2003 гг., составляет не менее 800–850 м^2. Территория локализуется следующим образом: *южный* и *западный* края некрополя ограничены насыпью вала середины XII – начала XIII в.[2]; восточный его край находится в 4–6 м от здания Дворянского собрания (в раскопе В.Н. Карасева, расположенном в 7 м к югу от здания Дворянского собрания, захоронения отсутствовали); северная часть кладбища нарушена поздними перекопами и точно не определена (*Энговатова*, 2003).

Анализ топографии, стратиграфических отложений, планиграфии и ориентировки погребений, а также деталей погребального обряда, позволил выделить несколько условных хронологических горизонтов функционирования некрополя 1 (рис. 1). К наиболее ранним, датируемым XII–XIII вв., относятся погребения, сконцентрированные в центральной части некрополя. Планировка их рядовая, вытянутая по линии СЗ–ЮВ, могильные ямы в целом ориентированы по направлению ЮЗ–СВ. В плане ряды захоронений сосредоточены вокруг свободной площади размерами 9 × 9 м, в основном с северной и северо-восточной ее сторон. К этому хронологическому горизонту относятся девять погребений, в том числе захоронение ребенка 10–12 лет, в котором обнаружен уникальный комплекс погребального инвентаря: во-

[2] В результате археологических работ было определено время сооружения вала и выявлены жилищные комплексы X–XI вв., перекрытые насыпью (*Энговатова*, 2003).

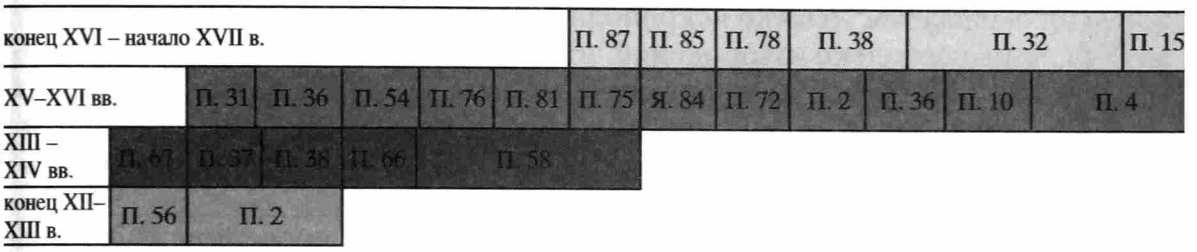


Рис. 1. Стратиграфические колонки погребений некрополя 1

семь перстнеобразных и два серебряных трехбусинных височных кольца с полыми бусинами, украшенными зернью и сканью, золототканый воротник и две стеклянные бусины (*Энговатова, Гончарова,* 2002. С. 210, 211). Подобный комплекс находок позволяет датировать это погребение XII – началом XIII в. (*Седова,* 1981). К этому же периоду относятся три погребения, в которых зафиксированы остатки берестяных погребальных конструкций и фрагменты золототканой одежды (*Энговатова, Гончарова,* 2002. С. 210–218).

Безынвентарные погребения, расположенные в центральной и южной частях некрополя и перекрывающие погребения домонгольского времени, датируются XIII–XIV–XVII вв. Отсутствие четких хронологических индикаторов не позволяет решить проблему внутренней хронологии этой группы погребений. Вместе с тем, детальный анализ данных стратиграфии и планиграфии, использование таких признаков, как ширина и ориентировка могильных ям, приуроченность погребений с одинаковыми векторами ориентации к определенным участкам кладбища, позволяет в ряде случаев определить последовательность сооружения отдельных могил и выявить планиграфически единые группы погребений. Соответственно, количество реконструируемых этапов (горизонтов) в истории функционирования некрополя будет напрямую зависеть от количества выделенных планиграфических групп и случаев последовательной стратиграфии между захоронениями разных групп. Выделение хронологических горизонтов позволяет в некоторых случаях проследить изменения деталей погребального обряда. Результатом такого анализа погребений, датируемых в рамках XIII–XIV – XVII вв., является их разделение на несколько хронологических горизонтов: захоронения XIII–XIV вв., XV–XVI вв. и конца XVI–XVII в. Существенную роль, помимо данных стратиграфии и планиграфии, здесь играет ориентировка погребений, зависящая от ориентировки сторон церкви, рядом с которой расположен некрополь (*Новиков, Хухарев*, 1999).

Захоронения XIII–XIV вв. расположены в центральной и юго-восточной части некрополя 1. Планировка их рядовая, в общих чертах повторяет планировку захоронений горизонта XII–XIII вв. Группа демонстрирует определенное планиграфическое единство и близость параметров могильных ям (глубина и ширина).

Планиграфически погребения XV–XVI вв., совершенные в узких могильных ямах и ориентированные в направлении ЮЗ–СВ, сконцентрирова-

ны на юго-западном участке некрополя 1. На северо-восточном участке выявлено лишь несколько захоронений, относящихся к этому хронологическому горизонту. Погребения, датируемые концом XVI–XVII в., в общих чертах повторяют планировку предыдущей группы. Отличительными чертами захоронений этого горизонта являются тенденция к большей ширине могильной ямы и ориентировка в направлении ЮЮЗ.

В плане захоронения XV–XVII вв. окружают свободную площадь размерами 12 × 12 м. Можно предположить, что она являлась местом деревянной церкви в честь Дмитрия Солунского, которая была построена, по мнению Г.В. Попова, в середине – второй половине XII в. (*Попов*, 1972). Аналогичная планиграфическая ситуация была зафиксирована при раскопках некрополя в г. Твери, где свободная от захоронений площадь в центре кладбища также интерпретируется как местонахождение деревянной наземной церкви (*Хохлов*, 1997; *Новиков, Хухарев*, 1999). Увеличение размера свободной площади и концентрация захоронений XV–XVII вв. на юго-западном участке кладбища косвенно свидетельствуют об изменении первоначальных размеров или местоположения церкви (рис. XIV, XV).

По-видимому, в период с XVI по XVII в. церковь Дмитрия Солунского прекратила свое существование, так как в городской переписи 1646 г. в Дмитровском кремле значится один Успенский собор (*Холмогоров В., Холмогоров Н.*, 1913; *Яганов, Рузаева*, 2003. С. 14, 15). Вероятно, исследуемое кладбище возникло и функционировало в связи с церковью и прекратило свое существование вместе с "упраздненной" Димитриевской церковью (*Касаткин*, 1895).

Некрополь 2 расположен в центральной части Дмитровского кремля, на юго-западной стороне Исторической площади (вскрыто 207 м²). Заметное различие погребений по параметрам и ориентировке могильных ям, планиграфические особенности, стратиграфическое положение позволили разделить массив захоронений на два хронологических горизонта: погребения, датируемые XVI в., и погребения XVII в. Исследованная часть погоста, вероятно, начала использоваться для совершения захоронений в начале XVI в. Могильные ямы второго хронологического горизонта смещены по отношению к захоронениям первого к юго-востоку. К сожалению, на основании имеющихся данных говорить о размерах и общей планиграфии некрополя 2 не представляется возможным. Вероятно, это кладбище также было "прикреплено" к одной из церквей Дмитровского кремля – известной по фрагменту сотной выписи города Дмитрова 1624 г. церкви Воздвижения Креста Господня (*Касаткин*, 1895; *Яганов, Рузаева*, 2003. С. 15).

Некрополь 3 расположен в восточной части Дмитровского кремля, около Успенского собора. Общая вскрытая площадь составила 186 м². Результаты анализа стратиграфии захоронений, параметров могильных ям, их ориентировки, данных планиграфии позволили также выделить условные хронологические горизонты на некрополе около Успенского собора (рис. 2).

Древнейшая часть некрополя представлена тремя захоронениями и датируется XII–XIII вв. Могилы расположены достаточно компактно, устроены по принципу рядовой планировки, характерной для всех периодов бытова-

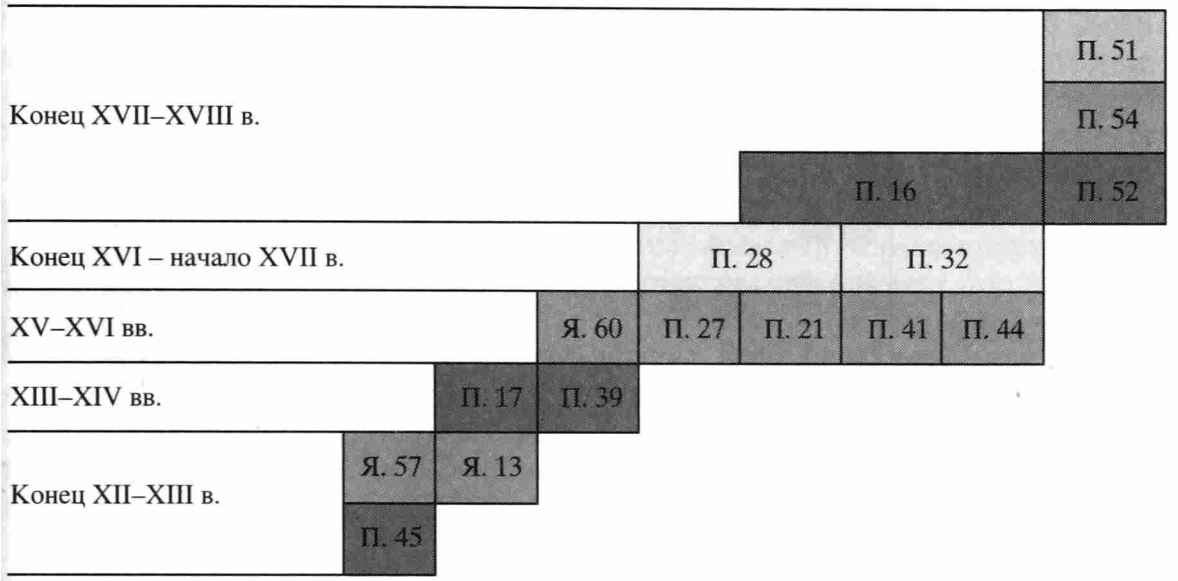


Рис. 2. Стратиграфические колонки погребений некрополя 3

ния кладбища. Погребения концентрируются в центральной части исследованной площади некрополя. Находки в заполнении могильных ям этого времени – височные кольца, фрагмент золототканого очелья, остатки бересты (берестяных гробовищ) (рис. 3).

Захоронения, выделенные в горизонт XIII–XIV вв., планиграфически смещены от первоначального "ядра" к северо-востоку. Сохраняется рядовая планировка, кладбище вытянуто длинной осью по линии СВ–ЮЗ. В составе погребального инвентаря здесь встречены железное язычковое кресало, пряжки из медного сплава, бронзовые пуговицы.

Наибольшее число захоронений некрополя 3, выделяющихся по своим параметрам (небольшой ширине), относится к XV–XVI вв., времени постройки каменного Успенского собора (*Яганов, Рузаева*, 2003. С. 31–33, 55–101). Количество погребений этого времени превышает в 2–3 раза количество захоронений в других горизонтах: могильные ямы распространены по всей исследованной площади некрополя (за исключением его юго-западной части). Захоронения XV–XVI вв. нарушают погребения предшествующего горизонта и прорезаются, в свою очередь, тремя могилами конца XVI – XVII в., которые расположены по краю захоронений горизонта XV–XVI вв. и выделяются одинаковой глубиной (160 см).

Захоронения, датируемые XVIII в., расположены в основном в центральной части кладбища. В целом, традиция совершения захоронений на кладбище у Успенского собора постепенно затухает и прекращается, скорее всего, в конце XVIII в.

Антропологические данные. Общая численность останков определялась суммированием количества достоверно определенных погребений и фрагментов захоронений, происходящих из разрушенных могильных ям. Анализ различных антропологических признаков (краниология, морфология скеле-

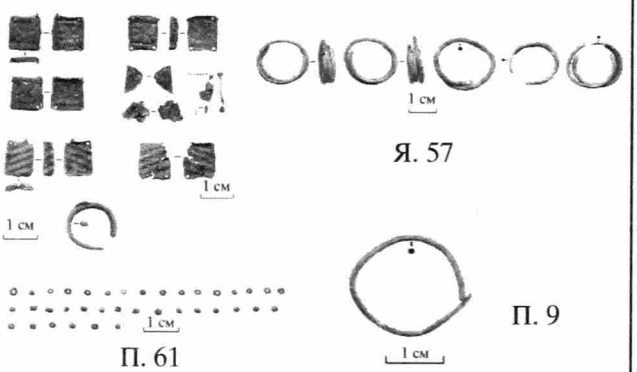
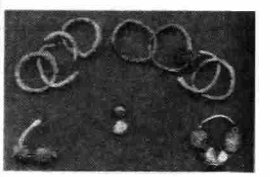
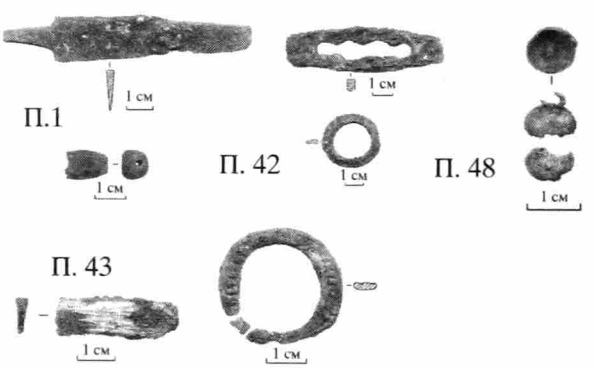
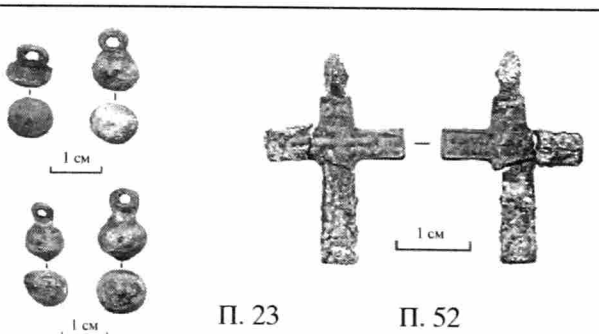
Горизонт	Дата	Инвентарь	
		Некрополь 3	Некрополь 1
1	XII–XIII вв.		 Р. 3 П. 17
2	XIII–XIV вв.		
3	X–XVI вв.		 Р. 3 П. 7
4	Конец XVI–XVII в.		
5	XVIII в.		

Рис. 3. Инвентарь погребений некрополей 1 и 3

та, палеопатология и др.), проведенный специалистами ИА РАН Д.В. Богатенковым и Н.Н. Гончаровой, позволил сделать ряд интересных наблюдений (*Гончарова, Энговатова*, 2004). Так, некоторые группы погребений некрополя 1 представляют собой семейные захоронения – здесь наибольший процент встречаемости генетических аномалий. Не вызывает сомнения, что он является местом погребения той части населения Дмитрова, которая обладала достаточно высоким социальным статусом и представляла собой относительно замкнутую в генетическом отношении популяцию – совокупность нескольких родов, антропологические особенности которых сохранялись у ряда поколений. Наибольший интерес в свете этих данных вызывает наличие здесь признаков таких стрессогенных факторов, как недостаток витаминов и микроэлементов, избыток грубоволокнистой пищи; в женских захоронениях отмечается частая встречаемость следов "холодового" стресса.

В некрополе 3 эти показатели иные – население жило в более комфортных диетарных условиях. Можно даже говорить о разнообразном питании, однако высокое число инфекций одновременно говорит о худших санитарных условиях жизни. Отсутствие следов "холодового" стресса у женщин из некрополя 3 объяснимо бытовыми особенностями существования мужчин и женщин (в частности, запретом для женщин появляться на улице с непокрытой головой).

В погребениях некрополей 1 и 3 отмечен достаточно невысокий уровень так называемого "бытового" травматизма, в первую очередь, в детской и женской группах. У мужчин наиболее типичны "бытовые" травмы лицевой области – зажившие переломы носа и нижней челюсти, выбитые передние резцы, характеризующие последствия кулачных боев[3]. Среди погребенных некрополя 3 отмечено несколько индивидов мужского пола, для которых удается определить непосредственную причину смерти – это черепные травмы, связанные, скорее всего, с военной деятельностью. В серии также встречен случай трепанации черепа (мужчина 45–50 лет), проведенной, вероятно, в лечебных целях.

Средний возраст погребенных в некрополях 1 и 3 Дмитровского кремля установлен в пределах 30–40 лет, при этом в детской выборке не отмечено случаев захоронений детей младше 5 лет. Отметим, что процент детской смертности несколько ниже аналогичных показателей других исследованных городских некрополей (*Дубов, Дубова*, 2000). По материалам некрополя 2 отмечено некоторое увеличение продолжительности жизни в XVI–XVII вв. – средний возраст захороненных здесь колеблется в пределах 40–50 лет.

В целом можно говорить об относительно комфортных условиях быта изученной группы некрополя 1 и, возможно, о ее высоком социальном статусе. Особенности травматизма в некрополе 3 говорят о том, что существовала группа индивидов, находившихся на военной службе; в то же время уве-

[3] Вместе с тем, частота травм довольно низкая.

личение показателей травматизма лицевого отдела в женской группе говорит о большем бытовом характере травм. Налицо очевидная смена населения: некрополь 1 можно охарактеризовать как сообщество индивидов высокого социального статуса, среди которых выделяются группы индивидуумов с большой однородностью краниологических признаков, связанных между собой кровными узами. Население некрополя 3 более перемешано, его социальный статус, вероятно, более низкий, хотя уровень комфортности жизни вырос.

Анализ данных приводит к заключению, что изученное население Дмитрова XII–XIII вв. (некрополи 1 и 3) являлось, безусловно, восточнославянским. Оно имеет ряд особенностей и отличается от соседних племен вятичей и кривичей. Это отличие свидетельствует о совершенно иной антропологической основе. Совокупность его краниологических характеристик позволяет говорить, что в антропологическом типе есть следы южнославянского (точнее – южноевропеоидного) влияния. А некрополь 2, возможно, представляет население, имеющее в своем составе некоторую восточнофинскую составляющую.

Выводы. Наиболее ранние захоронения на территории Дмитровского кремля исследованы на некрополях 1 и 3 и относятся, скорее всего, ко второй половине XII – XIII в. Их интересной особенностью является одинаковая ориентировка могил домонгольского времени. В составе погребального инвентаря захоронений Дмитровского кремля этого периода находятся предметы, находки которых не единичны в погребениях XII – первой половины XIII в. Несомненно интересной находкой являются накладки из погребения 61 некрополя 3, изготовленные из цветного металла, аналогии которым в погребальном инвентаре нам не известны (рис. 3).

В дальнейшем территория обоих кладбищ увеличивается. При перестройке (?) церкви Дмитрия Солунского на рубеже XIV–XV вв. территория домонгольского кладбища (некрополь 1), видимо, оказывается как раз под ней. С домонгольского этапа и вплоть до конца XVII в. наблюдается синхронное развитие обоих погостов. Интенсивность функционирования некрополей 1 и 3 постепенно увеличивается и в XV–XVI вв. достигает своего максимума: на некрополе 1 исследовано 75 захоронений этого периода, на некрополе 3 – 23 погребения. На это же время приходится и стандартизация обряда положения рук погребенного. Если для погребений XII–XIII вв. положение рук, согнутых в области живота, составляло лишь 60% исследованной выборки, то к XV–XVI вв. доля этого обряда заметно увеличивается и достигает 80%. Помимо стандартного положения рук, согнутых в области живота, для всех хронологических горизонтов (кроме горизонта XVII–XVIII вв.) характерно положение рук, вытянутых вдоль тела.

В конце XVI–XVII в. четко прослеживается спад в динамике развития этих погостов. В это время уже функционирует и погост 2. Видимо, в связи с тем, что каменный Успенский собор в XVI в. стал центральным храмом Дмитрова, на рубеже XVI–XVII вв. некрополь 3 перешел в разряд кладбищ для лиц с особым статусом. Не исключено также, что к этому времени уже были упразднены церкви Воздвижения Креста Господня

и Великомученика Димитрия, в связи с которыми функционировали некрополи 1 и 2 (*Яганов, Рузаева*, 2003. С. 14, 15). Общая тенденция сокращения числа городских погребений в XVII–XVIII вв. со всей очевидностью свидетельствует о превращении городских церковных кладбищ в места захоронений элиты.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т.И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.

Беляев Л.А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии (конец XIII – начало XV в.) // Материалы и исследования по истории Москвы. М. Т. 6.

Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.

Бужилова А.П., 1995. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.

Гончарова [Н.Н.], Энговатова [А.В.], 2004. Население средневекового Дмитрова: экологические аспекты исследования // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. М.

Дубов А.И., Дубова Н.А., 2000. Антропологическая характеристика четырех краниологических серий из средневековых некрополей Москвы // Народы России: от прошлого к настоящему. М.

Карасев В.Н., 1998. Отчет об археологическом исследовании на территории музея-заповедника "Дмитровский кремль" в 1997 г.: Работы в Московской области (г. Дмитров) // Архив ИА РАН. Р-1. № 19900. Л. 179, 180.

Касаткин Д.В., 1895. Сказание о древнем чудотворном Кресте Господнем, находящемся в Успенском соборе города Дмитрова Московской губернии. Дмитров.

Милонов Н.П., 1937. Дмитровское городище: Кремль города Дмитрова // СА. № 4.

Никитин А.В., 1971. К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933–1934 гг.) // Древности Московского кремля. (МИА; Вып. 167.)

Новиков А.В., 1997. К хронологии некрополя у церкви Алексея – Человека Божия на Затьмацком посаде г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.

Новиков А.В., Хухарев В.В., 1999. Монеты из погребений некрополя у церкви Алексея – Человека Божия // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 3.

Панова Т.Д., 1990. Городской погребальный обряд средневековой Руси (XI–XVI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Панова Т.Д., 2003. Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна. М.

Попов Г.В., 1972. Из истории древнейшего памятника города Дмитрова // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.

Попов Г.В., 1973. Художественная жизнь Дмитрова в XV–XVI вв. // Москва и искусство Московских уделов. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Холмогоров В., Холмогоров Н., 1913. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. (Дмитровская десятина). М. Вып. XI.

Хохлов А.Н., 1997. О местоположении церкви Алексея – Человека Божия в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.

Энговатова А.В., 2002. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитрове Московской области в 2001 г. (на временном хранении в ОПИ ИА РАН).

Энговатова А.В., 2003. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитрове Московской области в 2002 г. (на временном хранении в ОПИ ИА РАН).

Энговатова А.В., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках в кремле г. Дмитрова Московской области в 2003 г. (на временном хранении в ОПИ ИА РАН).

Энговатова А.В., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Филберт В.Н., 2001. Предварительные результаты биоархеологического исследования погоста XV в. в г. Можайске // Практика и теория археологических исследований: Тр. Отдела охранных раскопок. М.

Энговатова А.В., Гончарова Н.Н., 2002. Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории кремля г. Дмитрова // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка): Тр. Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. М. Т. 1.

Яганов А.В., Рузаева Е.И., 2003. Успенский собор в Дмитрове. М.

В.Л. Янин

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Открытие в Новгороде в 1951 г. берестяных грамот и ежегодное пополнение их фонда привело к тому, что к концу полевого сезона 2003 г. число новых текстов XI–XV вв. достигло 950. За это же время 90 берестяных документов было обнаружено при раскопках еще десяти древнерусских городов.

О научном значении этого нового источника написано немало. Сейчас мне хотелось бы остановиться лишь на одном аспекте его возможностей. До сих пор фундаментом основных наших знаний о средневековом прошлом Руси являются летописи. Древнейший летописный свод, сохранившийся до нашего времени, датируется концом XIII столетия. В его основе лежат более ранние летописные источники, но в результате многократного редактирования они кое-что утратили из достоверного материала, а кое-что приобрели из материала недостоверного.

Однако следует обратить внимание еще на одну особенность летописей. Внимание летописцев всегда было избирательным. Их интересовали события неординарные: началась или кончилась война, умер князь, на святительской кафедре появился новый владыка, произошел губительный пожар, началась эпидемия или эпизоотия, неурожай вызвал голод и дороговизну, наблюдалось затмение солнца или явление кометы... Повседневность, хорошо известная отцам, дедам и прадедам, оставалась, как правило, за гранью внимания летописцев, – так же как и простые люди, не носившие высоких титулов. Листая страницы новгородских летописей, мы познакомимся с вереницами княжеских и епископских имен, узнаем, кто и в какое время был посадником или тысяцким, но лишь в исключительных случаях встретимся с человеком, не облеченным властью. А если и встретимся, то не узнаем, чьим он был сыном и внуком и чьим он стал отцом и дедом.

Между тем именно берестяные грамоты оказались таким источником, который содержит многие сотни имен неведомых прежде новгородских горожан и сельских жителей. Если грамота сохранилась полностью или от нее уцелела хотя бы начальная строка, то в ней, как правило, мы прочтем имя автора послания и его адресата. Однако и помимо адресной формулы текст

берестяного документа часто называет имена других лиц, идет ли речь о каком-либо деловом или бытовом поручении к ним или же о взыскании с них долгов. Коль скоро в настоящем очерке речь пойдет о находках на Троицком раскопе в Людином конце Новгорода, сразу замечу, что только в слоях XII в. на этом раскопе мы познакомились примерно с двумя сотнями жителей Новгорода того времени. Иногда берестяная грамота называет имена известных из летописных рассказов лиц. Мы особо ценим такие документы: они дают возможность подтвердить или уточнить датировку тех комплексов (культурных напластований, построек, усадеб), из которых были извлечены. Но чаще всего встречаются имена неизвестных ранее людей – бояр, ремесленников, дворовой челяди, простых горожан и крестьян. Находка каждого берестяного документа всякий раз вызывает не только радость от приращения знаний отдаленного прошлого, но и сильный эмоциональный стресс от сознания некоего происходящего на наших глазах "оживления". Шестьсот или восемьсот лет тому назад жил, радовался и горевал человек, имя которого еще помнили его внуки, а правнуки вряд ли могли знать, если оно не было записано в семейные синодики. Спустя какое-то время ни одна душа на планете уже не знала о его былом существовании. И вот сегодня мы читаем написанное им или адресованное ему письмо и проникаем в его сиюминутные заботы!

Стресс оказывается еще более сильным, когда, познакомившись однажды с таким человеком после его многовекового отсутствия в памяти человечества, мы снова и снова находим адресованные ему или написанные им письма. Но сначала мне следует рассказать коротко о Троицком раскопе, где минувшим летом произошла одна из таких замечательных встреч.

Работы на этом раскопе, расположенном на Софийской стороне Новгорода поблизости от кремля (Детинца), ведутся уже 31 полевой сезон. Первоначально этот раскоп имел площадь 320 м². С каждым годом по исчерпании исследованного участка к нему прирезались новые, и сейчас изученная им городская территория достигла 7200 м². В границах раскопа обнаружены многоярусные мостовые трех древних неоднократно упомянутых в летописи улиц – Пробойной, Черницыной и Ярышевой. По сторонам этих улиц исследованы раскрытые полностью или частично 15 средневековых усадеб, в напластованиях которых наряду с сотнями тысяч древних предметов найдено около 400 берестяных грамот.

* * *

Начало работ на Троицком раскопе в 1973 г. ознаменовалось находкой восьми берестяных грамот. Семь из них (№ 502–508) были обнаружены в слоях рубежа XII–XIII вв. С грамоты № 502 началось наше долгое знакомство с двумя выдающимися людьми средневекового Новгорода. Но сначала нужно воспроизвести ее текст:

"От Мирслава к Олисьеви ко Грициноу. А тоу ти вънидьте Гавъко полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь витаеть. Ать ти видьло, како ти было я Ивана ялъ, постави и пьрьдъ людьми, како ти взмоловить" (*От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спроси у него, где*

он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, которых он назовет).

Перед нами, как это очевидно, записка, посланная одним из участников судебного разбирательства другому по делу некоего Ивана, арестованного Мирославом. Мирослав советует Олисею Гречину задать вопрос некоему жителю Полоцка Гавке, в котором можно предположить истца по этому делу. И характер судебного дела, и перспективы его исчерпания остались далеко за гранью этого текста. Единственное, что прояснилось достаточно быстро, – должностное положение автора и адресата записки. Оно сделалось несомненным после находки в 1982 г. берестяной грамоты № 603, обнаруженной в тех же напластованиях рубежа XII–XIII вв.:

"От Смолигу къ Грецинови и к Мирославоу. Вы ведаета, оже я тяже не добыле. Тяжя ваша. Нынеча жена моя заплатила 20 гривнъ, оже есть посоулили Давыдови князю" (*От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы знаете, что я тяжбы не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые посулили князю Давыду*) (*Янин, Зализняк*, 1986. С. 66, 67) .

Снова судебное дело, вершителями которого оказываются те же Мирослав и Гречин.

Историки древнерусского права давно уже выяснили, что в рассматриваемое время в Новгороде существовал только "сместной" (совместный) суд князя и посадника, которому подлежали любые конфликтные – и гражданские, и уголовные – дела. Формально главой такого суда был князь, утверждавший решение суда своей свинцовой печатью и получавший за это "печатную пошлину", однако, согласно принятому еще в первой половине XII в. порядку, князь не имел права "кончать суд без посадника", которому, таким образом, принадлежал не формальный, а действительный приоритет. Тем более что резиденция князя находилась в трех верстах от Новгорода на Городище, и его участие в разборе многочисленных мелких дел не было обязательным: он в сместном суде чаще всего бывал представлен княжеским доверенным лицом ("биричем") из числа авторитетных новгородцев.

Если это так, то один из адресатов грамоты № 603 и участников переписки в грамоте № 502 был посадником, а другой биричем. Вопрос, "кто есть кто", решается просто. В конце XII в. новгородским посадником был Мирошка (Мирослав) Несдинич, обладавший этой должностью с 1189 до смерти в 1204 г. Значит, в Олисее Гречине следует видеть бирича, княжеского представителя из числа знатных новгородцев.

Об Олисее Гречине нам довелось узнать очень много, поскольку в пределах Троицкого раскопа была полностью исследована принадлежавшая ему усадьба. Выяснилось, что он был сыном другого бирича – Петра (Петрока) Михалковича, действовавшего в середине XII в., и, таким образом, наследовал эту должность. Олисей был священником, а в 1193 г. претендовал на должность новгородского епископа. Многочисленные адресованные ему грамоты раскрывают принадлежавший ему талант художника-иконописца (на его усадьбе обнаружены остатки иконописной мастерской). Он также расписывал храмы фресками, о чем летопись сообщила под 1196 г. Изучение связанных с ним материалов позволило прийти к выводу, что он был

главой артели новгородских художников, создавших величайший фресковый ансамбль древней Руси в церкви Спаса Преображения на Нередице 1199 г. (*Колчин, Хорошев, Янин,* 1981).

Имена Мирослава и Олисея Гречина, таким образом, вырвались за пределы летописного рассказа. Их биографии пополнились сведениями берестяных грамот и многочисленных вещей, служивших им при жизни, сохранившихся в земле и ставших теперь достоянием науки. А что же Гавко-полочанин? И Иван, арестованный посадником Мирошкой Несдиничем? Стали ли известными подробности связанного с ними конфликта?

Этих подробностей довелось ждать ровно тридцать лет. Правда, еще в 1997 г. в слоях последней четверти XII в. на Троицком раскопе был найден обрывок берестяной грамоты, получивший номер 803. Начинался он словами: "Покланяние отъ Братиле къ За(виду?)... (Мьрь)тве ти Полотьске Д(...)". Некий Братила сообщает, что в Полоцке умер какой-то человек, несохранившееся имя которого начинается на букву Д. Разумеется, никаких ассоциаций с грамотой № 502 тогда не возникло, кроме того, что автор письма Братила, подобно Гавке, каким-то образом связан с Полоцком.

И вот наступило лето 2003 г. В слоях рубежа XII–XIII вв. на Троицком раскопе, отметившем свое тридцатилетие, найдено десять берестяных документов. О трех из них надлежит рассказать подробно.

24 июня из земли была извлечена берестяная грамота № 934 – главная в сегодняшнем рассказе. Но ее прочитать и понять удобнее после ознакомления с двумя последующими находками...

25 июня была найдена берестяная грамота № 935 (рис. 1): "У Фьдора 2. У Василя 10. У Фьдора 8. У Гавориле 4. У Сидора 4. У смьрьдо 4. У Соутимира 10. У Гюрьгева старости 10. А у Бориса 5. У Грицина 4. У Якима 29. У Григе со Радятою 30". На первый взгляд, мало интересный список то ли должников, то ли вкладчиков в какое-то общее дело. Однако привлекает внимание вторая часть документа, начинающаяся союзом "а" и включающая ряд имен, неоднократно промелькнувших в ранее найденных берестяных текстах. У Мирошки Несдинича, как об этом сообщает летопись, был сын Борис. Если в грамоте № 935 фигурирует не он, а какой-то другой Борис, то это имя встречено в грамотах № 581, 671, 819 (и, возможно, 714, 806) Троицкого раскопа, найденных в напластованиях последней трети XII – первой четверти XIII в., что идентифицирует его как местного жителя. Гречин хорошо известен нам как житель исследуемого участка Новгорода. Яким – автор берестяной грамоты № 735, найденной на Троицком раскопе в слое второй половины XII в. Имя Радяты ассоциируется с Радятиной улицей, на которой расположена раскапываемая в 2003 г. усадьба. Имя Радята встречено в грамотах № 714, 719 и 806 XII в. на Троицком раскопе. Многие улицы средневекового Новгорода назывались по именам живших на них первопоселенцев. В этой связи уместно заметить, что Радятина улица в летописи впервые упоминается под 1211 (6719) г. (НПЛ, 1950. С. 52, 250; *Арциховский, Янин*, 1978. С. 96–99).

Если вторая часть документа этими именами прямо связана с той территорией, на которой уже тридцать лет ведутся раскопки, то перечень имен

первой его части остается загадочным. Однако именно в этой первой части фигурирует некий "Гюргев староста", под которым возможно понимать только церковного старосту Георгиевского храма.

В Новгороде существовали три Георгиевские церкви. Одна из них расположена в Неревском конце, другая – около Торга; обе они никак не связываются с усадьбами Троицкого раскопа. Но третья, находящаяся в Юрьевом монастыре и бывшая его соборным храмом, стала в 1204 г. местом почетного погребения Мирошки Несдинича. Не является ли грамота № 935 списком участников торжественного поминания умершего посадника и их вклада в этот поминальный обед? Даже если это предположение и не подтвердится, очевидно, что мы имеем дело с документом, происходящим из того же комплекса, что и другие грамоты, упоминающие Мирослава и Олисея Гречина.

2 июля была найдена фрагментированная грамота № 936 (рис. 2) – начало письма:

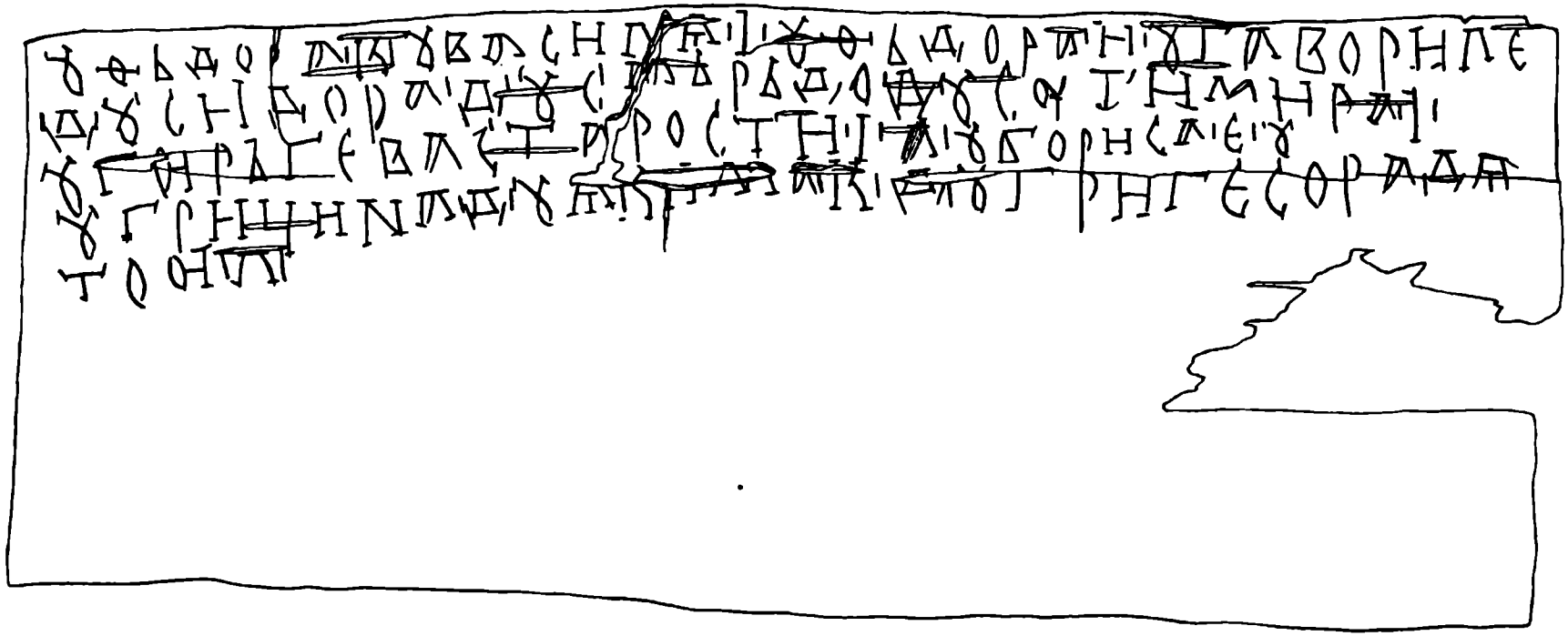
"Оть Ивана къ Мирошеке же. То п(ерво)... вицахъ. А тое моне Лоуке...". Несмотря на отвратительную сохранность текста, имеются основания догадаться, что автором письма, адресованного снова к посаднику Мирошке ("къ Мирошеке же"), является тот самый Иван, который фигурирует в грамоте № 502 как арестованный посадником. Основанием идентификации оказывается упоминание Луки. Человек, носящий такое имя и связанный с Мирошкой, упомянут в летописи под 1200 г. в рассказе о сражении новгородцев с литовцами. Среди погибших в этом сражении назван Лука "Мирошкинъ отрок" (НПЛ, 1950. С. 45, 239). "Отроком" в средневековом Новгороде называли судебного исполнителя. Само присутствие Луки в цитированном тексте связывает автора этого текста Ивана с неким судебным делом.

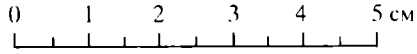
Следует заметить, что в том же сражении погиб еще один человек из числа известных нам жителей Людина конца – того его участка, на котором тридцать лет ведутся раскопки. Имеется в виду "Страшко серебреник весец" (НПЛ, 1950. С. 45, 239). В найденной в 1997 г. грамоте № 780 (небольшом обрывке) упомянуты "графья" (т.е. абрис будущей фресковой или иконной композиции) и имена мастеров, среди которых фигурирует Страшко. Как показали раскопки усадьбы Олисея Гречина, в его иконописной мастерской работали не только живописцы, но и мастера по производству серебряных иконных окладов.

Зная подробности показаний грамоты № 936, мы можем вернуться к находке 24 июня. Вот текст берестяной грамоты № 934 (рис. 3):

"+От Дъмашеке къ Братиле. Иди око стоя во гърод̀ъ. Выправиле ти есмъ сыно съ Гавошею" (*От Домашки к Братиле. Иди в город немедленно. Я уладил [дело] сына с Гавшей*).

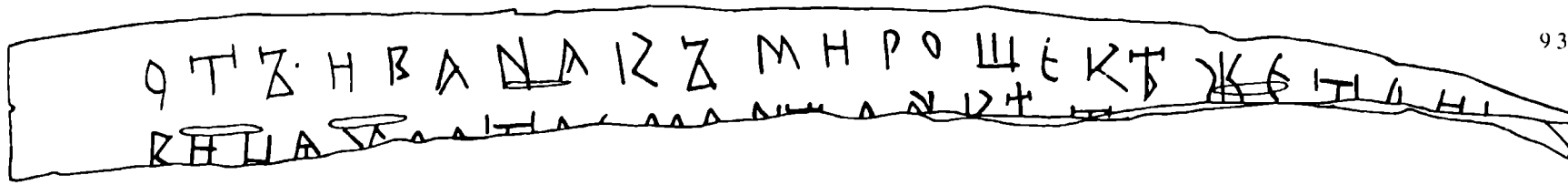
Два персонажа этой грамоты нам уже хорошо известны. Гавша – уменьшительное от Гавриила, Гаврилы – другой вариант такого же уменьшительного Гавка. Братила, как и Гавка (Гавша), – человек, каким-то образом связанный с Полоцком. Кто же названный здесь "сын"? Очевидно, что он сын связанного с Полоцком Братилы. Логично отождествить его с Иваном, который выступает ответчиком по делу, возбужденному Гавкой, и вынужден писать посаднику Мирошке, ссылаясь на его судебного исполнителя Луку.





Н – 2003
ТР – XIII – Б
Пл. 7(–134), кв. 1642, № 21, 22
25 июня

Рис. 1. Берестяная грамота № 935. Прорись

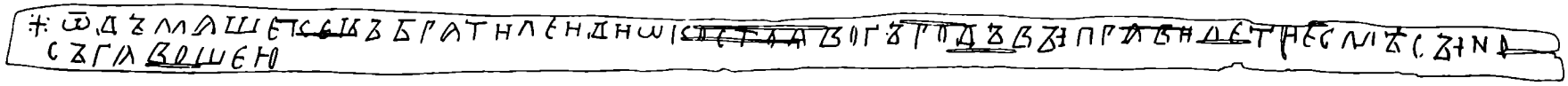


936.

0 1 2 3 4 5 см

Н – 2003
ТР – XIII – Б, пл. 7, гл. 133, кв. 1648, № 92
2 июля

Рис. 2. Берестяная грамота № 936. Прорись



0 1 2 3 4 5 см

Н – 2003
Тр. – XIV – вост. траншея
Пл. 10 (ящ.), кв. 1788, № 5
24 июня

Рис. 3. Берестяная грамота № 934. Прорись

В этой связи любопытно будет выяснить положение автора грамоты № 934 Домашка. Почему этот человек имел возможность уладить конфликтное дело, рассматривавшееся в сместном суде князя и посадника? Его имя встретилось в грамоте № 657, найденной на Троицком раскопе в 1985 г. в слоях второй половины XII в., и в грамоте № 926, найденной там же в 2002 г. в слоях второй половины XII – начала XIII в. Наиболее значительна грамота № 657:

"+Покланяние от Пелаге ка Афимие. Сь святое дьля Варъвре вьверице твое въ городь от Домацка, а оу Жиреслава соуть. А потоснися въ городъ. А святое Варъварь тьлица сторова ли" (*Поклон от Пелаге Офимье. Вот, деньги твои от Домачка для монастыря святой Варвары в городе, а лежат у Жиреслава. Поспеши же в город. А телка святой Варвары здорова ли*?) (*Янин, Зализняк*, 1993. С. 50, 51).

Монастырь святой Варвары находился в ближайшем соседстве с территорией, исследованной Троицким раскопом. Пелага (Пелагея) и Афимия (Офимья) – монахини, одна из которых (Пелагея) находится не в городе (Новгороде). Однако ей известно, у кого хранятся деньги, полученные от Домачка (Домашка) для Варварина монастыря. Очевидно, что Домашко был богатым и авторитетным человеком, к мнению которого могли уважительно прислушаться даже главные судьи Новгорода.

Домашко – уменьшительное от Домаслав, Доманег или Домажир. В слоях конца XII в. на Троицком раскопе в 1989 г. была найдена грамота № 705, написанная Домажиром (*Янин, Зализняк*, 1993. С. 95–98), а в 1991 г. – грамота № 726, адресованная Домажиру (*Янин, Зализняк*, 2000. С. 26, 27). Однако на Троицком раскопе во второй половине XII в. в грамотах встречены имена и Домаслава, и Доманега, и Домана, и любой из них мог бы быть Домашкой, а не только Домажир.

Так спустя тридцать лет мы узнали о благополучном завершении столь давнего судебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А.В., Янин В.Л., 1978. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.

НПЛ, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1993. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 2000. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М.

Н.А. Кренке

ИТОГИ РАСКОПОК НА "РОМАНОВОМ ДВОРЕ" В МОСКВЕ

В 2002 г. завершился один из наиболее крупных археологических проектов, осуществленных в последние десятилетия в историческом центре Москвы, – раскопки территории двора за старым зданием Московского университета (Моховая, 9) в квартале 41, который ограничивают улицы Большая Никитская, Моховая и Романов переулок[1].

В задачи настоящей статьи входит краткое описание основных результатов работ, при этом наибольшее внимание уделено реконструкции палеорельефа и стратиграфии культурного слоя.

Письменные источники относительно полно характеризуют территорию нынешнего квартала 41, начиная только со второй половины XVI в. Так, известно, что здесь находилось владение князя Михаила Темрюковича Черкасского, двор которого значится сгоревшим в 1564 г. (*Тарабрин*, 1936).

В 1566 г. на данном участке был возведен грандиозный комплекс Опричного двора, имевшего, по описаниям Г. Штадена, размеры 260 × 260 м (*Штаден*, 1925. С. 107). Относительно конкретной локализации Опричного двора в исторической литературе высказывались различные предположения. Амплитуда "перемещений" Опричного двора, согласно различным версиям его локализации, достигала нескольких сотен метров. Археологические данные об Опричном дворе, полученные до раскопок в квартале 41, давали лишь гипотетическую информацию (*Кондратьев, Кренке*, 2003. С. 506, 507).

В конце XVI в. Опричный двор "растворился" в городской застройке. Планы конца XVI – начала XVII в. (в том числе очень детальный "Сигизмундов план Москвы") фиксируют существующие и поныне улицы Воздвиженку и Большую Никитскую, которые соединяла сеть переулков с нарезкой на значительно более мелкие дворовые участки, чем размеры Опричного двора.

В первой половине XVII в. в этом квартале располагался двор бояр Романовых, принадлежавших к нецарственной ветви рода и получивших во владение эту территорию "не позднее 1605 г.", видимо, от Самозванца (*Лаврентьев*, 2000. С. 43). В 1640-е (?) годы был вычерчен схематический план Романова двора, который неоднократно публиковался (*Ламанский*, 1861; *Пушкин*, 1914).

Название "Романов двор" превратилось в устойчивый московский топоним, известный по документам второй половины XVII–XVIII в. (*Пушкин*, 1914; *Шереметьев*, 1911), использовавшийся даже тогда, когда планировка

[1] В осуществлении проекта принимали участие специалисты из нескольких учреждений: Института археологии РАН, МГУ, ГИМа, Музея истории Москвы, Института географии РАН, Звенигородского музея, ООО "Кром", Центра историко-градостроительных исследований УГКОИП.

участка изменилась и на месте Романова двора возникли разнообразные более мелкие владения. В наше время название "Романов двор" присвоено комплексу офисных зданий, возведенных как часть коммерческой строительной программы Московского университета. Строительство этих зданий и обусловило необходимость проведения археологических работ. Раскопки, начатые осенью 1996 г., продолжались в 1997–1999 и 2002 гг. Некоторые результаты этих исследований уже опубликованы (*Александровский и др.*, 1998; *Бойцов, Кренке, Понсов*, 1999; *Гайдуков, Кренке*, 1999; *Кондратьев, Кренке*, 2003; *Кренке*, 2000; 2001; *Кренке, Бойцов*, 1997; *Кренке, Бойцов, Фролов*, 2000; *Кренке, Мельникова, Зайцев*, 2000; *Кренке и др*, 2003; *Beliaev, Krenke*, 2003).

Изученное пространство и методика археологических работ. Строительные работы производились на территории двух дворов, получивших названия по номерам зданий, выходящих на Романов переулок – Романов, 2 и Романов, 4.

Территория двора Романов, 4 практически полностью вошла в зону строительного котлована, и именно здесь были проведены основные археологические работы (рис. 1). Площадь строительного котлована в этом дворе с прилегающими участками, где культурный слой также подвергся разрушению, составила около 4 тыс. кв. м. Здесь было заложено 15 раскопов, и на 12 участках были проведены экспресс-работы, данные о которых представлены в таблице 1. Всего была изучена площадь немногим менее 1000 кв. м.

Археологические работы на Романовом дворе в полной мере несли московский "особый отпечаток", обусловленный сложившейся в городе системой взаимоотношений застройщиков, администрации, органов охраны памятников. На первом этапе строительства (до 2002 г.) застройщики не имели утвержденного проекта, разрешений на вырубку деревьев, денег для реального строительства, но в то же время были заинтересованы в форсировании откопки котлована (и, соответственно, в археологических работах), для того чтобы "застолбить" участок. Археологические раскопы были вынужденно приурочены лишь к свободной площади во дворе. Объем финансирования археологических работ и, следовательно, площадь раскрытий определялись в основном "совестью и страхом застройщика". Причем в нашем случае первое явно преобладало, так как авторитет органов охраны памятников, отвечающих за археологию, в глазах застройщиков был крайне низок. Раскопки 1996–1999 гг. проводились в летне-осенние сезоны. Верхние отложения культурного слоя XVIII–XX вв. частично удалялись техникой, частично раскапывались с соблюдением всех правил археологических раскопок. Слои XVII в. и более древние, залегавшие на глубине 2–3 м от современной поверхности, исследовались уже с особой тщательностью и соблюдением всех правил методики археологических раскопок. В них были обнаружены сенсационные находки сгоревшего Нового дворцового денежного двора, объекты, вероятно, связанные с Опричным двором, следы хозяйственного освоения участка в XIV–XV вв. и остатки поселения XII–XIII вв.

Так как реальное строительство в 1996–1999 гг. еще не начиналось, то можно было работать без спешки, применяя комплексные методы исследо-

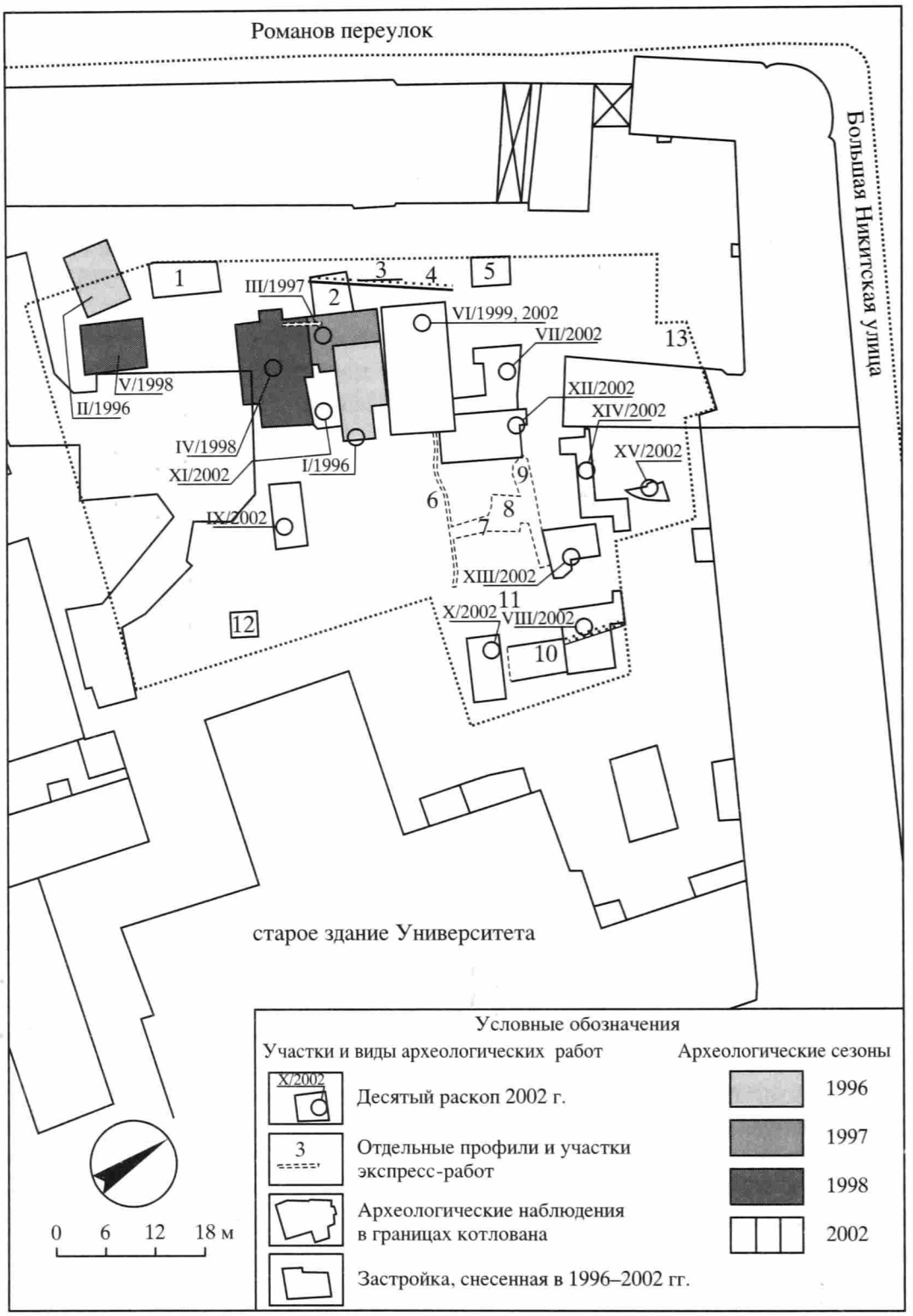


Рис. 1. Сводный план раскопов на Романовом дворе

Римскими цифрами обозначены номера раскопов, арабскими – номера участков экспресс-работ

Таблица 1. Данные о раскопах и участках экспресс-работ на Романовом дворе (см. рис. 1)

Номер раскопа	Год раскопок	Площадь раскопа, м^2	Толщина изученного культурного слоя без учета ям (в скобках – общая толщина культурного слоя), м	Датировка изученных слоев, века
I Двор Романов, 4	1996	64	1,7 (3,4)	XII (XIII)–XVII
II	1996	28	1 (3,0)	XVII–XVIII
III	1997	42	3,5 (3,8)	XVI–XX
IV	1998	80	1,5 (3, 2)	XII – начало XVIII
V	1998	30	0,5 (3,0)	XVII–XVIII
VI	1999, 2002	160	1,0–2,5 (3,2)	XII (XIII)–XIX
VII	2002	42	2,0 (2,4)	XII–XIX
VIII	2002	48	0,5–1,0 (2,7)	XII–XVII
IX	2002	40	0,5 (2,7)	XIV–XVII
X	2002	32	1,0 (2,8)	XII (XIII)–XIX
XI	2002	10	0,5 (3,0)	XII–XVII
XII	2002	38	1,0 (2,8)	XII–XVI
XIII	2002	32	1,0 (3,0)	XIV–XVII
XIV	2002	28	1,0 (2,5)	XII–XVI
XV	2002	6	1,0 (2,5)	XII–XVI
Номер участка экспресс-работ во дворе Романов, 4				
1 – подвал в ЮЗ углу котлована	2002	32	0,5 (3,0)	XVII
2 – погреб, примыкавший к раскопу III	2002	20	0,6 (3,0)	XVI
3 – погреб у западного борта котлована	2002	4 (зачистка профиля)	1,0	XVI
4 – разрез вдоль западного борта котлована	1999	20 (зачистка профиля)	3,0	XVI–XIX
5 – дренажный колодец ("винный погреб") у западного борта котлована	2002	16	1,5 (9)	XVII
6 – траншея № 3	2002	20	0,8 (2,7)	XV–XVII
7 – траншея № 2	2002	10	1,0 (2,7)	XVI–XVII

Таблица 1 (окончание)

Номер раскопа	Год раскопок	Площадь раскопа, м^2	Толщина изученного культурного слоя без учета ям (в скобках – общая толщина культурного слоя), м	Датировка изученных слоев, века
8 – "погреб Кондратьева"	2002	10	1,0 (2,7)	XV
9 – траншея № 1	2002	14	1,0 (2,8)	XV–XX
10 – "погреб между раскопами VIII и X"	2002	10 (зачистка поверхности)	0,2	XVII
11 – "погреб с зерном" в СВ углу котлована	2002	2 (зачистка поверхности)	0,2 (3,8)	XVII
12 – печь у восточного борта котлована	2002	4	0,5 (2,5)	XIX
Раскоп 1 во дворе Романов, 2	2002	128	1,5 (3,2)	XII–XX
Всего:	934 м^2 (без учета участков, где были выполнены лишь зачистки)			

ваний, в том числе археозоологические, палеогеографические, палеоботанические, геохимические (*Александровский и др.*, 1998). В 1999 г., после финансового дефолта в России, судьба стройки, казалось, находилась под большим вопросом. В этот период проводилось лишь косметическое благоустройство двора, сооружение автостоянки. В сезон 1999 г. археологическому исследованию были подвергнуты объекты второй половины XVIII – первой половины XIX в., в том числе кирпичное основание оранжереи начала 1840-х годов в саду потомков графа В.Г. Орлова.

В декабре 2001 г. ситуация стремительно изменилась. Застройщиками были найдены деньги, заключены инвестиционные контракты, имевшие очень жесткий график. Время, в течение которого могли проводиться археологические работы, ограничивалось четырьмя месяцами, пока по периметру всего будущего котлована устанавливали "шпунт" – подпорную стенку из металлических балок. Для проведения археологических раскопок в условиях московской зимы застройщиками были сооружены специальные павильоны, имевшие деревянный каркас и армированное полиэтиленовое покрытие[2]. В павильонах было достаточное освещение, чтобы работать

[2] Недостатком конструкции оказалось то, что в холодные дни на внутренней поверхности полиэтиленовой крыши скапливался конденсат, и при порывах ветра на раскоп капал дождь. Поэтому на раскопе приходилось еще устанавливать пляжные зонтики.

в темное время суток, они обогревались горячим воздухом от электрических "тепловых пушек". Температура внутри была на 12–14° выше, чем снаружи, – как правило, благодаря теплой зиме, не ниже +10 °С. Всего было построено 5 павильонов (раскопы VI, VII, VIII, X, XI), где работы велись в две смены. Наиболее трудоемким оказалось исследование горизонта денежного двора XVII в. Для извлечения многочисленных мелких заготовок монет (расплющенные и нерасплющенные обрезки медной проволоки) вся земля из слоя пожара денежного двора на совочках пропускалась через рамку металлоискателя. Особенно важно отметить, что зачистка материка производилась не сразу "до чистого песка", а в несколько этапов. В результате удалось зафиксировать следы разновременной распашки.

В апреле – июне археологические работы на строительной площадке продолжались, но они велись уже параллельно с откопкой котлована на проектную глубину и в условиях жесткого прессинга со стороны строителей. На тех участках, где выявлялось что-либо археологически особенно ценное, например кирпичные печи XVI в. (раскопы XII, XIII) или ямы XII–XIII вв. (раскоп XIV), строительные работы прекращались на несколько дней, до завершения археологических исследований. Последний раскоп, XV, содержавший печь XVI в. и яму XII–XIII вв., напоминал забой в шахте. Его пришлось откапывать, имея над головой бетонную плиту, сооруженную строителями для подпорки здания университета. Нижняя поверхность этой плиты залегала на высотных отметках культурного слоя XVII в., слои XVI в. можно было разбирать только согнувшись.

Основание деревянного дренажного колодца второй половины XVII в. было обнаружено на глубине 10–11 м от современной поверхности. Исследование этого объекта стало возможным лишь благодаря тому, что верхние метры грунта были сняты в ходе откопки строительного котлована. Обычный археологический раскоп до такой глубины в сыпучем песчаном грунте довести не удалось бы.

Формально, изученная археологическими раскопками территория не превышает 20% всей площади котлована. Однако очень значительная часть оставшихся 80% территории была занята постройками конца XIX – начала XX в., трассами подземных коммуникаций (канализация, водопровод) и ямами глубоких погребов построек XVIII в., – т.е. уже в большей или меньшей мере испорчена до момента начала раскопок. Как мне представляется, какая-то часть ценного археологического материала в 1996–2002 гг., возможно, была утрачена в ходе строительства, но основные комплексы, характеризующие все периоды освоения территории, были изучены.

Наилучшую сохранность культурный слой имел на участках раскопов I, III, IV, VI, VII, стратиграфия которых может рассматриваться как эталонная. Восточный край этого блока раскопов выходил на трассу глухого переулка, начинавшегося от Никитской улицы (до этого здесь был внутридворовый проезд от ворот в ограде Романова двора середины XVII в.). К западу от переулка в XVIII в. находились задворки усадеб, выходивших фасадом на Романов (тогда Шереметьев) переулок. Поздние перекопы на этом участке не достигали слоев XVII в.

Существенная утрата археологической информации была допущена из-за того, что не проводились археологические работы при реконструкции самого здания по Романову пер., 4, стоящего на месте кирпичных палат бояр Романовых. Смета на эти работы была подготовлена Центром археологических исследований (*Векслер*, 1996), но договор так и не был заключен. Нужно отметить, что откопка пространства под домом велась строителями очень рискованно, с обнажением фундаментов на всю глубину. На непрофессиональный взгляд казалось, что здание может рухнуть в любой момент, поэтому археологическая экспедиция Института археологии ограничилась незначительными наблюдениями.

Реконструкция палеорельефа и стратиграфия культурного слоя. В географическом отношении исследованная территория, согласно данным В.А. Низовцева (1997), находится в границах Москворецко-Сходненского ландшафта в пределах долинного зандра левобережья р. Москва или, если использовать другую терминологию, на третьей надпойменной террасе. Тыловая часть третьей надпойменной террасы простирается почти до Тверской улицы (*Лихачева* и др., 1997). Поверхность под техногенными напластованиями (культурным слоем) сложена древнеаллювиальными водноледниковыми песками и супесями с прослоями суглинков с дерново-подзолистыми и подзолистыми почвами.

Высотные отметки дневной поверхности до начала строительства (1996 г.) во дворе университета равнялись 139,40–141,37 (в балтийской системе высот). Наивысшие отметки были в юго-восточной части двора, уклон поверхности – в северо-западном направлении. В результате раскопок удалось реконструировать древнюю поверхность материка.

Наивысшие точки исходной поверхности (138,6–138,7 м) также находились в юго-восточной части двора, ближе к зданию университета, где толщина культурного слоя составляла приблизительно 2,7 м. Поверхность древнего рельефа плавно понижалась в северо-западном направлении (уклон 3–4°).

Максимальная толщина культурного слоя (без учета ям) была в центре двора (ближе к северо-западной части), на склоне древнего оврага, где она достигала 3,5 м.

Во дворике флигеля Якоби (северо-западный угол строительного котлована) отметка поверхности материка равнялась 136,7 м. Эти высотные отметки на 19–21 м выше уровня Москвы-реки до строительства водотехнических сооружений.

Университетский двор находится на правом берегу Успенского вражка, правого притока р. Неглинной, до русла которой около 300 м. Уклон поверхности на северо-запад был, видимо, обусловлен тем, что примерно по трассе Романова переулка проходил еще один овраг – отвершек Успенского вражка. Таким образом, в древности исследованная территория представляла собой достаточно замкнутую площадку, обрамленную с северо-запада и с севера склонами оврагов. Восточная граница университетского двора, видимо, приходится на вершину древнего холма, откуда далее на восток начинался пологий склон к руслу Неглинной (*Кондратьев, Кренке*, 2003. Карта на с. 497).

Под культурным слоем были зафиксированы лесные дерново-подзолистые почвы, сформировавшиеся на двучленных отложениях (верхние 20–30 см – суглинисто-супесчаная прослойка, ниже – пески). При зачистке материка были обнаружены корни сгоревших деревьев. Радиоуглеродный возраст образцов дал сильный разброс: 2140 ± 40 (ГИН-9867) и 6100 ± 40 (ГИН-11780). Расстояние между двумя датированными деревьями равнялось около 20 м, стратиграфическое залегание образцов практически идентичное – около 20 см ниже поверхности материка. Вероятно, деревья сгорели в силу естественных причин, хотя относительно более молодого образца можно предполагать, что лесной пожар был результатом деятельности человека: расстояние до ближайшего поселения железного века (в Кремле) – 600 м. Радиоуглеродные даты для этого поселения (2210 ± 40 GrA-13656; 2220 ± 40 GrA-13657) сходятся с вышеприведенной в пределах статистической ошибки.

М.Г. Рабинович первым сделал попытку дать обобщенную характеристику горизонтов культурного слоя средневековой Москвы (*Рабинович*, 1971). Материалы раскопок Романова двора позволяют дополнить характеристику культурного слоя Москвы для района, который ранее не описывался и отличается по своим особенностям от эталонных разрезов в Зарядье, на основании которых были сделаны генерализованные описания М.Г. Рабиновича.

Обобщенное описание стратиграфии культурного слоя Романова двора приводится снизу вверх.

Углубленные в материк ямы древнерусского времени. Ямы двух типов: от построек и столбовые. Ямы от построек имели овальные в плане очертания, поперечные размеры до 2,5 м, глубину – до 0,5 м от поверхности материка. Всего таких ям было найдено 10 (раскопы IV, VII, XII, XIV, XV). Заполнение ям – углистая темно-серая или серо-бурая супесь, насыщенная колотыми камнями от развалов печек (?), с включениями печины и значительного количества керамики (около 5 тыс. фрагментов в десяти ямах). Столбовая яма была выявлена только одна. Она была выкопана под столб, внутри сохранился тлен от самого столба, датирована по фрагменту керамики из заполнения. Древнерусский культурный слой, из которого были впущены в материк ямы, нигде не сохранился. Ямы перекрывали не связанные с ними более поздние отложения – как правило, пахотные горизонты XIII–XIV вв. (см. далее) или даже каменные постройки XIX–XX вв. Строители XIX–XX вв., прокапывая культурный слой, стремились опереть фундаменты своих строений на материковый песок, но углубляться в него не считали необходимым. В результате под каменными строениями сохранились древние ямы. Так, в раскопе IV (1998 г.) древнерусская яма была найдена непосредственно под цементной стяжкой пола комнаты (санузла) подвального помещения двухэтажного дома начала XX в. В ямах обнаружены вещевые находки, дающие надежную датировку (конец XII – первая половина XIII в.), – фрагменты семилопастных височных колец и стеклянных браслетов (*Кренке*, 2001). Комплекс радиоуглеродных датировок из ям древнерусского времени представлен в таблице 2.

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного датирования из ям древнерусского времени

№	№ ГИН	Возраст 14С	Калиброванный календарный возраст (гг. н. э.) с вероятностью 1σ	Место отбора образцов, материал
1	9577	730±40	1260 (1278) 1282	Раскоп 4, яма 1, серая супесь в основании ямы –360–375, уголь
2	12057	800±30	1217 (1256) 1275	Раскоп 14, кв. 173, 174, глубина –446–448, уголь
3	12056	800±30	1217 (1256) 1275	Раскоп 14, кв. 167, яма 1, глубина –400–430, уголь
4	9581	870±40	1045 (1163, 1174, 1188) 1218	Раскоп 4, яма 1, нижняя часть нижнего слоя, уголь
5	11956	890±50	1040 (1161) 1216	Раскоп 7, кв. 102, яма 7, глубина –410–415, уголь
6	11957	910±40	1040 (1161) 1216	Раскоп 7, кв. 92, 93, яма 8 нижняя часть заполнения, уголь
7	12204	990±40	1003 (1023) 1148	Раскоп 15, древнерусская яма, уголь
8	9575	1000±40	992 (1004, 1008, 1019) 1146	Раскоп 4, яма 1, южная половина, средний слой –335–340, уголь

Нужно подчеркнуть, что крайние датировки (самая молодая и самая древняя) происходят из одной и той же ямы. Остальной массив датировок достаточно однороден и, видимо, близко соответствует возрасту археологических объектов. С наибольшей вероятностью результаты радиоуглеродного датирования указывают на период с конца XI (начала XII) в. по середину XIII в.

Большая часть керамического комплекса из этих ям соответствует относительно поздней фазе древнерусской керамики: развитая профилировка, подавляющее господство линейной орнаментации (*Кренке*, 2003). Есть сосуды, приближающиеся по форме и орнаментации к так называемой сероглиняной керамике (рис. 2). Среди вещевых находок больше всего стеклянных браслетов – 26 штук. Эти данные скорее всего указывают на вторую половину XII – первую половину XIII в. В то же время, в комплексах ям присутствует в меньшем числе керамика, которая выглядит более архаичной. Есть горшки с "канелюрой" по торцу венчика, почти полностью покрытые рифлением (рис. 3, *2*), единичные черепки с гребенчатым штампом. Кроме того, в раскопе XIV встречен уникальный по орнаментации венчик с насечками по краю и оттисками по плечику, напоминающими колос (рис. 3, *1*)[3]. То есть нельзя исключать возможность, что поселение возникло в первой половине XII в.

Ямы XIV – первой половины XVI в. как археологические объекты резко отличаются от ям более раннего времени. Они представлены разными типа-

[3] По поводу этого венчика у меня есть сомнения, относится ли он вообще к древнерусской керамике.

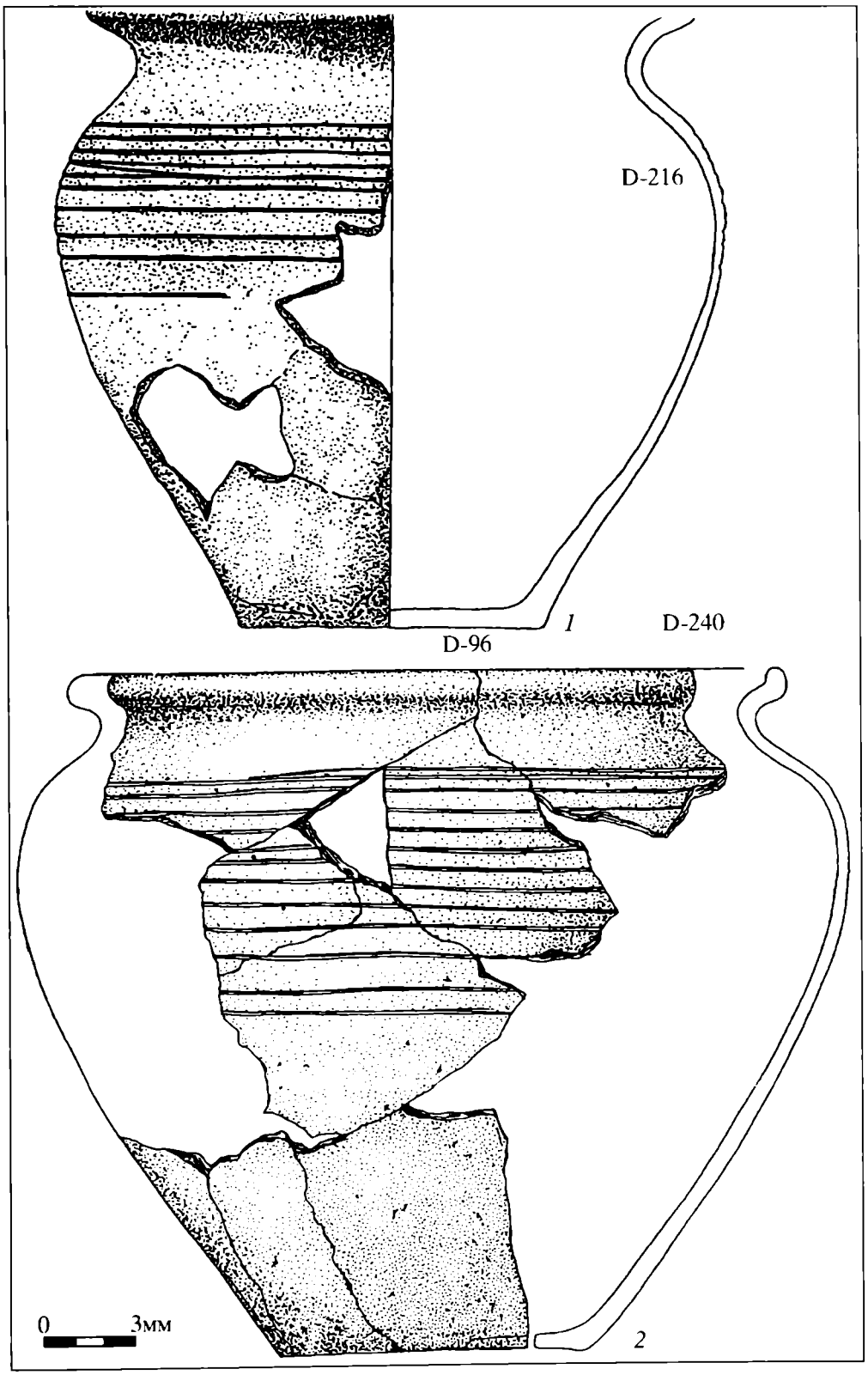


Рис. 2. Древнерусская керамика (курганная, переходная к сероглиняной) из ям в раскопах XII (*1*) и VII (*2*)

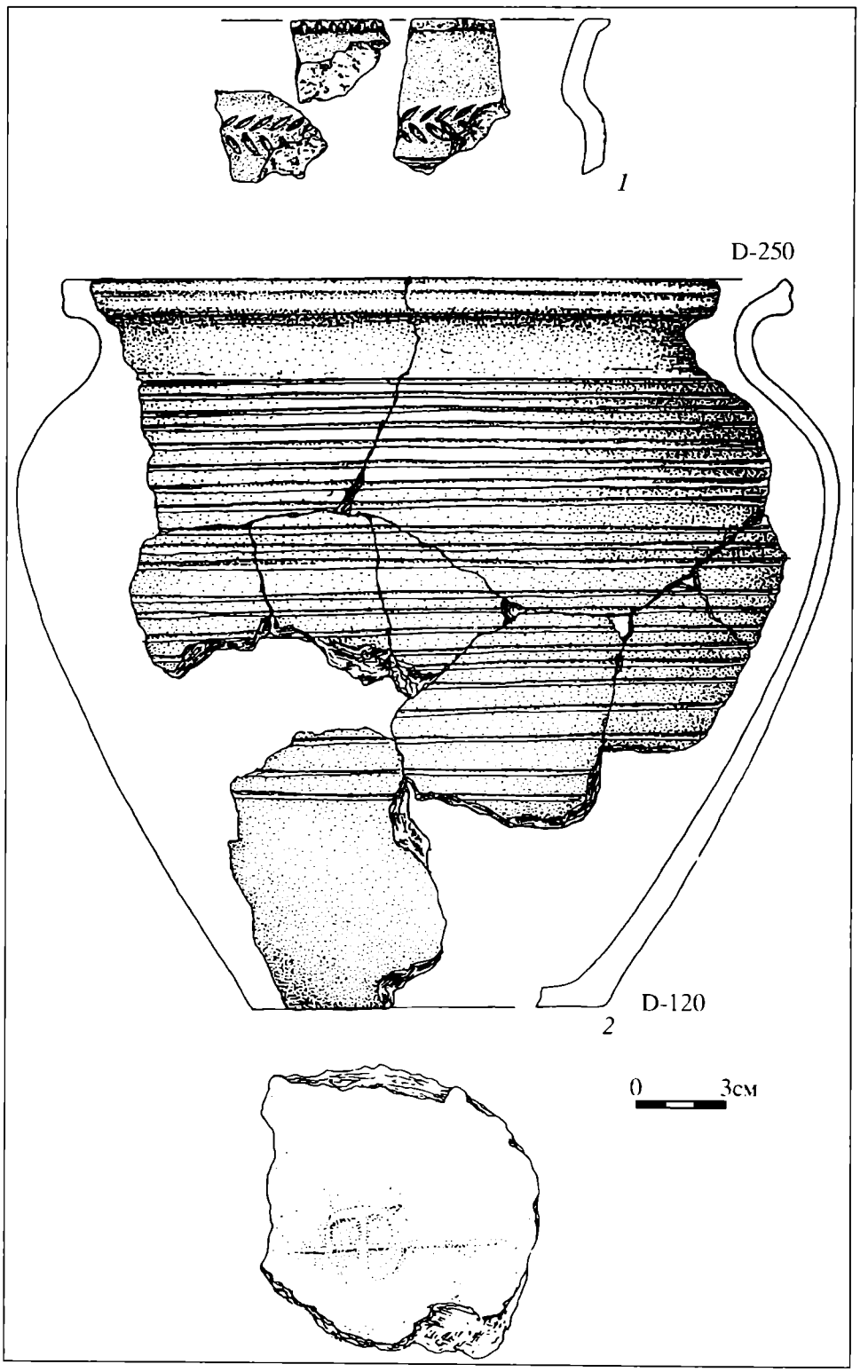


Рис. 3. Древнерусская керамика из ямы в раскопе VII (*2*) и керамика неопределенной культурно-хронологической принадлежности из раскопа XIV (*1*)

ми. Наиболее богаты материалом ямы от глубоких погребов. Шесть подобных ям были отмечены в восточной части изученной территории. Лучше всего два таких погреба исследованы в раскопе VIII. Форма котлованов погребов – прямоугольная (квадратная?). Размеры 5 × 5 (?) и 3 × 3 (?) м. Глубина соответственно 1,6 и 2,2 м от поверхности предматерикового огородного горизонта, с уровня которого они были вырыты. Стенки большего по размерам погреба были укреплены вертикально стоявшими столбами и горизонтально положенными бревнами, скрепленными рубкой "в обло". Горизонтально положенные доски (?), образовавшие прямоугольный короб, укрепляли стенки меньшего погреба, имевшего к тому же пол из досок. В основании заполнения этих ям была найдена красноглиняная грубая керамика (рис. 4, *1, 2*), дающая основание для датировки "не позднее конца XIV в.". Стратиграфия этих ям-погребов очень сложная. Характерная особенность – наличие мощных прослоек почти чистого песка в нижней части заполнения ям. Трудно ответить на вопрос, что это – обрушение стенок или обратная засыпка? Прогибы поверхности на месте погребов XIV–XV вв. были снивелированы лишь в XVII в. В прослойках, прослеженных в нижней и средней части заполнения ям-погребов, возможно, ставших к тому времени "мусорными ямами", найдена красноглиняная керамика более поздних типов – гладкая ранняя, краснолощеная (рис. 4, *3*; 5). Эта керамика, видимо, относится уже к XV в.

Селитебная зона освоения в XIV–XV вв. охватывала восточную часть участка, достигая центральной зоны. Это очень хорошо фиксируют выявленные в восточной части раскопа VI остатки, вероятно, усадебной изгороди в виде плетня (рис. III). Судя по наличию единичных фрагментов белоглиняной грубой керамики в заполнении канавки плетня (яма 49), он относится к концу XV – началу XVI в. В двух метрах к западу от плетня прослежена яма 31 грушевидной формы, 1,3 м в поперечнике, глубиной 0,5 м. В ее заполнении было большое количество железных кузнечных (?) шлаков и угли, по которым получена радиоуглеродная датировка 670 ± 70 (ГИН-11830). Калиброванное значение с вероятностью в две сигмы находится в пределах интервала 1223–1413 гг. Судя по стратиграфическим данным (яма прорезала надматериковый пахотный горизонт), возраст ямы 31 соотносится с верхними значениями вышеуказанного интервала.

Ямы второй половины XVI в. представлены двумя основными разновидностями. Первая – подпечные ямы, в которых крепились деревянные конструкции опечка кирпичных надворных "варочных" печей. Этот тип ям целесообразно рассматривать в контексте с другими элементами этих печей (см. ниже). Другой тип ям – это погреба. Фрагменты двух таких погребов были раскопаны в западной части строительного котлована (раскоп IV и объект 2 экспресс-раскопок; рис. 1). Дно погреба, вошедшего в раскоп IV, находилось на отметке –660[4]. Выкопан он был с уровня примерно –320. Раз-

[4] В условной системе высот, которая была принята при раскопках. Ноль в этой системе равнялся отметке 141 м 48 см в Балтийской системе высот.

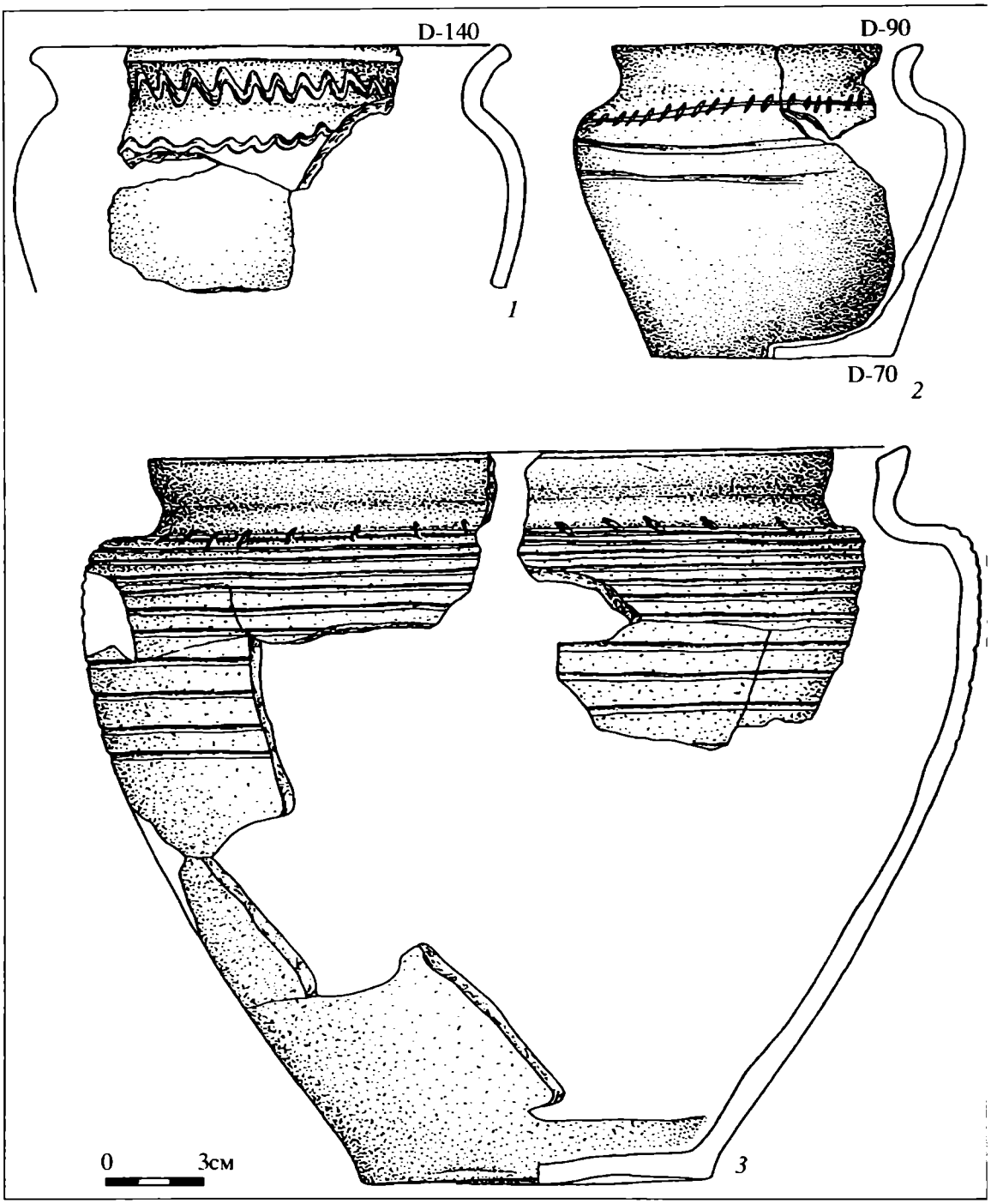


Рис. 4. Красноглиняная керамика XIV–XV вв. из ямы 11в в раскопе VIII. Рис. В. Раевой

меры в плане – не менее чем 4 × 4 м. Стенки вертикальные, были укреплены досками, пол песчаный. Время сооружения – сразу после "пожара 1", возможно, соотносимого с событиями 1571 г. (см. далее). На дне небольшое количество находок керамики XVI в. В основном котлован погреба заполнен песком с включениями культурного слоя. Такое заполнение может быть

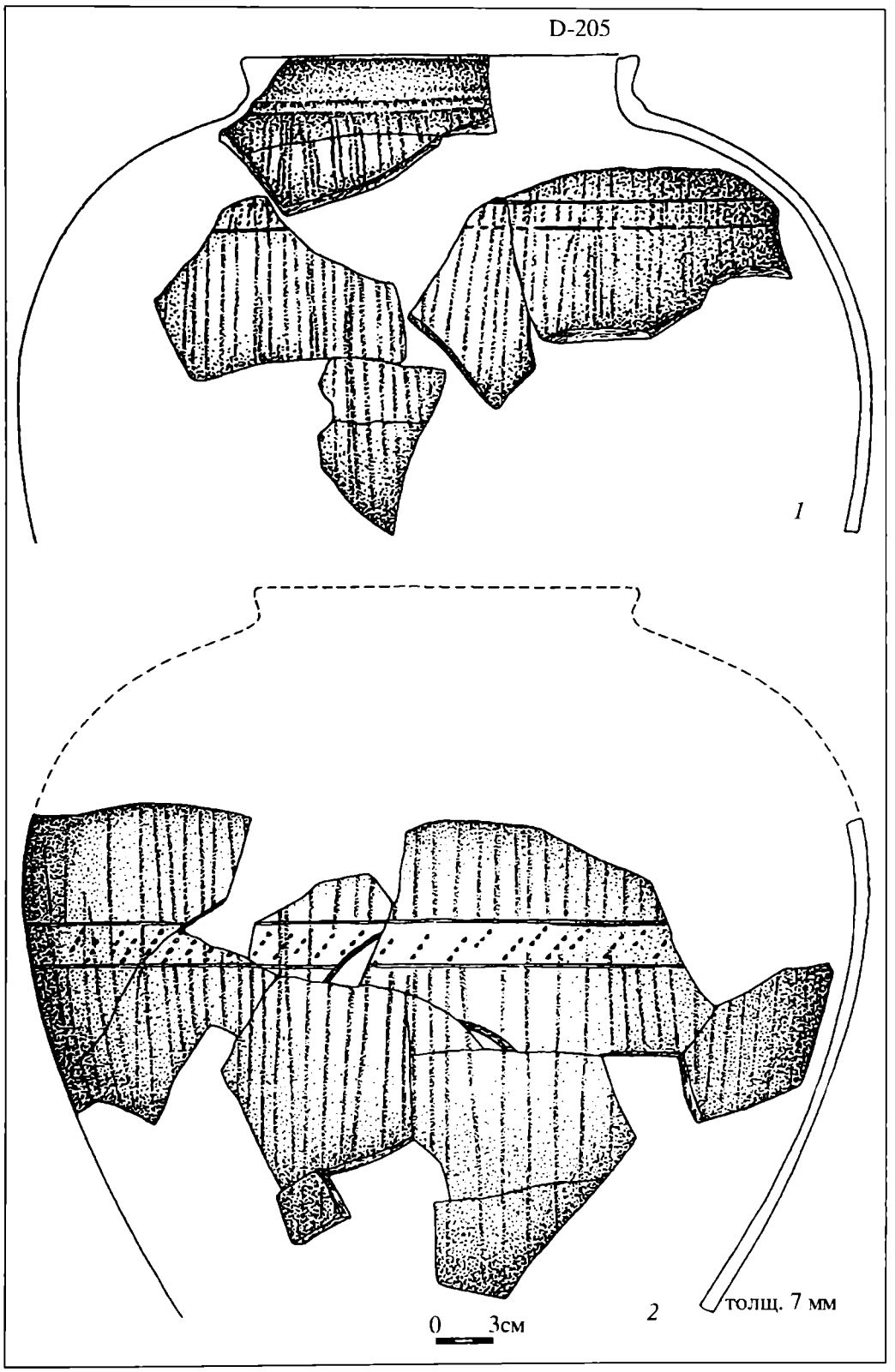


Рис. 5. Краснолощеные корчаги из объекта 8 экспресс-работ (*1*) и ямы 11в в раскопе VIII (*2*)

интерпретировано как обратная засыпка. Чуть севернее находился другой, еще более глубокий погреб. Этот погреб был выкопан до "пожара 1". Его дно находилось на отметке –800, т.е. глубина составляла около 4,5 м. Размеры в плане – более чем 6 × 5 м (т.е. объем выброшенного из погреба песка составлял не менее 140 м^3). Стенки укрепляли положенные горизонтально еловые стволы, сучки которых торчали на 20–30 см. Пол был песчаный, на нем найдены развалы белоглиняных грубых кувшинов. На месте этих погребов из-за просадки грунта образовалась довольно глубокая западина, которая определяла микрорельеф участка вплоть до второй половины XVII в., когда отметки дневной поверхности находились уже на уровне около –220 – –250. В период функционирования денежного двора в 1650-е – 1660-е годы след этой западины был хорошо виден, именно сюда сваливали разнообразный бытовой мусор.

Ямы XVII в. представлены несколькими ведущими типами. Один из них – это выкопанные в песке глубокие погреба. Примыкавший с севера к раскопу погреб являлся зернохранилищем. Единственный прослеженный край ямы этого погреба был укреплен столбами, которые зажимали горизонтальные доски обшивки стенки. Погреб постройки в раскопе IX имел в верхней части развал печных изразцов, а основание его было ниже отметки –610 (глубже 4 м от дневной поверхности XVII в.). Судя по находке в нижней части заполнения зубила из инструментария денежного двора, погреб датируется второй половиной XVII в. Другой вид ям XVII в. – это настоящие подвалы больших построек. Таких объектов раскопано два (раскоп V и объект 1 экспресс-раскопок). В раскопе V был найден пол, сложенный из прямоугольных известняковых плит, верх которых находился на уровне –360 – –370. Под полом находились деревянные сваи, основание которых было на глубине –550. Судя по составу находок, постройка относилась к концу XVII – началу XVIII в., когда дневная поверхность была на уровне –170 – –190. Другой подвал был с деревянным полом (объект № 1). Известен лишь один габарит – длина помещения 8 м (ширина – более 5 м). Пол был выстлан еловыми, сосновыми и дубовыми досками шириной около 40 см, уложенными на песчаный материк таким образом, что можно предполагать наличие в помещении внутренней перегородки. Уровень этого пола –650, т.е. на глубине 3,5–4 м от дневной поверхности XVII в. на данном участке. Постройка сгорела в таком сильном пожаре, что даже пол подвала обуглился. Еще одна яма XVII в. представлена дренажным (?) колодцем, сложенным из бревен (объект 5 экспресс-раскопок). Раскопана была только нижняя часть. Его размеры у основания составляли 3,6 × 3,6 м. Выше он сужался, основной сруб имел габариты 2,2 × 2,2 м (рис. 6). Дно колодца находилось на отметке –1070 (130 м 78 см в балтийской системе), т.е. примерно на 8 м ниже поверхности, с которой он был вырыт. Состав находок в колодце был весьма специфичным – чернолощеные фляги (более 15 почти целых экземпляров), чернолощеные кувшины, стеклянные штофы со свинцовыми завинчивающимися крышками. Поэтому колодец получил и другое название – "винный погреб". В заполнении найдено также несколько зубил, относящихся к инст-

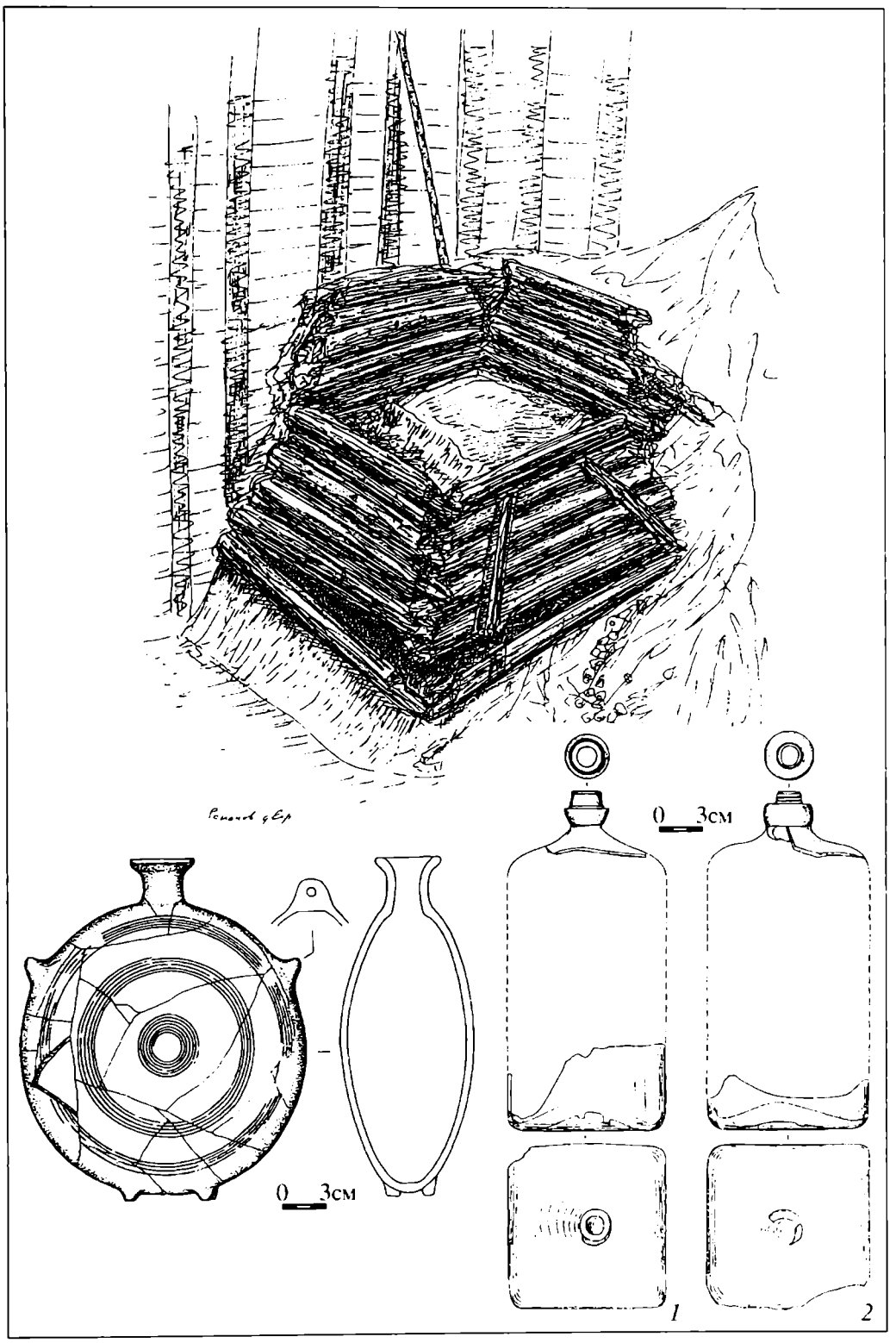


Рис. 6. Дренажный (?) колодец конца XVII в. (объект 5 экспресс-работ) и находки из него – чернолощеная фляжка и стеклянные штофы. Вверху – рис. Н. Кренке

рументам денежного двора. То есть колодец можно датировать третьей четвертью XVII в.

Перейдем теперь к описанию собственно разреза культурного слоя.

Горизонт 1. На поверхности материковой супеси (песка) залегает прослойка темно-серой супеси толщиной 20–30 см. Это пахотно-огородный горизонт. Он подразделяется на два прослоя: нижний – более светлый, и верхний – более темный. Площадные зачистки позволили установить, что этим прослоям соответствуют разные генерации борозд, в том числе выполненные двузубой сохой (установлено на основании того, что две борозды дугообразно изгибались параллельно друг другу). Верхний, более темный прослой местами являлся пашней, а местами – огородом, вскопанным лопатой. Ранняя генерация борозд (узкие, как бы прочерченные, заполнены светло-серым суглинком), вероятно, близка по возрасту вышеописанным ямам древнерусского времени. В раскопе VI было зафиксировано углистое пятно, рассеченное пахотными бороздами поздней генерации (заполнены темно-серым суглинком). Радиоуглеродная датировка этого пятна 680 ± 70 (ГИН-11829), калиброванное значение 1278 (1296) – 1390 гг. н.э. дает terminus post quem для этих борозд. Вероятно, они конца XIII–XIV в. На другом участке раскопа VI были прослежены четкие следы лопат. Вскопка огорода была произведена ровными рядами, которые первоначально даже были приняты за борозды, но при более тщательном наблюдении стало ясно, что это все же цепочки слившихся следов лопат[5]. Вертикальный поперечный профиль этих следов также характерен для лопат – глубокие, до 15 см, треугольники вершинами вниз. Горизонт 1 перекрывает материковые ямы с древнерусским материалом XII–XIII вв. В то же время в горизонте 1, особенно в его нижнем прослое, встречена измельченная древнерусская керамика XII–XIII вв. В верхней части горизонта 1 встречена красноглиняная гладкая и белоглиняная грубая керамика. На одном из эталонных участков в раскопе IV (1998 г.) соотношение типов керамики (подсчеты выполнены О.Н. Глазуновой и И.А. Бойцовым) в горизонте 1 было таково:

курганная/серая – 455 (29,6%);
красноглиняная грубая – 156 (10,2%);
красноглиняная гладкая ранняя – 120 (7,8%);
красноглиняная гладкая – 603 (39,3%);
белоглиняная грубая – 49 (3,2%);
чернолощеная сплошь – 6 (0,4%);
мореная – 34 (2,2%);
ангобированная сплошь – 3 (0,2%);
ангобированная пятнами – 12 (0,8%);
расписная по ангобу – 1 (0,06%);
поливная ранняя – 1 (0,06%);
белоглиняная шероховатая – 66 (4,3%);
белоглиняная гладкая – 26 (1,7%);
всего: 1532 фрагмента.

[5] Благодарю В.Ю. Коваля, первым обратившего мое внимание на этот факт.

Материал из горизонта 1, конечно, нельзя считать закрытым комплексом, но присутствие в нем белоглиняной керамики не может быть исключительно результатом ее проникновения из вышележащих горизонтов. Для датировки важно соотношение между группами красноглиняной и белоглиняной керамики, в данном случае 57,3% (все типы красноглиняной) и 9,2% (все типы белоглиняной). Такая пропорция возможна для комплексов не моложе середины XVI в. и не старше начала XVI в. (МК, 1991. Табл. А). Эту датировку подтверждают и монетные находки. В горизонте 1 были найдены медные пула (московские и тверские), датирующиеся XV – началом XVI в. (*Гайдуков, Кренке*, 1999). Нужно отметить, что медные пула встречались лишь в верхней части горизонта 1, и в значительно меньшем количестве, чем в вышележащем горизонте 2.

Важными датирующими находками из горизонта 1 являются редкие мелкие фрагменты кашинной керамики (всего найдено 4). Все они от сосудов с бирюзовой поливой и росписью черной краской. По определению В.Ю. Коваля, это фрагменты вазы гюльобдан, и датируются они второй половиной XIV–XV в.

Таким образом, время формирования горизонта 1 охватывает значительный хронологический отрезок – почти четыре столетия (от второй половины XII до середины XVI в.). Он имеет сложный генезис. Первоначально это пахотный горизонт, переработавший исходную поверхность лесной дерново-подзолистой почвы. По аналогиям можно предполагать, что толщина пахотного горизонта равнялась 12–14 см (*Александровский, Кренке*, 1993). На этапе существования древнерусского поселения вокруг домов, вероятно, начал накапливаться культурный слой. Накопления эти были очень незначительны в силу ландшафтных особенностей – открытое место почти на вершине склона. "Следом" культурного слоя XII–XIII вв., полностью переработанного позднейшей распашкой, являются находки керамики и единичных вещей. Этап распашки и огорода XIV–XV вв. изменил характер верхней части горизонта 1 – в этот период он стал более гумусированным, появились включения мелких дисперсных угольков, увеличилось количество керамики (близость жилых и хозяйственных построек). Находки медных монет, нательных крестов фиксируют оживленное перемещение людей по этому участку. Видимо, открытое место, занятое полями и огородами, между уже существовавшими городскими улицами, заменившими древние дороги, активно использовалось для перемещений горожан. Накопление литологической составляющей культурного слоя практически не происходило вплоть до второй половины XVI в.

Горизонт 1 можно рассматривать как типичный пример культурного слоя поселения сельского типа. Это не противоречит тому, что административно эта территория могла быть уже частью города. Город, как сложный организм, включал в себя очень разнородные элементы – от лесов и лугов до предельно урбанизированных застроенных участков, где почти не было видно земли под деревянными мостовыми и постройками.

Горизонт 2 представлен свитой прослоек, относящихся к периоду интенсивной строительной деятельности во второй половине XVI в. Мощность этой

свиты колеблется в пределах 60–90 см. Состояла она из чередований прослоек материковых выбросов (желтая и желто-бурая супесь/песок с бурыми суглинистыми включениями) и темно-серой супеси – культурного слоя. В восточной части раскопа VI нижнюю часть горизонта 2 составлял слой сгоревшей наземной срубной постройки с земляным полом. Толщина слоя пожара/разрушения достигала 20 см, была насыщена кирпичами от печного развала и керамикой (рис. III). В нескольких метрах к северу в раскопе VII фиксировалась другая (?) наземная постройка, пережившая несколько фаз перестроек. К югу от постройки в раскопе VI слой пожара (пожар 1) становился тоньше и тоньше, но горизонт этот четко фиксировался и в раскопе IV.

Соотношение мощностей материковых выбросов и прослоек серой супеси культурного слоя было различным на разных раскопанных участках, но сам характер напластований горизонта 2 был везде одинаков. В некоторых участках толщина прослойки материкового выброса достигала 40 см. Однако нет оснований напрямую отождествлять эти прослойки с описанным Г. Штаденом слоем песка, покрывавшего поверхность Опричного двора. Стратиграфия разрезов однозначно свидетельствует, что это не какая-то одна прослойка, а многочисленные несинхронные выбросы песка и супеси из ям. Учитывая наличие ям от погребов объемом в десятки и сотни кубометров, такие прослойки не могли не появиться. Можно допустить, что немец Г. Штаден переоценил аккуратность русских. Он интерпретировал слой песка на Опричном дворе как специально положенный для борьбы с сыростью. Трудно представить сырой приборовочную поверхность высокой террасы, сложенную песками, хорошо дренированную, расчлененную оврагами. Песок, который Г. Штаден видел под ногами, мог быть просто выбросами из многочисленных ям, и его не специально насыпали, а не потрудились убрать.

С горизонтом 2 помимо отмеченных выше срубных наземных построек связаны две генерации кирпичных надворных печей. Ранняя группа печей зафиксирована лишь в раскопе I. Эти печи, так же как и срубная постройка в раскопе VI, погибли в пожаре 1. Под печами имелся вырытый довольно глубокий котлован (до 1 м), в котором находились деревянные конструкции опечка; на них опирался кирпичный под, сложенный из маломерного плинфоподобного кирпича размерами 4 × 10,5 × 22 см. В подпечных ямах был найден комплекс керамики, где преобладали белоглиняные горшки. Ниже дана статистика из одной подпечной ямы в раскопе I: серая – 1; красноглиняная грубая – 3; красноглиняная гладкая ранняя – 3; красноглиняная гладкая – 9; белоглиняная грубая – 8; чернолощеная сплошь – 7; мореная белоглиняная – 1; ангобированная сплошь – 2; белоглиняная шероховатая – 29; белоглиняная гладкая – 22.

Отсюда же происходит комплекс малых московских и тверских медных пул, а также фрагменты оснований стеклянных кубков, практически идентичных кубку (*Воронова, Панова*, 1998), обнаруженному в погребении первой жены Ивана IV Анастасии Романовой (умерла в 1560 г.).

Рядом с одной из печей была обнаружена неглубокая ямка, в которой стоял белоглиняный гладкий горшок с берестяной (?) оплеткой, сгоревшей в пожаре 1 (рис. 7, *1*). Он относится к раннему варианту данного типа с приостren-

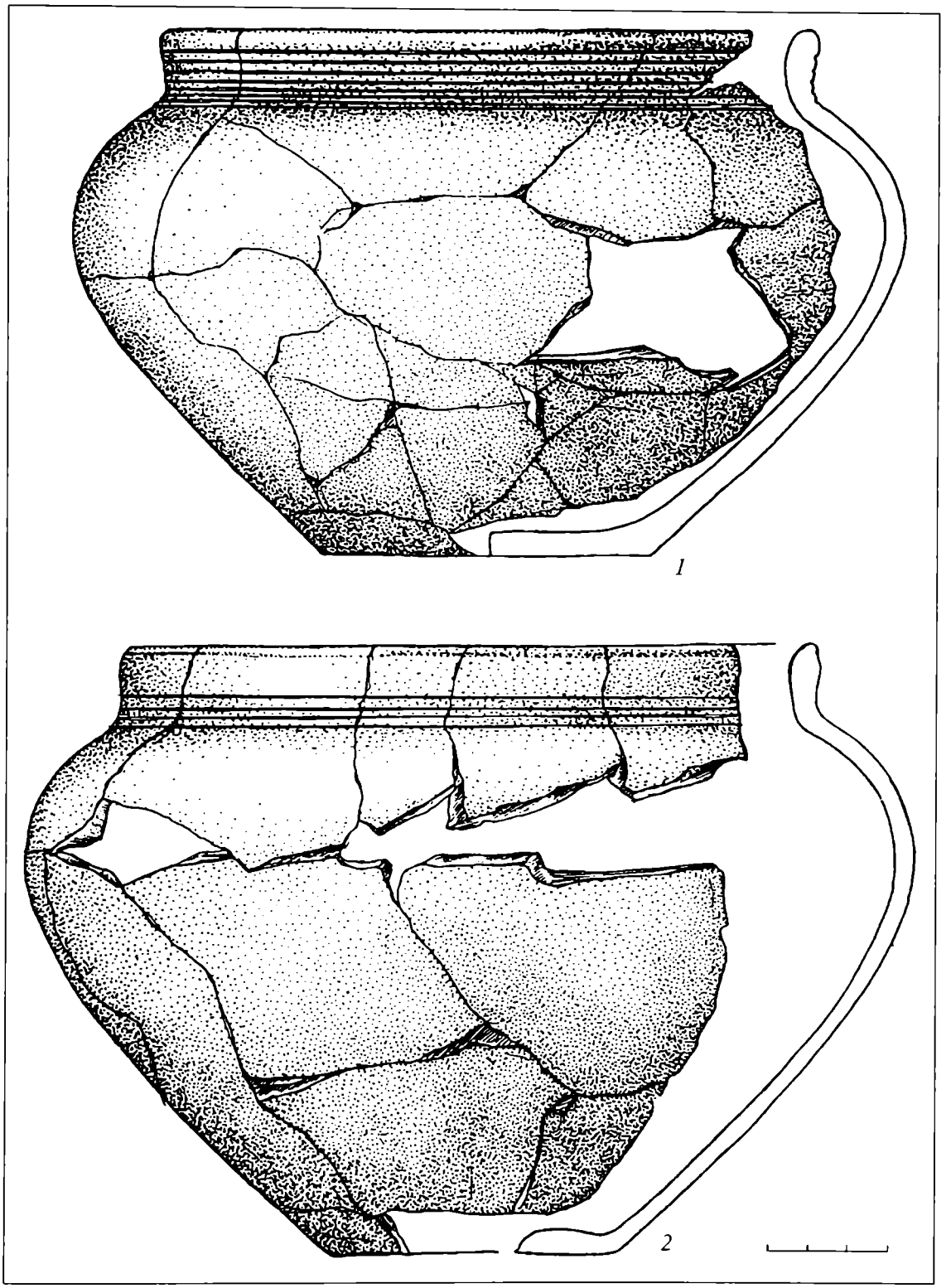


Рис. 7. Белоглиняные гладкие горшки из комплексов второй половины XVI в.

1 – заполнение топочной камеры надворной печи из большемерного кирпича (раскоп IV 1998 г.); *2* – яма, синхронная пожару 1, возле печи из маломерного кирпича (раскоп I 1996 г.)

ным краем венчика. По разработке В.Ю. Коваля, данная керамика датируется второй половиной XVI – первой половиной XVII в. (*Коваль*, 2001. Рис. 3).

Соотнесение пожара 1 с грандиозным пожаром 1571 г., на мой взгляд, весьма вероятно. Во всяком случае, это единственный сильный пожар на участке в слоях XVI в.

После пожара 1 жизнь на участке активно продолжалась (материковые выбросы перекрывают пожар 1), и функциональное назначение территории не изменилось.

На смену сгоревшим возводятся новые надворные печи, но уже из большемерного кирпича и иной конструкции. Всего было зафиксировано девять объектов этого типа (*Медведев*, 2002). Сходство конструкций всех печей из большемерного кирпича заключалось в наличии углубленной в землю топочной камеры округлой в плане формы (диаметр около 1,2–1,6 м), стенки которой были выложены из кирпича на высоту 10–15 рядов. Чаще кладка топочной камеры представляла собой в плане круг (овал), вписанный в прямоугольник. Все топочные камеры имели устье, перед которым был вырыт котлован либо сделан приямок, иногда с выложенными кирпичом стенками и полом. Количество топочных камер в печи варьировало от 1 до 3 (4?). Всего было отмечено 13 (14?) топочных камер. Дно топочных камер было либо земляным, либо выложено кирпичом "в елочку". Топочные камеры были заглублены в землю на 0,2–0,7 м. Стратиграфическое положение печей показывает, что их строительство происходило если не одновременно, то в очень узкий временной интервал.

На дне одной из топочных камер был найден раздавленный целый белоглиняный гладкий горшок (рис. 7, *2*). Согласно вышеупомянутой разработке В.Ю. Коваля, его следовало бы датировать второй половиной XVII в. Однако стратиграфические данные указывают однозначно на более раннее время. Вероятно, появление "классического" типа белоглиняных гладких горшков со скругленным венчиком относится к более раннему времени, чем это обычно считается. Возможно, здесь мы сталкиваемся с типичным примером археологической ошибки, основанной на том, что априорно допускается равномерная скорость эволюции форм. Каждому изменению формы отводится собственная "клеточка" (как правило, в полстолетия – столетие длиной) на шкале времени. Реальный процесс мог идти несколько иначе. Короткие "творческие" периоды генерирования новых форм сменялись более длительными периодами их употребления.

Помимо характерного состава керамического комплекса, в котором преобладала белоглиняная керамика, слой второй половины XVI в. характеризовался находками обломков глиняных игрушек, стеклянной посуды, свинцовых пуль, железных стрел. Присутствовали в нем и такие уникальные вещи, как пороховница из рога, новгородская вислая печать (*Кренке и др.*, 2003; *Кондратьев, Кренке*, 2003). Важно подчеркнуть редкость находок московских красноглиняных изразцов в горизонте 2. Это является хронологическим индикатором. Лишь в верхней части горизонта 2 было найдено несколько обломков красноглиняных изразцов, причем один из них очень редкого типа (рис. 8, *1*); другой, стандартной

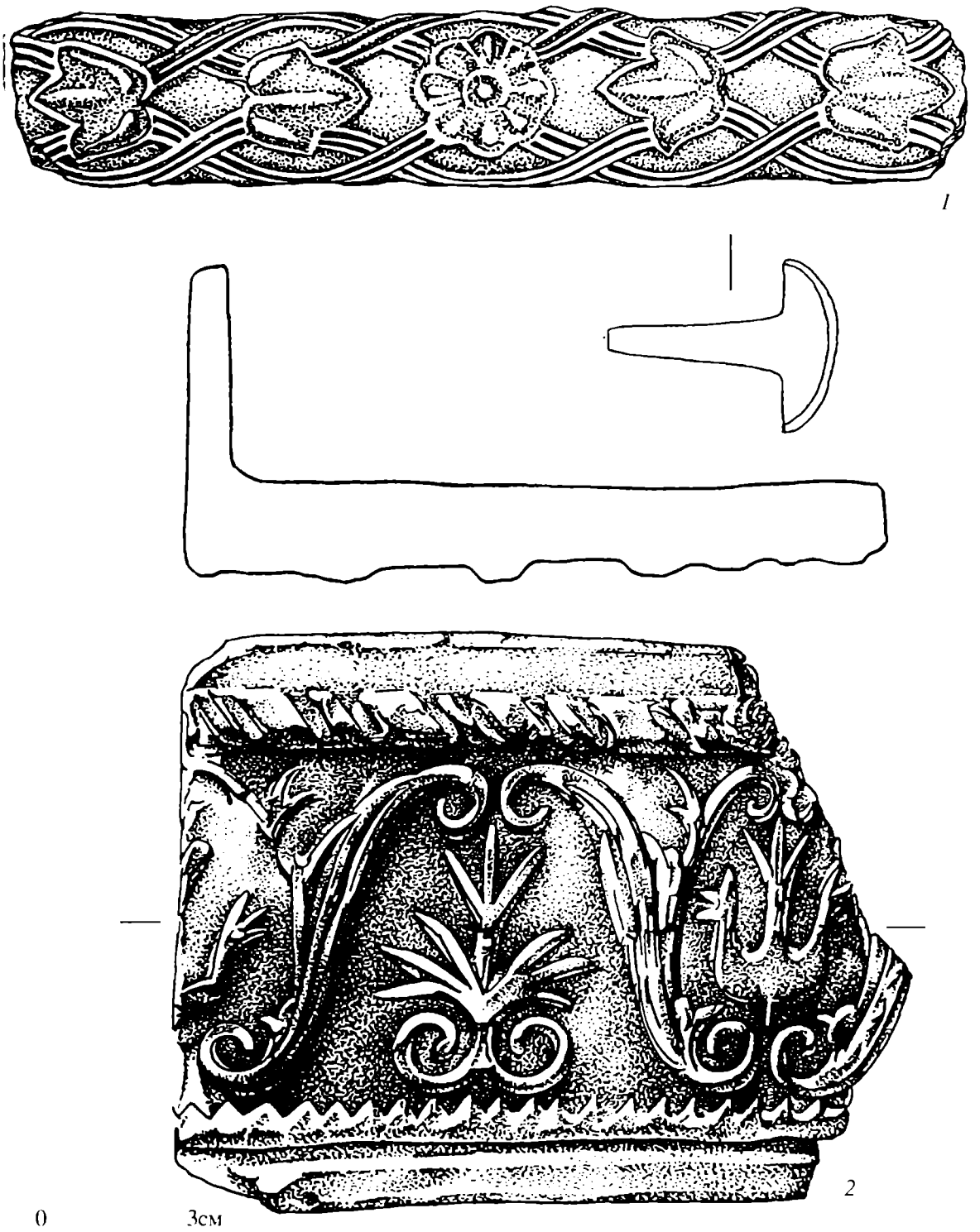


Рис. 8. Красноглиняные изразцы конца XVI в. из верхней части горизонта 2 культурного слоя Романова двора. Рис. И. Ёлкиной и Е. Телешева

формы, происходит из кладки самой поздней по стратиграфии печи из большемерного кирпича (рис. 8, *2*).

В целом горизонт 2 по структуре прослоек и составу находок являлся очень "узнаваемым" слоем, который легко было отличить от более поздних напластований. Интерпретация горизонта 2 как слоя Опричного двора и его "наследника", о котором почти ничего не известно, кажется весьма вероятной, хотя доказательства лишь косвенные. Важно отметить, что интенсивность "послепожарной" жизни на данной территории была очень высока. Возможно, именно здесь продолжала пребывать царская резиденция.

В финальный период формирования отложений горизонта 2 на территории случился локальный пожар (пожар 2). Его следы были прослежены в раскопах I и VI в виде небольших углистых прослоек. Не было зафиксировано свидетельств того, что надворные печи из большемерного кирпича погибли в пожаре. Кирпичи из слоя разрушения топочных камер не были вторично обожжены. Скорее можно предположить, что печи были просто заброшены, а выступавшие над землей кирпичные кладки топочных камер специально (?) завалены вовнутрь.

Горизонт 3 представлен однородной прослойкой серой супеси толщиной около 20 см. Этот горизонт прослежен не на всей изученной площади, а лишь в пределах раскопов I, III–VII, VIII. Это слой огорода первой половины XVII в. Достоверность такой интерпретации прослойки доказывается, прежде всего, следами, оставленными при обработке земли лопатами. Следы лопат, организованные в "правильные" ряды, хорошо читались на светло-желтом фоне песчаных прослоек, подстилавших слой огорода. Можно предполагать, что в период функционирования огорода шло накопление минеральной составляющей культурного слоя. Также очевидно, что верхняя часть нижележащего горизонта 2 была вовлечена в огородный слой. Слой огорода перекрывал остатки кирпичных надворных печей. Для датировки этого огородного слоя важны единичные находки серебряных копеек Михаила Федоровича: две обнаружены в раскопе I (находки № 32 и № 89), одна – в раскопе VI (№ 1145).

Горизонт 4, перекрывавший слой огорода, представлял собой свиту прослоек извести и кирпичного боя, связанных с каменным строительством второй четверти XVII в., скорее всего 1640-х годов (найдены кирпичи с клеймом "двуглавый орел"). Максимальная общая мощность свиты достигала 0,5 м. На плане, составленном при Никите Ивановиче Романове, показаны ворота, выходившие на Никитскую улицу. Завоз строительного материала, вероятно, осуществлялся именно через них. Археологически была прослежена "строительная дорога", ориентированная примерно на эти ворота. "Дорога" представляла собой полосу шириной 4 м положенного плашмя на землю утоптанного кирпича. С западной стороны, примыкая к "дороге", лежала рыхлая куча сваленного кирпичного боя, включавшая и продолговатые грубо обтесанные белокаменные блоки-заготовки. Разливы извести подстилали и надстилали кирпичный бой. В восточной части двора (раскоп VIII) строительный слой утончался до 5 см (прослойка извести). В 10–15 м к западу от дороги, которая делила двор примерно попо-

лам, строительный горизонт 4 был представлен прослойкой извести с кирпичным боем, толщиной 10–15 см.

Горизонт 5 был представлен свитой прослоек, связанных с сооружением, функционированием и пожарами денежного двора, где в интервале 1655–1662 гг. чеканились медные копейки.

Свита прослоек средней мощностью 15–20 см представляла собой горизонт постройки (глиняные и песчаные подсыпки пола, обугленные бревна и негативы от бревен нижних венцов стен и перегородок), "слой жизни" во дворике (углистая супесь со щепой). Пожаров, вероятно, было два ("пожар 3а" и "пожар 3б"). Первый предшествовал (?) сооружению постройки, второй ее уничтожил. Вероятно, "пожар 3а" произошел уже в период работы денежного двора. Во всяком случае, в этом прослое найдены монеты и заготовки. Заготовки и монеты были найдены и под полом постройки. То есть постройке, сгоревшей в "пожаре 3б", предшествовали какие-то другие сооружения, где чеканилась монета и рубилась проволока. Дата "пожара 3б" точно не известна. В мае – июне 1663 г. деревянные постройки денежного двора упомянуты в письменных источниках (*Лаврентьев*, 2000. С. 51), т.е. пожар случился после этой даты. На пожарище сформировалась почва (*горизонт 6*, см. далее). Этот процесс почвообразования, по оценке А.Л. Александровского, должен был занять не менее нескольких десятков лет. На поверхности почвы отложился материал "петровского времени" – кирпичи с клеймом "Н" (1690–1720-е годы), медная полушка 1718 г. (находка № 143-98). Учитывая эти факты, можно думать, что постройка денежного двора сгорела вскоре после 1663 г. (если не в тот же самый год, так как слой "пожара 3б" непосредственно "накрыл" слой денежного двора). В западной части изученного участка (профиль 4 экспресс-работ) слои двух пожаров денежного двора прослеживались особенно четко. Они представляли собой сплошные слои угля толщиной около 15 см каждый. Разделяла их прослойка серой супеси с включениями кирпичного боя, извести, толщиной 3–10 см.

Удалось проследить некоторые важные планировочные особенности территории в период функционирования денежного двора. Во-первых, была зафиксирована сама постройка, где осуществлялась чеканка монеты и предшествующие операции по изготовлению заготовок монет. Постройка представляла собой прямоугольное деревянное сооружение в середине двора, вытянутое перпендикулярно Никитской улице. Поперечный размер – 6 м, длина – более 17 м (возможно, на самом деле постройка была не одна). Пол помещений – частично земляной, частично глинобитный, некоторые участки замощены кирпичами, зажатыми между деревянных брусьев. Постройка находилась с западной стороны западной линии частокольной ограды. "Фасад" постройки, очевидно, был обращен к частоколу. С другой ее стороны (западной) находилась помойка с кухонными и производственными отбросами, которая заполнила западину, образовавшуюся при проседании земли в ямы погребов XVI в. Частокольные столбы диаметром 15–20 см были вкопаны на 0,8 м (высота частокола была не менее 2 м). Были выявлены две линии частоколов, которые, судя по всему, шли по обеим сторонам внутридворового проезда, начинавшегося от вышеупомянутых ворот, выхо-

дивших на Никитскую улицу. Ширина пространства между линиями частоколов равнялась 15–18 м. Конечно, не вся эта площадь была занята проездом. В западной линии частокола прослежены ямы от воротных столбов. Эти ворота вели во дворик перед постройкой, где чеканились деньги. Судя по планиграфии находок во дворике, ворота были закрыты. Во дворике зафиксированы доски-подмости (в том числе непосредственно перед воротами), в слое "грязи", на которую эти доски были уложены, лежали лапти и их обрывки, войлочные стельки, куски вязаных носков и одежды из грубой ткани (*Елкина*, 1999). Какие сооружения находились за восточной линией частокола, проследить не удалось. Судя по находкам, здесь тоже шла чеканка монеты. Был даже найден чурбан, на котором, вероятно, рубили медную проволоку.

Горизонт 6 объединяет свиту прослоек серо-бурой супеси и строительного мусора (известь, кирпичи и др.), отложившихся в XVIII–XX вв. Максимальная общая толщина их составляет 1,8 м. Они структурированы уровнями почв (их выявлено как минимум три), когда накопления культурного слоя почти не происходило. В 1890-е годы проезды во дворе были замощены булыжником и установлены фонарные столбы с чугунными основаниями. Булыжное мощение прослужило до 1940-х годов. После этого на него было постелено не менее четырех слоев асфальта. На участках, где мощения не было, с 1890-х до 1996 г. накопилось около 50 см культурного слоя.

Важно подчеркнуть, что выделенные стратиграфические горизонты характеризуют разные типы средневекового сухого культурного слоя Москвы, соответствуют различным видам хозяйственного освоения городской территории.

Итак, постараемся подвести итог. Что же все-таки было найдено и что из откопанного представляет наибольшую научную ценность? Раскопки на Романовом дворе, прежде всего, ценны тем, что представляют собой редкий пример, когда археология непосредственно соприкасается с историей, но начнем наш итоговый анализ с предыстории.

Открытие сельского поселения XII–XIII вв. напротив Кремля очень важно для уточнения реконструкции исторической топографии Москвы в начале ее существования. Нужно сказать, что обнаружение такого поселения в долине р. Неглинной было прогнозируемо, так как здесь уже был выявлен ранее целый ряд находок древнерусского времени, указывающих на интенсивное освоение долины реки, на устье которой стояла крепость, возведенная в 1156 г. Несколько неожиданной оказалась топографическая локализация поселения – на вершине холма, в 300 м от реки. С одной стороны, это можно объяснить тем, что жители этого поселения стремились быть ближе к своим полям (видимо, это было для них важнее, чем близость к источнику воды). Подобная "логика" была прослежена, например, при исследовании селища Царицыно 3 на речке Язвенке. С другой стороны, раскопки, проведенные в 2004 г. на месте сгоревшего здания манежа, показали, что на бровке береговой террасы р. Неглинки было кладбище. Не исключено, что оно возникло примерно одновременно с поселением на Романовом дворе.

То есть расположение поселения на вершине холма было "вынужденным" из-за плотности освоения территории Занеглименья. Новым для московской археологии является то, что поселение XII–XIII вв. было изучено достаточно большой площадью, чтобы представить некоторые особенности его планировки. Важно, что теперь имеется несколько представительных комплексов керамики и соответствующая им серия радиоуглеродных датировок.

Впервые в московской археологии на площади в многие десятки квадратных метров были прослежены в плане следы распашки. Применение специальной методики поэтапной зачистки материка позволило выявить несколько периодов этой распашки, определить, что пахали двузубой сохой (не исключено использование и других типов пахотных орудий). К сожалению, не удалось получить строгих доказательств хронологического соответствия поселения и раннего этапа распашки. Можно предполагать, что распашка или предшествовала поселению, или была синхронна ему (или и то и другое вместе). Зато совершенно определенно удалось установить, что после пожара поселения, произошедшего, вероятно, в первой половине XIII в., оно не было возобновлено и на этом месте в конце XIII–XIV в. существовало поле.

Первое "соприкосновение с историей" раскопа на Романовом дворе относится к слоям второй половины XVI в. На вопрос, был ли найден Опричный дворец, можно ответить, скорее всего, утвердительно. Хотя не была зафиксирована окружавшая дворец стена, описанная Г. Штаденом (что собой должны были представлять археологические остатки подобной конструкции, стало ясно после раскопок М.В. Фролова 2001, 2002 гг. в Александрове), были обнаружены объекты (надворные печи, наземные постройки, ямы погребов), которые соответствовали по возрасту времени функционирования Опричного двора и содержали находки, указывающие на особенно высокий "социальный статус" территории (осколки разнообразных стеклянных кубков, роговая пороховница европейской работы). Особое внимание должна привлечь свинцовая вислая печать XV в. новгородского владычного наместника. Она могла попасть в Москву, скорее всего, вместе с документом, к которому была прикреплена. Это пока единственная находка печати "канцелярии" новгородского владыки в Москве. В этом контексте нельзя не вспомнить известия письменных источников (новгородских летописей) о том, что в августе 1570 г. царь приказал собрать по новгородским монастырям жалованные грамоты и отправить их в Москву (*Скрынников*, 1998. С. 415). Аккумулироваться эти документы могли только в Опричном дворце.

Среди историков, занимающихся "грозненской эпохой", длительное время идет спор о судьбе опричнины после 1572 г. Мнения расходятся до прямо противоположных. Либо опричнина и ее организационная структура была однозначно отменена в 1572 г. – Опричный дворец не восстанавливался после пожара 1571 г. (*Веселовский*, 1963. С. 144, 195, 199), – либо никакой отмены опричнины не было вообще (Список опричников Ивана Грозного, 2003. С. 15; мнение Д.Н. Альшица).

По-видимому, результаты раскопок на Романовом дворе позволяют археологии "вмешаться" в спор историков. Как отмечалось выше, на территории двора было раскопано аномально большое скопление надворных печей из большемерного кирпича (нигде больше в Москве такого количества печей, сконцентрированных в одном месте, не найдено), отстроенных после пожара. "Столоваться" возле этих печей должны были многие сотни, если не тысячи, людей. Таким образом, если верна интерпретация, что раскопы на Романовом дворе совмещаются с территорией Опричного двора, то тогда следует сделать нижеследующие выводы.

После пожара, уничтожившего сооружения комплекса Опричного двора, функциональное использование территории мало изменяется. На месте сгоревших надворных печей и погребов строятся новые печи и погреба еще в большем количестве. "Зазор" между пожаром и началом нового строительного периода был небольшим. Слои нового строительства непосредственно накладываются на слой пожара, но это не означает, что между этими событиями не могло быть временного промежутка в несколько лет. Характерно, что на изученном участке в слое с остатками надворных печей не было найдено ни одной серебряной монеты периодов царствований Федора Иоанновича – Василия Шуйского, тогда как копейки Ивана IV были найдены неоднократно, а сопутствующие им медные пула – во множестве. То есть, на основании археологических данных, вероятно, можно предполагать, что на изученном участке в эпоху царствования Ивана IV было возобновлено очень крупное дворовладение, населенное многими сотнями людей, получавшими здесь питание. В последующие царствования активность на участке резко снижается и его функциональное использование меняется – здесь отмечен слой огорода, который датируют копейки Михаила Федоровича Романова.

Если сопоставлять эти археологические выводы с историческими данными, то вероятным выглядит предположение, что надворные печи "второго поколения" связаны с функционированием "удела", "двора", когда Иван IV в 1575 г. опять покинул Кремль, уступив его Симеону Бекбулатовичу. Мощность и "многослойность" отложений, связанных с печами "второго поколения", может служить косвенным аргументом в пользу того, что службы "двора" находились на изученной территории не только в 1575–1576 гг., но и вплоть до окончательной отмены особого "двора" в начале царствования Федора Иоанновича (1584 г.). То есть, с определенными оговорками[6] можно сказать, что версия событий, 30 лет назад предложенная Р.Г. Скрынниковым (1975. С. 108), кажется соответствующей новым данным археологии.

Второе "соприкосновение с историей" нашего раскопа на Романовом дворе относится к годам денежной реформы царя Алексея Михайловича.

[6] Подразумевается маловероятная, с моей точки зрения, но формально допустимая возможность полного отрицания всей вышеизложенной интерпретации.

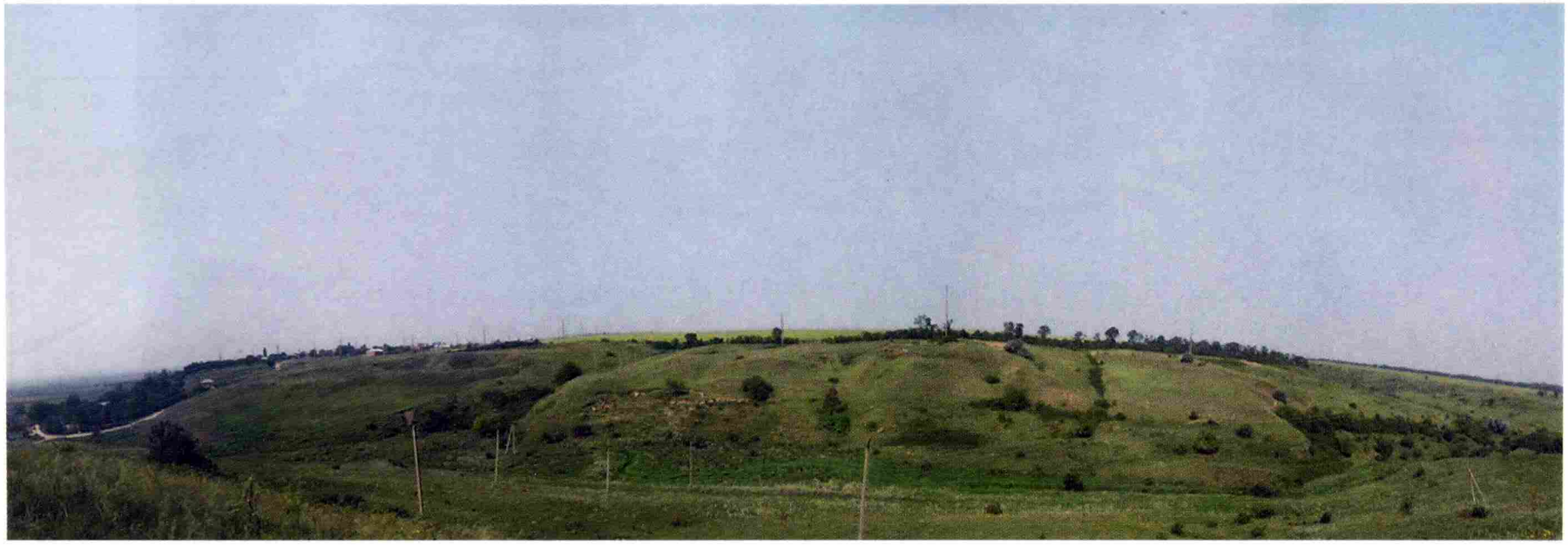


Рис. I. Балка Каменная. Общий вид правого борта

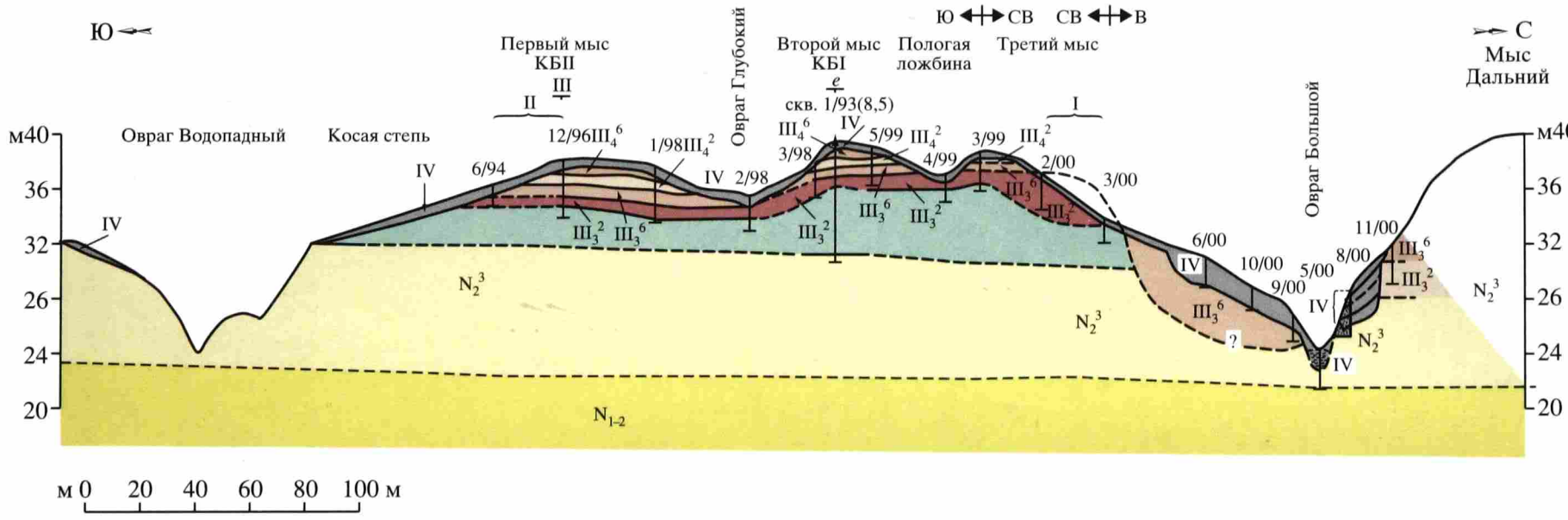


Рис. II. Схема соотношения толщ на правобережном плакоре низовьев балки Каменная

Рис. III. "Романов двор" в Москве. Профиль восточного борта раскопа VI. На переднем плане надворная печь из большемерного кирпича, слева – канавка от плетня ограды усадьбы XV в.

1 – горизонт 1 (пахотно-огородный XII–XVI вв.); *2* – горизонт 2 (слой второй половины XVI в.); *2а* – "пожар 1" (возможно, 1571 г.); *3* – горизонт 3 (огород начала XVII в.); *4* – горизонт 4 (слои строительного мусора и извести 1640-х гг.); *5* – горизонт 5 ("слой жизни" и пожар Нового дворцового денежного двора третьей четверти XVII в.); *6* – почва конца XVII – начала XVIII в. в основании горизонта 6

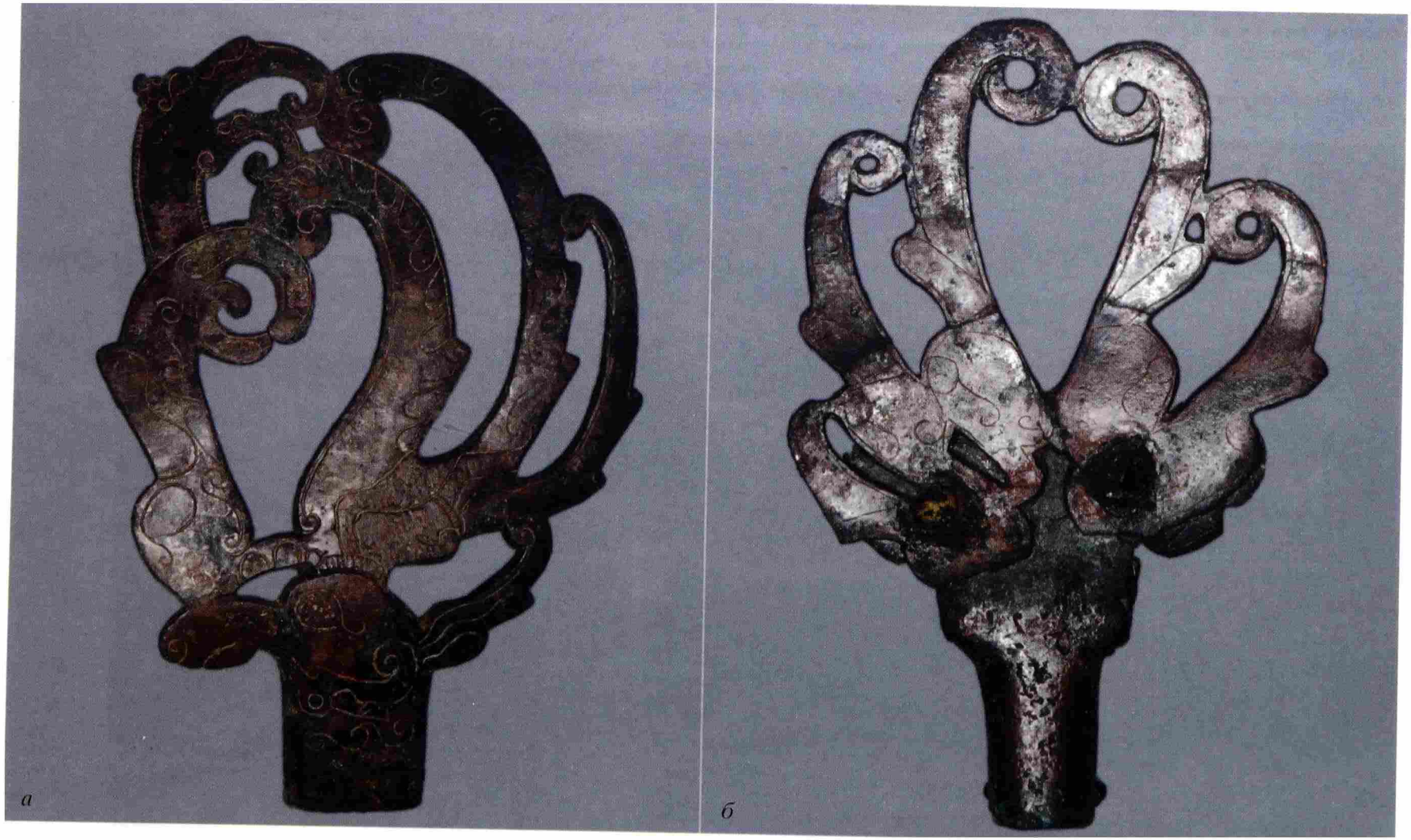

а
б

Рис. IV. Фото наверший 1 (*а*), 4 (*б*), 2 (*в*), 3 (*г*)

Рис. V. Курган "Б" у д. Прохоровка, погребение 1. Инвентарь

Рис. VI. Курган "Б" у д. Прохоровка, погребение 3. Инвентарь (описания в тексте)

Рис. VII. Курган 1 у д. Прохоровка, погребение 4. Инвентарь (описания в тексте)

Рис. VIII. Курган 2 у д. Прохоровка, погребение 2. Инвентарь (описания в тексте)

Рис. IX. Курган "б" у д. Прохоровка, погребение 3. Инвентарь (описания в тексте)

Рис. X. Генеральское-Западное. Вид на участок "Юго-западный склон"

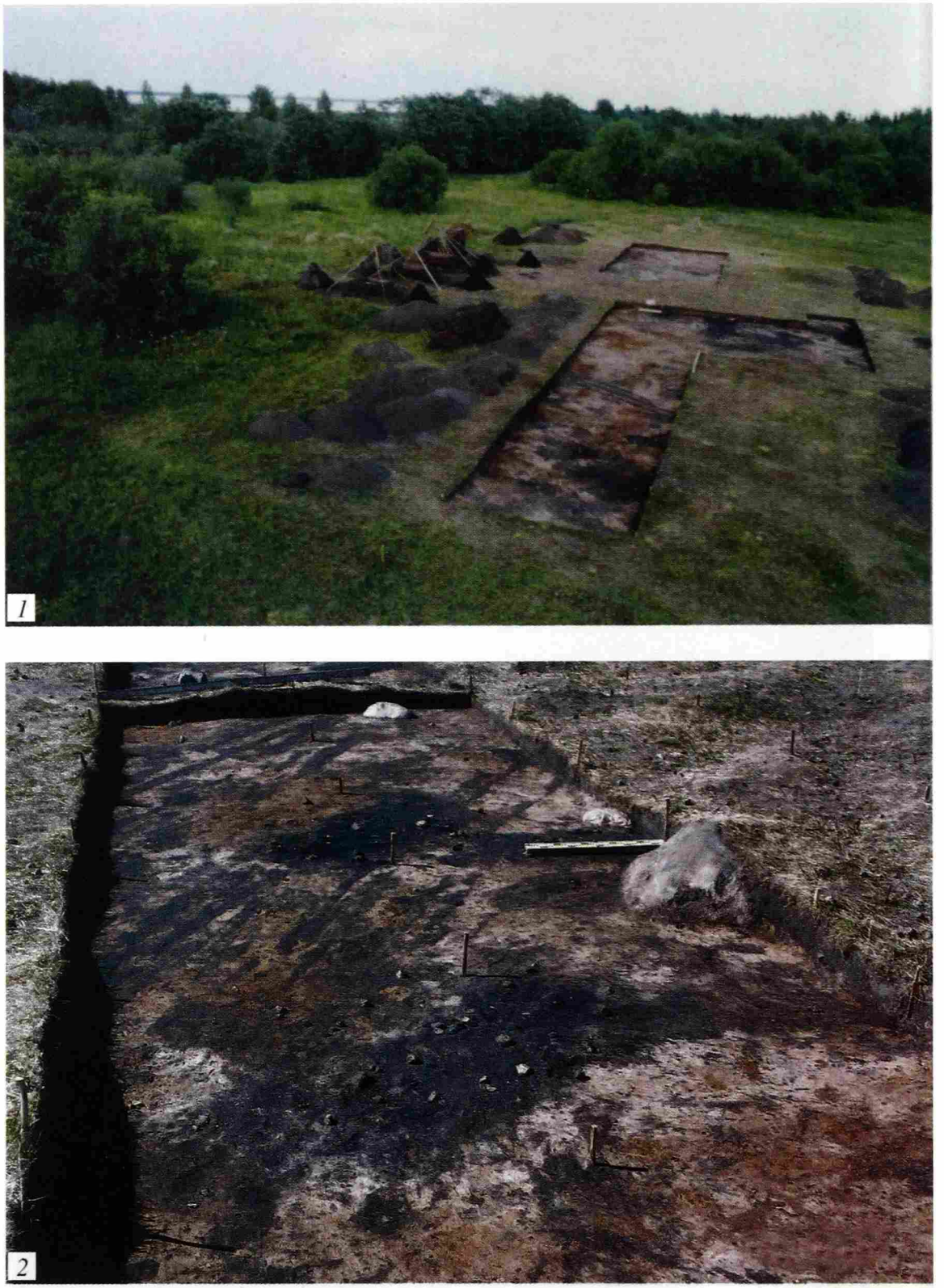


Рис. XI. Поселение Минино 6

1 – общий вид раскопа 2003 г.; *2* – раскоп 2001 г., в зачистке контуры средневековых ям, прорезанные бороздами поздней распашки

Рис. XII. Поселение Минино 6. Вещевой материал

1–36 – цветной металл; *37–56* – железо; *57–58* – рог; *59–62* – камень

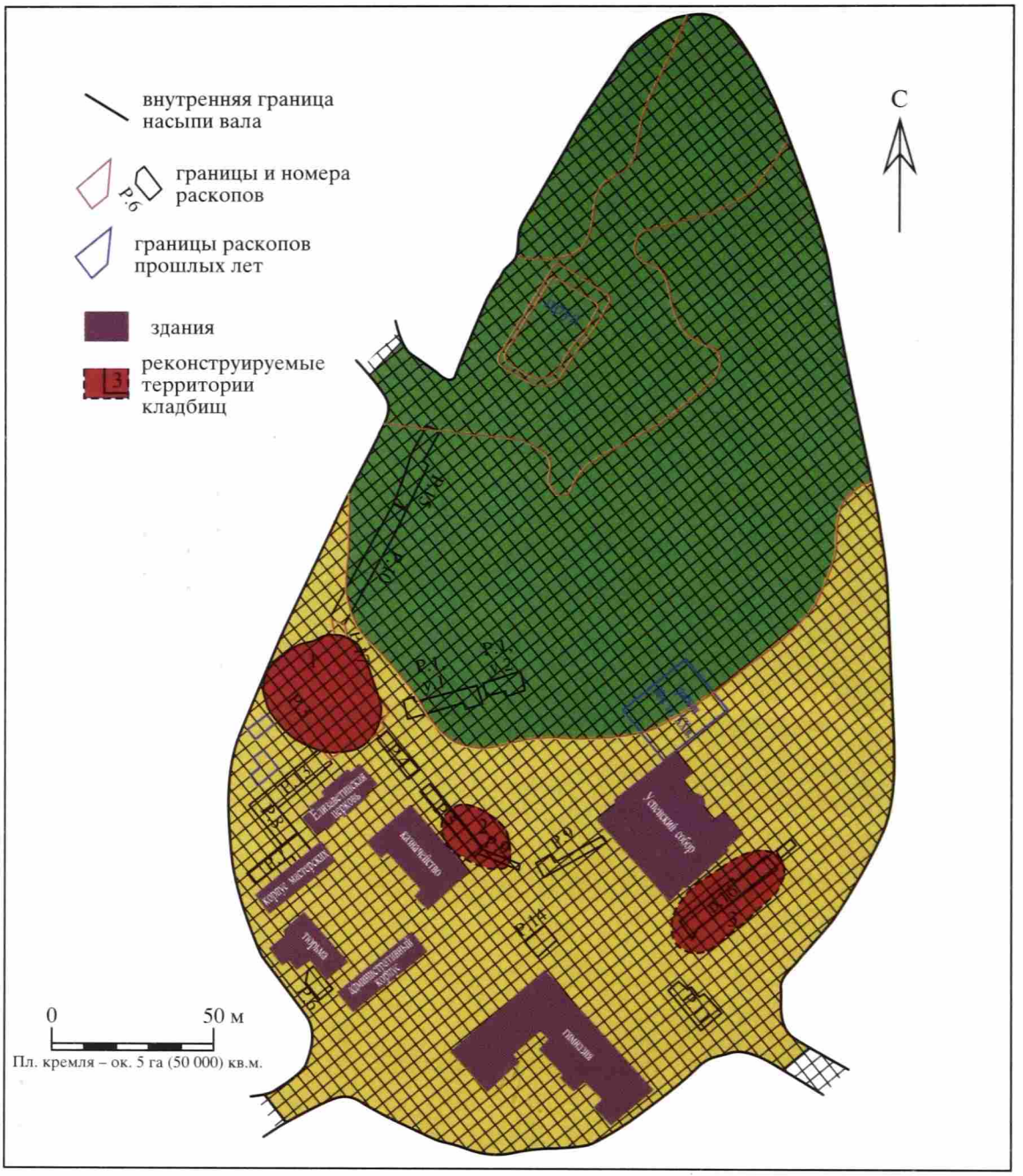


Рис. XIII. Город Дмитров. Расположение раскопов и некрополей на территории кремля

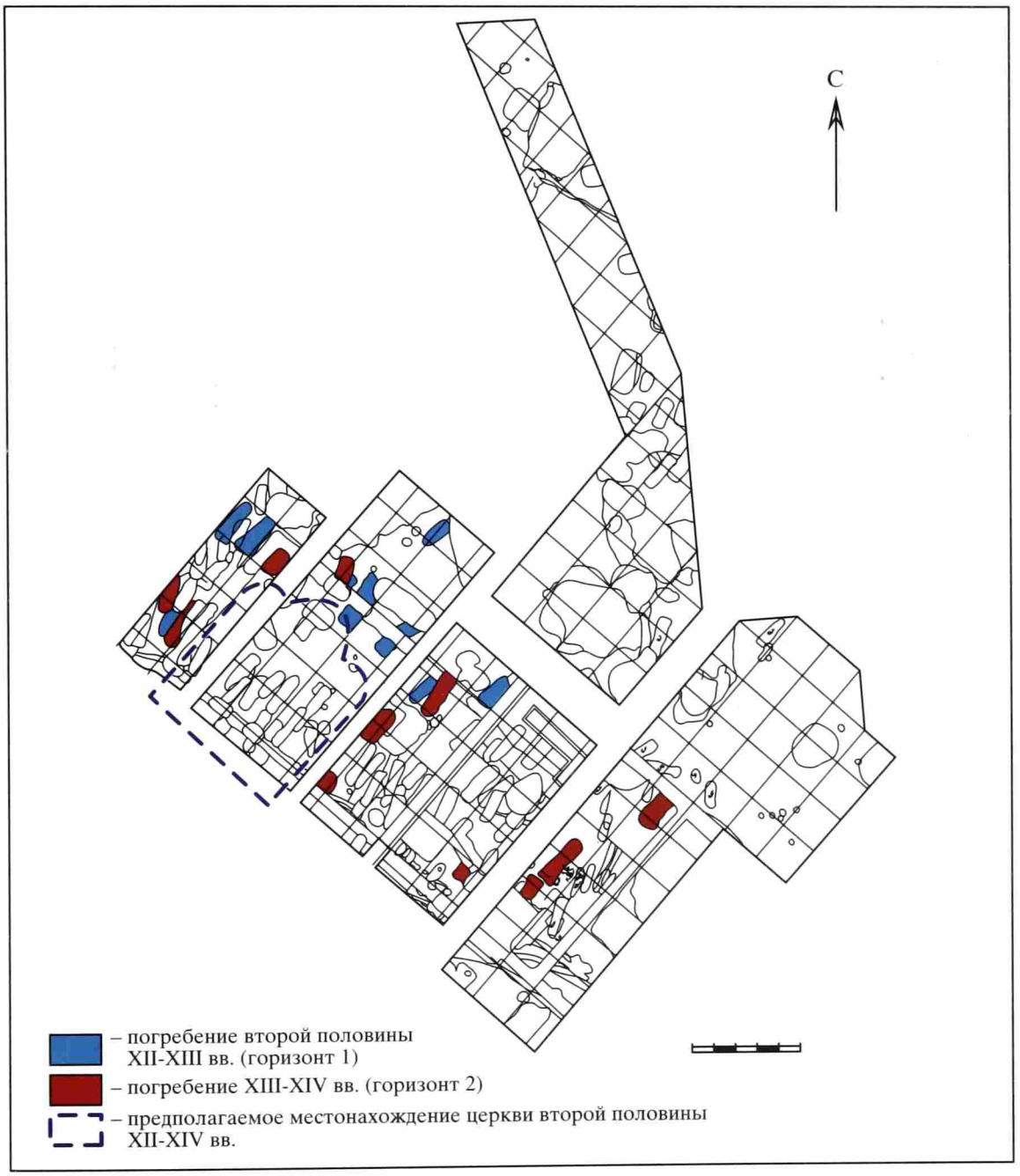


Рис. XIV. Дмитровский кремль. Некрополь 1. Погребения второй половины XII–XIV вв. и предполагаемое местонахождение церкви Дмитрия Солунского в этот период

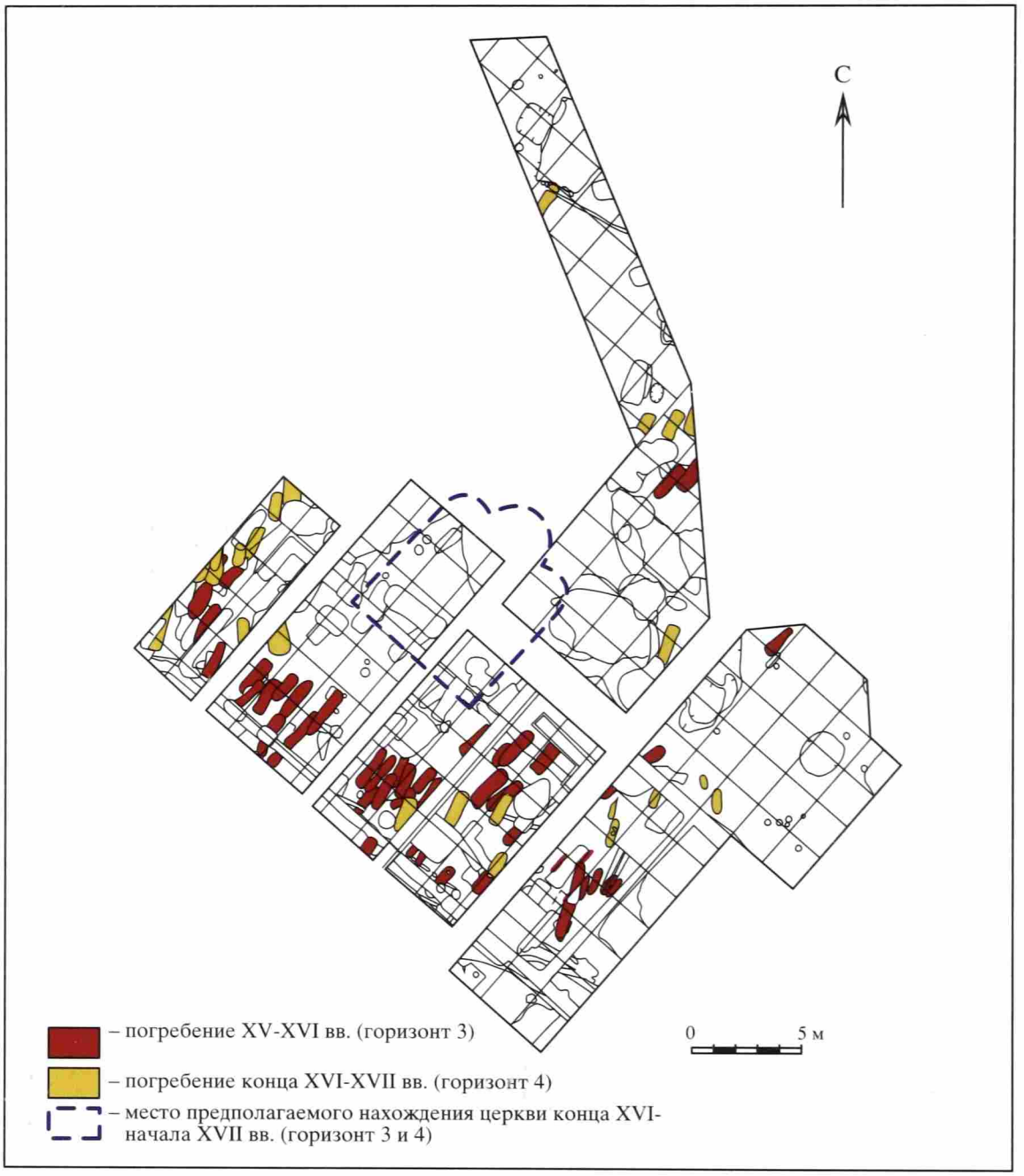


Рис. XV. Дмитровский кремль. Некрополь 1. Погребения XV–XVII вв. и предполагаемое местонахождение церкви Дмитрия Солунского в этот период

Данные письменных источников о существовании "Нового дворцового денежного двора" были столь единичными и косвенными, что не позволили историкам-нумизматам сделать вывод о существовании в Москве третьего денежного двора помимо известных двух – в Кремле и Нового английского. Раскопки на Романовом дворе с неопровержимостью доказали, что третий монетный двор все-таки был и находился он на отошедшем в 1655 г. в дворцовое ведомство дворе умершего боярина Н.И. Романова. Технологический цикл производства монет из проволоки теперь стал ясен в деталях, начиная с этапа нарубания проволоки. Важно подчеркнуть, что удалось установить, что помимо проволоки в редких случаях использовались узкие продолговатые пластины (*Глазунова и др.*, 2002). Судя по тому, что анализ отпечатков штемпелей на найденных в раскопках монетах показал, что для работы использовались инструменты, взятые как на кремлевском дворе, так и на Новом английском, а собственных, с особыми буквенными обозначениями, создано не было, можно думать, что деятельность Нового дворцового денежного двора относилась к последним годам реформы. Письменные источники отразили картину катастрофического воровства на Новом английском денежном дворе. Археологические данные, полученные на Романовом дворе, свидетельствуют о том же. Было найдено несколько наскоро спрятанных кладов готовых монет и заготовок, утаить которые могли лишь работники двора. Вполне вероятно, что именно учреждение Нового дворцового денежного двора способствовало распространению слухов о том, что высшие должностные лица государства бесконтрольно "чеканят на себя" (*Мейерберг*, 1997. С. 160), и в конечном счете спровоцировало гиперинфляцию и медный бунт 1662 г.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К., 1998. Раскопки во дворе Московского университета: Опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественнонаучные методы в археологии. М. Вып. 2.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., 1993. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. Вып. 208: Средневековая археология Восточной Европы.

Бойцов И.А., Кренке Н.А., Понсов В.А., 1999. Постройка денежного двора и инструменты денежных мастеров середины XVII в. из раскопок на "Романовом дворе" // Седьмая всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. М.

Векслер А.Г., 1996. Историко-археологическое заключение в связи с реконструкцией дома № 4 по ул. Грановского (Романов пер.) // Архив Управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы.

Веселовский С.Б., 1963. Исследования по истории опричнины. М.

Воронова Н.В., Панова Т.Д., 1998. "Наветом и отравами царицу изведоша" // Наука в России. М. № 3.

Гайдуков П.Г., Кренке Н.А., 1999. Медные монеты XV–XVI вв. из раскопок на Романовом дворе в Москве // Седьмая всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. М.

Глазунова А.Н., Колызин А.М., Кренке Н.А., Медведев П.В., 2002. Клад заготовок для чеканки медных монет мелких номиналов середины XVII в., найденный при раскопках в Москве в Романовом переулке // Десятая всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. М.

Елкина И.И., 1999. Археологический текстиль из раскопок в Романовом переулке в Москве // Проблемы истории Московского края. М.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Кондратьев И.И., Кренке Н.А., 2003. Опричный двор Ивана Грозного: Археолого-геоморфологические и исторические данные // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб.

Кренке Н.А., 2000. Нательные крестики из раскопок во дворе старого здания Московского университета // РА. № 1.

Кренке Н.А., 2001. Денежный двор: Археологические открытия на территории Московского университета // Вестник РАН. Т. 71, № 6. (Пер. на англ.: The Mint: Archaeological Discoveries on the grounds of Moscow University // Herald of Russian Academy of Sciences. 2001. Vol. 71, № 3.)

Кренке Н.А., 2003. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Кренке Н.А., Бойцов И.А., 1997. Раскопки во дворе Московского университета // АО 1996 г. М.

Кренке Н.А., Бойцов И.А., Фролов М.В., 2000. Раскопки на "Романовом дворе" в Москве // АО 1998 г М.

Кренке Н.А., Глазунова А.Н., Глазунова О.Н., Жуковский М.О., Медведев П.В., Молошникова М.А., Нефедов В.С., Фараджева Н.Н., Янишевский Б.Е., 2003. Раскопки на Романовом дворе в Москве // АО 2002 г. М.

Кренке Н.А., Мельникова А.С., Зайцев В.В., 2000. Новый дворцовый денежный двор в Москве XVII в.: (Денежная реформа 1654–1663 гг. в контексте новых археологических открытий) // Очерки феодальной России. М. Вып. 4.

Лаврентьев А.В., 2000. Двор бояр Романовых на Никитской и монетное производство в Москве времени денежной реформы 1654–1663 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб. Вып. XXVII.

Ламанский В., 1861. Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия. СПб.

Лихачева Э.А., Насимович Ю.А., Александровский А.Л., 1997. Ландшафтно-географические особенности Москвы // Природа. № 9.

Медведев П.В., 2002. Описание конструкции печи // Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на Романовом дворе в Москве в 2002 г. Т. 1. (Архив ИА РАН.)

Мейерберг А., 1997. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М.

МК, 1991. Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.

Низовцев В.А., 1997. Карта условно-восстановленных ландшафтов Москвы в I тыс. н.э. // История Москвы. М. Т. 1.

Пушкин Б.С., 1914. Двор боярина Никиты Ивановича Романова // Старая Москва. М. Вып. 2. (Репринт: 1993.)

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности московского Кремля. М.

Скрынников Р.Г., 1975. Россия после опричнины. Л.

Скрынников Р.Г., 1998. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск.

Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003.

Тарабрин И.М., 1936. Застройка по трассе метро от улицы Горького до улицы Фрунзе с XV по XX в. // По трассе первой очереди Московского метрополитена. М.

Шереметьев С.Д., 1911. Романов двор на Воздвиженке. СПб.

Штаден Г. 1925. О Москве Ивана Грозного. М.

Beliaev L., Krenke N., 2003. The Romanovs' Headquarters // Athena Review. Vol. 3, № 4.

А.Р. Артемьев, О.А. Лопатина

БУДДИЙСКАЯ КУМИРНЯ XIII–XIV вв. В НИЗОВЬЯХ АМУРА*

В 1995, 1996 и 1998–2000 гг. экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН были исследованы остатки знаменитых Тырских храмов 1413 и 1433 гг. в с. Тыр Ульчского р-на Хабаровского края, в 153 км от впадения Амура в Охотское море.

Остатки буддийских храмов на скале Тыр, почти напротив места впадения в Амур р. Амгунь, были обнаружены еще русскими первопроходцами в 50-х годах XVII в. (*Спафарий*, 1910. Гл. 3. С. 68, 69). 2 июля 1809 г. сведения о тырских каменных стелах получил проплывавший мимо по Амуру известный японский путешественник Мамия Риндзо (1969). Новое открытие тырских памятников состоялось в июле 1850 г., когда туда приплыл капитан Г.И. Невельской (1969. С. 123, 124). "Рисунок найденных Невельским древних столбов" был приложен к рапорту генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева императору Николаю I от 27 ноября 1850 г. (*Барсуков*, 1891. Кн. 2. С. 69, 70).

Согласно надписи, выбитой на мраморной стеле, стоявшей на скале, первый храм Юннин-сы (Вечного спокойствия) в честь бодхисатвы Гуань-инь (Авалокитешвара) был возведен там в 1413 г. по приказу китайского императора Чэн-цзу – девиз правления Юн-лэ (1403–1424) – отрядом из 1000 воинов во главе с придворным евнухом Ишихой. Обласканное им местное население изъявило полную покорность. Однако когда в начале правления императора Сюань-цзу – девиз правления Сюань-дэ (1426–1435) – Ишиха во главе отряда уже из 2000 воинов снова прибыл в Нургань в 1433 г., от кумирни осталось лишь основание. Ишиха восстановил храм на новом месте и поставил еще одну, но уже гранитную, стелу с надписями и вновь щедро одарил местное население (*Цзилинь тунчжи*, 1898. Гл. 120. С. 36а–39а; *Попов*, 1905. С. 016, 017; *Serruys*, 1955. P. 43; *Мелихов*, 1970. С. 272, 273).

При исследовании остатков храма, построенного в 1433 г. на вершине Тырского утеса, нами было обнаружено в переотложенном состоянии около 20 предметов, явно выпадающих из числа других находок и постепенно объединенных мною в единый комплекс (*Артемьев*, 2003. С. 214. Рис. 6, *13–21*; 2004а. С. 88. Рис. 4, *13–21*; 2004б; 2004в. Т. 1. С. 155. Рис. 13–21; Т. 2. С. 164). Это одна собранная из обломков нижняя черепица от крыши, около десятка фрагментов от фронтонной нижней черепицы, один обломок верхней черепицы, два почти целых и несколько обломков концевых дисков от верхней черепицы, девять фрагментов орнаментированных кирпичей двух типов и один обломок дракона с конька крыши. Характерной чертой этих предметов является их светло-коричневый цвет. Кроме того, все они отличаются от таких же по назначению керамических деталей храмов 1413 и

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН в рамках программы "Этнокультурное взаимодействие в Евразии".

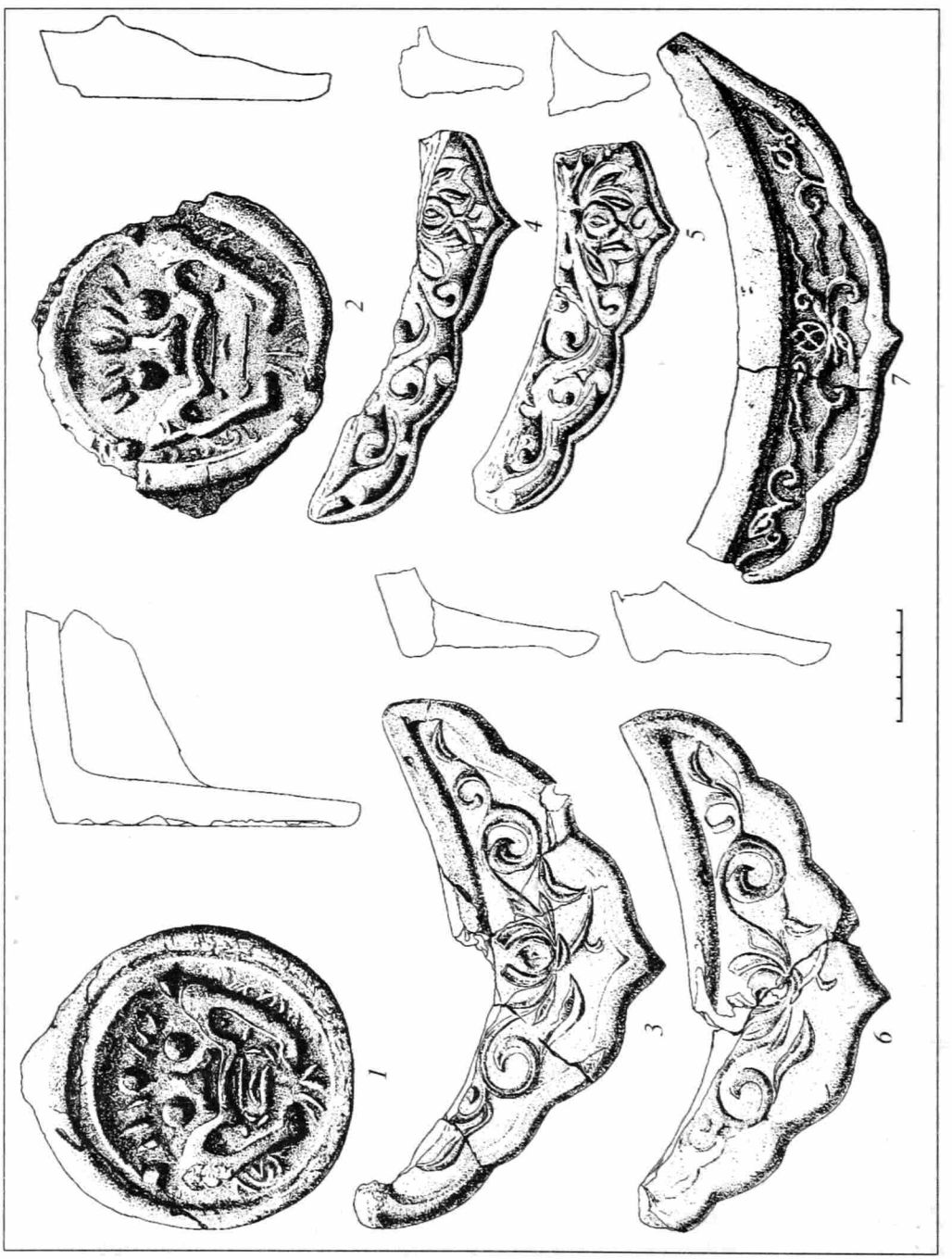


Рис. 1. Детали от черепицы крыш храмов 1413 и 1433 гг.
1, 2 – концевые диски от верхней черепицы; *3–7* – отливы-капельники от нижней черепицы (*1–7* – керамика)

1433 гг. размерами и орнаментацией. Так, единственная нижняя черепица имеет длину 26,5 см, ширину по большой хорде 26,3 см, по малой хорде 22,7 см и толщину 1,8 см, в то время как длина черепиц от крыш храмов 1413 и 1433 гг. составляет от 23,3 до 25,2 см, при ширине по большой хорде не больше 23,5, а по малой – не больше 19,2 см, и только средняя толщина у них такая же – 1,8 см. Весьма существенно отличается оформление широкого края у фронтонных, выходящих на карниз, черепиц этого типа. У черепиц храмов 1413 и 1433 гг. он заканчивается капельником, с орнаментом в виде цветка лотоса с отходящими от него вьющимися растениями (рис. 1, *3*–6). Здесь он сделан волнистым и украшен орнаментом в виде кружков, нанесенных, возможно, тростниковыми палочками (рис. 2, *8*). Верхняя черепица из этой группы находок отличается от черепицы обоих храмов размерами хорды – 13 см, тогда как у черепиц серого цвета от храмов 1413 и 1433 гг. они не превышают 10,5–11,5 см. Разительны отличия и концевых дисков от верхней фронтонной черепицы, которые у храма 1433 г. имели антропоморфное изображение (рис. 1, *1, 2*), а здесь – зооморфные изображения, в которых явно прослеживаются черты хищной птицы (рис. 2, *1, 2*). Фрагменты облицовочных кирпичей из этой группы находок имеют нанесенный штампом растительный орнамент (рис. 2, *3–7*), который самым существенным образом отличается от облицовочных кирпичей храмов 1413 и 1433 гг. (рис. 3). Еще один крупный фрагмент большого кирпича второго типа покрыт чешуйчатым орнаментом. К этим предметам примыкает единственный светло-коричневый фрагмент от скульптуры, украшавшей конек крыши (рис. 2, *9*).

Для того чтобы выяснить, различаются ли по технологии изготовления перечисленные предметы и детали храмов 1413 и 1433 гг., был проведен технологический анализ 15 различных изделий. Эти образцы послужили источником информации об отборе исходного сырья, его подготовке и составлении формовочной массы, т.е. о подготовительной стадии гончарного производства. Исследование проводилось с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 по свежим изломам – по методике, разработанной А.А. Бобринским (1978; 1999). В ходе работы для сравнения привлекались экспериментальные образцы, имеющиеся в лаборатории "История керамики" ИА РАН г. Москвы. Для определения ожелезненности глины фрагменты изделий нагревались в муфельной печи до 850 °С в окислительной среде.

Группа изделий I

10 образцов из 15 представленных для изучения показали сходство по особенностям отбора и подготовки исходного сырья и составления формовочной массы. Это по одному фрагменту гребневой черепицы (Т4а/388)[1], верхней черепицы (Т4/221), концевого диска типа 1 (Т4/278) (подобные изделия изображены на рис. 1, *1, 2*), верхней черепицы (Т4/237), нижней черепицы (Т/746), нижней черепицы (Т4/215), отлив (капельник) от нижней черепицы типа 1 (Т4/231) (подобные изделия изображены на рис. 1, *3, 6*), фрагмент отлива от нижней черепицы (Т4/139), фрагменты кирпича с орнаментом в виде виноградной лозы (Т4б/4) (подобные изделия изображены на

[1] Здесь и далее в скобках указаны паспортные данные образцов.

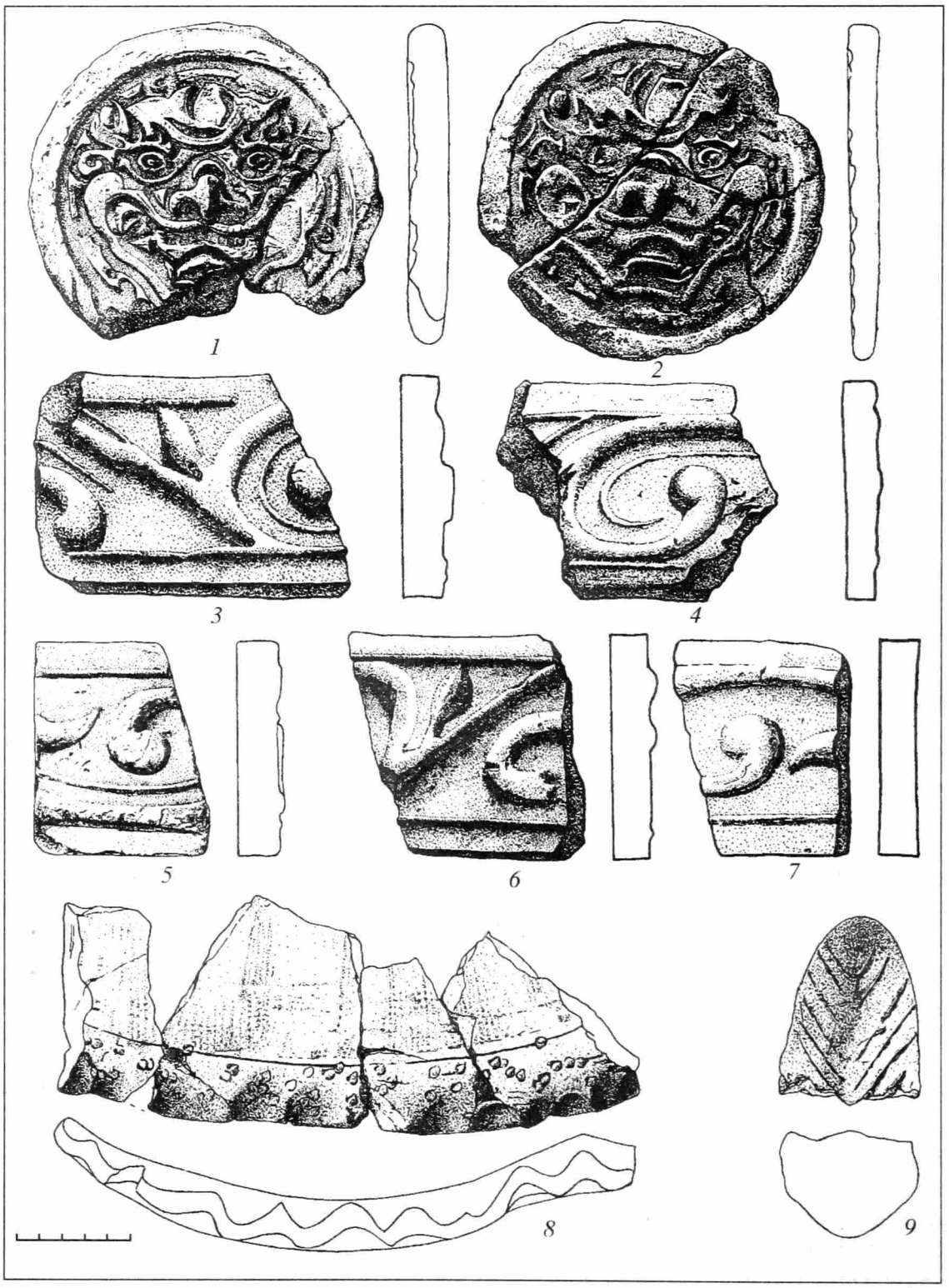


Рис. 2. Детали от храма 1260–1320-х гг.

1, *2* – концевые диски от верхней черепицы храма; *3–7* – облицовочные кирпичи со штампованным орнаментом; *8* – концевая часть верхней фронтонной черепицы; *9* – фрагмент дракона с конька крыши (*1–9* – керамика)

рис. 3, *1*, *7*) и кирпича с орнаментом в виде эллипсов (Т4/225) (подобные изделия изображены на рис. 3, *3*, *5*).

Отбор исходного сырья. Для изготовления перечисленных изделий отбиралась ожелезненная глина. Фрагменты изделий, нагретые в муфельной печи до 850 °С в окислительной среде, окрасились в буро-оранжевый цвет. Отмечены следующие естественные минеральные примеси в глине: 1) *песок пылевидный* (размер зерен менее 0,1 мм) кварцевый, прозрачный; 2) *бурый железняк*, представлен единичными округлыми включениями буро-оранжевого цвета размером от 0,2 до 1 мм.

Подготовка исходного сырья. Признаков дробления сухой глины в образцах не зафиксировано, поэтому можно утверждать, что глина использовалась во влажном состоянии.

Составление формовочной массы. В качестве искусственной примеси к глине использовалась дресва. Для ее изготовления отбиралась порода белочерного цвета, в составе которой помимо прочих минералов различается слюда черного цвета, а также кварц прозрачный или сероватый полупрозрачный. Порода пропитана окислами железа буро-коричневого цвета, как рыхлыми, так и плотными. Как правило, частицы дресвы довольно мягкие и ломаются иглой. С этим связано, вероятно, большое количество мелких частиц дресвы. В целом ее размер колеблется от 0,2 до 1,5–2 мм. Концентрация примерно 1:1–1:2, т.е. 1 часть дресвы на 1–2 части глины. Дресва калибровалась, т.е. подвергалась просеиванию, так как не отмечено частиц дресвы крупнее 2 мм (предел калибровки).

В образцах данной группы отмечены единичные включения растительных частиц. Они представлены мелкими вытянутыми отпечатками травянистых растений длиной 0,5–1,5 мм, а также более грубыми стеблевидными – до 10 мм длиной и 0,7–1,5 мм в диаметре. Очень низкая концентрация этих включений не позволяет сделать однозначный вывод об их искусственном или естественном происхождении в формовочной массе.

Группа изделий II

В четырех образцах из 15 наблюдаются иные особенности отбора и подготовки исходного сырья, составления формовочной массы. Это фрагмент нижней черепицы от крыши (Т4/22), фрагмент волнистого края черепицы с орнаментом (Т5/33) (подобное изделие изображено на рис. 2, *8*), фрагмент концевого диска типа 2 (Т4/262) (подобные изделия изображены на рис. 2, *1*, *2*), фрагмент кирпича с орнаментом (Т4а/377) (рис. 2, *7*).

Отбор исходного сырья. Для изготовления данных изделий применялась *смесь двух глин* – ожелезненной и неожелезненной. В качестве естественной минеральной примеси в обеих глинах присутствует кварцевый пылевидный *песок* в высокой концентрации, с размером зерен менее 0,1 мм. Песчинки более крупных размеров – до 0,5–0,7 мм – единичны. *Бурый железняк* представляет собой естественную примесь к ожелезненной глине. Представлен единичными округлыми включениями буро-оранжевого цвета, размером от 0,5 до 1,5 мм. Образцы Т4/262 и Т4а/377 обнаруживают наибольшую близость по характеру примеси бурого железняка. Она проявляется в несколько большей его концентрации, чем в других образцах группы II.

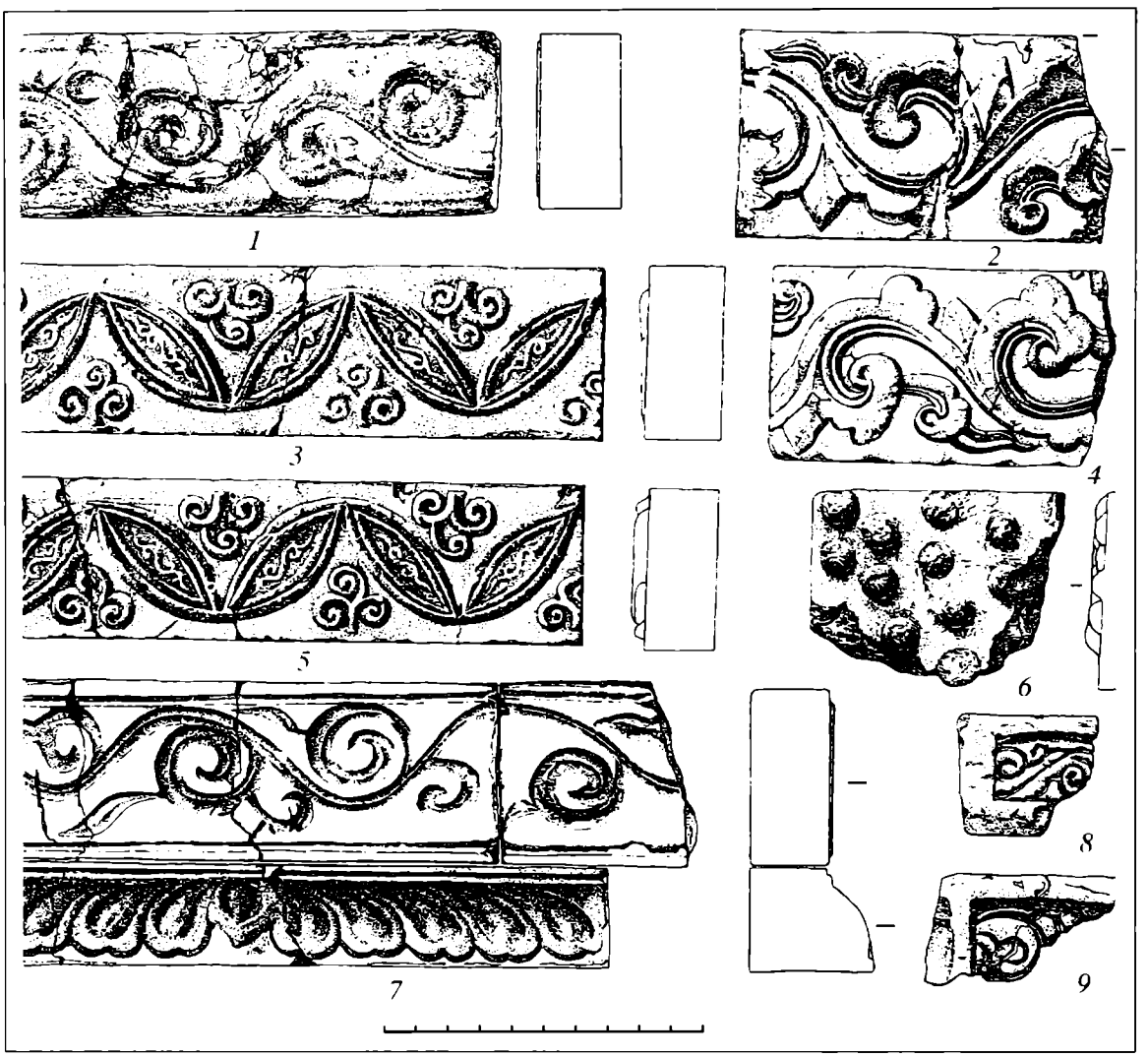


Рис. 3. Орнаментированные облицовочные кирпичи

1, 7 – от храма 1411 г. (использованы вторично при строительстве храма 1433 г.); *2–6, 8, 9* – от храма 1433 г.

Подготовка исходного сырья. В образцах Т4/22, Т5/33, Т4/262 неожелезненная глина использовалась в сухом состоянии, т.е. сырье вначале высушивалось, а затем дробилось и смешивалось. В пользу данного заключения говорят наблюдаемые в изломе нерастворившиеся комочки неожелезненной глины светлого розоватого оттенка. Их максимальный размер от 0,5 до 1 мм. Использование сухой ожелезненной глины отмечено только в образце Т5/33. Максимальный размер нерастворившихся частиц глины, имеющих терракотовую окраску, – 0,5 мм. В остальных случаях признаков дробления сухой глины не зафиксировано, поэтому можно утверждать, что сырье использовалось во влажном состоянии. Во всех образцах II группы наблюдались линзы и прослойки ожелезненной и неожелезненной глин.

Составление формовочной массы. Никаких искусственных минеральных примесей в образцах не обнаружено. О наличии искусственных органи-

ческих добавок в составе формовочной массы можно говорить только предположительно. В данной группе образцов отмечены единичные отпечатки травянистых частиц длиной 0,5–1,5 мм, происхождение которых остается неясным из-за очень низкой концентрации этих включений.

По особенностям отбора и подготовки сырья и составления формовочной массы фрагмент кирпича с чешуйчатым орнаментом (Т4а/389) не вошел ни в I, ни во II группу изделий.

Отбор исходного сырья. Для изготовления этого изделия использовалась смесь двух глин – ожелезненной и неожелезненной, причем исходя из того, что общая окрашенность черепка имеет светлый оттенок, можно предполагать, что неожелезненная глина составляла большую часть в смеси. В качестве естественной минеральной примеси в обеих глинах присутствует кварцевый пылевидный *песок* в высокой концентрации, с размером зерен менее 0,1 мм. Песчинки более крупного размера (0,5–0,7 мм) единичны. *Бурый железняк* как естественная примесь в ожелезненной глине представлен единичными округлыми включениями буро-оранжевого цвета размером до 0,5 мм.

Подготовка исходного сырья. Обе глины использовались в сухом состоянии. Сырье вначале высушивалось, затем дробилось и смешивалось. Об этом свидетельствуют наблюдаемые в изломе нерастворившиеся комочки глины терракотового, а также бело-розового цвета, размером до 2,5 мм. Кроме того, отмечены отдельные прослойки ожелезненной и неожелезненной глин.

Составление формовочной массы. В качестве искусственной примеси применялась дресва из той же породы камня, что и в образцах изделий группы I. Размер дресвы от 0,2 мм до 2,5 мм. Однако концентрация дресвы здесь гораздо ниже – примерно 1:5. Дресва, вероятно, также просеивалась, поскольку более крупных ее частиц не отмечено.

Органика присутствует в виде единичных включений растительных частиц, как мельчайших (0,5 мм длиной), так и грубых (до 5 мм длиной). Происхождение органической примеси неясно из-за слишком малой ее концентрации.

Таким образом, в ходе исследования образцов черепиц и кирпичей Тырских храмов выяснилось, что по особенностям технологии эти изделия не одинаковы. В частности, в них представлены совершенно разные традиции отбора исходного сырья, его подготовки и составления формовочной массы. Так, для изготовления изделий *I группы* использовалась ожелезненная глина. В качестве искусственной минеральной примеси в формовочную массу добавлялась дресва в концентрации 1:1–1:2, для изготовления изделий *II группы* – смесь двух глин, ожелезненной и неожелезненной, без добавления искусственных минеральных примесей. Один образец (кирпич с чешуйчатым орнаментом) изготовлен из смеси двух глин – ожелезненной и неожелезненной – с добавлением дресвы в небольшой концентрации. В контексте истории строительства данных храмов (*Артемьев*, 2003. С. 213, 214. Рис. 6; 2004*в*) отмеченные отличия в технологии между изделиями I и II групп связаны, скорее всего, с работой разных ремесленников. Установлено, что комплекс находок, о которых речь шла в начале статьи, отличают не только

морфологические, но и технологические особенности. Образцы этих изделий вошли во II технологическую группу, а детали от храмов 1413 и 1433 гг. – в I группу.

Допустимо предположить, что изделия II группы представляют собой остатки еще одной постройки, и по всей вероятности, тоже буддийской кумирни. Можно утверждать, что она более ранняя, чем раскопанные нами храмы 1413 и 1433 гг. Об этом свидетельствуют очень небольшое количество обнаруженных деталей этой постройки, орнаментация облицовочных кирпичей, имеющая аналогии юаньского времени из раскопок в Монголии (*Цэвээндорж*, 2004. С. 105. Рис 13, *1, 2, 6*), и архаичное оформление края нижней фронтонной черепицы от нее, которое характерно для архитектурных традиций периода существования на Дальнем Востоке государства Восточное Ся (1215–1233). Практически аналогичные тырским нижние черепицы с волнистым краем и тростниковым орнаментом найдены при раскопках парадной арки внутреннего города Шайгинского городища – самого известного и наиболее изученного памятника государства Восточное Ся в Приморье (*Артемьева*, 2003).

В 1263 г. в Тыре была основана ставка восточного наместника императора и, судя по сообщениям Юань ши, цзилими (цилеми) и – не позднее 30 ноября 1264 г. – гиляки приняли вассальную зависимость от Юаньской империи (*Юань ши*. Цз. 5). В 1297 г. над учже и цилеми было учреждено десятитысячное управление (*Чжан Тайсян, Ли Яньте, Чжан Гуечжи*, 1993. С. 68). Японские исследователи Ядзима Сатоси, Усиро Хироси и Ямада Горо полагают, что ставка восточного наместника императора была основана для усмирения населения нижнего Амура и Сахалина, а также исполняла роль передового опорного пункта, противодействующего японскому вторжению (*Satoshi Yajima, Hiroshi Ushiro, Goro Yamada*, 1994. P. 65). Другой причиной для образования там пункта базирования монгольских войск были айны (гувэй), которые не покорились власти Юаньской империи и даже захватили земли гиляков на севере Сахалина. Поэтому начиная с 1264 г. юаньские войска неоднократно переправляются через море на остров для подавления айнов. Однако карательные экспедиции 1273, 1284 и 1285 гг. не увенчались успехом (*Юань ши*. Цз. 8, 13) и война затянулась на целых сорок лет. Согласно источникам, проанализированным японским исследователем Хора Томиа, в 1297 г. и позднее айны сами высаживались на материк и вступали в столкновение с юаньскими войсками. Только в 1308 г. предводители гувэев Сянь Пи Цзи Му, Юй Шань Ну, Ва Ин и другие подчинились власти династии Юань и поклялись приезжать каждый год на материк и выплачивать дань мехами (*Хора Томиа*, 1956. С. 98–101).

Таким образом, надо полагать, что древнейший храм на Тырской скале был возведен в 60-х годах XIII в., одновременно с созданием в Тыре ставки восточного наместника монгольского императора. Сколько он просуществовал, неизвестно, однако, по мнению Вада Сея и Хора Томио, где-то в 1320 г. монголы покинули Сахалин и продолжали держать постоянный гарнизон только в Приморье (*Sei Wada*, 1938. P. 55; *Вада Сей*, 1942. С. 465, 466; *Хора Томио*, 1956. С. 99, 120, 121).

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев А.Р., 2003. Некоторые итоги работ Амурской археологической экспедиции в 1988–2002 гг. // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. Владивосток.

Артемьев А.Р., 2004а. Археологические памятники эпох Юань и Мин в Забайкалье и Приамурье (XIII–XV вв.) // РА. № 4.

Артемьев А.Р., 2004б. Буддийская кумирня XIII в. в низовьях Амура // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск.

Артемьев А.Р., 2004в. Итоги исследования буддийских храмов XIII–XV вв. в низовьях Амура // Archaeological Studies on Trade in the Ancient and Medieval Periods between Sakhalin and the North-East Japan Sea Region: North-East Asia International Cooperative Symposium Preliminary Papers. Tokyo. Vol. 1–2.

Артемьева Н.Г., 2003. Парадная арка Шайгинского городища // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск.

Барсуков И., 1891. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. М. Кн. 2.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.

Вада Сей, 1942. Шина но кисай ни араваретару Кокуруко кару ики но генджумин-Аборигены нижнего Амура по китайским источникам // Лекции по истории Восточной Азии. Токио. (На яп. яз.)

Мамия Риндзо, 1969. Записки о Восточной Татарии // Сборник исторических работ о жизни народа в Японии. Санъитисебо. (На яп. яз.)

Мелихов Г.В., 1970. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402–1413 гг.) // Китай и соседи в древности и средневековье. М.

Невельской Г.И., 1969. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России 1849–1855. Хабаровск.

Попов П., 1905. О тырских памятниках // ЗВОРАО. Т. 16, вып. 1.

Спафарий Н.Г., 1910. Описание первыя части вселеннея, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство. Казань.

Хора Томиа, 1956. Карафутоши Кенку = Исследования по истории Сахалина. Токио. (На яп. яз.)

Цзилинь тунчжи, 1898. Статистическое описание Гиринской провинции. (На кит. яз.)

Цэвээндорж Д., 2004. Монголын археологийн судалгаа: (Эрдэм шинжилгээний огуулэл, илтгэл) 1993–1997. Боть-III. = Археологические исследования в Монголии: (Сборник научных статей и докладов) 1993–1997. Улан-Батор. Т. 3. (На монг. яз.)

Чжан Тайсян, Ли Яньте, Чжан Гуйчжи, 1993. Ужэ цунхао = Исследование ужэ // Бэйфн веньу. № 3. (На кит. яз.)

Юань-ши, 1958. История династии Юань. Пекин; Шанхай. (На кит. яз.)

Satoshi Yajima, Hiroshi Ushiro, Goro Yamada, 1994. About the stone monument of Einei temple // Preliminary Reports on "Research project of the historical and cultural exchange of the North" in 1993. Issued March. The Historical Museum of Hokkaido. Sapporo. (На яп. яз)

Sei Wada, 1938. The Natives of the Lower Reaches of the Amur River as Represented in Chinese Records // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. № 10.

Serruys H., 1955. Sino-Jurced relations during the Yung-lo period (1403–1424). Wiesbaden.

Е.Г. Дэвлет

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН В 2002–2003 гг.

В 2002–2003 гг. Институт археологии РАН продолжил изучение фундаментальных проблем археологии и древней истории. Выполняемые исследования были нацелены на получение новых научных знаний о культурно-исторических процессах древности и средневековья, на более глубокое осмысление важнейших явлений в культурной истории человечества от момента его становления до начала нового времени, на развитие современных методов анализа археологических источников, предполагающих широкое привлечение методик естественных наук и внедрение междисциплинарных подходов. Важной составляющей в работе Института оставались регламентация полевых работ на территории России, научная экспертиза качества полевых исследований, проведение мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия.

В 2003 г. Институт возглавил чл.-кор. РАН Николай Андреевич Макаров. Состоялись выборы Ученого совета ИА РАН. Состав совета: Н.А. Макаров (председатель), Е.Г. Дэвлет (ученый секретарь), Т.И. Алексеева, Х.А. Амирханов, Г.Е. Афанасьев, Л.А. Беляев, А.П. Бужилова, А.Н. Гей, В.И. Гуляев, А.В. Кашкин, С.Н. Кореневский, М.Ф. Косарев, Г.А. Кошеленко, В.Д. Кузнецов, С.В. Кузьминых, И.Л. Кызласов, Р.М. Мунчаев, А.М. Обломский, С.В. Ошибкина, В.В. Седов, А.С. Смирнов, В.Ф. Старков, А.Н. Сорокин, А.В. Чернецов, Л.Т. Яблонский.

Структура Института не претерпела существенных изменений, но главные направления научно-исследовательской работы Института были скорректированы:

1. Проблема расселения древнейших человеческих групп и освоение человеком территории Евразии.

2. Развитие первобытных обществ и сложение древнейших цивилизаций. Древнейшая история материальной и духовной культуры.

3. Истоки технологий цивилизации современного типа: комплексная производящая экономика.

4. Население евразийских степей и окружающий мир в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

5. Центры античной цивилизации в системе евразийских культур.

6. Средневековое расселение и этнокультурные процессы в Восточной Европе. Славянские древности.

7. Древняя Русь: общество, культура, проблемы урбанизации.

8. Археология средневековой Москвы.
9. Культуры степной полосы Евразии в эпоху средневековья.
10. Проблемы теории и методики в археологических исследованиях.
11. Историческая динамика адаптивных процессов человеческих популяций.
12. Радиоуглеродное датирование и дендрошкалы как основы хронологии древних культур.
13. Регламентация полевых работ в России и контроль за их методикой.
14. Сохранение археологического наследия: практика и теория.
15. Составление археологической карты России.

Внедрение новых технологий в гуманитарные исследования сделало весьма актуальным не только применение обширных компьютерных баз данных для работы с археологическим материалом, но и внедрение географо-информационных систем, методов компьютерной обработки информации, аэрофотосъемки. Для успешной реализации этого современного направления исследований в структуре отдела охранных раскопок была создана группа археолого-географических информационных систем (рук. Д.С. Коробов), специализирующаяся на использовании методов АГИС и данных дистанционного зондирования (аэро- и космосъемки) в археологии.

В 2002 г. сотрудниками Института были опубликованы 51 монография (в том числе коллективные) и сборник, вышли в свет 380 статей, за рубежом изданы 4 книги сотрудников Института (см. Прил. 1). В 2003 г. число опубликованных монографий и сборников – 23, за рубежом изданы 2 книги сотрудников Института, вышли в свет 5 научно-популярных изданий и учебных пособий (всего 30 изданий; см. Прил. 1).

Среди них серийные издания, пополнившие корпус археологических источников. Очередной том многотомного фундаментального издания "Археология" "Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв.)" подводит итог почти 200-летнего изучения большого региона. Объединение в одном томе древностей всего юга Восточной Европы продиктовано, помимо географического положения, общностью исторических судеб, определяемой античной подосновой складывавшейся в регионе государственности и мощным влиянием древних цивилизаций Ближнего Востока и Византии. Последовательное рассмотрение средневековых древностей, представленных в томе, дало возможность составить историко-археологическую шкалу памятников с IV до XIII в. Археологический материал, собранный в томе, позволяет судить о глобальных исторических процессах, протекавших на охваченных исследованиями археологов землях Крыма, Северо-Восточного Причерноморья и Закавказья на протяжении целого тысячелетия. Богатый иллюстративный материал и обширная библиография с указателями делают это издание полезным широкому кругу специалистов и любителей истории.

Новая серия Института археологии – пять томов коллективных монографий, обобщающих междисциплинарные исследования Каргалинского горно-металлургического центра, проводившиеся за последнее десятилетие Каргалинской комплексной археологической экспедицией под руководст-

вом д.и.н. Е.Н. Черных, который стал составителем и научным редактором серии.

Открытие Каргалов, энергичные полевые и всесторонние лабораторные исследования материалов, полученных с различных памятников этого уникального центра, позволяют совершенно по-новому рассматривать характер и содержание как начальных этапов медного горно-металлургического промысла у обитателей степного пояса Евразии, имевших место уже 5,5–4 тысячи лет назад, так и ранней истории цветной металлургии в России XVIII–XIX вв.

Первый том знакомит с Каргалинским древним горно-металлургическим горнорудным центром, расположенным в степях Южного Приуралья.

При сопоставлении с соседними и отдаленными горнорудными центрами всей северной половины Евразийского континента становится очевидным, что он представляет собой гигантский горнодобывающий, металлургический и металлообрабатывающий комплекс, уникальный как по своей глубокой древности, так и по насыщенности археологическими и историческими материалами.

Второй том посвящен центральному объекту исследований – поселению эпохи поздней бронзы Горный (XVIII–XV вв. до н.э.). Комплексное изучение памятника привело к открытию новых и весьма разнообразных сторон жизни древнейших горняков и металлургов Евразии.

Значительным событием в мире науки стали фундаментальные публикации по истории славян, увидевшие свет в 2002 г. С дополнениями была переиздана коллективная монография "Восточные славяне: антропология и этническая история". Тираж первого издания, вышедшего в свет в 1999 г., вызвал широкий интерес читателей и быстро разошелся. Исследование этнической истории и антропологии славян безусловно следует отнести к одной из наиболее актуальных тем современной исторической науки. Труд знакомит с более чем столетней историей изучения восточных славян и современным этапом исследований. В книге органически увязаны результаты как классических антропологических направлений (краниология, одонтология и пр.), так и новых в этой проблематике (геногеография, палеопатология, обобщенный фотопортрет). Антропологические источники позволили осветить различные этапы этнической истории от возникновения славян, формирования восточнославянских общностей до позднего средневековья и нового времени.

В коллективной монографии публикуются итоги изучения материалов многолетних раскопок многослойного торфяникового поселения Ивановское 7. Анализируются стратиграфия и планиграфия памятника, изделия из камня, кости, рога, дерева и глины мезолитической бутовской, неолитических верхневолжской, льяловской и волосовской культур. В приложениях приведены результаты анализа остатков фауны и флоры, радиоуглеродные датировки, а также данные, характеризующие антропологические особенности древнего населения.

Сборник "Древности Боспора" (т. 5) содержит статьи и публикации, посвященные различным аспектам материальной и духовной жизни Боспор-

ского государства и касающиеся разных его районов, городов и поселений, могильников или отдельных находок; публикуются материалы раскопок многолетней давности; приводятся некоторые итоги исследований специалистов неисторического профиля, чьи работы представляют несомненный интерес, в первую очередь, для археологов.

В книге "Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии" (вып. III) представлены результаты обработки базы данных по погребальным памятникам среднесарматской культуры (около 900 комплексов) с использованием статистико-комбинаторных методов. Статистическая обработка подтвердила, что все среднесарматские материалы от Дона до Южного Приуралья относятся к единой археологической культуре, внутри которой выделяется шесть регионов, в рамках которых локальные группы памятников связываются с отдельными племенными объединениями кочевников. Результаты свидетельствуют в пользу сложения среднесарматской культуры на основе взаимодействия местных и пришлых (аланы ?) племен.

Сборник "Русь в XIII веке: древности темного времени" представляет собой опыт нового осмысления переломной исторической эпохи – XIII века с опорой на обширные археологические материалы, накопленные в последние десятилетия. Вторая половина XIII в. традиционно рассматривается в отечественной историографии как период радикальных изменений в экономике, культуре и социально-политической организации древнерусского общества, обусловленных, в первую очередь, военным разгромом русских княжеств в 1237–1240 гг. Господствующее в археологии представление, согласно которому середина XIII в. является отчетливым хронологическим рубежом, разделяющим два различных этапа в культурной истории России, базируется на обширном археологическом материале, собранном в основном в довоенный период и первые послевоенные десятилетия. В настоящем сборнике представлены статьи, написанные по результатам широких раскопок древнерусских памятников XII–XIV вв., произведенных в последние годы в различных регионах древней Руси и открывших возможности для существенной переоценки и уточнения сложившихся представлений. Впервые за последнее десятилетие вместе собраны работы, авторы которых на основе конкретных источниковедческих исследований пытаются создать взвешенную, научно обоснованную модель истории русской культуры накануне и после монгольского нашествия.

Сборник "Верхнее Подвинье в III–IV вв. н.э." включает материалы раскопок археологических памятников, относящихся к малоисследованному, но весьма важному периоду перехода от позднего железного века к раннему средневековью. В числе прочих представлены хорошо известные коллекции, до сих пор публиковавшиеся отрывочно. Сборник существенно пополнил источниковую базу изучения ранней истории славян и их соседей в Верхнем Поднепровье.

Увидел свет ряд публикаций, посвященных различным аспектам полевых исследований в Арктике. В коллективных монографиях и сборниках представлены результаты международных междисциплинарных исследований.

Выпущенный на английском языке сборник "International scientific cooperation in the Arctic" представляет материалы одноименной конференции, состоявшейся в г. Баренцбург на Шпицбергене и посвященной столетней годовщине Шведско-Российской экспедиции на Шпицберген и 125-летию известного российского исследователя Арктики В. Русанова.

Коллективная монография "Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции" посвящена изучению исторических памятников, оставленных Второй Камчатской (Великой Северной) экспедицией. Коротко излагается история экспедиции, приводится список оставленных ею памятников. Подробно рассказывается об археологическом изучении остатков лагеря В. Беринга на Командорских островах, о поисках и изучении могилы В. и Т. Прончищевых в устье р. Оленёк, о раскопках на Оленёкском зимовье, близ которого зимовал отряд В. Прончищева, о поисках места зимовки отряда П. Лассиниуса в устье р. Хара-Улах. Подробно рассказывается о восстановлении по костным останкам облика В. Беринга, В. и Т. Прончищевых.

Сборник "OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии" (вып. 1–2) включает работы антропологов, археологов, палеозоологов, почвоведов и географов, в центре внимания которых общий объект исследования – человек и его жизнедеятельность в доисторический и исторический периоды. Исследуется способность человека меняться и менять окружающий мир в процессе адаптации к культурной и природной среде, реконструируются различные этапы существования человечества. Включенные в сборник статьи показывают, что междисциплинарные исследования в археологии – активно развивающееся новое направление. Заметно расширяется круг информационных источников археологического исследования, а интерпретации приобретают весомость не только вследствие накопления материала, но и благодаря новым методикам.

Институт продолжал осуществлять возложенные на него федеральные функции по контролю за археологическими исследованиями на территории России и их координации (Отдел полевых исследований). Выданные "Открытые листы" регулируют проведение полевых исследований в 76 субъектах Федерации (включая города федерального значения Москву и Санкт-Петербург). В соответствии с заявками учреждений, ведущих археологические исследования, число выданных ОПИ "Открытых листов" в 2002 г. составило 947, а в 2003 г. – 1102. Соответственно было рассмотрено 832 и 815 отчетов о полевых исследованиях на территории России.

Важным для оптимизации экспертизы научно-методического уровня полевых исследований, унификации формы предоставления научной отчетности стал проект "Автоматизированная информационная система по регламентации археологических раскопок и разведок на территории России" (отв. И.А. Сорокина), в которую включаются текущие и архивные материалы – в Институте археологии РАН собрана уникальная информация об археологических памятниках, производившихся на них исследованиях и об их результатах. Созданная в результате сотрудничества отдела полевых исследований и отдела охранных раскопок информационная система может стать основой для учета памятников археологии в Едином государст-

венном реестре объектов культурного наследия, введение которого предусматривается текущим законодательством.

Одним из важнейших информационных изданий Института, оперативно представляющим данные о полевых исследованиях, являются "Археологические открытия" под ред. В.В. Седова и Н.В. Лопатина ("Археологические открытия 2000 г.", "Археологические открытия 2001 г.", "Археологические открытия 2002 г."), в которых воедино сведена краткая информация о результатах полевых археологических изысканий на территории России, Беларуси и работах российских исследователей за пределами РФ.

Актуальность поиска новых подходов и методов охраны памятников показала дискуссия "Незаконные раскопки и археологическое наследие России", развернувшаяся по инициативе чл.-кор. РАН Н.А. Макарова. Темой ее стала активизация незаконных, грабительских раскопок. 8 апреля 2002 г. состоялось совместное открытое заседание редакционной коллегии и редакционного совета журнала "Российская археология". В ходе Круглого стола был заслушан ряд специально подготовленных докладов, выступления присутствующих, что инициировало обсуждение этой злободневной темы на страницах "Российской археологии".

Неудовлетворительное состояние охраны археологических памятников в России, нарастание негативных тенденций в этой сфере, прежде всего, стремительный рост практики нелегальных грабительских раскопок, проводимых с целью добычи древних вещей для продажи, потребовал незамедлительных действий по совершенствованию правовых норм, регулирующих отношения в этой области и разъяснению опасности новых угроз. По поручению Администрации президента РФ и Правительства РФ Институт археологии подготовил предложения по изменению Административного кодекса РФ, предусматривающие усиление ответственности за нелегальные раскопки, и обратился в правоохранительные органы с предложением более полно использовать нормы существующего законодательства для пресечения грабежей на археологических памятниках. Институт инициировал обсуждение проблемы нелегальных раскопок в средствах массовой информации. Состоялась выставка "Спасенная история" (Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского), подготовленная сотрудниками ИА РАН, на которой были представлены как результаты археологических работ в зонах природного и антропогенного разрушения памятников, так и фотокадры грабительских раскопок.

Важная часть работы по инвентаризации объектов культурного наследия нашей страны выполнялась отделом археологических сводов и карт, в котором по заданию Министерства культуры РФ было рассмотрено и утверждено в 2002 г. – 682, в 2003 г. – 524 комплекта первичной учетной документации на археологические памятники, дано заключение по 23 спискам археологических памятников различных регионов, которые впервые ставятся на государственный учет и охрану.

Продолжалась работа над научно-справочным изданием "Археологическая карта России", в котором приводятся важнейшие данные об известных к настоящему времени археологических памятниках на территории РФ. Памятникам каждого из регионов посвящается отдельный выпуск. В числе

сведений, сообщаемых в издании о каждом памятнике археологии, – его локализация, характер и особенности, современное состояние, датировка и культурная принадлежность, основные находки, места хранения важнейших коллекций, интерпретация, литература и архивные источники, содержащие сведения о памятнике.

Институт археологии ведет исследования в рамках ряда федеральных целевых программ.

ИА РАН включился в подготовленный группой институтов гуманитарного и естественнонаучного профиля Сибирского отделения РАН совместно с институтами РАН, поддержанный Отделением историко-филологических наук, интеграционный проект "Этнокультурное взаимодействие народов Евразии", на основе которого на 2003–2005 гг. утверждена Программа Президиума РАН "Этнокультурное взаимодействие в Евразии (координаторы акад. В.И. Молодин, чл.-кор. В.А. Тишков). В программу включено 14 проектов сотрудников ИА РАН, реализация которых предполагает проведение комплексных полевых и кабинетных исследований. В числе проектов ИА РАН: "Культурные процессы в мезолите лесной зоны Европы и Зауралья (д.и.н. М.Г. Жилин); "Истоки горно-металлургического производства в Северной Евразии" (д.и.н. Е.Н. Черных); "Мир наскального искусства Евразии" (д.и.н. Е.Г. Дэвлет); "Сибирь первобытная: Очерки теории и методологии палеоэтнографического исследования" (д.и.н. М.Ф. Косарев); "Этнокультурные процессы в пограничье различных природных и ландшафтных зон (энеолит – бронзовый век)" (к.и.н. А.Н. Гей); "Материальная и духовная культура сельского населения античных государств Таврики" (д.и.н. А.А. Масленников); "Этнокультурные процессы и миграции в регионе Подонья в скифское время (VI–IV вв. до н.э.)" (д.и.н. В.И. Гуляев); "Декоративное искусство в археологии и эпос" (к.и.н. Г.Г. Король); "Экология и этногенез народов Евразии" (акад. Т.И. Алексеева); "Экология как фактор социально-экономического развития Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху" (к.и.н. Ю.В. Горлов); "Палеоэкология Северо-Западного Кавказа во второй половине голоцена (IV тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.)" (к.и.н А.А. Малышев); "Археозоологический материал как источник для реконструкции систем жизнеобеспечения древних народов Евразии" (к.б.н. Е.Е. Антипина); "Культура Маргианы: от Александра Македонского до арабского завоевания" (д.и.н. Г.А. Кошеленко).

По итогам первого этапа реализации программы, нацеленной на создание новой концепции исторического развития огромного субконтинента, вышла из печати монография Е.Г. Дэвлет "Памятники наскального искусства", подготовлены сборники статей. Проведены полевые исследования, раскопки и разведки на мезолитических местонахождениях Верхней Волги, Верхней Оки и Аятском озере в Среднем Зауралье (М.Г. Жилин); раскопки и разведки в ряде районов Предкавказья, Северного Кавказа и Болгарии (энеолит-бронзовый век) (А.Н. Гей); раскопки курганов и поселения скифского времени в Подонье (В.И. Гуляев); раскопки античных и ранневизантийских памятников в Крыму и Приазовье (А.А. Масленников); комплексные археологические исследования в Абхазии (Ю.В. Горлов); полевые ис-

следования на Северо-Западном Кавказе памятников эпохи бронзы, античного времени, эпохи средневековья (А.А. Малышев).

По программе ОИФН "Общественный потенциал истории" осуществлялись проекты "История России в экспозициях и фондах музеев РАН" (акад. Т.И. Алексеева); "От доистории к истории (пиктографические и эпиграфические источники Старого и Нового Света)" (д.и.н. Е.Г. Дэвлет).

В программе ОИФН "История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте" ИА РАН осуществлял исследования по подпрограмме "Историческая роль славян в Европе в средневековье и раннее новое время". По проекту "Этнокультурные трансформации в лесостепной и лесной зоне Восточной Европы в период Великого переселения народов (IV–VI вв.)" (д.и.н. А.М. Обломский) изучались могильник и поселение гуннского времени в Липецкой обл.; исследовался могильник Лаут на окраине г. Калининграда; проводились разведки Волго-Мстинского отряда в ряде районов Тверской обл., обнаружены редкие в этом регионе памятники V в. По проекту "Этапы славянского заселения Северо-Запада Русской равнины (на материалах Себежского Поозерья, Верхнего Подвинья, Валдая и Верхневолжья)" (к.и.н. Н.В. Лопатин) проводились археологические разведки с целью поисков памятников эпохи культуры длинных курганов на Верхней Волге (обнаружено 4 памятника); разрабатывалась историография проблемы. По проекту "Археология северорусской деревни X–XIII вв." (чл.-кор. РАН Н.А. Макаров) проведены полевые работы на средневековых сельских поселениях на Кубенском озере в Вологодской области. В результате раскопок эталонных сельских памятников получены данные о планировочной структуре поселений, о хозяйственном базисе и потреблении северной деревни домонгольского времени. Составлен каталог средневековых археологических памятников на Кубенском озере, исследованы процессы становления сети сельского расселения X–XIII вв. и формирования локальных территориально-административных образований. По проекту "Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)" (д.и.н. А.В. Чернецов) изучались крупнейший столичный город древней Руси – Старая Рязань, а также малый город Ростиславль и селище Сосновка в его округе. По проекту "Домен московских князей (1273–1505 гг.): комплексное историко-ландшафтное исследование" (к.и.н. С.З. Чернов) подготовлена рукопись тематического сборника "Древнерусские ландшафты округи Москвы". По проекту "Русские деньги и денежные системы последней трети XIV–XV в." (д.и.н. П.Г. Гайдуков) подготовлена рукопись монографии "Русские четверетцы и полушки конца XIV–XVII вв.".

В рамках государственной "Комплексной программы оптимизации и повышения эффективности деятельности российских организаций на архипелаге Шпицберген" ИА РАН осуществляет исследования по подпрограмме "Проведение фундаментальных археологических исследований по изучению и сохранению российского культурно-исторического наследия на архипелаге Шпицберген. Развитие музейного дела на Шпицбергене" (д.и.н. В.Ф. Старков).

Ежегодно Институтом археологии организуются около 35 экспедиций и отрядов с самостоятельным финансированием. Сотрудники ИА РАН являются держателями свыше 100 открытых листов, работами были охвачены территории 23 субъектов РФ: Астраханская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Ростовская, Рязанская, Смоленская, Ярославская области, а также Москва, Краснодарский и Ставропольский края, Кабардино-Балкария, республика Дагестан. Работы проводились и за пределами России – на территории Украины, Абхазии, Туркменистана, Сирии, Болгарии и на Шпицбергене. Состоялись переговоры об организации полевых исследований в Азербайджане и Узбекистане.

Зонами наиболее интенсивных полевых работ являются центр Европейской России, где вели работы 12 экспедиций, а также юг России, Северный Кавказ и Причерноморье, где работали 10 экспедиций. Получены важные результаты на известных памятниках – это и палеолитические стоянки (Зарайск, Хотылево), и античные памятники (Фанагория, Танаис), и крупнейшие древнерусские города (Новгород, Старая Рязань, Ростов). Но немало и вновь открытых местонахождений или памятников, еще недавно слабо изученных, потенциал которых как археологических объектов был в полной мере раскрыт лишь в последние годы.

Зарайская экспедиция (чл.-кор. Х.А. Амирханов) продолжила исследования остатков верхнепалеолитического поселения, расположенного в исторической части г. Зарайска Московской области, на котором был выявлен ряд объектов. Были получены свидетельства о том, что Зарайская стоянка, скорее всего, не является здесь одиночным памятником, или, по крайней мере, не является единичным комплексом. В ходе раскопок получена многотысячная коллекция каменных изделий, а также большое количество остатков плейстоценовой фауны.

Сирийская экспедиция (чл.-кор. Р.М. Мунчаев) продолжила археологические раскопки культового центра IV–III тыс. до н.э. Телль-Хазна I в Северо-Восточной Сирии. Некоторые детали памятника имеют уникальную сохранность: его стены прослеживаются на высоту более 8 м. Эти исследования имеют важнейшее значение для понимания процесса формирования государственности на Древнем Востоке. В 2003 г. при помощи гелевого аэростата АСГ-10 на современном уровне зафиксирована планиграфия памятника.

Северо-Кавказская комплексная экспедиция (к.и.н. А.Н. Гей) проводила исследования на памятниках энеолита, бронзового и раннего железного веков, античности и средневековья силами трех полевых отрядов – Абинского, Гудаутского, Новороссийского. В процессе работ в Абинской долине была получена информация о системах расселения и природопользования в разные исторические эпохи, созданы предпосылки для изучения демографических процессов в широком хронологическом диапазоне. Получило подтверждение предварительное заключение о разнокультурности, разновременности и значительной вариабельности конструкций в средневековых курганных группах на Абине.

Прохоровская экспедиция (д.и.н. Л.Т. Яблонский) осуществила важные исследования эпонимного сарматского памятника – курганного могильника Прохоровка 1 в Оренбургской области. Изучены два кургана, 30 погребений, которые были отнесены к раннесарматскому периоду.

Таманская экспедиция (д.и.н. В.Д. Кузнецов). В процессе археологических исследований на территории городища Фанагория были обнаружены строительные остатки IV в. до н.э., а на территории некрополя впервые в России зафиксирована погребальная конструкция в виде каменного склепа с уступчатым сводом IV в. до н.э. Благодаря подводным исследованиям были уточнены батиметрические карты акватории, прилегающей к Фанагории.

Восточнокрымская экспедиция (д.и.н. А.А. Масленников). Исследованные памятники античного и ранневизантийского времени в Крымском Приазовье (поселения Генеральское-Западное, Куль-Тепе, Зеленый мыс) позволили получить новые данные по хронологии и архитектуре сельских поселений Восточного Крыма данного периода. Зеленый мыс – единственный негородской памятник ранневизантийского времени, целенаправленно исследуемый в Северном Причерноморье.

Онежско-Сухонской экспедицией (чл.-кор. Н.А. Макаров) завершен цикл исследований Мининского археологического комплекса в Вологодской области. Раскопками вскрыты культурные напластования средневекового поселения, ставшего основой для формирования одного из северных волостных центров, и погребальные комплексы X–XII вв., документирующие существование ранее неизвестных форм языческого погребального обряда и постепенную трансформацию обрядности, обусловленную распространением христианства. Собрана богатая коллекция вещей (более 2500 предметов), характеризующая материальную культуру севернорусской деревни X–XIII вв., высокий материальный достаток сельского населения, широкие торговые связи обитателей северных окраин Древней Руси. В составе коллекции редкие образцы финно-угорской художественной металлопластики X–XI вв. и предметы христианского культа XII–XIII вв.

Новгородская экспедиция. В процессе археологических исследований, проводимых на Никитинском раскопе в г. Новгороде, были найдены остатки усадеб, мастерских ювелирной и по обработке янтаря. Выявленные 15 в 2002 г. и 6 в 2003 г. берестяных грамот, 15 актовых печатей, западноевропейские товарные пломбы, монеты и др. материалы свидетельствуют об интенсивном развитии Великого Новгорода во второй половине XIV в. Среди уникальных находок: глиняный водолей с изображением гусляра.

Важным направлением работы Института археологии РАН оставалось выявление и спасение археологических памятников в зонах проектируемых и ведущихся строительных и других земляных работ. С целью получения максимально полной информации о подобных объектах поддерживаются контакты с ведущими проектными организациями, планирующими работы республиканского и регионального масштаба, сотрудники участвуют в экспертизе и корректировке проектов с точки зрения охраны археологического наследия. Крупнейшими постоянно действующими экспедициями, проводящими работы в зонах хозяйственного освоения, являются Деснинская,

Подмосковная и Межрегиональная. В зонах строительства в 2002 г. отработан 41, а в 2003 г. – 69 договоров с российскими заказчиками, крупные работы осуществлены во Владимирской, Вологодской, Ивановской, Калининградской, Нижегородской областях, на территории Москвы и Московской области.

В историческом центре Москвы работали отряды ИА РАН (к.и.н. Н.А. Кренке), в частности *Московской экспедицией* велись широкомасштабные раскопки на территории древнейшего женского Зачатьевского монастыря г. Москвы. Открыты остатки собора XVI в., получены доказательства существования церкви на территории монастыря в XIV в., найдены уникальные для Москвы предметы импорта того же времени (китайский селадон).

Подмосковная экспедиция (к.и.н. А.В. Энговатова). Раскопками исследовались средневековые памятники. Важные результаты получены в ходе работ в Кремле г. Дмитрова, в Троице-Сергиевой Лавре и на Мякининской пойме около черты г. Москвы. В центре г. Дмитрова, на территории кремля был исследован погост – родовая усыпальница нескольких местных боярских родов, являющийся одним из ранних городских некрополей г. Дмитрова, основанного в середине XII в. При проведении археологических работ в Троице-Сергиевой Лавре было исследовано монашеское кладбище середины XVII в. и восстановлена его планировка, что важно в связи с проводящейся вертикальной планировкой Троице-Сергиевой Лавры и благоустройством территории.

Совместно с Немецким археологическим институтом (DAI) и Университетом Варшавы реализуется международный проект на базе Нижне-Донской экспедиции – раскопки Танаиса и его некрополя. Материал из более чем 300 погребальных комплексов, исследованных в ходе раскопок некрополя Танаиса в 1981–1995 гг., уже опубликован в коллективной монографии Т.М. Арсеньевой, С.И. Безуглова, И.В. Толочко "Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг.". Прослеживаются традиции и инновации в погребальном обряде, наибольший интерес представляет группа погребений IV–V вв. н.э. – ранее в Танаисе материалов по этому периоду почти не было известно.

В 2002 г. Институт выступил организатором Международного полевого симпозиума "Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс" на базе Каргалинской комплексной экспедиции (председатели оргкомитета: Р.М. Мунчаев, Е.Н. Черных). Опубликован сборник "Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Материалы Каргалинского международного полевого симпозиума" (сост. Е.Н. Черных). Подробно рассмотрены основные проблемы горного дела и металлургии бронзового века на южно-уральском Каргалинском комплексе. Представлена информация о новейших исследованиях, состоянии изученности этого важнейшего производства древности в ряде узловых регионов Евразии: от Британских островов и Испании до Алтая и Ирана.

Состоялась Международная научная археологическая конференция "Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга" (Москва – Ростов Ве-

ликий), организованная ИА РАН (председатели оргкомитета: Н.А. Макаров и А.В. Чернецов). Проблематика конференции затронула аспекты, связанные с выделением в составе восточнославянских земель крупных макрорегионов и определением их исторического значения в контексте общей этнокультурной и военно-политической истории Руси, что имеет принципиальное значение для исторической оценки этнической природы древнерусского государства и уровня интегрированности его составных частей, для уяснения исторических истоков становления трех современных восточнославянских народностей. В конференции приняли участие более 30 докладчиков из восьми городов России, а также археологи Украины и Белоруссии.

Проведены XXII Крупновские чтения (г. Кисловодск), на которых выступили более 60 исследователей-кавказоведов из разных стран. Этот научный форум еще раз показал необходимость интеграции исследователей из разных регионов и внес существенный вклад в изучение древчей и средневековой истори Северокавказского региона.

В Москве состоялись VIII Международные чтения памяти профессора В.Д. Блаватского, собравшие более 30 участников.

Международный полевой семинар "Археологическое изучение Старой Рязани" (Старая Рязань) был посвящен изучению русского средневекового города. Более 30 участников плодотворно обсуждали актуальные проблемы изучения городских древностей и новые методические подходы.

По материалам ранее состоявшейся конференции "Астрономия древних цивилизаций" опубликован сборник "Астрономия древних обществ", в котором представлены результаты исследований археологов, астрономов, историков, этнографов, филологов, геофизиков, палеоклиматологов по проблемам археоастрономии – нового научного направления, формирующегося на стыке гуманитарных и естественных знаний.

В 2003 г. был проведен Российско-французский круглый стол в рамках международной программы научного сотрудничества (PICS № 1583 – РАН – CNRS) "Проблемы контактов в Западной Европе в раннем средневековье". В работе круглого стола приняли участие около 30 человек, были затронуты вопросы истории и хронологии Восточной и Центральной Европы периода Великого переселения народов, политической и этнической истории Кавказа.

Международная конференция "Археологические и исторические исследования на Шпицбергене", посвященная 25-летию Шпицбергенской археологической экспедиции (Шпицберген, пос. Баренцбург), собрала 19 докладчиков из шести стран: России, Норвегии, Швеции, США, Нидерландов, Германии. Тематика была связана с археологическим изучением архипелага Шпицберген; исторической (индустриальной) археологией и международным сотрудничеством на Шпицбергене. Было принято решение о создании на Шпицбергене международного археологического центра по изучению поздней арктической археологии.

Ежегодным стал круглый стол "Геоинформационные технологии в археологических исследованиях", объединивший более 40 специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Воронежа, Нальчика,

Ростова-на-Дону, Ставрополя, Элисты. Представители академической науки, преподаватели высшей школы и сотрудники органов охраны памятников обсуждали вопросы эффективного применения ГИС в археологии.

На расширенном заседании отдела каменного века, посвященном 100-летию со дня рождения О.Н. Бадера, собравшиеся обращались к широкому кругу проблем, поставленных исследователем.

Расширенное заседание отдела каменного века "Проблемы культурной дифференциации в каменном веке Русской равнины", посвященное 100-летию со дня рождения М.В. Воеводского, объединило исследователей из научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Курчатова, Пензы. Темы докладов и выступлений, охватывающих период от верхнего палеолита до энеолита, были связаны с научным наследием М.В. Воеводского, раскрывали современное состояние исследований в районах, где работали экспедиции, возглавляемые М.В. Воеводским.

Институтом археологии РАН совместно с Музеем истории города Москвы проведен семинар "Археология Подмосковья", в работе которого приняли участие 23 исследователя, представлявшие 10 различных научных учреждений Москвы и Подмосковья. Были заслушаны и обсуждены 24 доклада, посвященные генезису культур раннего железного века в Волго-Окском регионе, развитию летописного города Ростиславля Рязанского, проблемам типологии и хронологии памятников материальной культуры средневековья и др.

Среди научно-популярных изданий сотрудников Института следует назвать переиздание в серии "Научно-популярной литературы" книги А.А. Формозова "Древнейшие этапы истории Европейской России", две монографии Г.Г. Ершовой "Древняя Америка: полет во времени и пространстве" и "Мезоамерика".

Соединению науки и высшей школы способствовало сотрудничество в рамках программы "Интеграция". Совместное периодическое издание Института археологии РАН и Магнитогорского государственного университета "Проблемы истории, филологии, культуры" служит ярким примером плодотворного сотрудничества Академии и высшей школы, а состав авторов свидетельствует о взаимообогащающем совместном изучении античности археологами, историками, лингвистами, философами, этнографами и др. В 2002 г. увидел свет одиннадцатый выпуск этого объемного журнала, в котором представлен ряд статей, затрагивающих различные аспекты истории, материальной и духовной культуры античного и средневекового общества (Северное Причерноморье, Греция, Рим, Восток, варварский мир); а также статьи по новой и новейшей истории России и зарубежных стран, по филологии и культуре.

Сотрудники Института активно участвуют в подготовке кадров высокой квалификации, руководя работой аспирантов и соискателей. В Институте имеется Совет по защите диссертаций по специальности 07.00.06 – археология, в который входит 21 сотрудник ИА РАН. Были рассмотрены 7 докторских и 16 кандидатских диссертаций, по всем работам принято положительное решение (см. Прил. 2).

Т.И. Алексеева и Н.О. Бадер были удостоены Премии Президиума РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая 2002 года за монографию "Homo sungirensis: Эволюционные и экологические аспекты исследования человека верхнего палеолита".

А.Н. Сорокин был удостоен премии им. И.Е. Забелина за монографию "Мезолит Жиздринского полесья: Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы".

В 2002–2003 гг. научный коллектив ИА РАН состоял из 176 человек, среди них академики Т.И. Алексеева и В.В. Седов, чл.-кор. РАН Х.А. Амирханов, Н.А. Макаров, Р.М. Мунчаев.

Приложение 1

СПИСОК КНИГ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2002–2003 гг.

2002 г.

1. *Арсеньева Т.И., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Полиграф.
2. Археологи Волго-Уральского региона: Справочник / Ред. и сост. С.В. Кузьминых. Уфа: Гилем.
3. Археологическая карта России: Тульская область / Ред. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН. Ч. 2.
4. Археологические статьи и материалы: Сборник участников Великой Отечественной войны / Отв. ред. К.И. Комаров. М.: ИА РАН.
5. Археологические открытия 2001 г. / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Наука.
6. *Волков В.В.* Оленные камни Монголии / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.: Научный мир.
7. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э.: Материалы // Раннеславянский мир. Отв. ред. и сост. Н.В. Лопатин. М.: ЗАО Бизнескарта. Вып. 4.
8. Восточные славяне: антропология и этническая история / Ред. Т.И. Алексеева, 2-е изд. М.: Научный мир.
9. Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс: Материалы Каргалинского международного полевого симпозиума / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН.
10. Древности Боспора / Ред. А.А. Масленников, А.А. Завойкин. М.: ООО "Гриф". Т. 5.
11. *Дэвлет Е.Г.* Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир.
12. *Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А.* Духовная культура древних народов Северной и Центральной Азии (мир петроглифов). Lewinston; New York: Edvin Mellen Press.
13. *Ершова Г.Г.* Древняя Америка: полет во времени и пространстве: Мезоамерика. М : Алетейа.
14. *Ершова Г.Г.* Древняя Америка: полет во времени и пространстве: Северная Америка и Южная Америка. М.: Алетейа.
15. *Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука.
16. Изборск и его округа: Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции / Отв. ред. В.В. Седов. Псков.
17. Историко-археологический альманах. М.: ИА РАН. Вып. 8.
18. Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции. М.: Научный мир.
19. *Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.: Памятники исторической мысли. Вып. III.

20. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков: (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань.
21. *Кореняко В.А.* Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Восточная литература.
22. *Косарев М.Ф.* Язычество Сибири. Lewinston; New York: Edvin Mellen Press.
23. Краткие сообщения Института археологии / Гл. ред. В.В. Седов. М.: Наука. Вып. 213.
24. *Кулаков В.И.* От Восточной Пруссии до Калининградской области: Исторический путеводитель. Калининград.
25. *Кызласов И.Л.* Памятники рунической письменности Горного Алтая: Учебное пособие. Горно-Алтайск. Ч. 1: Памятники енисейского письма.
26. *Марковин В.И.* Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су (Северо-Восточный Кавказ). М.: Наука.
27. *Медынцева А.А.* Хрестоматия по археологии. М.: Московская Гуманитарная академия.
28. *Медынцева А.А.* История русской культуры (X–XIX вв.): Программа лекций и семинарских занятий. М.: МГСА, Социум. (В соавторстве.)
29. *Медынцева А.А.* Основы археологии: Лекции и семинары. Методические указания. М.: МГСА.
30. *Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука.
31. Музеи РАН: Альманах 2001 / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Научный мир.
32. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Отв. ред. Т.И.Алексеева. Воронеж: МИОН.
33. *Обломский А.М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднее римское и гуннское время (III–V вв. н.э.). М.: Наука.
34. Очерки истории отечественной археологии / Ред. и сост. А.А. Формозов. М.: Наука. Вып. III.
35. Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Тула: ИПП Гриф и К.
36. Проблемы истории, филологии, культуры / Отв. ред. М.Г. Абрамзон. М.; Магнитогорск. Вып. XII.
37. Проблема расы в российской физической антропологии / Ред. Т.И. Алексеева и Л.Т. Яблонский. М.: ИЭА РАН.
38. *Русанова И.П.* Истоки славянского язычества: культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы: Прут.
39. Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга: Материалы научной конференции. М.: ИА РАН.
40. *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры.
41. *Седов В.В.* Изборск – протогород. М.: ИА РАН.
42. *Сорокин А.Н.* Мезолит Жиздринского полесья: Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука.
43. Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России). М.: Научный мир.
44. Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. М.: ИА РАН. Вып. 1.
45. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М.: Восточная литература. Вып. III: Среднесарматская культура / Ред. М.Г. Мошкова.
46. *Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю, Дубровин Г.Е.* Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. М.: Научный мир. Вып. I: Остатки судов.
47. *Формозов А.А.* Древнейшие этапы истории Европейской России. М.: Наука.
48. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г., Горлов Ю.В.* Клады античных монет на Юге России: По материалам Краснодарского края. М.: УРСС.
49. *Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Горожанин В.М., Горожанина Е.Н., Овчинников В.В., Пучков В.Н.* Каргалы. М.: Языки славянской культуры. Т. I / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных.
50. *Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В.* и др. Каргалы. М.: Языки славянской культуры. Т. II / Сост. и науч. ред.. Е.Н. Черных.

51. *Юшко А.А.* Феодальное землевладение Московской земли XIV в. М.: Наука.
52. *Devlet M.A.* Siberian Petroglyphs (part 1) / Anthropology & Archaeology of Eurasia. Summer 2001. Armomk: M.E. Sharpe. Vol. 40, № 1.
53. *Devlet M.A.* Siberian Petroglyphs (part 2): Interpretation / Anthropology & Archaeology of Eurasia. Summer 2001. Armomk: M.E. Sharpe. Vol. 40, № 2.
54. International scientific cooperation in the Arctic: Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию Русско-Шведской меридиональной экспедиции на Шпицбергене (пос. Баренцбург, Шпицберген) / Ред. Е.Н. Бузни. М.: Научный мир.
55. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Ред. А.П. Бужилова. М.: Научный мир. Вып. 1–2.

2003 г.

1. *Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В.* Влахи: (Историко-антропологическое исследование). М.: Научный мир.
2. Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья / Отв. редакторы: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука.
3. Археологическая карта России: Тверская область. М.: ИА РАН. Часть 1 / Отв. ред. А.В. Кашкин, автор-сост. Г.Г. Король.
4. Археология и история архипелага Шпицберген: Тез. докл. конференции, посвященной 25-летию Шпицбергенской археологической экспедиции РАН (пос. Баренцбург, Шпицберген) / Отв. ред. Е.Н. Бузни. М.: Тип. ИРИ РАН.
5. Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. / Отв. ред. В.В. Седов. Псков.
6. Археологические открытия 2002 г. / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука.
7. *Буров В.А.* Городище Варварина Гора: Поселение I–V и XI–XIV вв. на юге Новгородской земли. М.: Наука.
8. *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. М.: ИА РАН.
9. Древности Боспора. М. Т. 6 / Ред. А.А. Масленников, А.А. Завойкин.
10. *Коробов Д.С.* Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. н.э. СПб.: Алетейя.
11. *Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания. М.: Ладога–100.
12. Краткие сообщения Института археологии / Гл. ред. В.В. Седов. М.: Наука. Вып. 214.
13. Краткие сообщения Института археологии / Гл. ред. В.В. Седов. М.: Наука. Вып. 215.
14. *Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. М.: Индрик. Т. 1.
15. *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 года. М.: Индрик.
16. *Кызласов И.Л.* История культуры тюркских народов: Домусульманский период: Программа проблемного специального курса. М.: ИСАА при МГУ.
17. *Кызласов И.Л.* Памятники рунической письменности горного Алтая: Учебное пособие. Горно-Алтайск. Ч. 1: Памятники енисейского письма.
18. *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. М.: Гуманитарий. Вып. 1: Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай).
19. *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.: Гриф.
20. *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.: Гриф.
21. *Моргунов Ю.Ю.* Сампсониев Остров: пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М.: Наука.
22. *Морозов Ю.А., Нигматуллин Р.А.* Погребальные памятники срубной культуры бассейна реки Дема (Башкирское Приуралье). Уфа.
23. *Парфянский выстрел* / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко. М.: Росспэн.
24. *Плетнева С.А.* Кочевники евразийских степей эпохи средневековья: Курс лекций. Воронеж.
25. Русь в XIII веке: Древности тёмного времени / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука.

26. *Седов В.В.* Славяне в Римское время. М.: ИА РАН.
27. Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск. Вып. XIII / Отв. ред. М.Г. Абрамзон.
28. *Старков В.Ф., Державин В.Л.* Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле. М.: Научный мир.
29. Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki. Vol. II.
30. *Kazanski M., Mastykova A.* Les peuples du Caucase du Nord: Le debut de l'histoire (Ier-VIIe siecle apr. J.-C.). Errance.

Приложение 2

СПИСОК ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ В ДИССЕРТАЦИОННОМ СОВЕТЕ Д 002.007.01 ПРИ ИА РАН В 2002–2003 гг.

НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

2002 год

Козловская М.В. Феномен питания в эволюции и истории человека.
Медникова М.Б. Трепанация у древних народов Евразии как исторический источник.

2003 год

Внуков С.Ю. Проблемы амфорного производства и торговли в Причерноморье (I в. до н.э. – II в. н.э.).
Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: Изучение, сохранение, использование.
Жилина Н.В. Русская зернь и филигрань XI–XV веков.
Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам).
Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана.

НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

2002 год

Корниенко Т.В. Формирование традиции культового строительства в дописьменную эпоху на территории Месопотамии.
Кудряшов А.В. Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв.
Лунькова Ю.В. Погребальный обряд срубной культуры Волго-Донского междуречья.
Пташинский А.В. Культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I–II тыс. н.э.).

2003 год

Болдин И.В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тысячелетии н.э. (проблема хронологии и периодизации).
Вальчак С.Б. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период.
Захаров С.Д. Средневековое Белоозеро: Становление и развитие городского центра на северной периферии Древней Руси.
Лев С.Ю. Каменный инвентарь Зарайской стоянки (типологический аспект).
Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников).
Олейников О.М. История населения Тверского Поволжья в VI–XIII вв.

Зайцева И.Е. Ювелирное дело в городах "Земли вятичей" в XI–XIII вв. (регион Верхнего Поочья).

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири.

Родинкова В.Е. Культурные связи Среднего Поднепровья в VII в. (по материалам женского убора).

Степанова Ю.В. Комплекс погребального костюма сельского населения Верхневолжья X–XIII вв.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (прединаньинская и ананьинская культурно-историческая области).

Элиас С. Хассунская культура Северной Месопотамии.

С.В. Кузьминых

К 70-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРНЫХ

В декабре 2005 г. Евгению Николаевичу Черных – доктору исторических наук, профессору, заведующему лабораторией естественнонаучных методов Института археологии РАН – исполняется семьдесят лет.

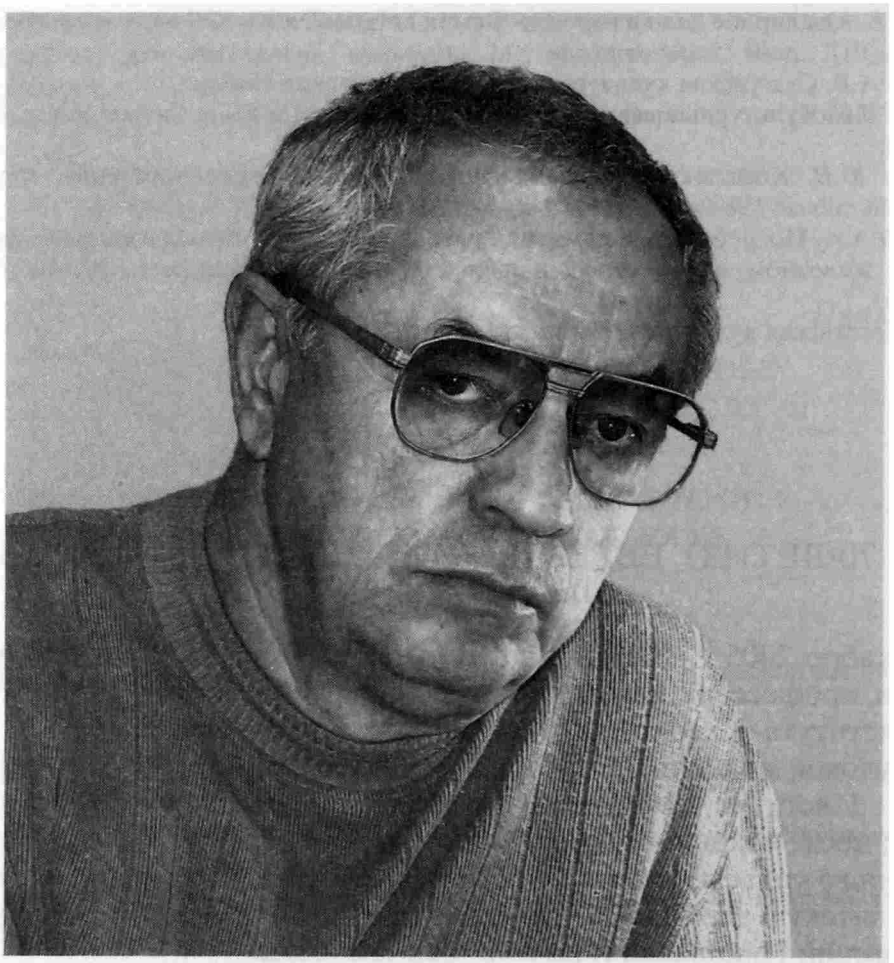
В трудовой книжке Е.Н. Черных в графе "место работы" только одна запись – Институт археологии АН СССР/РАН, в котором он служит с 1958 г., после окончания кафедры археологии исторического факультета Московского университета. Попасть в Институт археологии в те годы даже на лаборантскую должность (а именно с нее и начал свою трудовую деятельность Евгений Николаевич) почиталось за счастье.

Университет дал Черных немало: базовое археологическое образование (курсы вели ведущие ученые страны), методику полевой практической работы (прежде всего, в экспедициях О.Н. Бадера) и навыки инициативы и самостоятельности.

Первые годы работы Е.Н. Черных в Институте археологии связаны с камеральной лабораторией. Расширилась география его полевых исследований. Особенно важными явились раскопки городища Алтен-тау на Каме, Фофоновского могильника на Байкале и поселения близ хутора Веселого в Прикубанье.

Переломным в научной судьбе Черных стал 1960 г. В Институте археологии по инициативе Б.А. Колчина были сформированы и начали функционировать первые кабинеты (группы) естественнонаучного профиля. Без особого колебания Евгений Николаевич решился на новое дело. Но нужно было обладать завидной смелостью, чтобы шагнуть в неизведанное.

Лаборатория создавалась с нуля. Приборы и оборудование требовали отладки. Многое пришлось переделывать и адаптировать к имеющимся условиям. И если бы не мастеровые, действительно "золотые" руки Е.Н. Черных, кабинет вряд ли в том же 1960 г. приступил к аналитической работе. По ходу дела нужно было многому научиться. Свои вторые "университеты" Евгений Николаевич прошел в Институте стали и сплавов и в ряде лабора-



торий академических и технических институтов Москвы. Он познакомился с опытом работы химико-спектральной лаборатории ЛОИА и зарубежных исследовательских групп. С самого начала Черных ориентировался на историко-металлургические, а не только на прикладные исследования. Всего лишь за три года ему удалось провести обширные – и в территориальном, и в хронологическом отношении – сборы проб медных и бронзовых предметов эпохи раннего металла и изучить их химический состав. Доклад Е.Н. Черных о первых итогах работы кабинета спектрального анализа выносится Б.А. Рыбаковым на Ученый совет. Доклад произвел впечатление на Т.С. Пассек, Е.И. Крупнова и других "бронзовиков". Старших коллег привлекли не только полученные результаты, но, прежде всего, перспективы, которые открывал новый метод в изучении историко-металлургических проблем. Итоги этой работы были подведены в кандидатской диссертации (1963 г.) и в монографии "История древнейшей металлургии Восточной Европы".

В первое десятилетие деятельность лаборатории спектрального анализа развивалась по двум исследовательским направлениям: 1) изучение древнейшей металлургии СССР (преимущественно восточноевропейской) и 2) цветная металлообработка Восточной Европы раннего железного века и ранне-

го средневековья. Ведущим для Е.Н. Черных являлось, безусловно, первое направление, рассчитанное на перспективу. В рамках первого направления в 1970 г. Черных закончил исследование "История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке", которая состояла из двух самостоятельных, но тесно взаимосвязанных тем: "Металлургия Урала, Поволжья и Дона" и "Металлообработка Юго-Запада СССР", опубликованных затем в виде монографий. В рамках второй темы изучался металл черняховской культуры. Были выделены основные зоны металлообработки цветного металла Восточной Европы в I тыс. н.э. и определено место черняховского металла в системе производящих центров того времени. Итогом данного исследования стала коллективная монография "Металл черняховской культуры" (в соавторстве с Т.Б. Барцевой и Г.А. Вознесенской).

Важным этапом в творческой биографии Е.Н. Черных стала первая половина 1970-х годов, связанная, прежде всего, с работами Советско-Болгарской экспедиции на многослойном поселении раннего бронзового века Эзеро и разработкой плановой научной темы "Древнейшая металлургия Болгарии".

Второе направление работ экспедиции – изучение историко-металлургических проблем эпохи меди и бронзы – увенчалось поразительными открытиями, которые резко изменили традиционные представления об истоках древнейшей металлургии и горного дела в Европе. Евгений Николаевич объехал большинство музеев Болгарии, сделал зарисовки основного массива древних орудий, оружия и украшений и собрал более 1200 проб металла. В 1971, 1972 и 1974 гг. специальный отряд экспедиции под руководством Е.Н. Черных провел масштабные обследования древних медных рудников в различных районах страны. В итоге удалось собрать сведения о 103 медных и полиметаллических месторождениях и рудопроявлениях со следами древних разработок. Среди выявленных рудников особенно важное значение имело открытие и раскопки Аи-бунара – одного из древнейших медных рудников Европы (V–IV тыс. до н.э., в системе калиброванных радиоуглеродных дат).

Итоги исследований в Болгарии Черных подвел в 1975 г. в монографии "Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии", опубликованной в Софии. Эта книга стала событием в истории болгарской науки. Правительство НРБ наградило автора в 1981 г. орденом "Кирилла и Мефодия" I степени.

Во второй половине 1970-х – 1980-е годы основные научные исследования Е.Н. Черных посвящены истории древнейшей металлургии в северной половине Евразии. В 1984 г. он возглавил лабораторию естественнонаучных методов. В скором времени структура лаборатории приобрела свой настоящий вид с двумя наиболее перспективными в современных условиях научными направлениями – историко-металлургическим и археобиологическим (ко второму примыкают и дендрохронологические исследования). Характерной чертой работы лаборатории стала разработка крупных научных тем, выполняемых коллективами исследователей. В целом же в лаборатории сложилось генеральное научное направление, которое можно обозначить

как "История производящей экономики в Евразии в V тыс. до н.э. – II тыс. н.э.".

Экспедиционные исследования тех лет связаны с поисками древних рудников в Абхазии, Средней Азии, Монголии. На эти же годы приходится активное сотрудничество Черных с "Горной энциклопедией", в которой вышли десятки его статей об истории освоения минеральных ресурсов в тех или иных странах, а также о наиболее выдающихся памятниках горного дела. В ряде университетов страны (Свердловск, Томск, Омск, Тбилиси и др.) им прочитан спецкурс "Эпоха раннего металла на территории СССР". Свидетельством высокого признания его научных трудов стало избрание Евгения Николаевича вице-президентом Комиссии по эпохе раннего металла Международного союза до- и протоисториков (1977–1980 гг.) и членом-корреспондентом Германского археологического института (с 1981 г.).

Именно в эти годы с особой силой проявился интерес Е.Н. Черных к теоретической археологии – и, конечно, он не был случайным. 70–80-е годы прошлого столетия в целом примечательны всплеском отечественных исследований в области теории и методологии археологии. Многим из нас памятна полемика, которую вели Ю.Н. Захарук, В.Ф. Генинг, Л.С. Клейн, В.Д. Викторова, Я.А. Шер и другие археологи о содержании и структуре археологической теории, о предмете, объекте, процедуре и методах археологического исследования. Для Черных "мостиком" к теоретическим разработкам стали историко-металлургические исследования. Изучение эпохи раннего металла с ее фундаментальными инновациями в различных областях технологии и социальной организации, кардинальными изменениями жизни и мировоззрения человека, нарастающей неравномерности развития древних сообществ потребовало осмысления ряда общих проблем данной эпохи.

В 1980 г. Е.Н. Черных начал разработку двух плановых тем: "Факторы социального развития и модель археологии" и "Отражение рационального и иррационального в археологической культуре". В 1982 г. они дополняются новыми темами: "Нормативная система в структурах древних обществ" и "Общие закономерности в историческом развитии культур Евразии". Рукопись последней составила основу коллективной монографии "Археология СССР в свете новейших открытий", опубликованной издательством "Прогресс" (к сожалению, книга прошла мимо русскоязычного читателя, которому, прежде всего, и предназначалась). Эти и другие проблемы теоретического характера стали предметом полемики на ряде конференций и симпозиумов в СССР и за рубежом. Позднее, в 1990-е годы, Черных предпринял попытку синтеза своих теоретических и историко-металлургических разработок в курсе лекций "Исторический процесс: циклы развития мировых культур", прочитанном в Российском Открытом университете. Многие из этих проблем ("На пороге несостоявшейся цивилизации", "Гипотезы древней культуры", "Символы древних культур", "Изотопные часы исторического процесса" и др.) выносятся на суд широкой читающей публики благодаря журналам "Наука и жизнь", "Знание – Сила", "Природа", "Das Altertum" и др.

В 1980-е годы Е.Н. Черных продолжил изучение ряда общих и конкретных историко-металлургических проблем. Первоначально он обратился к теме "Металлургия поздней бронзы и культуры валиковой керамики Евразии", а затем центр тяжести своих исследований перенес с финальной стадии позднего бронзового века на начальную, а именно: металлургию сейминско-турбинского типа. Ее итогом стала монография "Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен)" (в соавторстве с С.В. Кузьминых).

В середине 1980-х годов настала пора подвести итог четвертьвековой деятельности лаборатории спектрального анализа. Все эти годы основные усилия Е.Н. Черных, а затем и его учеников были направлены на изучение темы, связанной с историей развития древнейшей металлургии в северной половине Евразии. Итоги данного исследования опубликованы в 1992 г. в монографии "Древнейшая металлургия в СССР" в серии "New studies in archaeology".

Начало 1990-х и наступившая "эпоха перемен" внесли заметные изменения в стратегию научной деятельности Е.Н. Черных и возглавляемой им группы исследователей. В новых условиях сформировалось направление историко-металлургических исследований, связанное с созданием специализированных компьютерных баз данных по металлическим изделиям и литейным формам эпохи меди и бронзы. Созданные в лаборатории базы данных не имеют аналогов в мировой археологической науке по своему объему и информативности. В основном они охватили материалы двух крупнейших металлургических провинций – Циркумпонтийской и Евразийской. Эти базы явились основой комплексных исследований, выполненных на принципиально новом методическом уровне.

В ходе работы с базами данных металлических изделий потребовались уточнения абсолютные хронологические границы существования провинций, а также географические координаты памятников. Так отпочковалось два "ответвления", тесно взаимосвязанных с основным направлением исследований. Первое – создание специализированных баз данных по радиоуглеродным датировкам комплексов той или иной археологической культуры и провинций в целом. Обработка массивов дат позволила уточнить абсолютные датировки основных хронологических периодов эпохи раннего металла, предложить хронологические схемы функционирования металлургических провинций в целом и выделить этапы в их развитии. Другое "ответвление" – выявление географических координат памятников, которые фигурируют во всех базах данных. Эта работа позволяет провести точную локализацию и создать масштабные карты памятников по самым различным признакам.

Второе – и не менее важное – направление историко-металлургических исследований связано с открытием и комплексным изучением Каргалинского меднорудного и горно-металлургического центра в Южном Приуралье, который активно эксплуатировался в эпоху раннего металла, а также в XVIII–XIX вв. Полевые работы 1990–1999, 2002 гг., обработка огромного массива разнообразных археологических источников и их подготовка к печати потребовали многих сил Каргалинской экспедиции. Возможно, наибо-

лее красноречивым итогом этой работы являются четыре тома трудов экспедиции, вышедших под редакцией Е.Н. Черных, его научно-популярная книга "Каргалы: Забытый мир", десятки статей в российских и зарубежных журналах и успешно проведенный в 2002 г. Международный полевой симпозиум.

Е.Н. Черных в археологии ровно полвека, если вести отсчет от памятной Новгородской экспедиции 1955 г. Минуют десятилетия, сменятся поколения археологов, "канут в Лету" прошлые труды и идеи. Многими это воспринимается остро. Но мне близок настрой Черных, который не только относится к этому философски, но сам ломает прежние взгляды, если они расходятся с его исследованиями сегодняшних дней. Евгений Николаевич, как и в юности, постоянно в поиске. Ему противопоказан покой. Пусть он не устанет в пути!

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АО	–	Археологические открытия. М.
ВГУ	–	Воронежский государственный университет
ВДИ	–	Вестник древней истории. М.
ВНИИР	–	Всероссийский научно-исследовательский институт реставрации
ГМВ	–	Государственный музей Востока
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ДВО РАН	–	Дальневосточное отделение Российской академии наук
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж
ЗВОРАО	–	Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук
ИГ РАН	–	Институт географии Российской академии наук
ИГЕМ РАН	–	Институт геологии рудных месторождений Российской академии наук
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
МАИЭТ	–	Материалы по археологии и этнографии Таврики. Симферополь.
МАК	–	Материалы Археологической комиссии. СПб.
МАР	–	Материалы по археологии России. СПб.
МГУ	–	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МУСА	–	Международная уния славянской археологии. Киев
НМА	–	Национальный музей Адыгеи
ОАК	–	Отчет Археологической комиссии
ОИФН РАН	–	Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
РА	–	Российская археология. М.
РГНФ	–	Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ	–	Российский фонд фундаментальных исследований
СА	–	Советская археология. М.
САИ	–	Свод археологических источников. М.; Л.

SUMMARY

M.G. Zhilin presents the results of excavations carried out at the stratified peat-bog dwelling site Stanovoe 4. The site is situated on the border of Ivanovo and Yaroslavl Regions, on the promontory of the River Lakhost' ancient bed, on its right bank. In this place the river rises from the Podozersky peat-bog. The site was discovered by the author in 1992 and in 1993–2002 archaeological excavations were performed. The total excavated area is around 600 sq. m. In excavation trench 1 there was discovered the cultural deposit attributed to the late stage of the Mesolithic Butovo culture and separate finds of L'yalovo and Pozdnyakovo cultures. In trench 2 the cultural remains dating from the earliest local Neolithic were discovered attributed to the early stage of the Upper Volga culture and the middle and early stages of Butovo culture, as well as separate finds of L'yalovo culture. In excavation trench 3 the deposits of the early and middle stages of Butovo culture were uncovered *in situ* with the admixture of finds of Ienevo culture. In the overlying deposits numerous redeposited finds were discovered, they date from the Mesolithic, the Early and the Middle Neolithic and the Bronze Age. The author publishes the radiocarbon dates and the data of pollen analysis obtained from the site. Comparison of these data permits to single out basic stages of the site's settling in connection with oscillations of the ancient lake level.

The paper by *A.N. Gei* entitled "Investigations of ancient monuments of the West Caucasus" discusses the results of the season of 2003, when excavations were started in the mountainous areas of the West Caucasus, not investigated before. The excavations of the dolmen sites of the Bronze Age and the medieval kurgan cemeteries have contributed greatly to the conventional column of the archaeological cultures represented in the region in question. It was established that local dolmens show some specific features distinguishing them from similar monuments of other territories.

A new sequence of sites characterised by original burial rite has been revealed. They date from the Early Iron Age and are attributed to a specific variant of the proto-Maeotian culture.

As a result of the works carried out at the medieval sites of the region, classification of the medieval kurgan mounds surrounded by stone circles at the base has been worked out. Now we can discriminate between the earlier barrows of the 12th – the 13th cc. related by some features with the Turkic ethnic component, and those of later date (the 14th – the 16th cc.) attributed to the Adyg-Shapsug group.

The palaeogeographic materials were collected in the course of the works. They provide the reconstructions of palaeoclimatic processes and palaeolandscapes, evidencing rather dynamic natural and geomorphological processes. These data give grounds to formulate the strategy of searching dwelling sites that are now unknown in the discussed region.

The article by *A.R. Kantorovich* and *V.R. Erlikh* is devoted to the publication of four unique bronze terminals discovered by the Caucasian archaeological expedition

of the State Museum of Oriental Art (Moscow) in the kurgan-sanctuary near the village Tenginskaya. Kurgan 2 enters necropolis II disposed near the fortified settlement on the Kuban River. The finds were placed on the wooden construction built over the ditch. In the ditch the remains of 24 horses and 6 young individuals of cattle had been deposited. Probably, the terminals had originally surmounted the poles that marked the sacral area designed for animal sacrifice.

All the terminals are shaped as deer head with open-work horns shown in vertical position (on three terminals the horns are symmetrical and on one – asymmetrical). Horns' appendices are transformed into the heads of the birds of prey. The representations of the Tenginskaya terminals are one-sided, unlike the earlier ones known from the Kuban basin (for instance, those from Ulsky association) or the pieces of the Scythian art dating from the 7th – the 4th cc. BC known from the North Pontic zone. This feature is characteristic of the bridle-sets from the Kuban basin dated to the second part of the 4th c. BC; in their decoration predominate chasing and incision executed, as a rule, on one (visible) side of the artefact. Similar pieces of applied art are known from the sites of the Elizavetinskaya type. The closest analogy for the Tenginskaya terminals with symmetrical deer horns is known from adjacent territory – Anap-kurgan near Maikop, as well as from Elizavetinskaya associations and Gyenos. Symmetrical deer horns rendered in close manner are represented on cheek-pieces' shields from Semibratniy kurgan No. 3 (the 4th c. BC). Iconographically similar are the griffins popular in the Greek art of the 4th c. BC, and especially on the painted vases of Kerch style, widely spread in the North Pontic zone in the second part of the 4th c.

Proceeding from the Kerch vases' chronology, all the terminals from kurgan No. 2 in Tenginskaya cemetery may be dated not before the second part of the 4th c. BC. The date is confirmed by the chronology of some other artefacts discovered in the association.

The technological investigation of the artefacts included surface analysis with the help of binocular microscope and X-ray fluorescent energy-dispersed analysis. It shows that the terminals had been cast in lost-wax technique, and the representations had been originally executed over cold wax. To cast terminals Nos. 2–4 rather simple copper-tin alloy was used, but terminal No. 1 of highest artistic values was cast of more complicated three-component copper-tin-lead alloy, which best suited casting artefact of that complicated a shape.

The paper by *L.T. Yablonsky* and *D.V. Meshcheryakov* informs the reader about the excavations of the early Sarmatian kurgans near the village Prokhorovka (Orenburg Region). The kurgan cemetery Prokhorovka as an eponymous site has always attracted investigators' attention. The excavations organised in 1911 and 1916 yielded the materials lacking clear archaeological context. Therefore chronological position of the site as a whole and separate burial mounds within it recently has become the object of lively discussion. In the paper the main results of the investigations conducted in 2003 are presented. The excavations give grounds to suggest more reliable chronology for each kurgan; all the burials discovered at the cemetery are attributed to the same stage of development of the early Sarmatian culture (the late 4th – the early 2nd cc. BC). The collection of finds recovered during the excavations is of greatest value for any museum layout.

V.D. Kuznetsov presents the results of the excavations conducted in Phanagoria – the largest site of Classical antiquity in Russia. The expedition worked at three objects – at the hillfort and the necropolis, conducting also underwater researches.

The excavation trench on the high plateau edge in the central part of the hillfort covered an area of 900 sq. m. Cultural deposit in this spot was up to 6 m thick. At present the cultural remains investigated in the trench date from the Classical epoch (the 5th c. BC) till the Khazarian period (the 7th–8th cc. AD). Public and private buildings have been uncovered (mainly represented by walls' remains). The recovered archaeological finds are characteristic of the urban material culture (Fig. 1).

In the southern necropolis a kurgan mound has been investigated. It contained a unique construction – the stone crypt with stepped roofing (Figs. 2, 3). The crypt consisted of the round chamber, over it round cupola with six steppes had been erected. Inward walls of the chamber are covered with white plaster. The entrance was arranged in the chamber's northern wall, it represented an underground passage covered with thick logs. The entrance had been rammed with shell rock blocks, three of them missing. The opening had been used by robbers to plunder the crypt: when discovered, it was absolutely empty. The construction dates back to the first half of the 4th c. BC according to the Pantikapean coin found on the floor.

In the course of the underwater researches in the submerged area of Phanagoria special devices were used to compile the map of the sea bottom. As a result of the underwater excavations the ruins comprising stone blocks and marble architectural details were registered. Besides, the excavation trench 25 sq. m large was dug up in the tide strip (Fig. 4). Having pumped water out, it was established that over the sandy virgin soil there was the cultural deposit dating from the 4th c. BC.

The work by *A.A. Maslennikov* and *S.V. Mokrousov* informs about new investigations conducted in 2003 in the Crimea, the Azov Sea littoral, at the sites of Classical antiquity. The works concentrated at the large rural estate (Generalskoe-Zapadnoe). In the excavated area ca. 700 sq. m there were discovered construction remains subdivided into two chronological stages, both dating from the 4th–3rd cc. BC. These were private and public buildings disposed along the periphery of a small inner yard of rectangular shape. Of special interest are the remains of a well-preserved construction supplied with drain-system. Near it two small altars were located and massive pavement of pot-sherds. Among the finds, over one hundred and a half amphorae and tile stamps, over ten coins and several graffiti should be mentioned.

2.5 km westward the excavations were started at the small rural settlement of the same age (Pustynny Bereg III). It is located on a steep slope of a rock. Evidently, here we deal with a satellite of the above mentioned estate. Its modest constructions were disposed on two or three artificial terraces. Close to this site another archaeological association was investigated. Initially it was apparently a large cinder-heap of religious character. It functioned in the second part of the 5th c. BC. A century later a monumental stone crypt with underground passage was built in this place. Over the crypt a mound was constructed. The burial construction functioned until the 2nd–3rd cc. BC, then it was abandoned and underwent repeated plundering. One more cinder-heap was investigated farther westward in the locality "Ushchelye Ved'm". It functioned for around two centuries, starting from the turn of the 2nd and the 1st cc. BC. Among the

finds there are fragments of clay figurines, three Bosporan coins, sherds of votive vessels. No remains of any constructions have been discovered.

In the paper by *A.M. Oblomsky* "The problems of investigation of the Upper Don sites dating from the Hunnic times" the results and perspectives of the recent works are presented. The excavations were conducted at the sites of the Chertovitskoe-Zamyatino type that occupy relatively late position in local chronological column. Among the main problems there are: determination of settled territory, clustering of sites, ethnic attribution of cemeteries. The settlements are distributed in the valleys of the rivers Don, Krasivaya Mecha, Voronezh and Snova. They occupy the forest-steppe zone in the Don basin from the Krasivaya Mecha estuary in the north to the vicinities of Voronezh in the south, open dwelling sites prevail. Synchronous burials are also known, these are Zhivotinnoe cemetery and two separate burials in Mukhino. Probably, they belonged to the nomads that maintained relationships with the North Pontic zone.

Ethnic structure of the population is reconstructed proceeding from the features of hand-made pottery, house-building and some other categories. The Chertovitskoe-Zamyatino type sites consisted of three basic cultural components: the Seima-Donets variant of the Kiev culture, the Oka and the Chernyakhov types. Presence of some groups of Central European origin is not excluded.

As for the sites' chronology, chronologically significant finds are divided into three groups. The first one includes the objects that appeared in the Roman times, but functioned in the Hunnic epoch as well. The second group comprises the finds that appeared in mass circulation in the Hunnic times, but still functioned in the later period. To the third group the artefacts dating from the late 4th – the 5th cc. AD are attributed. Most probably, the cultural group of Chertovitskoe-Zamyatino type existed for the whole 5th c., the late 4th and the early 6th cc. is not excluded. There are no data to attribute formation of the discussed sites to an earlier period.

The author objects to identification of the population of the Chertovitskoe-Zamyatino type with the Antes. The sites' chronology evidences against it. The Antes are mentioned in the written sources after the forest-steppe settlements in the Don basin had ceased to function.

The article by *N.V. Eniosova* and *V.V. Murasheva* is devoted to the results of the first five field seasons in the flood-plain area of the Gnezdovo dwelling site. The site is a part of the archaeological assemblage Gnezdovo – one of the largest monuments dating from the period of formation of medieval Russian state (the late 9th – the early 10th cc.). In 1996–97 cultural deposits were uncovered beneath thick river sediments. This changed our idea on the site's size and provided an opportunity for studying the cultural deposit discovered in perfect state of preservation (unaffected by ploughing). In 1999–2003 two excavation areas were investigated: area 2 was situated in the terrace hollow, area 8 was disposed westward from the Lake Kamyshi, near the southern fringe of the cultural deposit. The most important result obtained from the terrace area is a series of absolute dates. These include dendrochronological determinations (in wet deposits timber is perfectly preserved) and radiocarbon dates. The most reliable date is 1002 AD; it marks *terminus post quem* for the superimposed layer thus dated back to the early 11th c. This contributes essentially to determination of the end of Gnezdovo's functioning as an early urban centre.

The second area has yielded the remains related to ironworking and jeweller's craft. The complicated stratigraphy shows four stages of the workshop existence and dynamics of production constructions. The investigated association functioned within the chronological span from the second quarter of the 10th c. till the turn of the 10th and the 11th cc. Analysis of the whole corps of the materials has led us to the conclusion on the rise of Kievan influence around the mid 10th c. The workshop stopped functioning when the first constructions were started in the terrace hollow. Anyway, the limited excavated area gives no grounds to suggest now a hypothesis concerning general pattern of development of the flood-plain part of the Gnezdovo archaeological assemblage.

In the paper by *N.A. Makarov* and *S.D. Zakharov* the problems of Northern Russian village are discussed. Medieval open dwelling sites form the most numerous and least studied category of archaeological sites in the Russian Plain. In the recent decades substantial changes have occurred in general approach to investigation of the discussed category of antiquities. At present a number of major projects have been carried out aimed at excavations of open dwelling sites of the 10th – the 13th cc. and working out more effective methods of their investigation.

One of the projects consists in excavations of the Minino assemblage on the Kubenskoe Lake near Vologda. It comprises 3 medieval open dwelling sites and a cemetery. From the very beginning investigations in Minino concentrated on excavating relatively small areas with maximal possible extraction of artefacts from the cultural deposits, analytical studies of plant remains, palaeozoological and pollen materials to shape ideas on the palaeoenvironment in the Minino microregion. Application of new excavation methods, when investigating Minino for the first time has presented the real repertoire of medieval artefacts in the cultural deposits of the open dwelling sites. It points to certain features common of the medieval rural dwelling sites of the pre-Mongol times situated northward from the Dnieper. Comparison of archaeological collections shows that dense concentration of various artefacts, presence of prestigious finds and imports are registered on the majority of rural sites. The range of such finds can be different in each case, but of principal importance are the evidences of economic marketability and high life standards. The investigators have to revise their traditional views on the natural economy and general cultural simplicity characteristic of the pre-Mongol village. Rural society was far more complicated social and economic structure than it was held before.

Excavations in Minino show also the system of commercial relationships, regional labour division, mutual economic dependence of the centre and periphery. Minino, as mirrored by the excavated materials, could have existed as an integral part of a complicated economic system only, it was the final point in the long chains of goods exchange linking northern peripheral regions of medieval Rus' and the urban centres in the Baltic zone and the Volga basin. Unexpectedly it turned out that the exchange was organised by establishing large dwelling sites, apparently, self-sufficient in their subsistence, but interested in acquiring prestigious objects and the products of urban crafts.

Among the important results of the Minino project is that investigations of medieval dwelling sites by wide areas with the objective of total digging up their territory should not be considered universal and most effective methods. Excavations of

limited areas in Minino have yielded more reliable information on the open dwelling sites than those of large areas at typologically similar sites.

A.V. Engovatova informs about the salvage excavations conducted in 2002–2003 in the territory of the Dmitrov Kremlin caused by wide-scale constructing. The remains of three medieval urban ground cemeteries were investigated. Their total area was 920 sq. m., totally 238 undisturbed burials were studied. Their major part originates from the most thoroughly studied necropolis 1 located near and beneath the building of the Noble Assembly (built in the 19th c.). According to a number of anthropological indications a group of burials represented a family clan. An aggregate of craniological characteristics demonstrates the influence of south Caucasoid anthropological group (necropolises 1 and 3) and that of east-Finnish group (necropolis 2).

The earliest cluster of the burials studied in the Dmitrov Kremlin originates from necropolises 1 and 3 and dates from the 12th – the 13th c. To the same period is attributed the burial of a girl 10–12 years old furnished with unique set of funerary gifts, and the burials performed in birch-bark containers and accompanied by fragments of gold-embroidery cloths. Among the burials of the 13th–17th cc. without grave goods planigraphic clusters have been singled out according to the detailed analysis of the stratigraphic and planigraphic data. Functioning of the Dmitrov Kremlin necropolises is divided into chronological stages. Thus, necropolis 1 was in use from the mid 12th to the early 17th cc., necropolis 2 functioned in the 16th – the 17th cc., and necropolis 3 – since the 12th–13th cc. till the late 18th c.

The paper by *N.A. Krenke* presents the results of excavations at "The Romanovs' plot" in Moscow conducted in 1996–2002. The total excavated area of ca. 1 thousand sq. m is disposed within the yard of the old building of Moscow University (Mokhovaya Str., 9). The excavation methodics is described (including winter-season works), as well as the specifics of the cultural deposit up to 3 m thick dating from the 12th–13th to the 20th cc. Special attention was paid to three chronological periods: the 12th – the 14th cc., the 16th c., the 17th c. Pottery shapes are presented. Chronology of the foundation trenches left by medieval constructions has been grounded. Traces of plough are related with the early period of settling the plot. In the 14th c. the old spot turned into a field. Corresponding stratigraphic data are presented, the results of radiocarbon dating also are published.

The layers with brick ovens constructed in the yards are dated back to the second part of the 16th c. and interpreted as the household zone of the Oprichny Palace. The palace belonged to Tsar John IV the Terrible. The author stresses that the archaeological data evidence functioning of the association after 1571, but its existence after 1584 (the end of John's IV reign) can hardly be stated. The conclusion is grounded by numismatic finds. The results of investigations of the mint that issued copper *kopeika*-coins during the reform of 1654–1663 are published.

The work by *V.L. Yanin* deals with the birch-bark charters from the Novgorod excavations of 2003. Generally, considerable number of the Novgorod birch-bark charters originate from the Troitsky excavation area investigated for over 30 years. Its excavation area now has reached 7200 sq. m, three medieval streets are represented by numerous tires of timber pavements. In the Troitsky excavation area 15 medieval urban plots have been uncovered entirely or partly. It was here that

around 400 charters originate from, together with hundreds of thousands of ancient artefacts. The first works in this area were started in 1973; in the layers of the turn of the 12th and the 13th cc. seven charters were discovered (Nos. 502–508). The birch-bark documents referred to the trial in which participated Miroshka (Miroslav) and Olisey Grechin (the Greek). These persons were identified as outstanding citizens of medieval Novgorod – the Novgorodan governor (*posadnik*) Miroslav Nesdinich, active from 1189 to his death in 1204, and Olisey Grechin – a priest, an icon-painter and a prince's representative in court (*birich*) appointed from the Novgorodan social elite.

In 2003 three more birch-bark charters attributed to the same complex were recovered from the layers of the turn of the 12th and the 13th cc. in the Troitsky excavation area. Charter No. 935 is a list of names and digits, evidently, they were debtors or depositors to some business; among them Grechin is mentioned. Charter No. 936 is a small fragment of the document addressed to Miroshka and devoted to a court procedure. Of greatest interest is charter No. 934. It reads: "From Domashka to Bratila. Go to the town instantly. I have settled son's [cause] with Gavsha". The latter personage is, undoubtedly, the same person as Gavka of Polotsk mentioned in charter No. 502 found thirty years earlier. In that document Gavka is mentioned as a plaintiff in the cause proceeded by Miroshka and Olisey Grechin. Now we know that the decision had been favourable for Gavka. The author of the charter named Domashko is known also from other birch-bark documents, in particular No. 657, in which he acts as a donator of the St. Barbara Monastery located not far from the plots investigated in the Troitsky excavation area.

The publication by *A.R. Artem'yev* and *O.A. Lopatina* deals with the investigation of pottery objects (tiles and bricks) discovered during the excavations of the known Buddhist temples on the Tyrsky rocks on the Lower Amur (Khabarovsk Krai). Besides the architectural details of the temples dating from 1413 and 1433, the excavations have yielded an association (totally 20) of objects different in shape, size, colour and ornamentation. Technological analyses of these artefacts and those dated to 1413 and 1433 have been carried out. They concerned the methods of selection and preparation of raw material and the receipts of clay paste. It was established that the two groups of artefacts differed both in morphology and in technology of production. Taking into account the differences observed in morphological details and tradition of potter's craft, it is possible to identify one more construction in the investigated spot: it was also a Buddhist sanctuary built in the 60s of the 13th c.

Translated by L.I. Avilova

CONTENTS

N.A. Makarov. THE EDITORIAL 3

N.B. Leonova. Kamennaya Balka II – system analysis applied to the investigations of structure of cultural deposit 5

M.G. Zhilin. Some results of excavations at the stratified peat-bog dwelling site Stanovoe 4 21

A.N. Gei. Investigations of ancient monuments of the West Caucasus (The North Caucasus expedition, season of 2003) 36

A.R. Kantorovich, V.R. Erlikh. Unique terminals from the sanctuary near the village Tenginskaya 49

L.T. Yablonsky, D.V. Meshcheryakov. Excavations of kurgans of the early Sarmatian times near the village Prokhorovka (Preliminary results) 64

V.D. Kuznetsov. Phanagoria: new investigations 77

A.A. Maslennikov, S.V. Mokrousov. New investigations of Classical sites in the Crimea, the Azov Sea littoral 93

A.M. Oblomsky. The problems of investigation of the Upper Don sites dating from the Hunnic times 104

V.V. Murasheva, N.V. Eniosova. Investigations in the flood-plain part of the Gnezdovo dwelling site. The first results 120

N.A. Makarov, S.D. Zakharov. Northern Russian village according to the materials from the excavations of medieval open dwelling sites on the Kubenskoe Lake 136

A.V. Engovatova. Medieval necropolises in the territory of the Dmitrov Kremlin 148

V.L. Yanin. Thirty years later (The Novgorod birch-bark charters from the excavations of 2003) 158

N.A. Krenke. The results of excavations at "The Romanovs' plot" in Moscow 166

A.R. Artem'yev, O.A. Lopatina. The Buddhist sanctuary of the 13th–14th cc. on the Lower Amur 195

CHRONICLE 204

E.G. Devlet. Institute of Archaeology, RAS, in 2002–2003 204

S.V. Kuzminykh. In commemoration of the 70th anniversary of Evgenij Nikolaevich Chernykh .. 221

ABBREVIATIONS 227

Summary (transl. by L.I. Avilova) 228

СОДЕРЖАНИЕ

Н.А. Макаров. ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ 3

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ:
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Н.Б. Леонова. Каменная Балка II – системный анализ при исследовании структуры культурного слоя 5

М.Г. Жилин. Некоторые итоги раскопок многослойного торфяникового поселения Становое 4 21

А.Н. Гей. Исследования древних памятников Западного Кавказа (о работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 г.) 36

А.Р. Канторович, В.Р. Эрлих. Уникальные навершия из святилища у станицы Тенгинской 49

Л.Т. Яблонский, Д.В. Мещеряков. Раскопки курганов раннесарматского времени у д. Прохоровка (предварительное сообщение) 64

В.Д. Кузнецов. Фанагория: новые исследования 77

А.А. Масленников, С.В. Мокроусов. Новые исследования античных памятников в Крымском Приазовье 93

А.М. Обломский. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени 104

В.В. Мурашева, Н.В. Ениосова. Исследования на территории пойменной части Гнёздовского поселения. Первые итоги 120

Н.А. Макаров, С.Д. Захаров. Севернорусская деревня по материалам раскопок средневековых селищ на Кубенском озере 136

А.В. Энговатова. Средневековые городские некрополи на территории Дмитровского кремля 148

В.Л. Янин. Тридцать лет спустя 158

Н.А. Кренке. Итоги раскопок на "Романовом дворе" в Москве 166

А.Р. Артемьев, О.А. Лопатина. Буддийская кумирня XIII–XIV вв. в низовьях Амура 195

ХРОНИКА 204

Е.Г. Дэвлет. Институт археологи РАН в 2002–2003 гг. 204

С.В. Кузьминых. К 70-летию Евгения Николаевича Черных 221

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 227

SUMMARY (пер. Л.И. Авиловой) 228

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 219

Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Т.А. Печко*

Подписано к печати 01.08.2005
Формат 70 × $100^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 19,5 +1,3 вкл. Усл.кр.-отт. 25,2. Уч.-изд.л. 20,5
Тираж 520 экз. Тип. зак 1366

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12